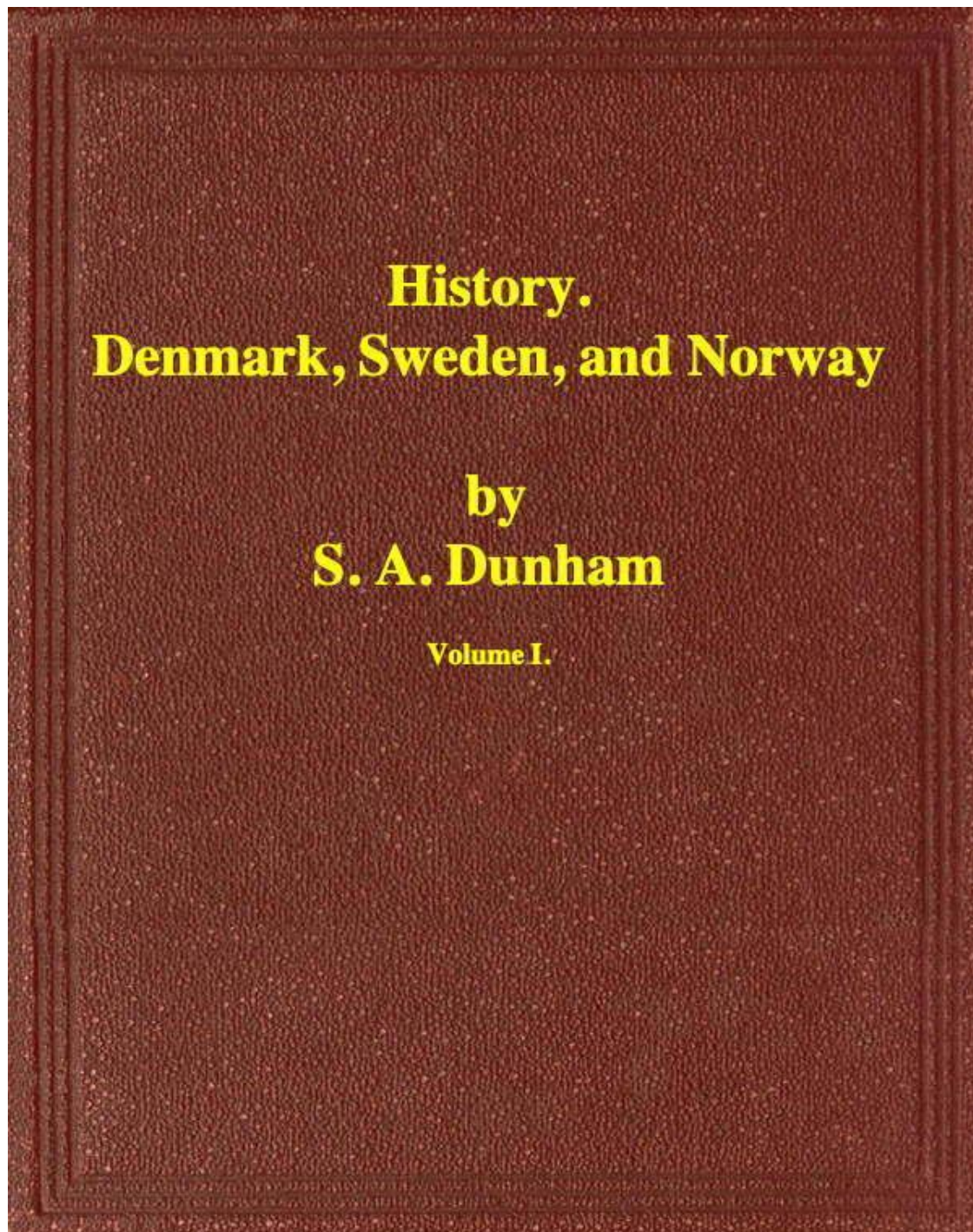


История Дании, Швеции и Норвегии, Том 1 (из 2)

С. А. Данхэм



Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории Дании, Швеции и Норвегии, том 1 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Дании, Швеции и Норвегии, Том 1 (из 2)

Автор: С. А. Данэм

Дата выхода: 24 мая 2019 [Электронная книга № 59593]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Брайаном Нессом, Барри Абрахамсеном и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ДАНИИ, ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ", ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

Электронный текст подготовлен Брайаном Нессом, Барри Абрахамсеном и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание:

Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Смотрите <https://archive.org/details/historyofdenmark01duhuoft>

Проекта "Гутенберг" есть другой том этой работы.

Том II: смотрите

<http://www.gutenberg.org/files/59657/59657-h/59657-h.htm>

Примечание переписчика:

Если часть текста отсутствовала или была неразборчивой, вставляется примечание [**
Неразборчиво] для обозначения местоположения.

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

ЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ.

Лондон: Напечатано А. Споттисвудом,
Новаяулица-Площадь.

КАБИНЕТНАЯ ЦИКЛОПЕДИЯ. ДИРИЖИРУЕТ преподобный Дионисий Ларднер, доктор
юридических наук, F.R.S. L. & E.

M.R.I.A. F.R.A.S. F.L.S.F.Z.S. Достопочтенный F.C.P.S. &c. &c.

ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

История.

ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ.

АВТОР КНИГИ “ИСТОРИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ”.

ТОМ I.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ

ЛОНГМАН, ОРМ, БРАУН, ГРИН И ЛОНГМАНЫ,

ПАТЕРНОСТЕР-РЯД;

И ДЖОН ТЕЙЛОР,
АППЕР-ГАУЭР-СТРИТ.
1839.

ИСТОРИЯ ДАНИИ, ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ.

АВТОР С. А. ДАНХЭМ,

Автор книги “История Испании и Португалии”.

ТОМ I.



Х. Корбоулд дель. Э. Финден, Шотландия.

Гамлет в роли Виночерпия.

Лондон:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ LONGMAN, ORME, BROWN, GREEN & LONGMANS, ПАТЕРНОСТЕР-ПΟΥ

и [**Неразборчиво]

1839

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Скандинавия до десятого века была регионом романтики, самых диких легенд. Они допустимы в суровой области истории лишь постольку, поскольку иллюстрируют национальные мнения и нравы — самую благородную часть исследования. Главным образом по этой причине в настоящем томе сохранилось больше, чем можно найти в любой предыдущей работе по этому предмету. Действительно, если бы они были отвергнуты, девять десятых северной истории были бы отвергнуты вместе с ними.

Еще одной причиной остановиться на более ранних и малоизвестных событиях было желание максимально отклониться от недавней популярной работы в “Эдинбургской кабинетной энциклопедии”. Вряд ли потребовались бы две публикации по одному и тому же предмету, рассчитанные на один и тот же класс читателей, если бы они не отличались друг от друга своей манерой изложения.

Если настоящий том посвящен главным образом развлечению, то следующий будет посвящен наставлениям. Религия и законы, нравы и мнения северян будут должным образом изучены.

СТОЛ,

АНАЛИТИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ,

К ПЕРВОМУ ТОМУ

ИСТОРИЯ СКАНДИНАВИИ.

Введение.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, СОПРОВОЖДАЮЩАЯ РАННЮЮ ИСТОРИЮ ВСЕХ НАРОДОВ.—
ЧУДОВИЩНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.—СКАЗОЧНЫЕ
ИЛИ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, СОМНИТЕЛЬНЫЕ КОРОЛИ ШВЕЦИИ, НОРВЕГИИ И ДАНИИ.—
РАЗЛИЧИЕ РАС НА СЕВЕРЕ.—ИСКОННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ, СВИОНАМИ, ГОТТОНАМИ,
ДАНКИОНЕС, ВЕРОЯТНО, БЫЛИ ШВЕДЫ, ГОТЫ И ДАТЧАНЕ.—ЮТЫ, ЛОПАРИ И ФИННЫ

ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ПРИШЕЛЬЦЕВ.—ИНФОРМАЦИЯ, СОБРАННАЯ АЛЬФРЕДОМ ОТНОСИТЕЛЬНО СЕВЕРА.—МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ВОЖДИ С КОРОЛЕВСКИМ ТИТУЛОМ.—КОРОЛИ ДАНИИ: ДАН—ХАМБЛ—ЛОТЕР—СКЬОЛЬД—ГРАМ И ДР.—ЧУДЕСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ХАДДИНГА И ВЕЛИКАНШИ ХАРДГРИП.—ФРОДЕ I.—ОДИН —ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОГЛАСНО САКСОНИИ—СОГЛАСНО САГЕ ОБ ИНГЛИНГАХ.—ЕГО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ.—ПРИЧИНЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.—ХОДЕР И БАЛЬДЕР.—РОКОВЫЕ СЕСТРЫ.—СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ БАЛЬДРА.—ПУТЕШЕСТВИЕ К НИЖНИМ ТЕНЯМ В ПОИСКАХ ЕГО ДУШИ.—ПУТЕШЕСТВИЕ ХЕРМОДА.—ОДИНА.—ПРОРОЧЕСТВО.—РИНДА И ОДИН.—ХАРАКТЕР ОДИН.—РЮРИК.—ГАМЛЕТ, ПРИНЦ ЮТЛАНДИИ.—ЕГО РЕАЛЬНЫЕ ИЛИ СКАЗОЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ФЕНГО.—ДАТСКИЕ КОРОЛИ ПОСЛЕ РЮРИКА.

	Страница
Тщетности исследований происхождения наций	1
Происхождение шведов неясно и невероятно.—Родословная шведских королей от Ноя, согласно Иоаннесу Магнусу	2
Происхождение идолопоклонства и войны на Севере.—Расширение Готской империи и основанная ими новая империя, резиденция которой находилась в Польше или Венгрии.	3
Империя готов распалась на многочисленные княжества. Датчане стремятся сбросить иго Швеции; но, подвергшись нападению саксов, покоряются и принимают Дана, шведского принца, своим королем. Этот принц дал свое имя Датскому королевству, а его брат Ангул, Первый король <i>англичан</i> , оставил свое имя этому Народу.—Войны между Швецией и Данией.—Свибдагр, король Норвегии, избранный король готов и шведов.—Побеждает и убивает Грама, короля Дании, и подчиняет его королевство шведам. Все это по словам Йоаннеса Магнуса,	4
Норвегия. Согласно Торфусу, гиганты, о которых он подробно рассказывает, были самыми древними обитателями этого Региона	6
Вскоре после них пришли готы, примерно в Период падения Трои; затем пришли <i>асы</i> , или <i>скифы</i>	7
К ним он добавляет коренную Расу, которая, очевидно, является мифологическим Созданием	8
Тора, Отца Нора, общего Предка всех норвежских принцев, которого этот Народ считает выше самого Одина. Датчане и шведы считали Одина Верховным Богом.—Слияние двух	9

- Дания. Претендует на великую Древность.Список датских королей от Ноя до Одина, “того короля турок, которого римляне вытеснили на Север”; и от последнего до Хардиканута и Харальда Харфагера 10
- Готы были на Севере Европы до тех Времен, которые мы называем Историческими; но кимвры были там до них; и им, вероятно, предшествовали другие Племена, сами названия которых утеряны 11
- Финны и лопари, вероятно, потомки первых обитателей Севера.—Люди Севера были разделены на многочисленные племена, из которых свиньи были наиболее заметными.—Данкионцы, вероятно, данскиры или датчане.—Свионы, готы и германцы, все родственные племена.—Финны 12
- Готы - последние люди, достигшие Западной Европы.—Их постепенное слияние с прежними жителями создало ту Форму общества , которая характерна для Севера 13
- Сыновья Одина, вероятно, первые готские монархи Севера.—Первоначальные жители во всех отношениях отличались от готов.—Финны и лопари представлены в ранней готической поэзии как Волшебники, а юты - как Великаны и Волшебницы.—Антипатия между готами и прежними расами и ее причины 14
- Скудный отчет Тацита о северных племенах, составлявших *англосаксов*.Отчет Альфреда о том, что он узнал о Севере от Оттера, норвежского мореплавателя 15
- Любопытных подробностей о том, что составляло Богатство на крайнем Севере во времена Оттера.—Финны были данниками готов.—Достоверность родства Оттера.—Признанное различие между различными племенами Севера 16
- Первоначальные племена постепенно были изгнаны готами и свиарами на Север, к Полярному кругу.—Внутренняя история Скандинавии на протяжении веков после прихода Одина малоизвестна.—Многочисленные вожди на Севере под королевским титулом 17
- Противоречивые рассказы о правителях и деяниях северных королевств; тем не менее, их нельзя отвергать как полностью баснословные, поскольку Песни, составляющие всю историю Севера, дают нам лучшую картину национальных нравов 18
- Краткое изложение истории Дании Саксона в сомнительный период 19

Дан, первый король Дании, дал свое имя этой стране.—После его смерти его сын Хамблизбрал его вместо себя.—Его брат Лотер восстает и узурпирует Достоинство.—Убит своими Подданными, а его сын Скъольд, Северный Геркулес, возведен на Трон	19
Своей Доблестью.—Свергает герцога Алеманнов, низводит свой Народ до положения данников и женится на его дочери Вильде; его Мудрость равна его Доблести; его Благожелательность, хорошие законы и Управление; его любовь к Славе	20
Грам, Сын и преемник Скъольда, равен своему Отцу Силой и Предприимчивостью, а его Жизнь более романтична.—Покоряет Швецию и увозит принцессу Гро	20
Своим Непостоянством.—Лишен Империи и жизни Свибдагром, королем Норвегии.—Любопытный рассказ Саксона о различных видах великанов	21
Свибдагр ставит Гутрума, Сына Грама, вассалом на датском троне.—Хаддинг, брат Гутрума, самый прославленный из датских героев.—Его чудесное приключение с великаншей Хардгрип	22
Его дальнейшие чудесные приключения и подвиги.—Он убивает Свибдагера и его Сына Асмунда	24
Чудесная история Героя продолжилась	25
—Ему наследовал его старший сын, Фроде I., также великий Воин, который перенес свои грабежи из России на Британские острова.—Частые сношения между Данией и Великобританией.—Фроде сражался и убил Дракона, который охотился за огромными Богатствами, в Пещере	27
Захватывает <i>Лондон</i> с помощью военной хитрости. —Преуспели несколько монархов, о которых мало что известно, пока датские государства не <i>избрали</i> своим монархом Ходера, потомка знаменитого Хаддинга	28
Один, король Геллеспонта, согласно Саксо, претендовал на Божественность, и ему поклонялась большая часть Европы.—Его глубокие познания в Магии.—Золотая статуя, подаренная ему королями Севера и помещенная им среди Богов.—Обманутый своей женой Фриггой. —Вследствие этого на некоторое время отправляется в изгнание.—Его Власть и Божественность были узурпированы во время его Отсутствия.—Возвращается и вынуждает Узурпаторов бежать из Страны	29
Митотин, один из Узурпаторов Власти Одина, бежит в Фионию и убит жителями.—Последовала Эпидемия, которая была остановлена эксгумацией его Тела, отрезанием	30

головы и вбиванием кола в труп. — Вероятно, это первый зарегистрированный вампир.-
Рассказ Снорро во многих отношениях отличается от рассказа Саксо, как указано выше.—Причина этого Различия.—Правление Одина теократическое.—Его вечные войны.-Всегда успешные.—Называют Отцом Победы.—Особое почитание придает его Характеру.—Война с ванами, его соседями

Они отрубают Голову Мимиру, одному из Заложников Одина, и отправляют ее в Асгард. —Один с помощью своей Магии превращает Голову в Оракула.—Он бежит от римского оружия со Множеством Последователей и продвигается на Запад.—Подчиняет себе несколько земель в Германии, во главе которых он ставит своих Сыновей. — Проходит на север и устанавливает свою резиденцию в Оденсе. —Посылает Гефиону, одну из своих Пророчиц, обращать в свою веру в соседних регионах.—Она добивается успеха; выходит замуж за Скульда, Сына Одина, который правил Датскими островами.—Он принуждает короля Швеции уступить ему восточную часть этого королевства.—Он обосновывается в Сигтуне, возводит Храмы и приносит Жертвы

31

Его Поклонение распространилось по всей Германии и Скандинавии.—Его выдающиеся качества.—Его замечательный корабль "Скидбладнер"

32

Голова оракула Мимира, которая сообщила ему все, что он хотел знать, и два его говорящих Ворона, которые сообщили ему обо всем, что произошло.—Его чудесные способности.— Ему и его понтификам поклонялись как Богам.—Его законы, гражданские и религиозные

33

Доказательства его существования, основанные как на письменных, так и на традиционных свидетельствах

34

Ригс-мал, одна из поэм Эдды, напоминающая по своему составу англосаксонскую поэму о Бьювольфе, проливает много света на героическую эпоху на Севере

38

Различает различные расы, которыми страна последовательно заселялась.—Первые готы-эмигранты загнали финские племена в Дебри Норрланда, Лапландии и Финляндии.—Антипатия между двумя расами , проиллюстрированная Легендой о Ньердре

39

Свиары и готы, которые им предшествовали, стали одним Народом благодаря религиозному господству Одина

40

Религиозных сект на Севере.—Соединение старой и новой религий.—Временное правление Одина увековечено через его Сыновей.—Один - Прародитель всех великих Династий Севера.— Мифический Нор, от которого Норвегия получила свое Название

41

Предполагаемая преемственность датских королей.—Ходер любим Нанной, дочь­рю короля Норвегии.—Бальдер, Сын Одина, влюблен в ту же принцессу и планирует уничтожить Ходера.—Интервью Ходера с Роковыми сестрами	42
Он получает волшебные Браслеты и Меч, хранящиеся у Сатира Мимринга.—Побеждает короля Гелдера.—Он встречает Бальдра, которому помогают Боги, с Одином и Тором во главе	43
Он побеждает их и получает Руку Нанны.—В свою очередь, побежден и свергнут с престола Бальдром.—Бальдр приносит человеческие жертвы.—Ходер снова потерпел поражение и был вынужден бежать в Ютландию	44
Второе интервью Ходера с Роковыми сестрами.—Он снова побежден Бальдером.—Получает волшебный пояс от таинственных Поставщиков Бальдера.—Наносит Бальдру смертельную рану	45
Смерть и похороны Бальдра. — Зловещий сон Бальдра, согласно последней Эдде	46
Нисхождение Хермода к Теням в поисках души Бальдра с историей знаменитого Коня Слейпнера	46
Поэтическое описание нисхождения Хермода в Области Хелы	49
Путешествие к Теням приписывается самому Одину в поэтической Эдде о Сэймунде Мудром, когда Бальдер был еще жив.—Нисхождение Одина и то, что он видел и слышал в Регионах ниже	51
Ходер убит Бо, Сыном Одина, принцессой Риндой.—Смерть Одина	55
Его помпезные похороны.—Его Персонаж	56- летн ий
Рюрик становится преемником своего Отца Ходера на датском троне.— Предполагаемые события , на которых основана трагедия <i>Гамлета</i> основан, случился в царствование этого князя.— Отец Гамлета, Горвендил, губернатор Ютландии и знаменитый пират, убит своим дядей, который женится на Матери	57
Гамлет симулирует безумие.—Его подозревает и боится его дядя.—Убивает одного из придворных, который прятался, чтобы подслушать его разговор с матерью.—Он	59

упрекает свою Мать

Его отправляют в Англию с целью его уничтожения.—Заменяет имена двух своих Товарищей своими собственными в Мандате английскому королю, которым они приговариваются к смерти 60

Женится на дочери английского короля.—Возвращается в Ютландию.— Предполагает Дурак.—Сжигает придворных своего дяди вместе с Дворцом и сам убивает Братоубийцу 61

Он объявлен Преемником своего дяди.— Его смерть в бою.Скьольд, Сын Одина, первый монарх Дании 62

Различных королей Севера.— Этот Титул присваивается всем Вождям, Пиратам и прочим.—Степень Авторитета любого из них неопределенна 63

Рациональный вывод, сделанный из приведенных выше баснословных Рассказов 65

КНИГА I.

НАПОЛОВИНУ СКАЗОЧНЫЙ, НАПОЛОВИНУ ИСТОРИЧЕСКИЙ.

ГЛАВА I.

Дания.

40 г. до н. э.— 1014 г. н.э.

ДРЕВНИЕ КОРОЛИ ДАНИИ.—ИХ БЫЛО МНОЖЕСТВО.—ФРОДЕ I.—ЛЕГЕНДА О СВАФУРЛАМИ И МЕЧЕ ТИРФИНГЕ.—ЗАКЛИНАНИЕ РЕВНОСТИ.—БЕРСЕРКИ.—СТЕРКОДДЕР, ГЕРКУЛЕС СЕВЕРА — ЕГО РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГОРМА I.—НЕ МЕНЕЕ ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ТОРКИЛА.—КОРОЛИ ДАНИИ, ПРОДОЛЖЕНИЕ: ГУРДИГ И ГОДФРИ— РАГНАР ЛОДБРОГ—СИГУРД КОЛЬЦО—ХЕММИНГ—ГОРМ СТАРЫЙ—ХАРАЛЬД БЛААТАНД— СВЕЙН—ВТОРЖЕНИЕ В АНГЛИЯ.

Путаница и неопределенность в отношении королей, правивших в Скандинавии до христианской эры; расхождение сохранялось до девятого века 66

Причины этого расхождения; Rex Danorum применялся к губернаторам Ютландии, а также Зеландии и Скании; Неопределенность дела 67

От любого списка королей, приведенного северными историками до наших дней, мало что зависит; В Дании было три или четыре 68

государя одновременно; трудно сказать, который из них был законным Rex Danorum; Адам Бременский жалуется на неопределенность

Об этих королях мало что известно до девятого века; большинство из них мелкие вожди; датские острова не объединялись под одним скипетром до четвертого века; впервые объединились при Дане Микиллати; слишком ранний период, отведенный этому событию; независимые государства на Датских островах появились только в восьмом веке 69

г. до н.э. 4.

до
35 г. н.э.
Скиольд,
предполагаемы
й основатель
датской
монархии,
вероятно,
король
Зеландии,
имеющий
превосходство
над
остальными;

г. до н.э. его Доблесть. Фроде I, доблестный и побеждающий 70
король, вероятно, присоединился к какой-либо из Конфедераций против Рима; его добрые дела и законы

Его законы и институты увенчались успехом; в его эпоху на Севере было множество королей, вероятно, все они подчинялись ему 71

Арнгрим, Герой, проливший наибольший блеск на правление Фроде; его волшебный меч Тирфинг, Разрушитель людей; Осура, дочь Фроде; Описание финнов Саксом; их Магия 72

Arngrim по завоеваний; женится Osura; их двенадцать сыновей, выдающихся пиратов, уничтоженных в Samsoe; Песнь скальдов по теме, которая бросает много света на историю того периода; Swafurlam 73

Swafurlam это столкновение с гномами и феями; получает чудесный меч 75

убит Arngrim, кто женится на его дочери Eyvor 76

	Scaldic историю своих двенадцать сыновей	77
	Все убиты; Внучка Арнгрима от его старшего сына; Ангантир и Свафа; ее необыкновенный Характер	78
	Становится Главарем пиратов под именем <i>Хервард</i> ; ее Смелость и Заклинания на острове Самсо	79
	Получает волшебный меч Tyrfing, которые были там похоронены	81
	ей славу за храбрость и красоты; женится в одном, сын царя Godmund; их выпуска, двое сыновей, Angantyr и Heidrek, бывший отметить, для его блага, последнего для его озорной, качеств; в одном успешном его отец; Heidrek сослан его отец, его мать дарит ему волшебный меч, он убивает своего брата с его сгоряча рисования; освобождает Харальд Швеции из двух великих вождей; женится на дочери монарха,; имеет сына, которого он называет Angantyr; Tyrfing фатальным для Харальда, его жена повесилась	82
	Убит роковым Тирфингом, который рисуют его рабы; его Сын Ангантюр убивает им своего Сводного Брата, в Могиле которого он, наконец, похоронен	83
	Ангантюр, как и вся его Раса, Герой по профессии; Чемпионы и дуэлянты Севера	83
	Объединения Героев, скрепленные их Кровью и нерасторжимые; их Законы и Обязанности; знаменитое Общество Рольфа такого рода; их необходимая квалификация и дисциплина; Исключения из этой Дисциплины; Обычные похищения; <i>берсерки</i>	84
	Их Буйство и Кровопролитие между собой; часто становились Бандитами	85
Фридлейф II.	уничтожает одну из этих Банд	85
	Фридлейв убивает Асмунда, короля Норвегии, и овладевает его дочью Фрогерт; изменяет ей; ему наследовал его Сын Фроде II.; Имя этого принца и его Сына <i>Ингель</i> интересны только из-за их	86

связи с Именем Стеркоддера, Геркулеса Севера

История, приключения и слава Стеркоддера; намерение Божеств, создавших его, состояло в том, чтобы уничтожить Викара, короля Норвегии 87

Он уничтожает Викара; становится Пиратом; его Воздержание и великая Слава; его Воздержанность; вероятно, несколько человек с таким Именем и все их подвиги приписываются одному 87

Убивает девять чемпионов, защищая Хельгу, сестру Ингель 88

Его месть убийцам Фроде 89

Его примечательная Смерть 90

Легенда о *Горме I*. Короле Дании 91

Важность таких легенд как иллюстрации мнений человечества 99

Горм, по словам Саксона, современник первого из королей Карловингов, вероятно, короля Ютландии; доказательства того, что он был 100

794-935. Рагнар 101

Вероятность того, что таких Имен было двое; действия Рагнара и Ренье, ютского пирата, вероятно, сбиты с толку; его смерть; сомнительно, отомстили ли его сыновья за его смерть, и совершил ли он Нортумберленд - датское государство 102

Сигурд II. преемник Рагнара в Скании и на Островах, в то время как у Ютландии были свои отдельные короли; Хемминг, король Ютландии, современник Сигурда; Хеммингу наследовал Харальд, изгнанный Сыновьями Годфри, обратившийся в христианство и вернувшийся с триумфом при содействии Луи ле Дебоннера; снова, около 828 года, лишенный трона и проводящий свои будущие дни в религиозных размышлениях; его крещение и попытки ввести христианство в Ютландии; Святой Ансар; Сигурд, другой король Дании, хороший и достойный человек. мирный 102

принц

803.	<i>Харда Канут</i> становится преемником своего Отца Сигурда, но, согласно Саксо, Эрику I.	103
	Несколько королей правили в Дании и Ютландии одновременно; все окончательно покорены Гормом <i>Старым</i> ; Завоевания Горма; он побежден Генри Птицеловом и вынужден принять христианских миссионеров	104
	христианской даме; восстанавливает языческие храмы; убивает и отправляет в изгнание христианских учителей; его Сыновья известные пираты; его смерть в 935 или 941 году	106
935–964.	В Harald II. становится преемником своего Отца в 941 году; он помогает норманнам; побеждает и берет в плен короля Франции и восстанавливает молодого герцога Нормандии; сажает Харальда Граафельда на трон Норвегии; Харальд убит, он делит Норвегию на три государства, оставляя лучшее для себя; его экспедиция против Отона I.	107
	Вынужден императором вместе со своим сыном Свейном принять крещение и поощрять христианство	108
964.	Доказательства того, что Харальд оказывал почтение Отону	108
964.	Харальд присоединяется к мятежному герцогу Баварии против Отона II.; События войны в отношении Харальда сомнительны; он терпит неудачу в экспедиции против Норвегии; его сын Свейн восстает против него	110
	Он бежит в Нормандию и герцог Ричард возвращает ему часть своих владений; убит ; его характер и почитание, с которым к нему относились впоследствии	111
991.	Свейн; он поощряет старую религию и перестраивает многие храмы; Йомсбург, знаменитый город, основанный Харальдом, как пиратская крепость; законы его общины; ни один христианин не допущен; Планотоко, губернатор Йомсбурга, убийца Харальда, был наставником Свейна; его большое мастерство в стрельбе из лука; история, похожая на историю Вильгельма Телля,	112

рассказанную о нем

	Гвейн. Много неясного и противоречивого в начале его правления	113
	Ложные утверждения древних и современных историков о нем опровергнуты и исправлены	114
991–993.	Возглавляет вооруженный отряд против Хако, узурпатора Норвегии; его пираты побеждены Хако	115
	И преданы смерти; их решительная осанка; великодушное поведение Эрика, Сына Хако, по отношению к ним	116
991-1001.	Вторжение в Англию; Бритнот, губернатор Эссекса, убит; Предательское поведение Альфрика Мерсийского; Свейн и его союзник, Олаф, сын Трюгве, появляются в Темзе с грозным Флотом	117
	Их нападение на Лондон отбито; их ужасные грабежи в Эссексе, Кенте, Сассексе и Хэмпшире; Деньги, выплаченные им Этельредом; Олаф посещает двор саксонского короля и, будучи предварительно крещен, проходит обряд конфирмации и больше не посещает побережье Англии; Свейн возвращается три года спустя и опустошает Англию без сопротивления; Возвращается, чтобы сразиться с Олавом Норвежским; датчане возвращаются в 1001 году, требуют еще один крупный выкуп и приобретают обширные поместья во многих частях Королевства	117
1001-1003.	Резня датчан	118
	Трусливый и ужасный способ; ужасное возмездие Свейна	118
1003-1009.	Свейн снова посещает Англию, 1004	119
	Но возвращается из-за Голода, вызванного прежними грабежами; Прискорбной трусости и слабоумия английского короля и знати; Этельред женится на Эмме Нормандской; его жестокое поведение по отношению к ней навлекает на него враждебность герцога Ричарда;	119
1010.	ВДанегельт взимал ежегодную дань; датчане владеют	120

шестнадцатью английскими графствами; требуют 48 000 *фунтов стерлингов* за то, что пощадили других; возобновляют свои зверства; Описание Сент-Эльфеджем плачевного состояния Страны

Их жестокостей в Кенте; Разрушение города и Кентерберийского собора; замечательное поведение Сент-Эльфеджио; его мученическая смерть 121

1013-1014. В 1013 году Свейн получает подчинение всей Англии как их Суверена; Этельред бежит в Нормандию; Свейн умирает или был убит через год после своего Возвышения; его характер 122

ГЛАВА II.

Швеция.

70- 1001 гг. н.э.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ РЯДУ КОРОЛЕЙ ОБЪЯСНЯЮТСЯ ТЕМ ФАКТОМ, ЧТО ГОТЫ И СВИНЬИ НАХОДИЛИСЬ ПОД РАЗНЫМИ ПРАВИТЕЛЯМИ — ОТСЮДА ИХ ПУТАНИЦА.—ИНГЛИНГИ, ИЛИ СВЯЩЕННАЯ СЕМЬЯ ОДИНА, ПРАВЯТ В УПСАЛЕ.—КОРОЛИ ЭТОЙ РАСЫ: ОДИН—НИОРД—ФРЕЙР—ФРЕЙЯ— ФЬОЛНЕР—СВЕГДИР—ВАНЛАНД—ВИСБУР—ДОМАЛЬД—ДОМАР—ДЫГВЕ—ДАГ—АГНЕ И Т.Д.—СУДЬБА ПРИНЦЕВ ЭТОГО ДОМА, БОЛЬШИНСТВО ИЗ КОТОРЫХ ТРАГИЧЕСКИ ПОГИБЛИ.—ЛЕГЕНДА ОБ АУНЕ СТАРЫЙ.—ИНГЬЯЛЬД ИЛЬРАДА.—ЗАВОЕВАНИЕ ШВЕЦИИ ИВАРОМ ВИДФАДМЕ.—ГОТСКИЕ КОРОЛИ ОТ ГИЛЬФО ДО ИВАРА ВИДФАДМЕ.—КОРОЛИ ШВЕДОВ И ГОТОВ.

Трудность участия во всех исследованиях ранней истории Швеции 124

Готоны владели Швецией до прибытия Одина и Свиней; люди долгое время находились под разными правителями; расхождение в списках шведских королей объясняется 126

40. Расой Одина, королей-первосвященников шведов, которые правили в Упсале. *Ньерд* преемник своего Отца Одина в качестве Пророка, священника и короля в столице Сигтуны; Многочисленные короли Швеции в то время; Скъольд, Сын Одина, король Ледры в Зеландии; Фрейр, верховный вождь Упсала; Хеймдал, управляющий храмом в Хеменбьорге; Тор, в Трудванге и Бальдере Брейдаблике; Счастливое правление Ньерда 127

Его смерть и похороны; Ему поклоняются как Божеству; Наследовал его Сын *Фрейр*; Процветающее правление Фрейра; Он строит великий Храм в Упсале; более почитаем, чем его 128

предшественники; его фамилия *Ингве* принята его Потомками, *инглингами*, как гордое Отличие; для него воздвигнута великолепная Гробница; ему наследовала *Фрейя*, последняя из Божественных Личностей, сопровождавших Одина из Азии; ее знаменитость при жизни и после смерти; ее статую поставили рядом с статуями Одина и Тора; наследовал Фьолнер, Сын Фрейра; мать Фьолнера смерть в результате несчастного случая во время дружеского визита к Фроде I. Король Дании

Свегдир отправляется с двенадцатью дворянами в Азию, чтобы расспросить о Семье и Подвигах Одина, где он нашел много своей Крови; он женится на Даме в Стране ванов и через пять лет возвращается в Упсал; его Второе путешествие в Азию; Легенда о его смерти 128

34-220. Ванланд становится преемником своего Отца Свегдира; его воинственный Характер; он женится на дочери шведа, обосновавшегося среди финнов, которую он вскоре покидает 129

Он отказывается возвращаться к своей жене и, как следствие, погибает от колдовства 130

Висбур, Сын Ванланда от брошенной Жены, добивается успеха; он увольняет свою жену и двух сыновей и берет другого; Дональд, его Сын от второго брака; сыновья отвергнутой королевы, Жизель и Ондур, требуют приданое Висбура своей Матери, особенно драгоценное Ожерелье, в котором отказано; они обращаются к ведьме Хульде, которая уничтожила Отца Висбура; она обещает вернуть его. уничтожьте и его, и, чтобы оставить его Судьбу на усмотрение всех инглингов 130

Он вместе со своим Домом был сожжен Жизель и Ондуром 131

Domald преуспевает; в жертву людей, чтобы умиловить богов и заставить их предотвратить голод; *Домар*, сын *Domald*; *Dygve*, сын Домара 131

Даг Мудрый, сын *Dygve*, который отмечается в Северной истории, его замечательные Воробей; его смерть 131

Ани, сын Дага, преуспевает; он убивает финский короля, и заставляет свою дочь *Skiolfa* жены; это, находясь в нетрезвом 131

состоянии у себя в палатке, повесили на нее

Аларих и Эрик, его Сыновья, делят верховную Власть между собой; 132
они уничтожают друг друга. Ингве и Альф, сыновья Алариха, делят
между собой Власть, а также уничтожают друг друга

Хуглейк, Сын Альфа, добивается успеха; он убит, а свионы 133
покорены Хако, датским морским королем; Хако убит Эриком и
Йорундом, сыновьями Хуглейка; Эрик также убит, а Йорунд
провозглашен монархом шведов; он побежден и повешен
Гилангом, Сыном Гудлауга, короля Халогии, и ему наследовал Аун,
по прозвищу "Хинн" Гамле, или Старый; Короли датчан
современники Халогии. Аун; он изгнан из своего Королевства
Хальфданом

Возвращается в свое Королевство; советуется с Богами 134
относительно продолжительности своей жизни; приносит в
жертву своих Сыновей на Алтаре Одина; Легенды о нем

448-545. Ему наследовал его сын Эгиль; Восстание Тунне, раба и бывшего 134
казначея Ауна

Мятежника, побежденного Эгилем при содействии датских войск, 135
за что он обещал платить Дань; Эгиля убивает дикий Бык, и ему
наследовал *Оттар*, его Сын, который, отказываясь платить дань
Дании, терпит поражение и убит, и ему наследовал его Сын
Адилъс, известный пират; он женится на Урсе, саксонской леди,
своей пленнице; является изгнал свое Королевство Хельге, Сын
Хальфдана из Ледры; Победитель женится на Урсе и имеет от нее
Сына, Рольфа Крейка

Урса обнаружен, чтобы быть Хельге дочь, и возвращается в 136
угловой; его смерть в результате падения с лошади; он наследовал
его сын Эйстейна; затруднительными его царствование; в Морских
Королей; он горел, его дом, по Солви, а Jutish начальник, который
убил в свою очередь люди, Сигтуна

Yngvar удастся его отца Эйстейна; приводит многих пиратских 136
экспедиций; погибло на побережье Эстонии, 545

545-623. Браут-Opund, мудрый князь, рядом заполняет трон Инглингов; его 136
большие сельскохозяйственные улучшения

	он был убит лавиной, и сменил Ingiald Illrada, сын его; сказочные счет его молодости; он сжигает шесть регули и ярлов на ночь его инаугурации, и это злодеяние, становится абсолютным хозяином всей Swionia, кроме Гудерманиса, владычество короля грамматика	137
	грамматика вступает в союз с Hiorvardar, знаменитый Царь Морской, кому он отдает свою дочь Hildegund; характеристика описание свадебного пиршества; Ingiald поражение от союзников; мир между ними; Ingiald предательски горит грамматика и Hiovardar в загородный дом	138
623-630.	Аса, злая Дочь Ингьяльда, убеждает своего Мужа, короля Скании, убить своего Брата, Хальфдана III., короля Зеландии; присоединяется к уничтожению своего Мужа; бежит в Упсал; Ивар Видфадме, чтобы отомстить за убийство своего Отца, вторгается в Свонию; Ингьяльд, по совету своей Дочери, в отчаянии сжигает ее, своих Гостей, Дом и себя, и ему наследовал <i>Ивар Видфадме</i> , в то время как Олаф <i>Трэтелия</i> , Сын Ингьяльда. Ингальд, Последний из инглингов, уходит в Пустынные земли к северу и западу от озера Венер и, очистив их, основывает государство Вермланд; он является Предком Харальда Харфагера	139
	Размышления о преступлениях и несчастьях инглингов; Швеция отныне под властью Скульдунгов, также расы Одина	140
	Монарха всегда называли королем готов; короли всех провинций, кроме Ютландии, ставили в тупик	141
	Запутанную хронологию северных историков	142
	Гильфо, король готов в период прибытия Одина на Север	143
	Свиары становятся доминирующей кастой скорее благодаря моральному влиянию Одина и его преемников, чем Силой; различные расы в Скандинавии, вероятно, из Азиатской Скифии	144
	Причина быстрого развития религии Одина; моральному влиянию верховных правителей часто оказывали сопротивление готские короли, которые часто убивали и свергали их с престола	145

70-260.	Линия готских королей несовершенно зафиксирован; одна из Gothlands сиденье Gylfo империи; сменил <i>Фруде</i>; Фруде по <i>Sigtrug</i>; Sigtrug убит грамм, датского короля, который спасает свою дочь от гиганта, женится на ней и получает Готского Королевства; как дочь Alcinos, он нашел ее стиральная вместе со своими служанками; грамм убит Swibdager Норвегии, который захватывает Готии и Scania; Swibdager убит Hadding, сын грамм; Асмунда, сын и преемник Swibdager, также пораженными Hadding, кто захватывает его государства; Hadding побежден Уффы, сын Асмунда; Уффы вероломно убит Hadding, который дает пустующий трон для сына, Уффы брат	146
	сомнения в царствование обезумевшей; Рагнар, сын Уффы, восходит на готическом троне; Готланд вторглись на фроде Дании, который умирает в экспедиции; смерти Рагнара, и трон захвачен Holward или Hodbrod; он вторгается в Данию и убивает косулю, один из ее совместных царей; это смертельно ранен Хельге, оставшихся датского короля, который заставляет приз Его Царство; Атил И. женится на Хельге дочери, и поднял на престол; их сын решили будет в сиквеле Король Скания и Готланд	147
	Рюрик, сын решили, Король Скания и Готланд; Атил второй. убит; <i>Hogmor</i> и <i>Hogrin</i>, совместные королей, погибших в бою с датчанами; преемник Алариха или Ebris князя шведов; готы и шведы в это время организации; запутанность хронологии; Хальвдан; Сиварда; Эрик; Хальвдан П.; Ragnald; Асмунда; Naquin (или Нако); история Бирнамский лес, допущенных Схакспеаре в трагедии "Макбет", взяты из похожую историю рассказал Хако, маршируя, чтобы отомстить за смерть своих братьев по датского короля	148
448-623.	Эгиль Auniff, королем готов и шведов; идентичность многих царей, упомянутых Snorro и шведские писатели; тема становится еще более понятной	149
623-794.	Четыре следующих короля шведов и готов, также короли датчан; Ивар Видфадме; его завоевания простираются до Англии	150
	Харальд Хильдетанд, внук и Преемник Ивара, превзошел его Славой; своей Доблестью; своей Смертью в битве против своего племянника Сигурда Ринга	151
	Сомнения относительно королей, правивших между Харальдом и	152

794-1001.	Рагнар сменил на троне Швеции своего Сына Бьорна I., который терпимо относится к христианской миссии, позволяя святому Ансару беспрепятственно выполнять свои функции; Олаф, сомнительный король; Эрик I., сын Бьорна; Эрик II.; Эдмунд; Бьорн II.; нет записей об их правлении; Бьорн III. (923) правил долго; Эрик IV. (993) еще дольше	154
	эта путаница; Эрик IV, Победитель, король готов и шведов	154
	Эрик V., король по прозвищу Арзаэль, король двух провинций; принимает христианство; его правление покрыто мраком	155

ГЛАВА. III.

Норвегия.

ОКОЛО 70 г. до н. э. - 1030 г. н. э.

НОВОЕ КОРОЛЕВСТВО ИНГЛИНГОВ В ВЕРМЕЛАНДЕ.—КОРОЛИ ОТ ОЛАФА ТРЕТЕЛИИ ДО ХАЛЬФДАНА ЧЕРНОГО.—ХАЛЬФДАН ИСТИННЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ НОРВЕЖСКОЙ МОНАРХИИ.—ХАРАЛЬД ХАРФАГЕР.—ЭРИК КРОВАВЫЙ ТОПОР.—ХАКО ДОБРЫЙ.—ХАРАЛЬД ГРААФЕЛЬД.—ХАКО ЯРЛ.—УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛАФА ТРЮГВЕСОНА.—ЕГО РАННИЕ ПИРАТСКИЕ ПОДВИГИ.—ЕГО РОМАНТИЧЕСКАЯ СУДЬБА.—ОН СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ НОРВЕГИИ.—ЕГО РАЗРУШЕНИЕ ИДолов.—ЕГО НЕТЕРПИМЫЙ ФАНАТИЗМ И ЖЕСТОКОСТЬ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ. — ЕГО ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ИЛИ, ПО МНЕНИЮ НЕКОТОРЫХ АВТОРОВ, ЕГО ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИЗ МИРА.—ОЛАФ СВЯТОЙ.—ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИРАТА.—ЕГО ВСТУПЛЕНИЕ НА НОРВЕЖСКУЮ КОРОНУ.—ЕГО ХАРАКТЕР ГОНИТЕЛЯ.—ЕГО ССОРЫ И ПОСЛЕДУЮЩИЙ СОЮЗ СО ШВЕЦИЕЙ.—КАНУТ ВЕЛИКИЙ ОТПРАВИЛ ЕГО В ИЗГНАНИЕ.—ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ И УБИТ.—ЕГО ПРИТВОРНАЯ СВЯТОСТЬ.

	Древние вожди Норвегии	156
630-640	Олаф Trætelia закладывает фундамент Vermeland; предать смерти как должно вызвать голод; его характер; его дети дочь Хальвдан, Король Soleyр	158
640-840	Хальвдан, сын Олафа, требует шведов на своего короля; его дед отказывается сдаться; его противника, и король Soleyр убит; Хальвдан управляет обоими государствами; побеждает Raumarik; женится на дочери короля Норвегии; получает половину этого государства, и подчиняет часть Вестфольд	160

730-840	Эйстейна, сын Halfden, удастся Соединенными кронами Raumarik и Вестфольд; становится пиратом; убит в одной из своих экспедиций, и преемником стал его сын Хальвдан второй. его противоречивость характера; унаследовал его сын <i>Gudred</i>; он получает как приданное жены часть Vingulmark; требования, а его вторая жена, дочь Харальда, начальник Adger, кто, отказываясь от соответствия, падет в битве, и Adger становится добычей Хальвдан; убит; его сыновья Олафа и Хальвдан разделить его государств -	161 162
840-850	Хальвдане Черном, только год от роду, когда умер его отец; его территорий (за исключением Adger, его материнский тип наследования), захваченных Олаф; в восемнадцать лет требует и получает часть наследства; получает от силы половину из Vingulmark; восстанавливает Raumarik; побеждает короля Хедмарк, но предоставляет брату половину Хедмарк; подчиняет два небольших государств, граничащих с Хедмарк	163
850.	Женится на дочери короля Согне; на ее смерти и том, что ее сын, овладевает этим государством; поражение некоторых начальников Vingulmark; Виктор в свою очередь, подчиняет всю губернию	164
852-863	Hiort Сигурд, Король Ringarik, убит Хако Берсерк и его компании, которые захватывают Гутрум сына, и Ragnilda дочь, от Сигурда; они спасены Хальвдан кто женится Ragnilda; вопрос, Харальд Harfager; Характер Харальд черный; законы Его; чудесное видение, предшествовавший его смерти; он утонул	165 166
863.	Харальд Harfager ребенком по смерти отца, его молодость-это воспользоваться соседними регули; защищает своего дяди Гутрум	167
865-868	его генерал и министр; его враги повержены и испортили их территориях; он требует руки Гыда царя Хордаланн, ее гордый ответ	168
	Харальд клянется никогда не стричь и не расчесывать волосы, пока не покорит всю Норвегию; подчиняет многие районы, в	169

которых устанавливает феодальную систему; к его местной администрации и доходам

867-882	присоединяется ярл Хако; подчиняет Оркадал, Стринду, Спордал, Верадал, Скаунию, Спарбиггию и Острова на Западе; два короля Наумдаля подчиняются и становятся ярлами; возвращается в Дронтхайм, строит Город в качестве резиденции своего правительства. , и женится на Асе, дочери ярла Хако; его военные приготовления и система дисциплины	170
	Он подчиняет Мер Тилк, к югу от Дронтхайма, и убивает их вождей; делает знаменитого Рогневальда, отца Ролло, первого герцога Нормандии, их губернатором; Санмор и Фиорды покорены	171
	Ссоры между его вождями	172
882-884	Война с Эриком Шведским, который завоевывает Вермланд; Беседа Харальда с Эриком; странная уловка Аки, их Воинства	172
	Возмущен Эриком, который предательски убивает его; взаимная вражда; Заговор покоренных регюлов против Харальда	173
	"Объединенные вожди потерпели поражение, и знаменитая Победа у залива Хафурсфьорд была одержана Харальдом	174
	Заговорщики уйти в изгнание, или стать пиратами, и запленивших его берегов и тех, Великобритании, Норвегии завоевали, он перерезает себе замки, и получает эпитет Harfager или русые; женится гйда, которая родит ему дочь и четверо сыновей	175
	удивительную историю своего брака с Snæfrida, дочь финский мага, которая родит ему четырех сыновей, Сигурд, Хальвдан, Gudred, Rognvald; удивительная история ее смерти и Харальд увлечение	176
	он увольняет его четырех сыновей, ведьмы Snæfrida; принимает по ходатайству ярла Hiodulf; они выделяются в военных учениях; его многочисленных жен и потомство	177
	Преступления и Честолюбие большинства его Сыновей сократили	178

их Дни; сыновья Снефриды сжигают Рогневальда

Харальд назначает своих сыновей королями Провинций; Торгильс и Фроде завоевывают Дублин; трагически заканчивают свои дни 179

Эрик Блодоксе сжигает своего Брата *Рогневальда* с восемьюдесятью мнимыми Волшебниками; убивает своего Брата *Бьорна*, короля Вестфолда 180

910-913 Необъяснимая привязанность Харальда к Эрику; ранние пиратские набеги Эрика; его чудесное приключение в Финляндии с Гунхильдой и двумя Волшебниками; он женится на Гунхильде 181

930-934 гг. Гудред, сын Харальда, погиб в море; Харальд передает императорское достоинство Эрику 182

Он противостоит Хальвдане черном, с Олафом, брат убитого Биорн Король Вестфольд; Харальд умирает в возрасте восьмидесяти лет; его характер; воинская доблесть почти его только отличное качество 183

934-936 боевых действий между Эриком и его братья, Улаф и Сигурд; они не будут побеждены и убиты; люди ищут избавителя от тирании Эрика в лице Хако, который был воспитан при дворе Athelstane Англии, где он тогда проживал 185

Хако, поступает с судов и средств, отплывает в Норвегию 185

937-946 он приземляется на Drontheim; провозглашен царем в Генеральной Ассамблеи от вольницы; к нему присоединяется много начальников на возвышенности; он делает Сигурда Король Вестфольд 186

и Drygve Король Raumarik и Vingulmark; Эрик, брошенных людей, бежит на Оркнейских островов; он опустошает побережья Шотландии; он принимает христианство, и получает власть Нортумбрии от Athelstane 187

его постоянные срывы на побережьях Шотландии, Ирландии и Уэльса; его известность привлекает многих норвежцев, датчан и шведов его уровня; он отсутствует в Нортумбрии во время 188

	правления Эдмунд старший; возвращает в первый год Edred царствования, и сеет английского побережья; побежден и убит Edred; Нортумбрия будет отныне английской провинции	
939-940	Хако боевых действий с датчанами и Gothlanders, кого он побеждает	188
	Сыновья Эрика-пираты, поощряемые датским королем, совершают набеги на побережье Норвегии; король Трюгве мстит Дании; Хако поощряет христианство в Норвегии; посылает в Англию за епископом и священниками	189
	Языческие жертвоприношения; Рвение Сигурда к религии Одина	190
941.	Хако предлагает утвердить христианскую религию в Национальном собрании; против этого выступает Гауландаль	191
942-956	Нежелание Хако соблюдать обряды язычества	192
	Он вынужден частично подчиниться и клянется отомстить	193
956-958	Сыновья Эрика вторгаются на его Побережье; он побеждает их и собственноручно убивает Гутрума; Закон о защите побережий	194
	Сыновья Эрика снова вторгаются в Норвегию; побеждены Хако	195
958.	Сыновья Эрик снова поражение от Хако, кто смертельно ранен; он признает их наследниками; плашки; вероятно, умер язычником; его характер	194
963-969	Харальд Graafeld, старший сын Эрик, провозглашен королем	196
	его власть ограничена пятью вождями, или царей; он организует убийство Сигурда	198
	он предает и убивает Короля Тригве, и король Gudred	199
969.	Непопулярность сыновья Эрик; двое из них убили народовольцы	200

	Харальд предал и убил в бою; Харальд в Дании становится верховным монархом Норвегии	201
	поступки ярла Хако, сын Сигурда, губернатор семь норвежских губерний; присоединяется Харальд против Отона; оба вынуждены принять крещение от императора	202
	он рецидивы язычества; провозглашает свою независимость; сказочные Хранители Исландии; Харальд умирает	203
	своего сына Свейна нападает Норвегия; История Харальда Grenske и Sigfrida; он убил ее; рождение его Посмертный Сын, Олаф	204
993-995	Хако по распущенного поведения; Олаф, сын Трюгве	205
	полет его мать Astridda; романтических обстоятельствах его рождения; чудесное спасение; они находят убежище с Нако старый	206
964-966	Гунгильда обманщик пытается вступить во владение своей персоне	208
976-984	Astridda бежит ее брат Сигурд, в суд Вольдемар, Король Гардарик; они захватили пираты и продали	209
	мать и сын разлучены; Олаф становится его любимом; со своим приемным братом Thorgils, погашается за счет его дядя Сигурд, который случайно узнает о них, и представляет их на суд своего хозяина; его образование, становится пиратом на двенадцать лет; защищает берегов Гардарик, в пользу короля; он преследует его состояния на глубокие	210
985-994	свою громкую славу; он женится на вдове герцога Borislaf Поморья и защищает ее доминионов; коварного покушения на его жизнь	211
	Который он побеждает, убивая своих врагов; он опустошает побережья Балтики; помогает императору в борьбе с датчанами; его отвращение к идолопоклонству; он возвращается в Померанию	212

	Его жена умирает; он покидает Померанию; христианин, но пират; Посещает побережья Британии; женится на ирландской принцессе	213
967-993	Судьба Астридды после ее пленения; ее выкупает благородный норвежский пират, за которого она выходит замуж	214
995-996	Ловушки, расставленные для Олафа норвежцем Хако, который нанимает пирата Торера, чтобы заманить его в ловушку	215
	Олаф паруса для Норвегии; заставляет Ярл Оркнейских принять христианство, и делать ему почести	216
	Thorger он обнаруживает предательство и убивает предателя; он успел уже распущенного поведения вызывает заговора вельмож против него	217
995.	Романтические приключения Нако и его рабом; Сон в пещере; смерть Erleng, сын Хако	218
	второй сон в пещере; Нако и Карк ремонт в доме Тора и скрыты в подземных перемене; они преследуют Олаф; Хако убит своим рабом	219
	Характер Ярл Хако	222
	Олаф, теперь король Норвегии, начинается его травля язычников	222
997-999	Олаф и магов; он почтила своим посещением один	224
998.	Оппозиция, которая его религиозное рвение встречи с язычниками; политические, каким образом он уклонился от его начальников, что он должен принести жертву богам	226
	законопреступника он ниспровергает кумиров в Великий Храм Drontheim; отдельные преобразования	227
999.	Он переходит на миссионерское путешествие в Helogia; Легенда о	228

епископ Сигурд; уничтожение отметить языческие

зверской манере, в которой, по его поэт Halfrod, он наказывает
начальник, который отказался принять христианство 230

своей жестокости оскорбляет Sigrida, шведская принцесса,
который посвящает всю свою будущую жизнь, чтобы отомстить;
женится на датской принцессе 232

999-1000 его новая жена уговаривает его оснащение вооружением на
побережье Померании, Швецией и Данией против него; он
побежден и убит 234

Характер этого монарха 235

1000-1012 дивизион Норвегия завоевателями 236

молодежь Святого Олафа 237

1007-1014 он становится королем; его приключения на нескольких морских
побережьях, в особенности на тех, Финляндии и Англии 238

1012. Он возвращается в Норвегию, и захватывает Хако Ярл, лейтенант
датского короля; переходит в нагорья; его приемной матерью,
любопытная картина внутреннего манеры 240

1014. Он советуется со своими Друзьями относительно планируемого
захвата трона, и они поощряют его продолжить 242

Ему обещают поддержку короли Нагорья, он получает во владение
Нидарос, но изгнан Свейном, другим ярлом 243

1015. Его Победа над внутренними врагами и последующее признание
монархом Норвегии 245

1016. Его юридические и религиозные реформы; его пунктуальное
посещение публичных богослужений - главная причина его
последующего Апофеоза 246

	Его споров со Швецией; он вешает послов этого принца и вторгается на ее Границы	247
1017.	Переговоры о мире при шведском дворе долгое время были безрезультатными; Парламент королевства; дерзкий язык почтенного Торгнира; Олаф вынужден пообещать повиновение воле своего народа	249
1018.	Олаф Шведский решает уклониться от своего Обещания выдать замуж свою дочь Ингигерду за Олафа Норвежского; Гнев последнего; он тайно женится на Астрид, другой дочери шведского короля	252
	Примирение между двумя королями, которые играют в кости за Приграничную провинцию	255
	Усердие святого Олафа в распространении христианства; заговор против него языческих королей Нагорья; это раскрыто, и Действующие Лица наказаны	255
.	Рюрик, один из пленных королей, которых ослепил Олаф, замышляет свое Уничтожение; Изгнание королевского язычника	257
1020-1021.	Суровость Олафа по отношению к тайным язычникам Наумдаля и Дронтхейма	259
1021.	Он не менее суров и на Возвышенностях; Противодействие Гунбрунда, короля Долин; рассеян Олафом; новые языческие подкрепления; Беседа в Ущельях; идол Тор, разбитый на куски последователями святого; Крещение неразумных негодяев	261
1022-1025	Яростные преследования язычников	264
1026-1027	Канут Великий угрожает вторжением в Норвегию; Святой Олаф объединяет свой флот со шведским; Военные действия на побережьях Зеландии и Скании	265
1027.	Канут прибывает на Север; приказывает убить Ульфа, своего Шурина	267

1027-1028	годов св. Олаф обнаруживает предательство в своих Советах; Тепловатость народа; свою большую непопулярность в результате собственного проступка	268
1028-1029	Триумфальное вторжение Канута, признанного монарха Норвегии; Олаф опрометчиво бежит сначала в Швецию, а затем в Россию	270
1029.	Его хорошо принимают король и королева Хольмгарда; наконец ему позволяют вернуться в Швецию	271
1030.	С помощью шведских войск он возвращается в Норвегию; его неблагоприятно принимают бывшие подданные; он погибает в бою	272
	Характер этого драгоценного Святого	273

ГЛАВА IV.

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ СЕВЕРЯН В ЭПОХУ ЯЗЫЧЕСТВА.

РАЗДЕЛ I.

В АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И ИРЛАНДИИ.

РАННИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НОРМАННОВ К БЕРЕГАМ РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ.—ПРИЧИНЫ, ПРИВЕДШИЕ К НИМ:—БЕДНОСТЬ ПОЧВЫ, ГОЛОД, ХРАБРОСТЬ.—ДОМАШНЕЕ ПИРАТСТВО.—ПЛЕМЕНА ПИРАТОВ.—ВТОРЖЕНИЕ САКСОВ И ДАТЧАН В АНГЛИЮ.—АВТОРИТЕТ САКСОНА ГРАММАТИКА.—РАЗБОИ В АНГЛИИ ДО ПРАВЛЕНИЯ АТЕЛЬСТАНА.—ПОБЕДА ЭТОГО МОНАРХА.—ОПУСТОШЕНИЯ НОРМАННОВ ВО ФРАНЦИИ.—ГАСТИНГС.—РОЛЛО, ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ СКАНДИНАВСКИХ ПИРАТОВ.—ЕГО ЗАВОЕВАНИЕ НОРМАНДИИ, ПЕРВЫМ ГЕРЦОГОМ КОТОРОЙ ОН БЫЛ. —НОРМАННЫ В ИРЛАНДИИ.—РАННИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ИРЛАНДЦАМИ И СЕВЕРОМ ЕВРОПЫ.—ПЕРВЫЕ ОПУСТОШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НОРМАННОВ.—ИХ ТРЕВОЖНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ На ЭТОМ ОСТРОВЕ.—ПОБЕДА, ОДЕРЖАННАЯ Над НИМИ КОРОЛЕМ БРИАНОМ.—ИХ ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГРАБЕЖИ И УПАДОК.

Раннее появление скандинавских пиратов на побережьях римских провинций и в Ирландии 276

Причины, приведшие к добровольной или принудительной экспатриации норманнов:—бедность почвы, недостаток продовольствия, неумение управлять малыми судами 278

Прогресс пиратства на Севере 279

	Внутреннее пиратство приводит к морским экспедициям на Юг	280
	Римские провинции были главными объектами грабежа в очень раннем возрасте	283
	Экспедиции саксов и норманнов в Англию	283
	Основания саксонских королевств в Англии	285
	О степени доверия к утверждениям Саксона Грамматика о ранних связях между Данией и Англией	286
	Выписка из мистера Тернера, по этому вопросу, и замечаний в связи с этим	287
794-806	бесчинств в Нортумбрии; Датского Королевства в этой провинции; героическое поведение Колдингхем монахини	289
868-876	графические счет разрушения Croyland монастырь	291
870-924	операций в Нортумбрии	294
924-934	блестящую победу Brunanburgh	296
400-840	первых опустошительных набегов норманнов во Франции	296
840.	Гастингс, ветеран пират, прибывает во Францию	297
842-844	хаос во Франции и Испании	298
845-859	разрушений во Франции; Гастингс паруса в Италию; он удивляет город Луна	299
858-863	многочисленных разбойничьих банд во Франции; Гастингс возвращается, а при условии отказа от пиратства, создается граф де Шартр	301
863-876	продолжались бесчинства в разных провинциях Франции	303

	начале жизни Ролло	304
876-888	своей экспедиции во Францию	306
888-896	неверие норманнов	308
896-909	больших успехов Ролло	308
910-912	он создал герцог Нормандии	310
	преимущество политика французского двора в этом отношении	311
	первом появлении норманнов в Ирландии	312
795-820	ранних этапах их развития было стремительным, и в течение некоторого времени они не встретили существенного сопротивления	314
820-848	прогресс северян	315
842-879	различных успехов, поочередно переворачивает	317
872-1000	стремительное падение скандинавские власти в Ирландии	319
1000-1014	ее окончательное уничтожение	320
	приложении	321
	сноски	328

Введение.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, СОПРОВОЖДАЮЩАЯ РАННЮЮ ИСТОРИЮ ВСЕХ НАРОДОВ.—
ЧУДОВИЩНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.—СКАЗОЧНЫЕ
ИЛИ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, СОМНИТЕЛЬНЫЕ КОРОЛИ ШВЕЦИИ, НОРВЕГИИ И ДАНИИ.—
РАЗЛИЧИЕ РАС НА СЕВЕРЕ.—ИСКОННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ, СВИОНАМИ, ГОТТОНАМИ,
ДАНКИОНЕС, ВЕРОЯТНО, БЫЛИ ШВЕДЫ, ГОТЫ И ДАТЧАНЕ.—ЮТЫ, ЛОПАРИ И ФИННЫ
ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ПРИШЕЛЬЦЕВ.—ИНФОРМАЦИЯ, СОБРАННАЯ АЛЬФРЕДОМ ОТНОСИТЕЛЬНО
СЕВЕРА.—МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ВОЖДИ С КОРОЛЕВСКИМ ТИТУЛОМ.—КОРОЛИ ДАНИИ: ДАН—
ХАМБЛ—ЛОТЕР—СКЬОЛЬД—ГРАМ И ДР. —ЧУДЕСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ХАДДИНГА И
ВЕЛИКАНШИ ХАРДГРИП.—ФРОДЕ И.—ОДИН.—ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОГЛАСНО
САКСОНИИ.—СОГЛАСНО САГЕ ОБ ИНГЛИНГАХ.—ЕГО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ
СПОСОБНОСТИ.—ПРИЧИНЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.—ХОДЕР И БАЛЬДЕР.—РОКОВЫЕ
СЕСТРЫ.—СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ БАЛЬДРА.—ПУТЕШЕСТВИЕ К НИЖНИМ ТЕНЯМ В ПОИСКАХ
ЕГО ДУШИ.—ПУТЕШЕСТВИЕ ХЕРМОДА.—ОДИНА.—ПРОРОЧЕСТВО.—РИНДА И ОДИН.—
ХАРАКТЕР ОДИН.—РЮРИК.—ГАМЛЕТ, ПРИНЦ ЮТЛАНДИИ.—ЕГО РЕАЛЬНЫЕ ИЛИ СКАЗОЧНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ФЕНГО.—ДАТСКИЕ КОРОЛИ ПОСЛЕ РЮРИКА.

Исследования происхождения наций никогда не приносили много пользы. Над всем этим, заединственным исключением евреев — исключением, которым мы обязаны вдохновению, — нависла туча, сквозь которую не могут проникнуть никакое обучение, никакая критика. Легко быть спекулятивным, легко быть изобретательным, легко демонстрировать свою ученость, цитируя мнения различных авторов и пытаюсь показать, как мало следует полагаться на кого-либо из них; но, хотя тщеславие автора может быть таким образом удовлетворено, его труд должен быть бесполезен. Если у него нет авторитета или законных выводов для того, что он выдвигает, он хуже, чем бесполезен, он используется пагубно: он тратит впустую свое собственное время и время своих читателей и вводит предмет, который он должен прояснить, в еще большую путаницу, чем это было раньше. Таким образом, каждая эпоха и каждый писатель добавляют к массе басен или, по крайней мере, неопределенности до тех пор, пока истина навсегда не окажется скрытой под ними.

Эти наблюдения особенно применимы к истории севера. И все же, каким бы темным и неопределенным ни был этот предмет и какими бы чудовищными ни были гипотезы, выдвинутые по этому поводу местной изобретательностью, любопытство будет удовлетворено при простом взгляде на них. Таким образом, в отношении шведов мы обнаружим, что их происхождение окутано мраком, глубоким, как тот, который покрывает колыбель большинства других народов. Существует множество басен, которые серьезные историки, прислушивающиеся только к традиции, или искажающие для определенной цели слова какого-нибудь малоизвестного писателя, или смешивающие действия многих людей, или введенные в заблуждение воображаемой аналогией и сходством имен, увековечили на эту тему. Что мудрец органа, архиепископ Upsal, нет сомнений в том, что Ной был царь всей Земли; что он поселился в Скифию, в которой жили целый век раньше, чем в Италии; что его сын Яфет, кому Европе упали, выкладывают свои колонии еще дальше на запад; что Магог, сын Яфет, был первым начальником которые колонизировали Швеции и Финляндии; что от Sweno, сына Магога, возникли шведов, и от Gothar или Гог, другой сын, готы; что Тор, Немецкий и Ubbo, братьев и,

конечно, и его великих вассалов, были успешными проводниками человечества; что Ubbo, который сменил своего брата Gothar, основал город Upsal, самая древняя столица Севера; что Siggo, преемник Ubbo, и пятый король готов, названием Сигтуна к существованию; что Эрик, внук Gothar, и шестой король готов, начал править около четырехсот лет после всемирного потопа, и даровал великим блеском на этих северных регионах; что, после его смерти, идолопоклонство началось на севере, величественный храм Upsal возводится в честь Тора, Одина, Фригга, и прочих богов; что Swiones или шведы, и Готти или готы, как происходят от разных корней, часто под разными скипетры, хотя и в отношении себя, как родных, и для многих поколений, живущих в согласии друг с другом; что, после введения в идолопоклонство, этим миролюбием начали быть нарушена, и в течение нескольких царствований, он полностью исчез; что финны, ютов, Gothones, Swiones, и других соседних народов, стал наконец настолько многочисленны и настолько мощный, чтобы грабить побережья Швеции; что, против них не меньше, чем на закупку предметов первой необходимости, которая давным-продолжение усобицы вынес очень мало, большая армия была поднята и мощный флот оснащен, примерно девятьсот лет после потопа; что экспедиция, что вытянутый вдоль южного ничуть не меньше, чем у северных берегов Балтики, от Гольштейн в пределах Литвы, породили новые царства; что в этот период империя, готы, в составе так много людей за пределами Скандинавии, был одним из самых мощных в мире, несмотря на то, что завоеванных провинций на европейском континенте, были предметом их собственного короля (к тому, кто привел экспедицию из Швеции и его наследники), в то время как Швеция послушался еще один король, который был оставлен дома с необходимыми полномочиями; что нового царства, резиденция которого была в Польше или Венгрии, отправила его покорения полчища в Азию и Египет; что, регионов готы слишком большой для власти одного человека, они наконец избраны правителями независимо друг от друга, и таким образом нарушил эту огромную империю на множество фрагментов, что венгерское происхождение династии, который был чисто готический, добавлено слабости расы; что, хотя эти события проходили в Европе и Азии, шведская монархия просуществовала, хотя и ослабленная в результате эмиграции из главных воинов; что это уменьшение, так и населения и сила, осмелев датчан, доселе притоком более Северные королевства, чтобы предположить наступление, но, будучи сами набегали саксов, и не в силах сопротивляться, что ратные люди, они охотно покорялись шведы, и выбрал Дэн, шведского принца, сын Humel, или скромный, шестнадцатая родной королем готов, чтобы властвовать над ними; что Сей князь дал свое имя Датского королевства, в то время как его брат Ангул, первый король *английский*, оставил свое имя этого народа; что Дэн сменил Lothar сына, и Lothar по Skiold,—в то время, в Швеции, смиренно последовал Gothilas и Sigtrug; что Гро, дочь Sigtrug, стала женой грамм, сын Skiold, король Дании, но вопреки желанию, так ее отец Sigtrug и шведов; что ее похищение грамм привело к войне между датчанами и шведами, в которой последние были побеждены; что пугаю, преемник Sigtrug, был убит в битве грамм; что, по его смерти, Swibdager, королем Норвегии, был избран королем готов и шведов, которые терпеть не могли своего завоевателя и весь датский народ,—это ненависть, которая была от души возвращаются; что, в качестве мести за изнасилование Гро, дочь грамм был унесен в Норвегии, что Грамм, они вооружаются, чтобы отомстить за травмы, был побежден и убит Swibdager, которые, однако, была слишком малодушна, чтобы разместить Гутрум, сын грамма, над датчанами; что они по-прежнему подлежит шведы и готы до Hadding восстали против Асмунда, двадцать первый царь последней, и избавил его страну от порабощения. В отношении этих более поздних событий, во всем, что последовало за Скъольдом, добрый архиепископ едва ли обладает каким-либо иным

авторитетом, кроме Саксона, датского историка, факты которого, однако, он без колебаний изменяет всякий раз, когда затрагивается честь его страны.^[1]

Вот и все для басни - по крайней мере, в отношении большей части этого быстрого изложения истории архиепископа. Если бы у нас уже не было достаточно этой остроумной безделушки, то "*Атлантика*" Олауса Рудбека снабдила бы нас достаточным количеством, чтобы заполнить многие такие тома, как настоящий. Этот писатель намного превосходит прелата, которого он превосходит в равной степени воображением и знанием традиции. К нему может обратиться читатель, которому может нравиться все чудесное, который может восхищаться традиционными знаниями и который, возможно, пожелает увидеть, на каком слабом фундаменте могут быть возведены самые гигантские теории.^[2]

В притязаниях на отдаленное происхождение Норвегия ни в коей мере не отстает от бывшего королевства. Согласно Торфусу, одному из самых образованных и, учитывая, что он жил в недавнее время, наименее критично относившемуся к человечеству, численность населения всей страны была получена из четырех различных источников. 1. Из них великаны были самыми древними. Этот историограф утверждает, что они действительно были тем, чем их называют, а именно, намного превосходили по массе остальное человечество; и не то чтобы злым духам посредством магических обрядов было позволено создавать такие явления. Хотя он отвергает, как чистую романтику, истории о многих гигантах, которых якобы видели в сравнительно новое время, он уверен, что такая раса действительно когда-то обитала на севере; и он склонен выводить их от Сима, сына Ноя. Тот факт, что они когда-то жили, что их кости до сих пор находят в нескольких регионах мира, что они могут сейчас жить в Патагонии или какой-то другой стране, по его мнению, не подлежит сомнению. Мы читаем о великанах в Священном Писании; кто же, следовательно, может сомневаться в их существовании? Как мы уже упоминали, он представляет в виде басен старых женщин все истории, какими бы распространенными они ни были в его время, о великанах, созданных князем злых духов; он также не допускает, чтобы они были потомками людей и огромных зверей. Если они не возникли ни по одной из этих причин, то они обязательно должны были произойти от одного из сыновей Ноя. Мы также не можем удивляться их появлению на севере Европы, учитывая, что у нас есть так много доказательств их существования в Ханаане, Египте, Греции, Испании, Британии и, действительно, по всему миру. Их прибытие на север, однако, не было добровольным актом; будучи изгнанными из Ханаана во времена Иисуса Навина, они были рады искать другие поселения; и в то время как некоторые расселились по северной Африке, северной и центральной Европе и, возможно, нашли свой путь в Америку, другие направили свои стопы в Швецию и Норвегию: тем не менее, до прибытия этих изгнанников другие представители той же расы могли веками находиться на этом полуострове. 2. После гигантов, и, действительно, сразу после них, *пришлиготы*; но период не может быть установлен. Иоанн Магнус и Рудбек утверждают, что это было сразу после потопа; но Торфус не осмеливается восходить к столь высокой древности и довольствуется тем, что выводит готов из троянцев и относит их прибытие на север к эпохе, в которую была взята Троя. 3. После готов пришли *асы*, или *скифы*, которых он считает третьей отдельной расой людей, которые помогли заселить север. Это были последователи Одина, чья империя, одновременно духовная и светская, свидетельствовала о его политике и их доблести. 4. И все же можно усомниться в том, были ли они единственными или даже первоначальными колонизаторами Норвегии. У жителей этой, как и любой другой страны, должны быть свои семьи коренных жителей, или, по крайней мере, семьи, которые жили здесь задолго до прибытия каких-либо чужаков. Итак, у некоего человека по имени

Форниот было три сына: Хлер, повелитель ветров; Логи, повелитель огня; Карл, повелитель моря. Снаэр был внуком этого последнего монарха и знаменитым принцем. У него был один сын, Тор, и три дочери, Фаунна, Дрифа и Миоллис. Тор был более могущественным, чем отец, поскольку он правил всей северной частью Скандинавского полуострова, включая Финляндию; и божественные почести воздавались ему по крайней мере одним великим племенем его подданных. У Тора было трое детей, Нор и Гор, которые были мужчинами, и Гоэ, дочь. Когда эту принцессу похитили, двое ее братьев отправились за ней в погоню. Нор двинулся на запад, подчинив и убив множество местных королей, среди которых были Хемминг и Хундинг: короче говоря, он завоевал всю Норвегию, которой дал свое имя. Похитителем Гоэ был Рольф, или Ролло, сын великого принца, который подчинился Тору, и чья сестра, Ходда, имела честь стать невестой этого монарха. Пока он совершал эти подвиги, его брат Гор покорял все острова Балтийского моря и Ледяного океана, которые составляли его владения. Сыновья Нора разделили между собой обширную область; отсюда и множество отдельных княжеств, которые так долго были проклятием Норвегии.^[3]

Ни один читатель не растеряется, поняв, что эта четвертая раса людей - мифологическое творение. Эти повелители стихий, огня, воды, ветра, — *Снаэр*, или снег; *Джокул*, или мороз; *Фаунн*, или замерзший снег; *Снифа*, или мокрый снег, — со многими другими достаточно подтверждают этот любопытный факт. Изобрели ли норвежцы этих богов стихий первыми и назвали своих смертных героев в их честь; или же они возвысили этих героев после смерти до достоинства местных богов, мы не будем пытаться обсуждать. Вероятность такова, что в этой стране развитие человеческого разума было таким же, как и в других странах, а именно: считалось, что люди, прославленные своими великими качествами, изначально произошли из божественного источника и после этой жизни возвращаются к этому источнику; чтобы быть наделенными в другом государстве превосходством, подобным тому, которым они пользовались в этом. Что касается жителей севера, то море и ветры были самыми важными стихиями, поэтому божества, которым они подчинялись, были самыми могущественными, самыми страшными, самым почитаемыми. Каждая страница древнейшей норвежской истории (или басни, если угодно читателю) подтверждает этот вывод о том, что задолго до прихода готов в этот регион существовала религия, совершенно отличная от той, что последовала за ней; религия поистине примитивного характера, не допускавшая утонченности, имевшая дело с разумными предметами, взывавшая к страхам и надеждам человечества. Почести, которыми пользовался Тор, отец Нора и общий предок всех норвежских принцев, в достаточной степени объясняют его превосходство над самим Одином в религиозных верованиях этого народа. Датчане и шведы считали первого, норвежцы - второго, верховным богом - по крайней мере, в том, что касается правительства этого мира. Следовательно, в какой-то период после прихода Одина должно было произойти слияние двух религий. Если преемники Одина в Дании и Швеции заставили норвежцев признать его божеством и поставить его статую рядом со статуей Тора, очевидно, что они оказывали ему лишь второстепенное почитание; Тор восседал торжественно, окруженный всеми атрибутами величия, в то время как бог—воин - иностранный азиатский бог — был поставлен рядом с ним. На эту тему, однако, подробнее в соответствующем месте.^[4]

Дания ни в коем случае не отстает ни от Швеции, ни от Норвегии в своих притязаниях на древность. В ценной коллекции Лангебека мы находим список монархов на исландском языке^[5] такой же древний, по крайней мере, как десятый век, достаточно древний для тщеславия любой нации. Оно начинается с Ноя; переходит через последующие поколения к Одину, “королю турок, которого римляне вытеснили на север”; и заканчивается Хардеканутом. Другая ветвь того

же списка ведет королевскую генеалогию от Одина к Харальду Харфагру, хорошо известному монарху Норвегии.^[6] В обоих случаях имена следует рассматривать как строго принадлежащие азиатским властителям, нога которых, как утверждается, никогда не ступала на север Европы. Во время их правления, сказочного или реального, Скандинавия не обходилась без мелких королей или, если угодно читателю, наследственных вождей, чья власть была подобна патриархальной. Их имена даны Саксоном Грамматиком и другими местными авторами, которые, следуя своим собственным традиционным песням, мало знали об азиатских предшественниках Одина и поэтому не смогли их перечислить. То же самое было и со шведами, у которых, как мы видели, было своих внутренних, не меньше, чем внешних, королей, — своих внутренних, не меньше, чем иностранных, властителей. Следовательно, во всех этих государствах существуют две различные расы правителей — местные и иноземные, — первые коренные, вторые совершенно чужие для регионов северной Европы.^[7]

Весьма вероятно, что готы обитали на севере Европы до тех времен, которые мы называем историческими, — что они, возможно, жили там целую вечность, когда римляне вступили с ними в контакт. “Многие свидетельства, — говорит Гиббон, — которые нельзя приписать народному тщеславию, свидетельствуют о проживании готов в странах за Балтийским морем”. И все же ни один человек, хоть сколько-нибудь знакомый с древностью, — если, конечно, у него нет предубеждений, которые никакая информация не может развеять, — не будет утверждать, что они были *первыми* поселенцами: можно даже усомниться, были ли они второй иммиграцией в те регионы. Киммерийцы, или кимвры, были в Ютландии, по крайней мере, до них; но были ли даже они первыми людьми, покинувшими свои азиатские жилища ради западной Европы, очень сомнительно: вероятно, им предшествовали какие-то другие племена, само название которых время уничтожило, точно так же, как *они* были предшественниками кельтов, расы, возникшей из них самих. Финны и лопари, чьи нравы, язык и характер так отличаются от нравов других европейских народов, вероятно, являются племенами какой-то расы, которая прибыла в более южные регионы в период, затерянный в глубине древности, и которые враждебные вторжения киммерийцев, кельтов, готов и других варваров изгнали в снега севера.^[8]

Таковы выводы разума. Они не противоречат авторитету. То, что древняя история действительно сообщает нам о народах севера, можно изложить в нескольких строках. Они были разделены на племена, и из них наиболее заметными были *свины* — средневековые свиары. Они были богатой и могущественной морской державой; и, если верить Тациту, их короли были деспотичными. Чтобы они не восстали друг против друга или, что еще хуже, против своих правителей, у них отобрали оружие и хранили его королевские рабы. Они, без сомнения, были племенем, населявшим Швецию. В том же регионе жили *гуттоны*, или готы, другое племя, вероятно, более древнего происхождения. Поскольку земли этих двух племен совпадали, свины, должно быть, часто обращались к своему королю за оружием, если, конечно, их враги тоже не были разоружены. Но это предполагаемое обезоруживание — чистая выдумка, и мы не знаем, как Тацит мог быть настолько легкомысленным, чтобы рассказывать об этом. *Данкионес* — вероятно, данскиры или датчане — граничили с гаттонами. Были ли они ограничены только островами, ныне составляющими Датскую монархию, или также были распространены, по крайней мере, на часть Ютландии, можно оспорить. Если под Кадононией Тацит действительно подразумевает полуостров, то тевтоны тоже были там. Не может быть никаких сомнений в том, что все эти племена были родственными: все они пришли из Азиатской Скифии, какими бы разными ни были периоды их прибытия. Но в отношении *феннов*, которые явно являются финнами, он сомневается, следует ли называть их тевтонским или сарматским

племенем. Птолемей помещает их в западной Литве; Тацит - севернее; и из тесного родства, которое современный польский профессор установил между латышами и финнами, мы можем с уверенностью заключить, что они одного происхождения. Вероятно, поток колонизации шел из Ливонии через Персидский залив.^[9]

Учитывая различие племен, населявших северную Европу, и достоверную историю, уверяющую нас, что скифо-готы были последними людьми, достигшими западной Европы, — славяне, их наследственные враги, едва проникли в центр, — мы, естественно, задаемся вопросом: “В какой период они прибыли?” Большинство исследователей древностей севера, как мы уже показали, без колебаний утверждают, что это было сразу после всемирного потопа и, следовательно, что готы были исконными жителями. Другие авторы, однако, довольствуются более поздним происхождением и помещают это пришествие примерно за две тысячи лет до Рождества Христова. Другие, опять же, готовы отнять целое тысячелетие от этой поздней древности; но можно усомниться в том, что хоть одно племя готов ступило на север за пять столетий до прихода Одина. Вероятно, всего несколько племен из них были там, когда он ввел новую веру. Противодействие, с которым столкнулись его последователи в своем политическом, не менее религиозном характере, — в своих завоеваниях не менее, чем в своей проповеди, — подтверждает это предположение; а тот факт, что почти все короли севера хвастались своим происхождением от кого-либо из царственных сыновей Одина, почти возводит эту гипотезу в ранг исторического факта. Поскольку готы — как те, кто сопровождал Одина, так и те, кто предшествовал ему, — были завоевывающей и, следовательно, господствующей кастой, скипетр обычно держали князья этой нации; завоевателей было сравнительно немного; а коренные жители, хотя и составляли основную часть населения, были вынуждены в угрюмом согласии склониться перед властью чужаков. Постепенно слияние этих пришельцев с прежней расой (или, возможно, с расами) привело к созданию той формы общества, которая характерна для севера. Чем больше мы размышляем на эту тему, тем больше склоняемся к мнению, что до одиначеских времен готы были не очень многочисленны в Скандинавии. У них могли быть короли за четыре или пять веков до Рождества Христова; вероятно, иммиграция готов из Азии происходила даже раньше этого периода; тем не менее, больше безопасности, потому что больше оснований для заключения, что с глубокой древности до прихода Одина основную часть населения этих стран составляли коренные жители, то есть финны или юты, и что сыновья азиатского завоевателя были первыми готскими *монархами* севера.^[10]

Несомненно, что первоначальные жители, будь то финны, юты или лапландцы, или сочетание всех трех, сильно отличались от готских завоевателей языком, манерами, религией и характером. Самые ранние стихи последнего — эти традиционные реликвии гораздо более древней эпохи — полны намеков на это различие. Они представляют финнов и лопарей волшебниками, наделенными неконтролируемой властью над стихиями, а ютов - одновременно великанами и волшебниками. Но воины Одина не присваивали себе таких полномочий, хотя их жрецы могли бы. Легенда, действительно, сообщает о некоторых случаях, когда эти способности передавались удачливым готским героям; но учителями были старые жители, и те знания, которые они передавали — которые всегда передавались неохотно, — были ничтожны по сравнению с тем, что они сохранили. В старых Сагах, в сборнике Снорро Стурлесона, у Саксона Грамматика и даже в более поздних источниках мы повсюду обнаруживаем явную антипатию между победителями и побежденными. Оно возникло по двоякой причине — из-за различий в религии в не меньшей степени, чем в расовых различиях; и оно было озлоблено в

той же степени, в какой было увековечено взаимной враждой. Финн, действительно, не смог справиться с могущественным готом; но это чувство неполноценности обострило его изобретение, и сделало его враждебность опасной пропорционально ее секретности. Удар был нанесен в темноте, и гот, питавший полновластное презрение к доблести своего врага, был вынужден приписать это скорее сверхъестественному, чем человеческому действию.^[11]

Мы уже видели скудный объем сведений, которые Тацит завещал нам о состоянии севера в его время. В течение многих столетий после этого к нему не вносились никаких значительных дополнений. В пятой мы узнаем, что между Эльбой и Балтикой — без сомнения, в какой-то степени и по обе стороны этой реки — жили англ, юты и саксы. Из них у первых не было другого места. Вторые, несомненно, были незаконнорожденной колонией из более северных частей полуострова; а последние были отделением от великой саксонской конфедерации. Юты были наименьшими по численности, но все же они были прародителями жителей Кента и острова Уайт, а также племени западных саксов. Остальные саксы — Западные, восточные и южные — произошли от саксонского подразделения колонистов. Англ дали свое название народу, который его носил (Восточные англ и Средние Англ), а также мерсийцам и нортумбрийцам. Такова, согласно этому почтенному авторитету, "Саксонской хронике", была связь между этими людьми и нашим островом. Но, возвращаясь к состоянию северной Европы после Тацита, еще до того, как география познакомила нас с ней поближе, король Альфред в своем "воплощении Орозия" добавляет некоторые подробности, которые он узнал из своих собственных расспросов. Эти сведения он почерпнул у норвежца Оттера и датского моряка Вульфстана. Первый сказал, что он жил севернее всех северян, в Хальголанде, напротив западного моря; что к северу от него была огромная пустошь, некоторые ее части, однако, посещались финнами для охоты летом и рыбной ловли зимой; что однажды он обогнул Северный мыс к Белому морю и на побережье нашел народ по имени беормас, который говорил на родственном финнам языке. "Этот Выдр," говорит король, "был богатым человеком, согласно мнению его собственной страны: у него было 600 ручных оленей и шесть подсадных, ценность которых при ловле диких оленей была неисчислима: поэтому финны очень ценили этих подсадных оленей". Но у этого норвежского капитана было не более двадцати голов крупного рогатого скота и столько же овец и свиней. Финны платили арендную плату шкурами, перьями, китовым усом и веревками за доставку. (Владельцами этих земель, очевидно, были готы, племя завоевателей.) Оттер далее сказал, что страна норманнов (Норвегия) была длинной и узкой, возделанной на морском побережье, но на востоке возвышалась над дикими бесплодными горами. И все же финны населяли их даже в девятом веке — доказательство того, что они были данниками готов, тем более что из рассказа этого норвежца мы можем заключить, что они были единственным народом, который платил ренту: доминирующей расой были свободные землевладельцы. Напротив этой страны норманнов, на юге, находилась *Свевландия*, или Швеция; а на севере, страной напротив, был *Квеналенд*, или та часть региона между Ботническим заливом и горой Сево. "Эти квены," говорит Оттер, "часто нападали на норманнов, а норманы были не менее склонны переходить горы против квен. От Хальголанда, где обитала Выдра, к северу от земель, населенных норманнами, лежит огромное расстояние, такое большое, что никто не смог бы добраться туда морем за месяц". Короче говоря, весь ход плавания от оконечности Норвегии до юга Ютландии описан так подробно, что никто не может перепутать предполагаемые местности или отказать в доверии рассказу этого старого норвежского мореплавателя.^[12]

Различие, для которого мы привели несколько причин, между различными племенами севера, теперь признано всеми местными авторами и всемирноиностранцами, которые уделяли этому вопросу большое внимание. “Последователями исторического Одина,” говорит ныне здравствующий автор, “были свиары, известные Тациту под именем суйонов; а жители, которых они нашли в этой стране, были другим племенем готов, которые эмигрировали туда в отдаленный период, скрытый от глаз истории. Первобытными народами, населявшими его, были етнары и гномы; феуни Тацита; скритфиуни Прокопия, а также квены и финны, упомянутые норвежским мореплавателем королю Альфреду. Они были постепенно изгнаны и оттеснены дальше на север, к полярному кругу, готами и свиарами, с которыми они вели постоянную войну, озлобленные религиозной враждой, часто изображаемой в вымыслах северной эпохи в виде аллегии состязания между небесными божествами и гигантами или злыми гениями”. Но об этом подробнее позже, когда мы перейдем к подвигам и политике Одина.^[13]

Об скандинавах до прихода Одина и, действительно, в течение столетий после этого события мало что известно в том, что касается их внутренней истории. Полностью отвергая, как сказочное, хвастовство местных авторов, что у них были *монархи* за столетия до основания Рима; мы можем, однако, признать, что у них были короли — или, если угодно читателю, местные судьи — в мирное время и военные вожди во время войны. Есть основания полагать, что их вожди, принявшие королевский титул, были в какой-то период, да и вообще, чрезвычайно многочисленны. “В то время, - говорит хронист, говоря о периоде, последовавшем за рождением нашего Спасителя, - на севере было *много* царей”. В Швеции их было дюжина; в Норвегии - не менее восемнадцати; в Ютландии их обычно было два; а на различных островах, составляющих остальную часть датской монархии, было по одному. Как в героическую эпоху Греции, так и в эпоху Скандинавии одно и то же состояние общества породило одну и ту же форму правления. Из этих регулов некоторые, вероятно, были наследственными, некоторые выборными; некоторые, безусловно, были главными, другие подчиненными. Это различие было результатом, во-первых, некоторого воображаемого превосходства в семье некоторых принцев, но в большей степени их выдающегося успеха. В Норвегии, например, финский род Форньотеров (Forniot) считался самым древним, и именно к нему вели свое происхождение все князья этой страны. Но давайте не будем забывать, что не следует полагаться на предполагаемых прародителей этих регули, или имена самих регули, или их соответствующий порядок наследования,^[14] или на деяния, приписываемые им. Все - тьма, неопределенность, противоречие. Например, в истории Норвегии нас называют современниками шведских королей, чья история последнего королевства датирует многими поколениями до или после предполагаемого периода. Более поразительно это проявляется в отношении датского и шведского королей. В истории одного мы ссылаемся на историю другого; однако в последнем, в большинстве случаев, нет ни единого слова по этому вопросу. Имена и события, от которых, по-видимому, зависят судьбы каждой страны, упоминаются одним классом историков и обходятся без внимания другим как несуществующие. Но если так мало полагаться на эти царственные преемственности, мы не должны упускать из виду тот факт, что, будь они и приписываемые им события полностью сказочными (хотя полностью сказочными они не являются, поскольку традиция не столько создает, сколько усиливает и искажает), они все равно потребовали бы нашего внимания. Отвергните их, и вместе с ними должны быть отвергнуты девять десятых северной истории. И эти традиционные песни, составляющие всю историю севера, заслуживают нашего внимания еще в одном отношении — они дают нам лучшее, единственное представление о национальных нравах. По этой причине мы бросим беглый взгляд на более

примечательные события, которые Саксон представляет как предшествующие временам Одина, но которые на самом деле были последующими.

Об истории Швеции и Норвегии в этот сказочный или мифологический, или, в лучшем случае, сомнительный период у нас мало информации, кроме той, что предоставляет нам историк Дании, и он лишь случайно упоминает о них. Не так обстоит дело с самими датчанами, которые, благодаря своим романтическим пристрастиям и неутомимому трудолюбию, нам достаточно хорошо известны.

До правления *Дана*, сына *Хамбла*, Дания, как и весь север, подчинялась вождям — наследственным или выборным, нам нет необходимости выяснять. Но у такой формы правления были свои недостатки. Сотня тиранов была более раздражающей, чем один; и *Дан*, давший свое имя нации, был облечен властью, превосходящей другие вожди, и королевским титулом. После его смерти скипетр перешел по избранию, а не по наследству, в руки его *Смиренного* сына; но народ обнаружил, что у монархии тоже есть свои проклятия, хотя они и не столь многочисленны и велики, как те, которые неотделимы от аристократии. *Лотер*, брат *Хамбла*, восстал, одержал победу и получил возможность узурпировать королевское достоинство. Поскольку он был мятежным подданным, то стал королем-тираном. Самого прославленного из датчан он лишил имущества или жизни, пока заговор не послужил ему так же, как он служил многим другим. *Скьольд*, сын *Лотера*, был возведен в вакантное достоинство, что является доказательством (всегда предполагающим, что традиционные руководства Саксона заслуживают доверия) того, что принцип наследования имеет большую силу даже в самых древних формах общества; действительно, применение этого принципа к верховной магистратуре государства является естественным и почти неизбежным результатом патриархальной системы — системы, которая, как мы все знаем, существует одновременно с существованием мира. *Скьольд* был *Геркулесом* своего времени; и в то время, когда дикие звери оспаривали у человека власть над лесом, он был большим благодетелем, чем если бы он был просто воином. Даже в юности он был вундеркиндом; он мог схватить и заковать в цепи самого свирепого медведя, оставляя своим последователям менее благородную задачу по уничтожению чудовища. И все же он часто сражался с храбрейшими представителями своего племени; ни один борец Скандинавии не мог противостоять ему; в единоборстве он сверг герцога алеманнов или швабов, причем его армия и армия его врага были зрителями; низвел этот народ до положения данников и с триумфом вернулся домой в сопровождении дочери герцога, прекрасной *Авильды*, которую он сделал наследницей своего трона. Мудростью он отличался не меньше, чем доблестью. Он был законодателем: плохие законы он отменял и вводил в действие такие, которые требовались улучшенным состоянием общества. Он был большим другом бедных и страждущих; долги других он часто оплачивал из своей казны; добычу, взятую в битвах, он неизменно раздавал своим последователям; и это было одно из его благородных высказываний, что, хотя деньги были наградой солдата, славы было достаточно для генерала. Действительно, этот принц был настолько почитаем, что его потомки были рады получить дополнительную известность от его имени; а *Скьольдунги*, или потомки *Скьольда*, издавна были дороги Дании.^[15]

Грам, сын *Скьольда* и пятый король, был наделен равной силой и равной предприимчивостью, и его жизнь была более романтической. Его первой супругой была дочь его наставника или губернатора, мрачного старого вождя; но, считая эту женщину ниже себя или, что более вероятно, желая вознаградить своего брата по оружию *Бесса*, он вскоре подарил ее этому

герою. Чем дороже дар, тем больше заслуга поступка; подобных примеров щедрости нет и у других языческих героев севера. Вероятно, Грэм недооценивал такую легкую победу, как жена, которую он таким образом представил своему другу; и его честолюбие было возбуждено надеждой заполучить леди, которую не могло завоевать ничто, кроме высочайшего мужества. Гро, дочь Сигтруга, короля шведов, была помолвлена с великаном, а именно с джутом или финном. Возмущенный этой проституцией королевской крови и девственной скромности, датский монарх в сопровождении своего неизменного спутника Бесса вторгся в Швецию, убил родственников Гро, подчинил страну и с триумфом увез принцессу.^[16] Но, при всей своей доблести, Грэм был непостоянен. Ведя свою армию против короля финнов, он был настолько поражен красотой дочери этого монарха, что быстро превратился из врага в поклонника; и он получил обещание ее руки при условии отказа от Гро. Однако едва он покинул территорию Финляндии, как прибыл саксонский герцог, стал ухаживать за дамой, и был назначен день свадьбы. Но он был не в том характере, чтобы вынести это оскорбление. Оставив свои войска, он бесшумно и быстро направился в Финляндию, скупно переоделся, проник в королевский дворец и занял скромное место. Когда его спросили, что привело его туда, он ответил, что его профессия пиявки — персонажа, почитаемого священным во всех древних сообществах и гарантирующего доступ в каждый дом. Как он и ожидал, собравшиеся гости вскоре погрузились в пьянство. В соответствии с обычаями того времени, он воспел свои собственные подвиги, обезглавил ничего не подозревавшего жениха, поверг многих слуг ниц на землю и увез принцессу на свое судно, которое ожидало его на берегу. Но его конец был фатальным. Свибдагр, король Норвегии, лишил его империи и жизни; его владения стали наградой победителю, а двух его малолетних сыновей, Гутрума и Хаддинга, тайно перевезли в Швецию и передали на попечение двух великанов.^[17]

Здесь Саксон осторожно объясняет, что он подразумевает под словом *гигант*. Он уверяет нас, что существовали три вида. Во-первых, были обычные гиганты; те, кто превосходил все человечество ростом. Следующими были мудрецы, которые настолько же уступали первым в массе, насколько превосходили их в знаниях: они проникали в тайные механизмы природы и были врагами чудовищ-гигантов, которых они покорили. Подобно персидским магам, они боролись за главную государственную власть и получали ее, где бы они ни поселялись, и присваивали себе божественную, не менее чем царственную, власть; короче говоря, они были опытными магами, способными ввести в заблуждение все человечество своими представлениями. Далее, у нас есть третий класс гигантов, которые были потомками двух предыдущих и уступали одному из родителей в величине тела, другому - в знаниях; тем не менее, в обоих отношениях они были выше обычного стандарта нашей природы, и их обманутые поклонники считали, что они унаследовали некоторую долю божественности. После этого мудрого различия датский священнослужитель замечает, что нам не следует удивляться легковерию норманнов, ибо разве римляне, хотя и мудрейшие из людей, не были столь же легковерны? Что бы ни думали об этом отличии или о личностях, которых он извлек из вечной неизвестности, о существовании этой доверчивости у нас есть множество свидетельств; и это дает один из лучших комментариев к нравам и мнениям того времени.^[18]

Свибдагер, завоеватель Грама и шестой король Дании, счел вес трех корон слишком большим для одной брови. Поэтому по просьбе Гро, разведенной королевы Грама, он отозвал ее сына Гутрума из ссылки и посадил его, как вассала, на трон. Этого принца, естественно, презирали как раба иностранного принца. Не таков был его брат *Хаддинг*, который, предпочтя свободу зависимому суду и надежду отомстить за смерть своего отца улыбкам убийцы этого отца,

остался в изгнании, и с ним были сердца Дании. Из всех древних героев монархии этот, пожалуй, самый прославленный. Поистине удивительными были его поступки. Будучи юношей, он воспламенил сердце Хардгрипа, дочери-великана своего приемного отца-великана, который убедил его ответить ему тем же. Как он мог полюбить великаншу? Был ли он, которого она почти могла заключить в одну из своих рук, подходящей парой для нее? Это было невозможно. “Ни в коем случае”, - последовал ответ. “Мы, представители сверхчеловеческой породы, можем по своему желанию изменять свои формы и даже субстанцию; короче говоря, мы можем достичь облаков или уменьшиться до ваших размеров”. Царственный юноша согласился, и никогда еще у человека не было более полезного и более верного товарища. Ее магические знания принесли ему больше пользы, чем ее доблесть, ибо в этом он мог сравниться с ней; но она могла снабдить его превосходным оружием, защитить от невидимой опасности и вылечить его раны там, где человеческая помощь была бы бесполезна. Наконец, поняв, что он жаждет вновь посетить свою родную страну, она решила сопровождать его. Во время своего путешествия они однажды ночью прибыли в дом, где был должным образом похоронен труп, пока не были совершены скорбные погребальные обряды. Представилась возможность посоветоваться с волей богов, и волшебная великанша воспользовалась ею. Достав кусок дерева, на котором были начертаны определенные стихи могущества руническими знаками^[19], она приказала Хаддингу положить его под язык умершего. Эффект был мгновенным: труп начал говорить и изрекать самые страшные проклятия в адрес той, кто нарушил покой умершей. Это предсказывало ее немедленную гибель в соседнем лесу. Действительно, не успели они добраться до леса и поставить свою палатку на ночь, как увидели огромную руку, которая двигалась вокруг них. Перепуганный Хаддинг позвал на помощь свою спутницу, и она, сильно растянув свое тело, смогла схватить руку и предъявить ее принцу для ампутации. Из раны вытекло больше яда, чем крови. Но победа была куплена дорогой ценой; гигантская ведьма была разорвана на куски разъяренными силами тьмы. “Ни ее сверхъестественное состояние, - говорит Саксон, - ни ее огромный вес не помогли ей”. Хаддинг, однако, не сильно пострадал от этого события: мудрый одноглазый старик, пожалев его безутешного положения, предоставил ему брата по оружию, знаменитого пирата, и оба заключили то, что считалось самым священным из соглашений в духе того времени, а именно, каждый запятнал следы другого собственной кровью. Когда два героя были побеждены вождем, с которым они вели войну, один и тот же старик отвез Хаддинга верхом на лошади в его собственное таинственное поместье, и оба обновили и необычайно укрепили его волшебным напитком. В то же время метрическое пророчество подсказало ему, как ему спастись из нависшего над ним плена. Кто был этот неизвестный благодетель? Вернувшись к тому месту, откуда его забрали, он смог разглядеть сквозь складки своей мантии, что его перенесли над морем. Конь, который нес его, очевидно, был демоном, послушным Одину, богу севера.^[20]

После нескольких великих подвигов на востоке, к которым его привело не меньшее рвение, чем страх перед Свибдагером, Хаддинг вернулся в Скандинавию. В морском сражении он победил и убил своего врага, и таким образом стал сувереном Дании, или, лучше сказать, датских островов, поскольку Ютландия и Скания подчинялись разным князьям. Асмунд, сын Свибдагра, таким образом, превратился во врага, и к тому же врага, которого следовало опасаться. В последовавшей битве, обнаружив, что успех не на его стороне, он молча призвал на помощь великана-волшебника Вагнофта, отца своей покойной любовницы Хардгрип. Вагнофт подчинился заклинанию и немедленно оказался рядом с ним. Асмунд проиграл битву и пал; но в свои последние минуты он испытал удовлетворение, осознав, что сделал Хаддинга хромым на

всю жизнь. И у него была другая радость, достаточно дорогая язычнику: его жена Гунхильда, пренебрегшая возможностью пережить его, убила себя его мечом и была положена в одну могилу с ним. Вторжение Уффо, сына Асмунда, в его собственную страну помешало Хаддингу воспользоваться своим преимуществом; но следующей весной он снова вторгся в Швецию; но его ряды также поредели из-за голода и болезней. Его люди были вынуждены питаться своими лошадьми, затем собаками и, наконец, друг другом. Чтобы усилить их ужас, ночной голос заверил их в большом зле. Даже следующей ночью другой неизвестный голос угрожал шведам уничтожением. Таким образом, обе армии были встревожены; у каждой был сверхъестественный враг, и каждая, возможно, не осознавала, что у нее также есть сверхъестественный друг. В ту же ночь две армии вступили в бой; и вот, смотрите! во время битвы при свете звезд были замечены два пожилых человека, ростом превосходящих человека, — один за шведов, другой за датчан. Последние были покорены, и их король был рад бежать в свою страну. Но несчастье преследовало его. Однажды, когда он охлаждал свои конечности в морских водах, он заметил рыбу, не похожую ни на одну из когда-либо виденных им; поскольку она была недалеко от берега, он убил ее, и ее отнесли в его лагерь. Но каков же был его ужас, когда появилась морская нимфа и объявила, что прямая месть падет на его голову! Он убил одного из богов в образе рыбы. Отныне стихии должны были быть враждебны ему; если бы он отважился погрузиться на глубину, его судно потерпело бы крушение от ярости бури; на суше дом, который принял его, также был бы сровнен с землей из-за бури; его стада погибли бы в полях; каждое место, которое он посетил, было бы проклято ради него; и этот ужасный приговор должен был оставаться в силе до тех пор, пока он не умиловит божественный гнев частыми жертвоприношениями. Этим повелением нельзя было пренебрегать; в течение года алтари постоянно дымились от быков, приносимых в жертву ужасному божеству ветров.^[21]

Жизнь Хаддинга была полна предзнаменований и чудес. Едва он спас принцессу Регнильду Норвежскую от обязанности выйти замуж за великана, убив чудовище и сделав ее своей невестой, как с ним приключилось самое удивительное приключение. Однажды зимним вечером, когда он ужинал со своей невестой, было замечено, как женщина, похожая на отборщицу зелени, подняла голову от земли у очага и спросила, не желает ли король узнать, где растут такие травы в это время года. Он ответил, что ему очень хотелось бы знать. Услышав это, она завернула его в его собственную мантию и опустилась вместе с ним на землю. То, что они увидели во время этого подземного путешествия, имеет некоторое сходство с описаниями скандинавского мира духов, которые были даны нам. Сначала они вступили на темную тропу, истоптанную ногами многих путешественников, и здесь они увидели несколько великих людей земли, — некоторые в пурпуре и золоте, — чья судьба, казалось, заключалась в их неопределенных изгибах. Миновав их, они вошли в область некоторого плодородия, откуда женщина черпала свои лекарства. Еще дальше они достигли реки с быстрым течением и черными водами, которая катилась по оружию многих героев и через которую мост привел их в другие края. Одним из первых объектов, бросившихся им в глаза, были две армии, вступившие в смертельную схватку. “Кто это?” - спросил Хаддинг. “Это, - ответила волшебница, - те, кто пал в битве; и им доставляет удовольствие в этом мире постоянно подражать своим боевым подвигам в другом”. Наконец они добрались до высокой стены, совершенно непроходимой. Женщина, действительно, не пыталась взобраться на него; но, открутив голову петуха, которого она принесла с собой, она сбросила его вниз; и вот! петух запел, как будто с ним ничего не сделали! Не в силах двигаться дальше, отважные путешественники вернулись во дворец.^[22]

Остаток жизни этого монарха должен быть поспешно прерван. Он одержал победу над Уффо, который пал в битве, и передал вакантный трон Швеции Хундингу, брату покойного монарха. Его последние дни были омрачены неестественным поведением его дочери Ульвильды, которая вместе со своим мужем планировала его уничтожение. Хотя он избежал всех ловушек своих врагов, в конце концов он наложил на себя руки, оставив трон Дании и превосходство над Швецией своему старшему сыну Фроде I.^[23]

Фроде I. был также великим воином, и он перенес свои грабежи из России на британские острова, на которых, к несчастью для туземцев, пробыл дольше, чем привыкли короли, единственной целью которых была добыча. Если в датских рассказах об этом периоде была хоть капля правды, Шотландия и Южная Британия находились в частых сношениях с северным королевством — иногда в целях войны, иногда ради мира. Но всем этим рассказам следует доверять. События, произошедшие в гораздо более поздний период, были перенесены в предшествующий нам; и основа была настолько обложена баснями, что никакая изобретательность не может отделить правду от лжи.— Когда Фроде начал свое правление, он обнаружил, что казна пуста. Как ее пополнить? Способ, часто встречающийся в скандинавских легендах. На уединенном острове дракон, грозный как по размеру, так и по яду, вынашивал планы по приобретению огромных богатств. Юный монарх поспешил на место, вошел в пещеру, сразился со змеей, убил ее и унес золотой клад. Есть ли какой-либо смысл в этой и подобных баснях, было много споров; однако, вероятно, у нее было основание, и дракон, возможно, был каким-то ужасным пиратом, которого уничтожил Фроде и чьи подземные богатства он захватил. Нам говорят, что эти неожиданные запасы позволили ему продолжать свои экспедиции по различным побережьям Европы. Но у нас нет ни малейшего желания следовать за ним. Мы можем, однако, сослаться на способ, которым он завладел Лондоном, потому что тот же прием часто встречается у северных писателей. Придя в отчаяние от того, что так хорошо защищенное место было захвачено, он распространил слух, что он внезапно умер в своей палатке. Было испрошено разрешение похоронить его в одном из храмов города, и оно было получено. В назначенный день мнимое тело пронесли через ворота; множество датчан присутствовало, чтобы воздать почести своему монарху; но под траурными одеждами они спрятали свое боевое оружие; и, по поданному сигналу, они отбросили насмешку над горем, напали на бриттов и захватили город врасплох.^[24]

О непосредственных преемниках этого монарха известно мало. *Халдан*, его сын, был великим воином, предавшим смерти собственного брата, и народ ненавидел его. *Роу*, сын Халдана, был тихим принцем, невысокого роста, но с умом, заботившимся о том, чтобы сделать своих подданных счастливыми. *Хельге*^[25], его брат и преемник, с которым при жизни он делил трон, также был принцем выдающихся качеств; но его пороки были еще больше. “Что было более невыносимым - его похоть или его тирания, - говорит историк, - весьма сомнительно”. Его любовные похождения слишком отвратительны, чтобы их описывать. Наконец, видя проклятие, которому его подвергли, он попрощался со своей страной; и это было окончательное прощание. Согласно сообщениям, он пал от собственного меча. В правлениях этих князей у нас нет упоминаний о норвежских государях; но шведы — не будем забывать, что пишет датчанин — представлены все еще зависимыми от Дании.^[26] *Рольф* (или Ролло) наследовал своему отцу и был очень любим своими подданными.^[27] Он пал из-за предательства шурина, которого воодушевила на поступок сестра Рольфа. Заговоры дочерей против отцов, сестер против братьев, жен против мужей - одни из самых распространенных событий скандинавской истории. Поскольку этот принц умер, не оставив потомства, датские государства избрали своим

монархом *Ходера*, потомка знаменитого Хаддинга, который получил образование у Гевара, короля Норвегии. Поскольку именно в правление этого последнего монарха Один снова появляется на сцене северной истории, — его первое появление Саксон относит ко времени Хаддинга, — мы больше не можем не обращать внимания на то, что говорится о нем в древности. В этой, как и в других частях этого введения, читатель может признавать или отвергать все, что ему заблагорассудится.^[28]

Согласно Саксону, этот персонаж был смертным, царем Геллеспонта, который претендовал на божественные почести, и ему фактически поклонялась большая часть Европы. Его глубокие познания в магии придали ему характер. Его обычной резиденцией была Византия; но он с большим уважением относился к Упсалу, который часто посещал. Желая засвидетельствовать свое уважение к этому новому божеству, цари севера отлили в его честь золотую статую, украсили ее браслетами и другими дорогими украшениями и отправили в Византию. Он был принят Одином с великой радостью и помещен в храм богов. Но Фригг, жена Одина, которую Саксон считает вполне достойной такого мужа, сняла со статуи украшения, чтобы украсить себя. Разгневанное божество повесило механиков, действовавших по ее приказу, и, для большей безопасности, поместило изображение на высокий пьедестал и с помощью своего удивительного искусства сделало его слышимым для человеческого прикосновения. Но когда было излечено женское тщеславие? Чтобы заручиться помощью служителя храма, Фригг, не колеблясь, оказала ему последнюю услугу; и с его помощью золото, которое было снова извлечено, снова украсило ее особу. Эта двойная травма была слишком тяжела для бога, чтобы выдержать ее; и Один на некоторое время покинул страну, пока публичные разговоры, подобно девятидневному чуду, сами собой не растворились в пустом воздухе. Во время его отсутствия несколько человек — вероятно, жрецы его собственного храма — присвоили себе атрибуты божественности. Их по возвращении он вынудил не только сложить позаимствованные почести, но и бежать из страны. Среди них упоминается один, случай с которым представляет собой любопытную иллюстрацию народных суеверий. Митотин был великим магом и долгое время пользовался благосклонностью богов. Но они были разгневаны его нечестием, в то время как он больше не оказывал им ни малейшего почтения. По возвращении Одина он бежал в Фионию и был убит жителями. Однако в своей могиле он был щедро отомщен: он распространил по всему региону различные виды чумы; он уничтожил множество жителей; пока однажды они не вскрыли его гробницу, эксгумировали его тело, отрубили ему голову и воткнули кол в труп: тогда таинственному посещению пришел конец. Он, вероятно, первый зарегистрированный вампир.^[29]

Отчет Снорро Стурлесона, который следовал норвежским, а не датским властям, во многих отношениях отличается от предыдущего. Он сообщает нам, что средоточием власти Одина, как мирской, так и духовной, был Асгард, место необычайной святости к востоку от Танаиса. Над храмом стояли двенадцать первосвященников, в чьи обязанности входило приносить жертвы и исполнять законы; их называли *дриар* или *дроттнар*, — повелители, — и они пользовались большим почитанием. Во главе этого теократического государства стоял Один, который находился в постоянной войне со своими соседями и чье оружие всегда блистало успехом. Этот успех был настолько велик, что его называли отцом победы. Когда он отправлял своих генералов в какую-либо экспедицию, он имел обыкновение возлагать руки на их головы и предсказывать удачный исход предприятия. Отсюда особое почитание, связанное с его характером. Его последователи считали его богом; в любых опасностях — на суше, на глубине, — независимо от того, присутствовал он или отсутствовал, — они призывали его имя и

приписывали ему все свое процветание. Его экспедиции, даже в отдаленные страны, были частыми; и во время его отсутствия верховной властью управляли два его брата. Ванов, которые, как говорят, были его соседями, он так притеснял, что они потребовали мира: были выдвинуты условия и даны заложники для их точного соблюдения. Ниорд Богатый и Фрейр, его сын, были сданы ванами; Хейнир и Мимир - ассерами. Однако вскоре первые, поняв, что заложники Одина злоупотребили их доверием, отрубили голову Мимиру и отправили ее в Асгард. С помощью своего магического искусства Один так зачаровал голову, что она стала его оракулом: она беседовала с ним, когда ему заблагорассудится, и знакомила его со многими скрытыми вещами, как о природе, так и о судьбе. Ниорда и Фрейра он привлек на свою сторону, наделив их достоинством жречества и, следовательно, некоторой долей божественности. Те же почести были оказаны Фрейе, сестре Фрейра, которая научила Ассер магии, которой та научилась у своих соотечественников, ванов. Наконец, победоносное оружие римлян приблизилось к королевству Ашхайм; и Один, узнав от судьбы, что для него предусмотрены поселения на севере Европы, оставил двум своим братьям власть в Ашхайме и, сопровождаемый великим множеством последователей, двинулся на запад. В своем путешествии по Германии он разместил своих сыновей над государствами, которые покорили его руки. Затем он двинулся на север и обосновался в Оденсе (остров Одина). Оттуда он отправил Гефио, одну из своих пророчиц, обращать в свою веру людей в соседних областях; и она была хорошо принята как Гильфом, королем Швеции, так и ютами. На самом деле они не приняли ее религиозную веру, но они отдали ей земли и почитали ее как одну из главных опор магии. В дальнейшем она вышла замуж за Скульда, сына Одина, который правил датскими островами. Один сам вторгся в Швецию и вынудил Гильфе уступить ему восточную часть этого королевства. Он обосновался в Сигтуне, где по его приказу возводились храмы и приносились жертвы. Оттуда его авторитет и поклонение распространились по всей Германии и Скандинавии.^[30]

Качества этого необыкновенного человека - любимая тема шведских и норвежских хронистов. По словам Снорро, он был отцом всех искусств северной Европы. Он мог менять внешность ради удовольствия. В глазах своих друзей он был необычайно красив, и их веселье он всегда стремился поощрять. Своим врагам, особенно в бою, он казался демоном: лицо, которое раньше было таким изысканно привлекательным, теперь внушало ужас и смерть. Его красноречие было таково, что он очаровывал всех, кто его слушал, и он всегда говорил стихами; поэтому его называли создателем песен; и от него зародилась северная поэзия. В подражание ему все маги Скандинавии излагали свои заклинания в метрических цифрах: действительно, он настолько подкрепил этот пример, что самые могущественные руны, по всеобщему мнению, потеряли бы свою эффективность, если бы были написаны прозой. Этими стихами Один мог в час битвы поразить своих врагов слепотой, глухотой или паническим страхом и сделать их самое острое оружие тупым, как сучья. Таким же образом он мог сделать своих людей разъяренными волками, сильными, как медведи или быки, и неуязвимыми для стали или огня. Часто, пока его тело лежало навзничь, он принимал другой облик — рыбы, змеи или дикого зверя, - и в одно мгновение устремлялся в самые отдаленные уголки. По его простому приказу огонь перестал гореть, ветер - дуть, море - бушевать; и стихии двинулись в том направлении, в каком ему было угодно. У него был замечательный корабль под названием Скидбладнер, который он мог сворачивать, как носовой платок, но который переносил его через самые опасные моря. — Согласно последней Эдде, этот корабль был построен карликами, — вероятно, лопарями, названными так для отличия от ютийских великанов, — которые были скорее союзниками, чем врагами богов. Каким бы маленьким ни было это судно, поскольку его можно

было легко носить в кармане или на ладони, — тем не менее, когда его расширяли, “все боги, полностью вооруженные, могли сидеть в нем”. И у него было еще одно замечательное свойство: в тот момент, когда паруса распускались, обязательно поднимался попутный ветер и нес пассажиров туда, куда они хотели отправиться. Затем была забальзамированная голова Мимира, которая познакомила его со всем, что он хотел знать. И у него были два ворона, которых он наделил даром речи и которые, постоянно летая над землей, приносили ему сведения обо всем, что происходило. Иногда он вызывал мертвых из их могил: поэтому его называли Повелителем Гробниц. Он был глубоко сведущ в искусстве, называемом *сейд*, — искусстве, которое предсказывало события, вызывавшие или устранявшие смерть, болезни, боль и все невзгоды человечества. Он знал все сокровища, скрытые в недрах земли, заклинания, которые могли открыть их, законы, по которым жили волшебные обитатели гор, ручьев и скал: их движения регулировались одним его словом. Отсюда его широко распространенная слава; отсюда доверие его последователей и ужас его врагов. Многим искусствам он обучал своих понтификов, благодаря которым они стали почти такими же мудрыми и могущественными, как он сам. Ему и его двенадцати понтификам поклонялись как богам. Законы, которые он ввел, были законами, издревле принятыми Ассером. Он приказал сложить трупы умерших в погребальную кучу, а вместе с ними и самые ценные вещи умершего, подтвердив, что все, что было таким образом съедено, будет сопровождать героя в Валгаллу и по-прежнему удовлетворять его потребности. Прах людей в целом должен был быть выброшен в море или зарыт в землю; только некоторым из них, обладавшим выдающимся достоинством или заслугами, разрешалось воздвигать гробницы в их честь. Первое великое жертвоприношение он приказал совершить с приближением зимы, в благодарность за дары года; второе - в середине зимы, за еще одно благоприятное время года; третье - летом, за победу над всеми врагами. С каждой головы взимался налог, и продукция расходовалась на оборону королевства, содержание храмов и общественные жертвоприношения.^[31]

Вопрос о том, существовал ли когда—либо Один, не являются ли он сам и его предполагаемые азиаты просто порождениями воображения, не являются ли они чисто мифологическими и не относятся ли к азиатскому источнику периода, затерянного в глубинах древности, долгое время вызывал удивление у писателей. В вопросах чистой истории, конечно, лучше ошибиться в сторону скептицизма, чем доверчивости; но в данном случае мы не можем найти достаточных оснований для первого мнения. То, что он существовал в недалекий период, предшествовавший вторжению саксов в Англию, подтверждается как письменными свидетельствами, так и традицией. Согласно этой почтенной и наиболее бесценной реликвии древности, “Саксонской хронике”, все принцы нации вели свое происхождение от обожествленного героя; и количество поколений между ним и правящим королем подробно зафиксировано. Таким образом, от Одина до Сердика, 495 г. н.э., десять поколений; от Одина до Иды, 547 г. н.э., столько же; от Одина до Эллы, 560 г. н.э., двенадцать; от Одина до Кеолвульфа, 597 г. н.э., тринадцать; от Одина до Пенды, 626 г. н.э., двенадцать; от Одина до Оффы, 755 г. н.э., шестнадцать; от Одина до Этельвульфа, 854 г. н.э., двадцать три поколения. Во всех этих списках тщательно указана промежуточная цепочка, от короля-волшебника до его саксонского потомка. Таким же образом постепенно детализируется ряд северных королей, начиная с сыновей Одина, которые были посажены им на троны Дании, Швеции и Норвегии. Таким образом, в Дании насчитывается двадцать пять поколений от Скъольда, сына Одина, до Рагнара Лодброка, 794 г. н.э. В Швеции от Ньерда (*приемного сына*, возможно, Одина) до Олафа, 630 г. н.э., насчитывается двадцать три поколения. В Норвегии преемственность

королей от того же Ньорда до Харальда Харфагера, первого *монарха* этой страны в 934 году н.э., составляет двадцать восемь. Мы думаем, что эти генеалогические ряды, столь тщательно и до мелочей детализированные, позволяют, по крайней мере, предположить, что верховный король севера жил и правил в период, не очень отдаленный от рождения нашего Спасителя. Не то чтобы тема была лишена трудностей. События, приписываемые временам Одина, многими авторами считались неприменимыми ни к одному столетию в известной мировой истории. Следовательно, некоторые относят его к эпохе, следовавшей сразу за потопом; некоторые - к седьмому веку после этого события; некоторые - к эпохе Дария Гистаспа; другие - к эпохе Филиппа, царя Македонии; третьи - менее чем за два столетия до Рождества Христова; в то время как другая сторона утверждает, что он был еще более поздним и что Ариовист, которого победил Цезарь, был одним из его сыновей. Там, где так много противоречий, так много абсурда, нашим единственным ориентиром, в отсутствие положительных доказательств, является разум; и это подтверждает общепринятое мнение, что этот персонаж гораздо менее древен, чем предполагалось ранее. Не то чтобы многие из его обрядов, многие из его представлений, многие, возможно, из его предполагаемых действий не были более древними. Действительно, есть некоторые основания предполагать, что они были известны в Азиатской Скифии за тысячу лет до него. Но такая судьба не свойственна Одину; она была у всех знаменитых людей. Тот, кто глубоко погрузился в историю преданий, должен знать, что легенды, которые раньше были применимы к самым древним персонажам, были применены к сравнительно современным персонажам, когда последние были мертвы достаточно долго, чтобы позволить воображению наделить их новыми атрибутами. Таким образом, многие рассказы о героях Карла Великого, о самом Карле Великом, о крестоносцах, особенно о нашем львином веке, когда—то были славой язычников и происходили из северного или восточного источника, еще до того, как были известны норманны, франки или англы.^[32]

Вот и все о прямых и положительных доказательствах, которые убедительно подтверждаются умозаключениями. Готы, как и все скифы, привыкли обожествлять своих умерших героев. Это прямо подтверждается несколькими авторами, особенно Адамом Бременским; упоминаются и герои, которые, как мы находим, были обожествлены. Так, Армину, или Эрмин, мужественному стороннику независимости Германии от римлян, поклонялись как богу; а его знаменитый идол, названный по его имени Ирминсул, привлекал множество язычников на остров Рюген: он действительно считался палладиумом германской свободы. Легкость, с которой обожествлялись короли и герои, еще более поразительно проиллюстрирована в жизни святого Ансара, апостола скандинавов. Встревоженные успехом, сопутствовавшим проповеди этого замечательного миссионера (это было примерно в середине девятого века), жрецы одинианского культа прибегли к дерзкому обману. Благодаря их ухищрению в шведской столице внезапно появился человек, который подтвердил, что он только что присутствовал на общем собрании богов и что он передал от них послание королю Олафу и его народу. Суть его заключалась в том, что древние божества всегда были весьма снисходительны к шведам; что до сих пор они не находили причин жаловаться на неблагодарность со стороны своих почитателей; что теперь, однако, произошло печальное сокращение жертвоприношений и других доказательств преданности; и что их гнев был особенно возбужден появлением нового божества, особенно враждебного богам королевства. “Если, ” добавили они, - вы, шведы, действительно хотите увеличить число богов, мы с готовностью допустим вашего покойного короля Эрика к почестям обожествления”. То, что предложение было принято, что в честь Эрика немедленно был воздвигнут храм, что его алтари постоянно дымились от жертвоприношений, —

один из самых несомненных фактов истории. Следовательно, в обожествлении Одина нет ничего неразумного; действительно, он не мог бы избежать этой чести. Столь прославленный человек, каким он был, — великий воин, великий законодатель, основатель новой империи, и новой религии, — несомненно, не мог не быть удостоен тех же почестей, что и Армин или Эрик. Действительно, поскольку очевидной политикой азиатских последователей Одина было представлять власть своего короля—первосвященника и его преемников как основанную на божественной, а не на человеческой санкции, — поскольку эта власть была откровенно теократической, - его по необходимости должны были считать богом, если не при его жизни, то сразу после его кончины.^[33]

Наше внимание на первых страницах этого Введения привлекло не только светское, но и духовное правление Одина, а также социальное превосходство его непосредственных последователей над жителями Швеции, которых он нашел. Наше мнение по этому вопросу убедительно подтверждается здравомыслящим ныне живущим писателем. “Один основал империю свиаров, которая первоначально была ограничена небольшой территорией вокруг Меларского моря, в нынешней шведской провинции Нагорье, называемой малый Свитьод, в отличие от большого Свитьода, или Скифии, откуда они мигрировали, и Маннахейма, или Дома Человека, в отличие от небесной обители Асгард. Постепенно свиары, как ведущее племя, управляемое королями-первосвященниками, непосредственными потомками Одина, и находящееся под опекой великого храма в Сигтуне, главной резиденции нового суеверия, приобрели господство над готами, которые владели более южной частью страны, называемой Гаутланд, Гетланд или Гета-рике. Это превосходство свиаров над готами установлено четкими положениями древнего основного закона их объединенной империи, согласно которому "король был избран национальным собранием всех шведов (*на тунге allra Svía*) у Морского камня на равнине близ Упсала, и собрание всех готов (*на тунге allra Gota*) должно переизбрать или утвердить его".^[34] Это различие между двумя племенами постоянно сохраняется в традициях и летописях средневековья, а разделение между Свией и Готой-рике четко обозначено горной цепью, протянувшейся между Седерманландом и Восточным Готландом. В настоящее время это также признано в уставе высших судебных инстанций, называемых Свеа и Гета Хофрат, учрежденных во времена правления Густава Адольфа и к которым недавно была добавлена третья инстанция для провинций Скания и Блекинг”.

“Одним из древних документов, проливающих наибольший свет на историю героической эпохи на севере, является недавно опубликованная поэма эдды под названием *Purc-мал*. Говорят, что принц с таким именем был сыном Скъольда и, согласно хронологии Зума, правил в Скании примерно в конце второго века христианской эры.^[35] Это стихотворение содержит подробную классификацию различных слоев общества, олицетворяемую детьми короля Рига, который, как предполагается, разделил их на отдельные касты, присвоив каждому соответствующий ранг на социальной шкале. Как литературное произведение, оно напоминает англосаксонскую поэму “Бьювульф” и все другие подлинно традиционные стихи или романсы нецивилизованных народов своей непритязательностью и гомеровской простотой стиля и эпизодов. В этом отношении его по праву называли одним из самых любопытных “образцов манерной живописи”, которые были сохранены и переданы потомкам.^[36] Последствия первоначального готского переселения и завоевания в Скандинавии отчетливо проявляются здесь в чертах касты рабов, произошедших от коренных финнов и отличавшихся от своих завоевателей черными волосами и цветом лица, а также вопиющей нищетой, в которой они были вынуждены жить. Каста свободных людей и фригольдеров, хозяев земли, которую они обрабатывали, происходящая от

готских завоевателей, с их рыжеватыми волосами, светлым цветом лица и всеми чертами, которые особенно отличают эту знаменитую расу, — подобным же образом персонифицирована в ярком описании одной семьи. Затем идет каста прославленных ярлов и херсиров, графов и баронов, которые отличаются от других своими еще более светлыми волосами и кожей, благородными занятиями и манерами, от которых происходит царственный род, сведущий в рунической науке, мужественных упражнениях и военном искусстве”.

“Ранняя история скандинавов прослежена здесь в нескольких строках; но они четко обозначены и подтверждаются всеми традициями древнего севера, касающимися различных рас людей, которыми последовательно заселялась страна.^[37] Первые готские эмигранты покорили кельто-финские племена, которые были первобытными жителями страны, и обратили их в рабство или изгнали сначала в горы, а затем в пустынные дебри и крепости Норрланда, Лапландии и Финляндии. Здесь этнары, как их называли пришельцы-готы, продолжали придерживаться пресмыкающегося суеверия своих отцов, которое было той формой политеизма, получившей название фетишизма, или поклонения зверям и птицам, деревьям и камням, всем живым и неодушевленным произведениям творения. Антипатия между этими двумя расами, столь постоянно упоминаемая в песнях и сагах мифической и героической эпохи, ярко выражена в легенде о Ньерде, который жил на берегу моря, и Скаде, горной нимфе из соперничающей расы этнаров, на которой он женился. Она, вполне естественно, предпочитает свое родное жилище на альпийских высотах, в то время как он настаивает на том, чтобы жить там, где он может слышать рев океанских волн. В конце концов они идут на компромисс с этим супружеским раздором, соглашаясь попеременно провести девять ночей в горах и три на берегу моря. Но Ньердру вскоре надоедает этот договор, и он вымещает свое недовольство в стихотворении на этот счет: ‘Как я ненавижу горные дебри! Я провел там всего девять ночей, но какими долгими и утомительными они мне показались! Там не слышно ничего, кроме волчьего воя, вместо сладостных звуков лебедя’. На что Скади импровизирует такой ответ: ‘Как я могу отдыхать на песчаном морском берегу, где мой сон каждое утро нарушается отвратительными криками чаек?’ В результате она бросает своего мужа и возвращается в горы, где живет ее отец: там, схватив свой лук и надев снежные коньки, она скачет по холмам в погоне за дикими зверями”.^[38]

“Свиары, мигрировавшие вместе с историческим Одином, не добились насильственного завоевания своих национальных братьев из племени готов, которые им предшествовали. Превосходство Одина и его последователей над своими предшественниками было приобретено и поддерживалось суевериями и их предполагаемым превосходством в магии и других искусствах, которые завоевывают доверие или влияют на страхи варварской нации. Старый культ первобытных жителей и их завоевателей был изменен этим новым пророком, который, воспользовавшись существовавшей ранее верой в доктрину переселения душ и воплощения божественных духов, столь широко распространенную среди древних людей земли, выдавал себя за прежнего Одина, который снова спустился к своим верным готам.^[39] Таким образом, его поклонение вскоре вытеснило поклонение более древнему Одину, и атрибуты и действия обоих постепенно смешивались в представлении скандинавов. Но это не вытеснило культ Тора, которого первобытные люди севера считали старшим и самым благодетельным из божеств. В нем они поклонялись благим элементам природы — свету, теплу и особенно грому, сотрясающему и очищающему атмосферу. Это божество почиталось

главным образом в Норвегии, а после его открытия и поселения - в Исландии; но он сохранял свое признанное равенство с другими высшими богами даже в великом храме Упсал, главном средоточии северных суеверий. Его приверженцы образовали отдельную секту, которая часто была вовлечена в смертельную борьбу со своеобразными почитателями Одина. Следующим божеством вскандинавской иерархии был Фрейер, олицетворявший плодородные силы Природы, и вместе со своей сестрой Фрейей, Венерой из этой мифологии, в основном почитался в Швеции, Норвегии и Исландии; в то время как Одину и его сыну Бальдру поклонялись как в Упсале, так и в Ледре как своеобразным национальным божествам датчан-готов и Свиара. Религия севера, в том виде, в каком она была, наконец, изменена этим новым устройством, выразившимся в совместном поклонении Тору, Одину и Фрейеру, имела сильное семейное сходство с тремя принципами шаманизма, или веры, исповедуемой последователями Далай-ламы в центральной Азии. Это соответствие наиболее существенно указывает на его происхождение; и, таким образом, происхождение религиозных верований и форм богослужения в сочетании с происхождением языка позволяет проследить происхождение нынешних людей севера до самых отдаленных регионов Востока ”.^[40]

Временное правительство, установленное Одним, было увековечено через его сыновей. Таким образом, Хеймдалль был поставлен над Сканией, первоначальной резиденцией датчан. У Семминга была Норвегия. От другого сына произошли инглинги, которые много веков правили Швецией и Норвегией. Скиольд, четвертый сын, возглавил колонию в Зеландии, которая стала резиденцией другого королевства; отсюда и название Скиольдунги, или королевская семья Дании. А что касается Бальдра, то он был королем англов, если верить "Саксонской хронике". Таким образом, согласно традиции, запечатленной в исландских и норвежских сагах, а также в других памятниках древности, Один был прародителем всех великих династий севера. Но в отношении некоторых частей Норвегии мы не должны забывать семью *Нор*, — мифологическую, или, скорее, мифический Нор, слава о котором была так широко распространена и от которой вся страна получила свое название. Несомненно, местные вожди, те, кто происходил от предков, задолго до прихода Одина, были достаточно горды своим происхождением и слишком сильно привязаны к своей древней религии — более древней, чем религия Одина, — чтобы заботиться ни об азиатском завоевателе, ни о его спутнике дротнаре. Но короли Ассера, или божественной расы, чьим главным божеством был этот самый Один, хвастались духовным превосходством, намного превосходящим их светское.^[41]

Но, возвращаясь к повествованию Саксона и предполагаемой преемственности датских королей, Ходер, который (как мы уже отмечали ранее) Гевар, король Норвегии, получил образование и завоевал сердце Нанны, дочери своего благодетеля. Однако ей не повезло повлиять на божественного возлюбленного, Бальдра, сына Одина, который, как и Дэвид, увидел ее в ванне. Поскольку он знал о ее привязанности к Ходеру, он решил устранить этого человека насильем; но у последнего были друзья, столь же могущественные, как у его врага. Однажды, охотясь в горах, Ходер вошел в облако и внезапно увидел множество дев, которые, хотя и имели некоторое сходство с норвежскими девами, на самом деле были роковыми сестрами. Они обратились к нему по имени, сказали ему, что его возлюбленная Нанна поразила сердце Бальдра, но предупредили его, чтобы он не покушался на жизнь полубога. Они сообщили ему, что невидимо присутствуют во всех битвах, что они являются арбитрами добра и зла, и что они часто помогают своим смертным друзьям, когда помощь требуется больше всего. Сказав это, они исчезли так быстро, что он не мог уследить за ними. Вернувшись, он рассказал Гевару о том, что видел, и попросил руки Нанны. Старый король не возражал против этого поединка, но

он боялся гнева Бальдра, на чье зачарованное тело смертное оружие не могло подействовать. Однако он добавил, — поскольку был великим волшебником, — что у Мимринга, лесного сатира, хранился меч, обладающий достаточной силой, чтобы убить полубога. У того же существа были браслеты, эффективность которых была настолько удивительной, что они значительно увеличивали физическую силу владельца. Но как получить эти чудесные дары? Обиталище сатира находилось среди скал и снегов и было почти недоступно человеку. Ходер, однако, должен был взять свои сани и вожжи, добраться до альпийской глуши, разбить свою палатку так, чтобы на нее падала тень от рожи сатиров, и с неустойчивым терпением день и ночь наблюдать за появлением таинственного обитателя. Принц сделал, как ему было приказано; он постился и бодрствовал, пока однажды ночью, притворившись спящим, не заметил, что сатир внимательно наблюдает за его палаткой. Через мгновение он ударил чудовище, сковал его оковами и пригрозил убить, если оно не отдаст меч и браслеты. Его жизнь была дороже этих сокровищ. Ходер добился своего и с триумфом вернулся ко двору Гевара. Ценность сокровища, действительно, была слишком велика, чтобы не возбудить соперников за обладание им; и один король (Гелдер, который оставил свое имя известной голландской провинции) выступил против него с мощным вооружением; но если это и возбудило зависть, то также помогло своему владельцу, и Ходер одержал победу.^[42]

Тем временем Бальдер, грозный в оружии, вторгся во владения, чтобы силой заполучить прекрасную Нанну, если мольбы окажутся безрезультатными. Но она была глуха к самой изысканной лести. Не выдавая своей привязанности к Ходеру, которая только подвергла бы его большей опасности, она в ярких красках изобразила неравенство предлагаемого брака. “Цепь, которая связывала бога со смертным,” заметила она, — не могла быть прочной. Когда пыл страсти утихал, высшее существо, презирая его неудачный выбор, немедленно распускало его.” Бальдр прибегал к оружию; и к нему присоединилась армия богов, во главе которой стояли Один и Тор. Шансы были ужасающими, но Ходер не был обескуражен. Его волшебные браслеты делали его непробиваемым для стали; и хотя молот Тора сокрушал все, на что падал, у него хватило мужества встретиться лицом к лицу со скандинавским громовержцем. Своим чудесным мечом он отрубил рукоять всепоглощающего оружия, чтобы сделать его бесполезным; и боги, лишенные своей великой поддержки, обратились в бегство. Победа была полной; союзники богов были уничтожены; их тела выброшены волнами на берег; и победитель совершил последние обряды над их гривами. “Странно,” заключает Саксон, “что боги могли быть таким образом повержены смертными!” Но он объясняет это обстоятельство серьезным замечанием, что они были божествами только в человеческих представлениях, а не в реальности. Он, очевидно, считает их просто магами и жрецами; действительно, мудрыми, намного превосходящими человеческую мудрость, но все же смертными. Его религия, его профессия заставляли его так относиться к ним; и часто, употребляя термин “бог”, он добавляет оговорку, которую мы только что заметили.— Продолжим: в награду за эту победу Ходер получил руку Нанны и трон одной части Швеции; но вскоре после этого он был побежден Бальдром и потерял датскую корону. Они с Балдером были ужасными соперниками. Из-за его любви к Нанне последний постепенно угасал. Чтобы снискать большую долю божественной милости, он приносил человеческие жертвы кому попало, и последующие века слишком хорошо подражали этому роковому прецеденту. В следующем сражении он снова вышел победителем, а его соперник был вынужден искать убежища в малоизвестной ютландской деревушке. Здесь, без присмотра и обескураженный, Ходер еще глубже ощутил контраст ситуаций. Из Ютландии он перебрался в Швецию, тайно собрал своих верных приверженцев и объяснил им

безнадежность своих перспектив — что он одинаково устал от империи и от жизни. Вынужденный, действительно, заботиться о своей безопасности, скитаясь из леса в лес, из одной пещеры в другую, он являл собой замечательный пример непостоянства судьбы в регионе, где подобные превратности были более частыми, чем в любой другой части света. В этой чрезвычайной ситуации, находясь среди лесов, по которым никогда не ступала нога человека, он однажды вошел в пещеру, в которой обнаружил странных сестер. Когда его спросили, что привело его в их уединение, он ответил: “Несчастье на войне”. Он оплакивал свою тяжелую судьбу и утверждал, что их предсказания не подтвердились, но были опровергнуты произошедшим событием. Однако они утверждали, что если бы он был дважды обращен в бегство, то нанес врагу такой же серьезный ущерб, какой враг нанес ему. Но Бальдр был на датском троне; какое же утешение, следовательно, он мог получить? Ему, действительно, сказали, что если бы он только смог найти и приспособить для себя определенный вид пищи, которую каждый день подавали его сопернику, и которая поразительным образом увеличивала силу этого соперника, он стал бы победителем. Как это обнаружить? Но, какова бы ни была его судьба, она не могла быть более катастрофичной, чем нынешняя; и он снова искал Бальдра с оружием в руках. Бой первого дня был нерешительным. Ночью он лежал в своей палатке; но сон отказывался посещать его, он встал и пошел в сторону вражеского лагеря. Там он увидел, как три девственницы (продавщицы стола Бальдра) вышли из шатра этого принца. Он обратился к ним, и когда его спросили, кто он такой, ответил: “Арфист” — персонаж, всегда священный на севере. Поскольку он был действительно искусен в обращении с инструментом, ему охотно поверили, и ему позволили увидеть, что это за таинственное вещество, оказавшее такое чудесное действие на тело его соперника: это был яд трех змей, который девственницы ежедневно или ночью извлекали из рта рептилий и смешивали с более твердой пищей Бальдра. Одна из дев хотела отдать немного еды Ходер, но старшая запретила ей. Все, однако, были так довольны его искусством менестреля, что подарили ему пояс, который гарантировал ему победу над всеми его врагами. Пророчество вскоре исполнилось. Обладая этим поясом, в дополнение к другим своим магическим сокровищам, он встретился со своим врагом и нанес ему смертельную рану. Как истинный герой севера, Балдер, решивший умереть на поле битвы, был доставлен на носилках в самое сердце армии Ходера; но вскоре он испустил свой последний вздох. Над его телом его войска воздвигли огромный курган. То, что вместе с ним были захоронены бесценные сокровища, было единодушным мнением потомков. Во времена Саксона несколько юношей однажды ночью поспешили к этому месту и попытались открыть его; но так как до их ушей донесся ужасающий шум, они воздержались и убежали. Все это, говорит историк, было нереально; это была всего лишь иллюзия волшебства.^[43]

Что касается смерти и погребения Бальдра, то в последней Эдде мы имеем много деталей, полностью опущенных Саксоном, и еще больше таких, которые полностью отличаются от его собственных. Однажды ночью этому Болдеру приснился сон, который считался предзнаменованием его судьбы. С согласия богов его мать, Фрейя или Фригга, призвала огонь, воду, землю, камни, железо и другие металлы, деревья, животных, птиц, рептилий, яд и все болезни отказаться от всякой власти над ним; и они дали клятву на этот счет. Чтобы испытать эффективность сражения, некоторые из богов бросали в него дротики и камни, в то время как другие атаковали его другим оружием: тщетно; никто не мог ранить его. Видя это, Локе, гений зла, переоделся старухой, отправился во дворец Фригг и сообщил ей, что делают боги. “Пусть они пытаются столько, сколько им заблагорассудится”, — последовал ответ. “Все живые существа обещали уважать моего сына”. “Как?” возразил Локи, цель которого достаточно

очевидна. - неужели все вещества без исключения были обещаны таким образом?" "Все, " был ответ, " кроме одного незначительного растения, называемого омелой, которое растет на западной стороне Валгаллы и от которого, такова его слабость, я не требовал клятвы". Локе этого было достаточно: он пошел к месту, где росла омела, вырвал ее с корнем и вернулся к собранию богов, которые все еще были заняты тем же развлечением. Согласно этому рассказу, Ходер присутствовал; но он не был божеством, он был просто слепым стариком. "Почему ты не присоединишься к упражнению?" спросил Локи. "Потому что я слеп". "Возьми эту пустяковую трость и брось ее; я направлю твою руку; знай, что это для всех нас честь Бальдра!" Ракета пролетела, и герой упал, чтобы больше не подняться. Боги были в печальном ужасе от этого события; тем более что зло было непоправимым. Все, что теперь мог сделать убитый горем отец, - это воздать должные почести его останкам. Его тело было перенесено на морское побережье; оно было помещено на знаменитый корабль покойного, который был одним из самых больших в мире; но ни один из Одина, ни все собравшиеся боги не смогли столкнуть судно в воду. В этой чрезвычайной ситуации они обратились к знаменитой колдунье гигантов, а именно к расе джутиш, и она повиновалась зову. Она прибыла на спине дикого зверя, держа змей вместо поводьев. Это животное было таким ужасным, что потребовалось четыре великана, чтобы удержать его после того, как она спешила. Одним толчком Гигес отправил корабль в море; и так велика была его скорость, что земля задрожала. Затем по приказу Одина был воздвигнут погребальный костер, и тело жены Бальдра, которую горе свело в могилу, положили на него рядом с его телом. Кто она была? Эдда прямо называет ее Нанной, но называет ей другого отца, кроме Гевара. Однако не может быть никаких сомнений в том, что прекрасная путаница, столь распространенная во всем, что связано со скандинавскими персонажами и событиями, в данном случае вдвойне очевидна: жена Ходера и Бальдера — это одна и та же Нанна, однако традиция в отношении нее, возможно, была искажена. И все же в отношении этой дамы нет большей путаницы, чем в отношении самого Ходера, в различных отношениях Саксона и Снорро, составителя прозаической Эдды. В одном случае, как мы видели, это был энергичный молодой принц; в другом - слепой, немощный и, по-видимому, старый. Такое разнообразие повествования проистекает из разнообразия источников, к которым обращались два историка — один ограничивался национальными песнями Дании, другой обращался к старым норвежским или, скорее, исландским традициям, которые скальды передали потомкам. В средние века, особенно до четырнадцатого века, существовал обширный массив легендарных преданий об Одине, его семье и его жреческих спутниках — преданий, из которых разные Скальды брали то, что они считали наиболее интересным для своих слушателей. Но, возвращаясь к похоронам Бальдра, Тор приготовил освященный огонь: конь умершего героя был положен на погребальный костер; и Один добавил свое золотое кольцо, которое обладало чудесным свойством производить восемь других колец каждую девятую ночь. Таким образом, в присутствии всех богов, сатиров, нимф и циклопов был совершен пожар.^[44]

Согласно тому же почтенному авторитету, а именно "Эдде Снорро", была предпринята попытка вернуть душу Бальдра из империи Хела, или смерти. Кто возьмет на себя эту опасную миссию? Именно Хермод, другой сын Одина, по просьбе своей матери оседлал Слейпнера, знаменитого черного скакуна, сел на него верхом и нырнул в подземные ходы, которые вели в обители мертвых. У этого Слейпнера репутация, которой четвероногие никогда прежде не пользовались. Во время частых состязаний между богами и гигантами, то есть между готами и юттами, первые не всегда одерживали победу; не всегда они были уверены в безнаказанности в своей крепости, как бы хорошо она ни охранялась. Однажды перед ними предстал архитектор и

предложил построить им такой город, чтобы вся мощь Йотунхейма не смогла противостоять ему. Однако за эту услугу он должен был получить свою награду, и она была великолепной: богиня Фрейя в жены с солнцем и луной в качестве приданого. Они согласились на его условия при условии, что он сделает то, что, без сомнения, они считали невозможным, а именно выполнит работу сам, в течение одной зимы; и они были достаточно великодушны, чтобы позволить ему воспользоваться своей лошастью. Вскоре у богов появились основания для беспокойства, ибо конь не только таскал камни огромной величины, но и выполнял больше архитектурных работ, чем хозяин. В течениетрех дней после окончания зимы ничего не оставалось, кроме как завесить ворота. В великом смятении боги собрались, чтобы посоветоваться, какими средствами можно предотвратить надвигающуюся гибель. Поскольку соглашение между ними и архитектором было заключено по совету Локи, они пригрозили ему смертью, если он не найдет какой-нибудь способ спасти их. Локе, которого иногда называли скандинавским дьяволом, любил проказничать; но еще больше он любил свою жизнь: и в тусамую ночь он заставил кобылу выйти из леса и влюбленно заржать. Слейпнер, услышав звук, оставил работу, чтобы погнаться за кобылой, в то время как архитектор последовал за ней, чтобы вернуть свою лошадь. Таким образом, была потеряна вся ночь. Архитектор теперь понял, что он должен полагаться на себя. Он снова принял свой естественный размер, и вот он стоит, настоящий великан — вечный враг богов! Они не позволили ему закончить работу; но, несмотря на свои клятвы, которые, по их мнению, не были обязательными для исполнения перед великаном, они призвали Тора вышибить ему мозги ужасным молотком. Тем временем таинственный конь оставался с кобылой, и результатом этой связи стал Слейпнер с восемью ногами — самое превосходное из всех животных, когда-либо принадлежавших богам или людям.^[45]

Таково было животное, на котором Хермод спустился в земли Хелы. Описание его путешествия в высшей степени поэтично. В течение девяти дней и стольких же ночей он спускался по обрывистому пути — часто обрывистому — вдоль стен зияющих пропастей, через неровные долины; и все было погружено в такую кромешную тьму, что он был вынужден идти ощупью или довериться инстинкту своего чудесного зверя. Наконец он достиг реки, мост через которую поддерживала девственница по имени Модгудер. Она спросила его имя, его расу, его семью и выразила свое удивление его весом. “Но вчера, - заметила она, - три легиона мертвецов проехали по этому мосту; и все же все вместе они не сотрясали его так сильно, как ты один. Но тыне похож на мертвеца. Что привело тебя сюда?” Он ответил: “Я ищу моего брата Бальдра; ты видел, как он проезжал?” — “Видел: он проехал по мосту: путь к темной обители Гекаты все еще ведет вниз, на север!” Он ехал дальше, пока не подъехал к воротам ада, которые были закрыты для всех, кроме мертвых. Но он не был обескуражен; вонзив шпоры в своего чудесного коня, он миновал ворота и проследовал в огромный зал. Здесь он увидел своего брата, занимавшего самое почетное место. Но это было гораздо менее почетно, чем самое низкое место в Валгалле, куда Бальдр не смог попасть, потому что ему не посчастливилось погибнуть в битве. Однако для нас, бедных смертных, является некоторым утешением осознание того, что гостеприимство не забыто в мрачных краях внизу. Хермод оставался там всю ночь; а на следующее утро он рассказал Хеле о тревоге богов, людей, всей природы по поводу возвращения Бальдра и умолял ее разрешить это. Казалось, она сомневалась, был ли траур по герою таким всеобщим, как он изображал; но, чтобы не оспаривать этот факт, она ответила, что если все предметы, как неодушевленные, так и одушевленные, будут оплакивать его, просьба богов будет удовлетворена. Хермод соответственно поднялся, чтобы уйти. Нанна передала ему несколько подарков для Фригг, своей матери: от Бальдра он получил кольцо (без сомнения, то самое,

которое было положено в погребальную кучу!) их отцу Одину. Затем его сопроводили к внешним воротам, как если бы он был желанным гостем, только что покинувшим дворец земного государя. Достигнув Асгарда, где в то время находился Один, он ознакомил богов с посланием Хелы. По их совету агенты были разосланы по всему творению, моля все оплакать Бальдра. Приказу подчинились все, кроме одной старой колдуньи, которая отказалась плакать и сказала, что Хела должна сохранить свою добычу.^[46]

Но в старшей— или поэтической Эдде - эдде Семунда Мудрого, которая при составлении предшествует Снорро на целое столетие, — путешествие к теням приписывается самому Одину. Когда это было предпринято, Бальдр был еще жив, но сны и предзнаменования преследовали его; и, посоветовавшись с судьбой, Один сел на своего коня Слейпнера и в темноте спустился к обители Хела, где долгое время была похоронена знаменитая пророчица. Он встретил ужасную собаку, которую греки сохранили в своей мифологии и которая с окровавленными челюстями громко лаяла, когда он проходил мимо. Он спускался все ниже, земля дрожала под его скакуном, пока он не достиг высокого зала Хелы. От восточных ворот он направился к тому месту, где, как он знал, должна была находиться гробница пророчицы. Повернувшись лицом к северу, он начал произносить роковое заклинание и расставил по порядку мистические рифмы. Много было могущественных слов, которые он произнес, пока не заставил невольную пророчицу поднять голову и заговорить на языке людей. “Что это за неизвестный смертный, который так потревожил мой покой? Выбеленный снегом, побитый ветрами, промокший под дождями, я долго оставался здесь, — долго я был в объятиях смерти!” — “Вегтам - мое имя, сын Валтама.^[47] Открой мне тайны ада, и я расскажу тебе, что происходит на земле. Для кого приготовлены эти дорогие скамьи, для кого эти золотые ложа?” — “Этот закаленный мед, этот жидкий нектар ожидает прибытия Бальдра. Печальны сыны неба. Я заговорил неохотно; теперь мои уста будут сомкнуты”. — “Слушай, пророчица, ибо я должен знать все. Чья рука лишит жизни сына Одина?” — “Рука Ходера: он, сокрушитель, будет сыном Одина, разрушителем жизни Бальдра! Я заговорил неохотно; теперь мои уста будут закрыты”. — “Слушай, пророчица, ибо я должен знать все. Кто отомстит Ходеру за смерть героя? кто понесет разящего Бальдра на погребальный костер?” — “Ринда, девственница запада, родит сына от Одина; он, когда ему исполнится всего одна ночь, сразит убийцу. Он не должен ни мыть рук, ни расчесывать голову, пока не отнесет на погребальный костер врага Бальдра. Я заговорил неохотно; теперь мои уста будут сомкнуты”. — “Слушай, пророчица, ибо я должен знать все. Кто эти прелестницы, которые плачут от удовольствия и высоко поднимают свои покрытые головы?^[48] Скажи только это, и ты сможешь уснуть”. — “Ах! ты не бродячий губитель, как я до сих пор считал: я хорошо знаю, что ты Один, хранитель народов!” — “И ты не Вала; ты не пророчица; но мать трех адских фурий!” — “Один, возвращайся в свой дом и там командуй!” Никогда больше живые не обратятся ко Мне за советом, пока Локе не освободится от своих оков и не наступят страшные сумерки богов!”^[49] Такова мрачная поэтическая легенда, порожденная гением нашего поэта^[50]

Грей обессмертил. Это одна из самых творческих работ скандинавской музыки.^[51]

Согласно Саксону, не мистик Вала, а Ростииф, король финнов, предсказал, что сын Одина от Ринды должен отомстить за смерть Бальдра. То, что Один, который почитался главой богов, был менее прозорливым, чем финский король, может показаться странным; но этот терминбог часто означает не более чем гот, а глава богов означает только главу папской коллегии, основанной сначала в Азии, а затем в Швеции. И мы должны помнить, что финны были недвусмысленно объявлены непревзойденными в магии, по крайней мере, в той темной магии, которая

стремилась навредить человечеству. И все же Один был столь же злобен. Он не мог успокоиться, пока не отыщет девушку, чей отпрыск, таким образом, был предназначен для достижения его цели. Эта Ринда была принцессой и, следовательно, требовала большего внимания, чем девушка более скромного происхождения. Маскировки, которые он последовательно принимал при дворе ее отца; его частые отпоры с ее стороны; его многочисленные уловки и его окончательный триумф под видом врача - все это серьезно описано достопочтенным историком Дании. Его поведение в этих случаях было настолько недостойно бога, что его коллеги в Византии (или, мы скорее предположим, в Асгарде) удалили его на время из своего общества, лишили его сверхъестественных способностей, низвели до уровня смертных и приговорили к изгнанию — участи, которой он, следовательно, подвергся во второй раз, хотя в первом случае он сам наложил на себя руки.^[52] Все это простым английским языком означает, что он был исключен из коллегии священников. Это естественное объяснение подтверждается утверждением, что через десять лет боги, сжалившись над его страданиями или, возможно, подкупленные лестью и дорогими подарками, вернули ему все его прежние привилегии. Чтобы общественному богослужению не был нанесен какой-либо ущерб, его место занял некто Оллер, священник, настолько сведущий в магии, что мог переплыть моря на кости; но этот узурпатор был убит шведами точно так же, как был убит Митотин. Тем временем Бо, вопрос о связи Одина с Риндой, вырос, и отец поручил ему священную задачу мести. Соответственно, он выступил против датского короля. Ходер предвидел свою гибель и на собрании вождей убедил их избрать его сына Руни своим преемником. В последовавшей битве судьба свершилась: он пал от руки Бо; но победитель также получил смертельную рану и скончался на следующий день.^[53]

Все, что мы еще можем сказать об Одине в настоящем Введении, может быть изложено в нескольких словах. Чувствуя приближение своего конца, он пометил свое тело мечом, вероятно, чтобы подчеркнуть преимущество смерти от этого оружия; и объявил, что отправляется в Годхейм, или рай, где он должен радостно принять свой народ. Шведы были убеждены, что он был возвращен в Асгард, чтобы наслаждаться вечной жизнью; и в этой вере поклонение ему было обновлено и расширено. Во время войны и перед великими битвами он часто являлся им, обещая победу одним, приглашая других в свой чертог, — в обоих отношениях предвестник добра. После смерти его положили на погребальный костер и сожгли с чрезвычайной пышностью. Его последователи верили, что чем выше поднимется дым, тем выше будет его место среди богов; и что чем больше богатств будет поглощено вместе с ним, тем богаче он будет в другом мире.^[54]

Из совпадающих свидетельств Снорро, Саксона Грамматика и двух Эдд можно почти не сомневаться в истинном характере Одина. Очевидно, он был завоевателем, королем, священником, законодателем и знатоком суеверных обычаев своего времени. Наделенный командирскими талантами и безмерными амбициями, он был способен использовать обстоятельства в такой степени, какой редко достигают смертные. Видя успех, сопутствовавший его взглядам, и почитание, которым пользовалась его мудрость, он без колебаний приписал и то, и другое особой милости богов, от которых, как и большинство скифских князей, он хвастался своим происхождением. Поскольку он принадлежал к божественной расе, почему бы ему не пользоваться привилегиями божественности? Действительно, недолг переход от почитания к настоящему богослужению; и не может быть никаких сомнений в том, что даже при жизни этого искусного короля-понтифика в его честь дымились алтари. Но стоит отметить, что на него часто смотрели как на смертного, не только в его эпоху, но и в последующие эпохи; что

слова "гиганты" и "боги" следует понимать применительно к ютам и готам — первым, исконным владельцам земли, вторым, победоносным пришельцам из Азии - господствующей касте, которая присвоила себе жреческие и царские функции и таким образом сохранила свою власть над варварским, поработанным населением. Прошло некоторое время после его смерти, прежде чем его поклонение стало всеобщим на севере; и никогда бы оно не стало всеобщим, если бы его не почитали как бога войны, божество, превыше всех других дорогое свирепым северянам. Даже в нынешнем виде он не занимал самого высокого положения в культе всех скандинавских народов. Норвежцы считали его ниже Тора. Тем не менее, он, безусловно, самый замечательный человек, который когда-либо пользовался человеческой доверчивостью. На значительной части Европы распространилось поклонение ему; и это не было преходящим поклонением; ибо оно преобладало в Германии далеко в девятом веке; в Дании и Швеции столетием позже; и в некоторых частях Норвегии оно не исчезло и в двенадцатом. Однако о религии, которую он основал или которую он объединил с суевериями, существовавшими уже по его прибытии на север, мы поговорим в одной из следующих глав.

После смерти Ходера скипетр Дании, или, скорее, части Дании, перешел в руки его сына *Рюрика*. Имя этого принца интересно англичанину из-за того факта, что предполагаемые события, на которых основана трагедия *Гамлета*, произошли в его правление. По словам Саксона, Гамлет не был сыном датского короля. Его отцом был Хорвендил, губернатор Ютландии, знаменитый пират и вассал Рюрика; но власть не была безраздельной: ее разделял Фенго, брат Хорвендила. Фенго не сделал ничего, чтобы заслужить благосклонность Рюрика; но Хорвендил был настолько доблестен и способен, что удостоился руки Гертруды, дочери датского короля. От этого брака произошел Гамлет, история которого так известна в датских традициях. Фенго не мог без зависти смотреть на удачу своего брата: зависть вела к ненависти, а ненависть - к братоубийству. После этого он женился на овдовевшей Гертруде и унаследовал все правительство Ютландии. Гамлет не был невнимательным наблюдателем за этими событиями. Как язычник, его первым долгом было отомстить за смерть своего отца: долг, к исполнению которого его дядя был полностью готов и следил за тем, чтобы не допустить его выполнения. Поскольку шпионы следили за всеми его действиями, он симулировал безумие; он раскрасил свое лицо, облачился в странную одежду и произносил самые нелепые вещи. Часто его можно было видеть у очага, сидящим среди золы и мастерящим деревянные крючки, которые он закалял от жара. Однако в его безумии был свой метод; и некоторые из его ответов, какими бы нелепыми они ни казались, заставляли бывалых сомневаться, следует ли причислять его к мудрейшим или к самым глупым представителям человечества. “Для чего предназначены эти крючки?” однажды у него спросили. “Для мести за моего отца!” - был ответ. Поскольку никто не мог понять, как они могли достичь этой цели, он был высмеян всеми, кроме проникательных людей, которые предположили, что за этим показным проявлением безумия скрывается глубокая цель. Среди них был ярл Фенго, который, желая доказать, были ли эти подозрения обоснованными, прибегнул к хитрому средству. Нрав принца был чрезвычайно влюбчивым, и считалось, что, если бы к нему послали молодую красивую женщину, он выдал бы себя. Встреча должна была состояться в лесу, и возле него должны были быть расставлены шпионы. В назначенный день ему было приказано отправиться в лес. Как обычно, он сел верхом, уткнувшись мордой в хвост, который держал вместо уздечки. Там он нашел женщину и немедленно выдал бы себя, если бы его молочный брат туманно не намекнул, что ему следует остерегаться. Способ, которым был передан этот намек, как и многие другие части повествования Саксо, слишком груб для перевода. Достаточно знать, что Гамлету дали понять

опасность его положения. Среди его добродетелей целомудрие не числилось; и хотя случаи его нарушения не могут быть зафиксированы в те времена, мы можем заметить, что даже в рассматриваемом нами случае он потворствовал своей склонности и был достаточно хитер, чтобы скрывать это. Фенго, таким образом, был разочарован, но по совету друга он прибегнул к другому средству. Под предлогом длительного отсутствия по неотложным делам он покинул дворец и при условии, что Гамлета приведут к матери, в то время как шпион, неизвестный обоим, должен находиться рядом с ними, чтобы слышать каждое произнесенное им слово. Если бы у него осталась хоть какая-то причина, он, без сомнения, общался бы с той, кого любил и кто, как он знал, никогда бы его не предал. В назначенное время придворный поспешил в апартаменты, где должны были встретиться мать и сын, и спрятался под кучей соломы, которая случайно лежала там, — любопытная иллюстрация домашней экономии того времени. Сразу после этого прибыли Гамлет и Гертруда; но первый был слишком хорошо осведомлен о грозящих ему опасностях, чтобы вести разумный разговор со своей матерью, пока не осмотрит местность. Имитируя кукареканье петуха — имитация, в которой он преуспел на редкость, — и размахивая руками, как крыльями, он запрыгнул на солому и сразу почувствовал, что под ней что-то лежит. Своим мечом он расправился с незванным гостем. После этого поступка, пока его мать оплакивала его предполагаемое безумие, он яростно упрекал ее в кровосмесительном браке с убийцей ее первого мужа. На это двойное преступление он напал не совсем так, как показано в драме, но в манере, более соответствующей варварству того времени, то есть в манере чрезвычайной грубости.^[55] Говорят, что его увещевания зажгли искры добродетели в ее сердце; но продолжение плохо соответствовало этому моральному замыслу или утонченному характеру, который дал ему драматург. Человека, которого он убил, он разрезал на куски, сварил члены и выбросил в канализацию на съедение свиньям. Когда Фенго вернулся, велико было его удивление, когда он обнаружил, что его придворный исчез — что не было обнаружено ни малейшего следа от него. Однажды Гамлета, которого считали не более чем пестрым дурачком и которому задавали вопросы исключительно для развлечения, спросили, что стало с другом его дяди, и он ответил: “Он упал в общую канализацию и, не сумев выбраться, был найден и съеден свиньями!” Его ответ несколько позабавил слушателей, которые сочли его хорошей пестрой выдумкой. Они не знали, что во всех случаях, серьезных или тривиальных, Гамлет говорил правду.^[56]

Но если толпа была введена в заблуждение, то Фенго — нет. Ради своей собственной безопасности он чувствовал, что юношу необходимо убрать; но для осуществления этого требовалось определенное руководство. Он не стал бы раздражать свою жену, а тем более суверена Дании, открыто казняя принца. Дело должно быть тайным и совершено не местными руками, а именно руками английского короля, который, как нас со всей серьезностью заверяют, был данником Дании. Перед отъездом Гамлета он тайно пожелал, чтобы его мать через год после этого отпевала его, заверив ее, однако, что через год он вернется. Его спутниками были два создания Фенго. Однажды ночью, когда они были погружены в сон, он осмотрел их багаж и нашел вырезанный на дереве мандат английского короля. Со свойственной ему хитростью он стер часть символов и так изменил остальное, что иностранному королю пришлось предать смерти двух своих спутников, но проявить всю возможную доброту к себеи даже отдать ему руку английской принцессы. По прибытии в Англию они предъявили свой деревянный мандат, который не смогли прочесть, и были приглашены с большим радушием к королевскому столу. Но в то время как два посланника были таким образом введены в заблуждение, Гамлета приняли с большим уважением. Более любознательный читатель может обратиться к

представленному перед нами почтенному авторитету за рассказом о том, что происходило при английском дворе, — рассказом столь же подробным, сколь и романтическим. Короче говоря, оба посланника были казнены, а Гамлет, чьей мудростью так восхищались, добился руки дочери монарха. Однако он притворился, что сильно потрясен смертью своих товарищей; и, чтобы успокоить его, король дал ему значительное количество золота, которое он расплавил и вложил в углубления двух тросточек. По истечении года он получил разрешение вновь посетить свою родную страну; но из всех своих богатств он взял только посохи, в которых было золото. Добравшись до Ютландии, он облачился в свой собственный пестрый наряд и добрался до дома своего дяди как раз в то время, когда совершались его погребальные обряды. Сначала его внезапное появление привело в ужас слуг и гостей; но ужас сменился весельем, когда они увидели, что он снова принял свой пестрый облик. “Где двое твоих спутников?” спросили они. “Вот они!” — был его ответ, когда он достал свои две палочки. Вскоре он присоединился к виночерпиям; и поскольку его длинные ниспадающие одежды мешали ему действовать, он опоясался мечом, но у него не было ножен; и чтобы произвести на всех гостей более сильное впечатление о своем безумии, он часто сжимал клинок до тех пор, пока кровь не потекла у него из пальцев. Они и не подозревали, с какой целью он опустил до самого низменного занятия: он должен был всех их зверски напоить, а затем осуществить свою месть. Первое намерение ему удалось настолько успешно, что большинство из них, не имея возможности, пошатываясь, выйти из квартиры, были вынуждены всю ночь оставаться в зале развлечений. Наконец, когда все были погружены в сон, он обрезал веревки, поддерживавшие огромную занавеску, занимавшую всю комнату; когда она упала на спящих пьяниц, своими деревянными крючками он прикрепил ее во многих местах к земле; и, натянув веревки на занавеску, так связал их узлами и крючками, чтобы бросить вызов усилиям пьяных людей. Пораженные весом не меньше, чем внезапным затруднением дыхания, они попытались приподнять занавеску, но тщетно; она была слишком хорошо закреплена, чтобы ее можно было сдвинуть. В таком состоянии они вскоре были охвачены пламенем, которое поглотило их самих и дворец. Фенго удалился в свою спальню и заснул: его разбудил Гамлет, который, упрекнув его в различных преступлениях, предал его смерти. Затем он улетел в безопасное место, чтобы понаблюдать за развитием событий. Велико было удивление ютов этой катастрофой; но, поскольку Фенго был тираном, большинство не было недовольно. Поэтому Гамлет появился снова; окружил себя теми, кто, как он знал, был предан интересам его семьи; добился общественного собрания; и своим красноречием так подействовал на людей, что они единодушно провозгласили его преемником Фенго.^[57]

В остальные приключения Гамлета — все они столь же замечательны, как и предыдущие, — мы не можем входить. Тот, кто пожелает прочитать о его последующем визите в Британию; о его браке со второй женой, королевой Шотландии; о его ссоре с британским королем, отцом его первой жены; о его семейной жизни с обоими в его наследственном правительстве Ютландии; о его войне с Виглетом, королем Дании, преемником его деда Рюрика; о его смерти в бою; и о легкости, с которой кумир его сердца, его вторая жена, перешла в объятия победителя, должен проконсультироваться с достопочтенным Саксом.^[58]

У нас нет желания продолжать перечисление датских королей, которые, согласно Саксону, правили до рождения нашего Спасителя. Некоторые из них, вероятно, вообще никогда не правили. Другие, конечно, правили *после* этого события. Другие, опять же, правили в то же время в разных провинциях королевства. Правление многих из тех, кого Саксон относит к дохристианской эре, идентично тем, которые лучшие датские писатели считают более

поздними; и действия, приписываемые обоим, по существу одинаковы. Все авторы признают, что в Дании не было монарха до Скульда, сына Одина; более того, его не было в течение нескольких поколений после этого: ибо есть основания полагать, что даже его власть носила скорее жреческий, чем светский характер. В силу этого характера он мог бы претендовать на двойной суверенитет над полуостровом и островами, и, вероятно, так и сделал; но этот суверенитет никогда не осуществлялся фактически — он был чисто номинальным. У нескольких островов были свои отдельные правители, которых Саксон называет королями; и у Ютландии, как мы видели в очерке из жизни Гамлета, они тоже были. Люди, чьи личные качества возвышались над остальными, становились вождями; и когда один вождь подчинял себе других, он принимал царский титул. Были короли разных мастей. Мы читаем о мелких королях (сма-конунгур, или фюльке-конунгур); о морских королях, королях островов и королях мысов. Название последнего, возможно, требует объяснения. Это были ни много ни мало пиратские вожаки, которые жили в пещерах или в хижинах близ мысов, готовые в любой момент совершить вылазку и схватить ничего не подозревающего моряка. Таким образом, было достаточно королей, разбросанных по морям, лесам, горам, морским побережьям севера. Вероятно, все жители датских островов могли бы выразить, по крайней мере, номинальное почтение тому, кто правил в Скании в Зеландии. Но никакой зависимости от списка датских королей до того, что мы сейчас называем историческими временами, то есть примерно до восьмого века нашей эры, быть не может. Удивительно видеть, как мало суждений было высказано историками этой страны в отношении старых северных королей. Таким образом, авторы “Всеобщей истории”, не удовлетворившись перечислением имен монархов от Дана до Фроде III, были настолько введены в заблуждение латинскими историками Дании, что установили точный год до Рождества Христова, когда каждый из них начал свое правление. ^[59]

Но более поздние авторы проделали печальную работу с этим списком. Они утверждают, что некоторые имена вообще вымышлены; что Скульд правил всего за сорок лет до Рождества Христова; Фроде Первый - через тридцать пять лет после Рождества Христова; Вермунд - через сто пятьдесят; Роу и Хельге - в пятом веке нашей эры. Истина, однако, заключается в том, что, хотя не следует полагаться на генеалогический ряд первых, очень мало зависит от последних. Все это, до восьмого века, представляет собой одну сплошную путаницу. Если имена многих князей можно найти не только у самых ранних авторов севера, но и в рунических надписях, то никакая критика не сможет установить период, в который они правили. Все это чистая гипотеза, и одна система предпочтительнее другой лишь постольку, поскольку она более согласуется со здравым смыслом. Тем не менее, хотя мы таким образом отвергаем некоторых древних монархов, которых Саксон и старшие хронисты передали нам в наследство, мы не настолько скептически, чтобы отвергать большинство. Если до прихода Одина на севере не было монархов, то у него были короли или, если угодно читателю, вожди, чьи должности иногда были наследственными, иногда выборными. Возможно, было бы точнее сказать, что, хотя они унаследовали по наследственному праву владения своих предшественников в качестве *генералов и судей*, они были избраны свободнорожденными воинами. Некоторые из них, вне всякого сомнения, были возведены в монархи по традиции; из традиции они перешли в песни скальдов; и из этих песен память о них была увековечена древними летописцами. По этой причине мы не предали их полному забвению. Нет ничего проще, чем скептицизм; но если скептицизм допустим, как это, несомненно, и есть, в отношении многих деталей, он не менее порицаем, чем легкое верие, когда оно отвергает всю суть истории. В целом, самый надежный вывод состоит в том, что, хотя некоторые из королей Саксона вымышлены — в то время как

многие, которых он помещает до, несомненно, царствовали после нашего Спасителя — в то время как он перепутал весь порядок престолонаследия, чтобы безнадежно запутать читателя — некоторые, вероятно, жили и царствовали до установления готской династии.^[60]

КНИГА I.

ЯЗЫЧЕСКАЯ ЭПОХА, НАПОЛОВИНУ СКАЗОЧНАЯ, НАПОЛОВИНУ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ГЛАВА I. ДАНИЯ.

40 год до н.э. — 1014 год н. э.

ДРЕВНИЕ КОРОЛИ ДАНИИ.—ИХ БЫЛО МНОЖЕСТВО.—ФРОДЕ I.—ЛЕГЕНДА О СВАФУРЛАМИ И МЕЧЕ ТИРФИНГ.—ЗАКЛИНАНИЕ РЕВНОСТИ.—БЕРСЕРКИ.—СТЕРКОДДЕР, ГЕРКУЛЕС СЕВЕРА.—ЕГО РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГОРМА I.—НЕ МЕНЕЕ ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ТОРКИЛА.—КОРОЛИ ДАНИИ, ПРОДОЛЖЕНИЕ: ГУДРИК И ГОДФРИ.—РАГНАР ЛОДБРОГ.—СИГУРД КОЛЬЦО.—ХЕММИНГ.—ГОРМ СТАРЫЙ.—ХАРАЛЬД БЛААТАНД.—СВЕЙН.—ВТОРЖЕНИЕ В АНГЛИЮ.

Если в отношении королей, правивших до христианской эры, мы были свидетелями такой путаницы, то не меньше мы станем свидетелями и в серии событий, последовавших за этим событием. Никакие два летописца, если только один не вытекает непосредственно из другого, не соглашались в этом отношении. Как ни странно, это расхождение в именах и датах наблюдается в отношении сравнительно недавних королей; например, короли восьмого и девятого веков — Снорро, Саксон, Свейн, Аггесен, Торфус, Сам — все отличаются не только порядком наследования, но и самими именами.^[61] Откуда эта разница? Несомненно, по целому ряду причин. Во-первых, титул рекса Данорума, или короля датчан, применялся к губернаторам Ютландии не в меньшей степени, чем к тем, чьи резиденции находились в Зеландии и Скании. По мере того как один из них становился все более могущественным, он претендовал на место среди потомков или, по крайней мере, преемников Скиольда. Во-вторых, часто случалось, что Ютландия, Зеландия или Скания были покорены соседними королями Норвегии и Швеции, и их без колебаний признавали королями Дании. Добавьте к этому количество революций, неотделимых от такого незаконного состояния общества, — когда король за королем отправлялись в изгнание, или предавались смерти, или были вынуждены на некоторое время склоняться перед потоком вторжения, — и мы едва ли сможем удивляться разнице, какой бы крайней она ни была, между списками скандинавских королей. Однако там, где невозможно достичь точности или даже приблизиться к ней, догадки бесполезны. Персонажи, имена и предполагаемые даты которых приведены в примечании ниже^[62], и которые были приняты

современными историками, безусловно, правили какой—то частью Дании; но были ли они всеми, кто правил в этой стране, — не царствовали ли некоторые из них в более северных провинциях, — правили ли они в установленном для них порядке, - вполне можно усомниться.^[63] Было бы легко составить новый список, по крайней мере, столь же вероятный, как любой из тех, что мы переписали в примечаниях; но там, где Торфусу, Саму и другим недавним авторам это не удалось, в попытке было бы что-то вроде самонадеянности. Мы вынуждены заявить, что не следует полагаться ни на что из того, что еще сформировала северная эрудиция; почти так же мало следует полагаться на Сам, как и на все, что ему предшествовало. По этой причине мы включили три наиболее распространенных списка, предоставляя читателю самому принимать или отвергать любые имена, какие ему заблагорассудится. И снова, однако, мы должны предостеречь его от того, чтобы он не отвергал какие-либо из них только на том основании, что они были опущены более поздними авторами. Иногда у Дании было — даже, можно сказать, часто — три или четыре государя одновременно; и когда их власть была почти уравновешена, не могло быть ничего труднее, чем сказать, кто из них был законным королем Данорумом. И эта путаница в наши дни не может вызывать удивления, когда мы обнаруживаем, что Адам Бременский жалуется на нее. “Tanti autem reges, immo tyranni Danorum, utrum simul aliqui regnaverunt, an alter post alterum brevi tempore vixit, incertum est.”^[64]

Об этих царях вплоть до девятого века известно очень мало. Правда в том, что большинство из них были мелкими феодальными вождями, незначительными, как жители Шотландского нагорья в средние века. Наиболее критически настроенные датчане признают, что даже острова, которые сейчас составляют столь малую часть монархии, не были объединены под одним скипетром до середины четвертого века. Эта честь приписывается Дану по прозвищу Микиллати, или Великодушный, шестому по происхождению от Скиольда. Однако не может быть никаких сомнений в том, что этому событию был приписан как слишком ранний период, так и в том, что часто производилось расчленение этих островов. Конечно, мы читаем в них о независимых княжествах еще в восьмом веке. Ютландия, составляющая столь значительную часть монархии, имела своих отдельных губернаторов, или королей, которые, хотя иногда и зависели от королей Зеландии, часто находились с ними в состоянии войны и правили ими. Несомненно, полуостров и острова часто находились под одним и тем же скипетром; но союз был насильственным и сохранялся только до тех пор, пока победитель располагал необходимыми средствами для вознаграждения за повиновение. Если мы читаем о таких союзах еще в пятом веке или даже в четвертом, то мы также читаем о отдельных королях Ютландии уже в девятом. Правда в том, что когда автор вынужденного союза заплатил долг природы, монархия была немедленно расчленена, и ее отдельные части получили своих местных правителей. Там, где с незапамятных времен остров воевал с островом, округ с округом, нет ничего сложнее, чем установить сердечный союз между ними. Требуются века, чтобы уничтожить враждебность, которая была подтверждена веками. Эти изолированные правительства не сохранили никаких записей о своих деяниях; память о них была увековечена только традицией или метрическими песнями, которые эта традиция породила. И те, и другие *создают* в гораздо большей степени, чем увековечивают, — факт, иллюстрируемый всем ходом истории севера до IX века. Отсюда путаница, противоречия, темнота, которая лежит на нем, и невозможность в достаточной степени доверять сообщениям древних или современных авторов по этому вопросу. Поскольку, однако, все эти отношения имеют некоторое основание в истине, было бы неразумно и даже несправедливо предавать полному забвению имена и предполагаемые деяния королей, предшествовавших историческим временам.^[65]

О *Скьольде*, предполагаемом основателе монархии, который, вероятно, был королем только Зеландии, хотя и мог иметь номинальное превосходство над остальными, у нас мало что есть даже в плане басен. На его огромную физическую силу и неукротимое мужество, о которых сообщает Саксон, мы уже ссылались ранее^[66]; и таким же образом мы ссылались на деяния, реальные или сказочные, его более непосредственных преемников. *Фроде I.*, которого Саксон называет *Фроде III*, был не менее доблестен, чем *Скьольд*, поскольку завоевал территорию от Венгрии до Исландии и от Швеции до юга Германии. Истина, вероятно, заключается в том, что он присоединился к какой-нибудь из воинственных конфедераций, тогда столь распространенных, против могущества Рима; и что поход в Германию, предпринятый скорее ради грабежа, чем ради славы, был успешным. Но этот принц заслуживает большей похвалы за рвение, с которым он уничтожал многочисленных бандитов, смирлял тираническую знать, защищал бедных и реформировал суды своего королевства. Некоторые из его указов были суровыми. Тот, кто позволил вору сбежать, сам должен понести наказание одного из них. Тот, кто бежал в бою, должен считаться врагом общества. Если один датчанин грабил другого, он должен был вернуть вдвойне и в то же время понести публичное наказание. Если человек давал убежище вору с украденным имуществом при себе, он подлежал порке плетьюми на публичном собрании народа и рассматривался как *причастный к преступлению*. Если кто-либо, изгнанный за свои преступления, сражался против своей родной страны, он лишался как имущества, так и жизни. В некоторых других его постановлениях было больше гуманности. Женщинам он дал право выходить замуж за того, за кого они пожелают, при условии, что они выберут партнера в равных условиях жизни; ибо свободная женщина, которая вышла замуж или согрешила с рабом, сама становилась рабыней. Если мужчина принуждал женщину, он был вынужден жениться на ней. В других отношениях законы, которые он обнародовал или, скорее, подтвердил, были почти идентичны законам германских племен, которые в предыдущей публикации занимали так много нашего внимания.^[67] Если в истории есть хоть капля правды, они были в высшей степени успешными; ибо о *Фроде I*, как и о нескольких других правителях, записано, что, когда ценные предметы оставляли на дороге, ни один человек не осмеливался к ним прикоснуться. Он был великим покровителем доблести: рабам не запрещалось, как у других германских племен, пользоваться оружием; они также не были лишены надежды на свободу, поскольку один-единственный доблестный поступок поднимал их на социальную ступень. Однако реальные поступки этого принца настолько переплетены с басней — басней одновременно гротескной и образной, — что мы не знаем, чему верить относительно него. То, что он когда-то жил; что он был великим воином; что он обычно одерживал победы; что его внутреннее управление было энергичным; что он был непревзойденным пиратом — его флоты совершали грабежи на всех побережьях Балтики, - не может быть оспорено с большим основанием. Это был героический век. Север кишел королями. Только однажды тридцать человек собрались на Балтике. Признавали ли они высшую власть? Вероятно, так оно и было, поскольку *Фроде* часто сопровождали эти притоки. Истина, по-видимому, заключается в том, что когда какой-либо правитель Ютландии, или Скании, или Сигтуна, или любого другого места в Дании, Швеции или Норвегии получал большую известность как воин, местные вожди, которые всегда носили королевский титул, всегда были готовы искать его защиты и служить под его знаменем. Хотя это повиновение было временным, предпочтение обычно отдавалось тем из более могущественных королей, которые принадлежали к божественной расе — расе *Одина*; но среди превратностей, неотделимых от такого состояния общества, удачливый авантюрист часто

лишал собственности законного претендента; и когда он взошел на трон, о чем свидетельствуют славные воспоминания, его личные качества дали ему немедленное превосходство над большинством его царственных соседей.^[68]

Правление Фроде не следует недооценивать, не обратив внимания на героя, который придал ему наибольший блеск, знаменитого Арнгрима, и на его волшебный меч Тирфинг, разрушитель людей. По словам Саксона, он был чемпионом Швеции, который, одержав победу над другим героем, имел смелость потребовать у Фроде руки Осуры, дочери этого монарха. Сочтя датского короля слишком гордым, чтобы прислушаться к нему, Эрик Шведский посоветовал ему добиться чего-то более блестящего, чем он до сих пор пытался, а затем возобновить свой иск. Не теряя времени, он повел свой небольшой, но доблестный отряд воинов против двух мелких королей — одного биармийского, другого финляндского, — которые презирали датскую власть. “Финны, ” говорит историк, “ последний народ на севере, и их край настолько бесплоден, что едва ли пригоден для жизни. Они хорошие стрелки: ни один народ не превзойдет их в метании метательных снарядов. Они сражаются длинными и широкими стрелами, искусны в магических заклинаниях и обожают охоту. Их местожительство изменчиво. Они бродят и разбивают лагерь везде, где могут встретить диких зверей. На санях они безопасно преодолевают заснеженные вершины гор. У Арнгрима были немедленные доказательства их мастерства в магии. Он действительно победил их; но затем они бросили позади себя три камня, которые, хотя и были очень маленькими, показались их преследователям огромными, как горы. Уловка удалась, ибо Арнгрим, обескураженный крутыми возвышенностями и скалами перед ним, отозвал своих людей. На следующий день, благодаря той же силе песни, огромная река, казалось, встала между захватчиками и туземцами, и первые снова вернулись. Однако на третий день шведам не пришлось обманываться; финны потерпели поражение и были вынуждены платить дань. Та же участь постигла короля Биармии, и Арнгрим по возвращении стал зятем Фроде. Впоследствии у него родилось двенадцать сыновей от принцессы Осуры, все они стали отважными пиратами - самой почетной профессией, известной тогда на севере. Но их конец был трагическим. Высадившись однажды на острове Самсо, они уничтожили экипажи двух лодок — таких же пиратов, как они сами. Но радость их была недолгой. Два вождя, проникшие в глубь страны, внезапно напали на них и уничтожили до последнего человека, один из победителей, Хьялмар, умер от полученных ран.^[69]

Это сообщение датского историка, которое, за исключением магических происшествий, вероятно, верно, слишком просто для скальдов, которые создали на этой основе длинное и остроумнейшее повествование, которое может претендовать на достоинство эпоса. Однако мы останавливаемся на нем не из-за фантазии, которая его создала, а из-за света, который он проливает на нравы того периода. В древние времена там правил король по имени Свафурлам, чей дед получил власть из ужасных рук самого Одина. Он был не менее доблестен, чем его предок. Не успел он вступить в права наследования, как его призвали отомстить за смерть своего отца знаменитому великану, ужасу севера. Он убил чудовище и взял в жены Фриду, прекрасную дочь убитого. Подобные приключения постоянно происходят в историях севера. Жизнь ни одного вождя не была в безопасности; в любой момент он мог быть застигнут врасплох и убит или вызван на смертельный бой тем, кто превосходил его силой или умением. В случае его падения его жена, его дети, все, что у него было, становилось собственностью победителя. В общем, норвежская девушка — если у нее не было прежней привязанности — без особого нежелания отдавалась в объятия убийцы своего отца. Этого отца она не могла своими слезами вернуть к жизни; и она могла бы быть счастлива с тем, кто действовал в соответствии с нравами

эпохи и кто, несомненно, смог бы защитить ее в обществе, в котором женщины больше всего нуждаются в защите. Фрида была довольна своей участью; по крайней мере, пока это касалось Свафурлама. У нее действительно были причины сокрушаться по поводу того, что дочь была единственным плодом их союза; что перед ней не вставали богатырские юноши, чтобы защитить и ее саму, и ее мужа, когда возраст должен был согнуть его жилистое тело. Она знала, что этот период должен наступить, хотя с ним Время, возможно, делало свое дело медленнее, чем с менее энергичными мужчинами. Но не ему выпало впасть в “жухлый и желтый лист”. Прежде чем силы успели оставить его, в те края прибыл чемпион, целью которого было бросить вызов каждому выдающемуся герою и победить его. Это был Арнгрим, который еще никогда не убегал от смертного человека; который в каждом поединке выходил победителем. Свафурлам не испытывал особого удовольствия от приближающейся схватки. Еще меньше этого хотела Фрида, которая не могла не вспоминать о смерти своего отца и не опасаться, что ее мужа может постигнуть та же участь. Эйвор тоже, их прекрасная дочь, опасалась результата; ибо этот Арнгрим, который был молод и силен, в то время как ее отец был в расцвете сил, был *берсерком*, то есть без рубашки, — тем, кто не носил защитных доспехов, — который полагался только на свою собственную силу, которая во время определенных приступов безумия увеличивалась в невероятной степени. Когда на него нападали эти припадки, он презирал сталь, воду, огонь так сильно, как если бы они были безвредны; и ему было все равно, был ли враг, которому ему предстояло противостоять, один или тысяча. Следовательно, он вряд ли мог оказаться непобедимым мужем, способным искупить потерю отца. Чтобы скрыть свое беспокойство или, скорее, отвлечь то зловещее чувство, которое люди иногда испытывают накануне большого кризиса, Свафурлам отправился в горы на охоту.^[70] Вскоре в поле зрения появился красивый белый олень, за которым так же быстро погнались; но ничто не могло сравниться с вызывающим хладнокровием этого существа. Он не был напуган; он не торопился; он побежал, затем развернулся, словно поджидая своих преследователей, и как раз в тот момент, когда они поверили, что вот-вот схватят его, он прыгнул вперед, чтобы ввести их в заблуждение во второй раз. Никогда еще король не был так увлечен этим видом спорта. Опустилась ночь, а он все ехал; и лучи полной, безоблачной луны позволяли ему видеть все почти так же хорошо, как при свете дня. Наступила полночь; охотники все еще преследовали оленя. Но он внезапно исчез в расщелине в скалах, оставив Свафурлама в страшной ярости из-за потери своей добычи. Два гнома — так исландцы называют *фей* — появились из отверстия, и он выхватил свой меч, чтобы уничтожить их, но, вспомнив, что вся раса искусна в изготовлении зачарованного оружия, он пообещал сохранить им жизни при условии, что в течение трех дней они сделают ему оружие, которое никогда не пропустит удар — которое никогда не заржавеет — которое разрезает самую твердую сталь так же легко, как кожу, — которое всегда должно приносить победу владельцу. Соглашение было заключено, и по истечении трех дней Свафурлам вернулся за оружием. Оно было готово для него, и на одной стороне лезвия было написано: "

Не привлекай меня, разве что в бою;

Обнаженный, я пронзаю; и, пронзив, убиваю.

И в то же время его предупредили, хотя и в несколько оракульских выражениях, остерегаться оружия. Вернувшись домой, он обнаружил, что Арнгрим добрался до него. К последнему отнеслись с величайшим гостеприимством. Для него были замочены и сварены соболиные окорока, нанизана на вертел дичь, сварены овощи, испечен свежий хлеб, откупорен бочонок с элем, стол накрыт для обильного угощения, и песня менестреля оживила угощение, которое

приготовили прекрасные руки матери и дочери и которое обе почтили своим присутствием. Это было поистине нечто большее, чем гомеровское: самая великодушная из греческих дам не приветствовала бы таким образом мужчину, который собирался вступить в смертельный конфликт с мужем или братом. Чувства жены, действительно, при виде жилистой фигуры гостя, должно быть, были болезненными: сердце у нее упало, и она обрадовалась, когда возрастающая сила напитка позволила ей и ее дочери удалиться. На следующий день ее худшие опасения подтвердились. Хотя Свафурлам при первом же нападении разрубил надвое щит своего противника, сама сила его удара оказалась для него смертельной: он вонзил свой волшебный меч в землю, и, прежде чем он успел вытащить его, берсерк ампутировал ему правую руку, которая выхватила оружие из безжизненного тела и нанесла королю смертельную рану в голову. Эйвор стала женой победителя, который привез ее, не меньше, чем трофеи из дворца ее отца, в свой норвежский дом.^[71]

Теперь настала очередь Эйвора беспокоиться. Разве не мог бы явиться воин, еще более доблестный, чем ее муж, и сделать ее, как и ее мать, покинутой вдовой? Не могло ли оружие, стоившее жизни ее отцу, оказаться столь же роковым и для того, кто был ей дороже? Она часто просила его закопать его в землю, но он был не в настроении расставаться со своим самым ценным сокровищем, тем более что оно позволяло ему возвращаться непобедимым из всех своих походов. Однако ее опасения за *него* были напрасны: они должны были быть вызваны тревогой за ее двенадцать сыновей, которых она родила через двенадцать лет после замужества и которые все были воинами — все берсерки - все обречены на раннюю могилу. Один из них поклялся богу Браге, что ему придется жениться на принцессе Ингбурге или погибнуть при попытке. Поскольку все они были братьями по оружию не меньше, чем братьями по крови, все были обязаны помогать каждому из них, делать дело каждого общим, они придерживались одной и той же точки зрения. Арнгрим, уже постаревший, простился с ними с тяжелым сердцем; он чувствовал, что больше не должен их видеть; и его единственным утешением было то, что, когда Норни, или роковые сестры, позовут, им повинуются. Им пришлось сражаться на необитаемом острове Самсо с двумя героями, Ялмаром и Оддуром, каждый во главе сотни шведов, и каждый славился доблестью по всему северу. Первый тоже был признанным любовником Ингбурги, принятым ее отцом не меньше, чем ею самой. По пути на остров старший из двенадцати сыновей Арнгрима, Ангантайр, взял в жены Свафу, дочь знаменитого ярла, и их путешествие сильно задержалось из-за празднеств, устроенных по этому случаю. У этого ярла были те же мрачные предчувствия, что и у их собственного отца. Он охотно убедил бы их остаться с ними; но их честь не позволяла этого, и они отплыли. Когда они высадились в назначенном месте, их охватил обычный приступ, и они уничтожили 200 последователей Ялмара и Оддура, которые в то время отсутствовали в глубине острова. Великим было разрушение с помощью Тирфинга, которым владел могущественный Ангантюр, и которое в данном случае действительно можно было бы назвать смертью людей. Вскоре Хялмар и Оддур вернулись и обнаружили, что их товарищи залиты кровью; но, к счастью для двух героев, сила берсерков теперь значительно уменьшилась — другими словами, припадок закончился, и они стали такими же, как обычные люди. И все же волшебный меч и численное превосходство компенсировали сынам Арнгрима их несколько истощенный дух. Они бы с лихвой компенсировали это, если бы Оддур не носил стеганое пальто, которое магия делала непроницаемым для самого острого оружия. Вскоре разгорелся конфликт. С одной стороны, Хялмар противостоял Ангантайру с волшебным мечом; с другой, Оддур с волшебным одеялом столкнулся, один за другим, с одиннадцатью братьями Ангантайра. После довольно

продолжительной ужасной борьбы Хьялмар пал, пронзенный ужасным Тирфингом, но Ангантайр также получил смертельную рану, а Оддур убил всех своих одиннадцать противников. Погибших похоронил единственный оставшийся в живых, роковой меч был похоронен вместе с Ангантюром, согласно последней просьбе этого героя.^[72]

Вдова Ангантюр оплакивала смерть своего доблестного мужа. Какое-то время она отказывалась от утешения; но, обнаружив, что беременна, она начала надеяться, что ее потомство отомстит за смерть отца и дядей. Хотя она родила девочку, надежда все еще не покидала ее. Действительно, с младенчества ее страсть приводила в восторг от мужских занятий. Ростом она не уступала представительницам противоположного пола, а духом ни в чем не уступала. Едва она приблизилась к женскому положению, как проявила всю свою природную свирепость. Она надела доспехи, наделала немало проказ, а когда ее упрекнули в излишествах, убежала в лес грабить и убивать пассажиров. Напрасно ее опекуны пытались избавить ее от подобных занятий; напрасно они пытались скрыть от нее обстоятельства, предшествовавшие ее рождению, и даже ее происхождение, делая вид, что она была дочерью простого пастуха и порождением кровосмесительной связи. Но она видела или мечтала совсем о другом; и, презирая свое нынешнее бездействие, она снова надела мужскую одежду и присоединилась к банде пиратов, главарем которой за короткое время стала. Ее слава под именем Хервард была широко распространена. Много было побережий, которые она посещала и опустошала. Наконец, добравшись до острова Самсо, где, как она слышала, были похоронены ее отец и родственники, она объявила своим последователям о своем решении отправиться на берег с целью разграбления гробниц со спрятанными сокровищами. Они уверяли ее, что весь остров кишит злобными гениями, что это самое опасное из всех мест. Но ничто не могло помешать ей достичь своей цели. Пастух, которого она встретила, удивился ее безрассудству; сказал ей, что она, должно быть, действительно не знает об ужасах этого места, поскольку никто не может находиться там после захода солнца без крайней опасности; и пригласил ее воспользоваться таким гостеприимством, какое предоставляет его скромный коттедж. По прошествии этого времени, добавил он, гробницы и сама земля испустили такое пламя, что никто из оставшихся не мог быть в безопасности. Ее нельзя было сдвинуть с места; она утверждала, что, если бы весь остров был охвачен огнем, она бы ничего не боялась; и настаивала на том, чтобы знать точное место, где можно найти могилы. Пораженный ее дерзостью и считая ее дурочкой, пастух побежал домой до того, как заход солнца позволил демонам причинить ему вред; в то время как она проникла на остров. Вскоре она добралась до ужасной сцены. Огни исходили из гробниц, обитатели которых бродили вокруг; огни исходили от самой тропы, впереди, позади, вокруг нее. И все же она неустрашимо шла вперед, пока не подошла к самой большой из гробниц, той, в которой покоился прах ее отца Ангантюра. Там она начала свое заклинание, которое вкратце приводится ниже.^[73] Следует кратко рассказать о последующих приключениях Хервор и этого чудесного меча. По возвращении на берег моря она обнаружила, что ее товарищи, напуганные необычными пожарами и внезапным раскатом грома, разбежались. Наконец, однако, корабль доставил ее ко двору Годмунда, престарелого короля, с которым она пробыла совсем недолго из-за рокового Тирфинга. Однажды, когда она наблюдала за игрой короля и его сына, она заметила, как дворцовая прислуга достала оружие, которое она оставила на своем сиденье. Зная, что пророчество должно исполниться смертью кого-нибудь из присутствующих, она побежала к слуге, отобрала у него оружие, убила его, покинула дворец и снова вернулась к пиратской жизни. Ее слава как о доблести, так и о красоте была так велика, что Хафод, сын Годмунда, просил ее руки и добился ее. От этого брака произошли Ангантюр и Хейдрек, первый

был известен своими превосходными качествами, второй - озорными, оба намного превосходили остальное человечество ростом и доблестью. Хейдрек был любимцем Хервор, Ангантюр - ее мужа; но таковы были дурные качества младшего принца, что Хафод не позволил ему остаться при дворе, а отослал учиться к одному из героев того времени. Достигнув восемнадцатилетия, он посетил дворец без согласия своего отца; но из-за своего характера он втянул гостей в смертельную драку, и Хафод, унаследовавший трон Годмунда, изгнал его. Эрвор, получив разрешение попрощаться с ним, подарила ему волшебный меч - лучший подарок, который может преподнести любящая мать. Пророчество ее отца Ангантюра, когда она так опрометчиво взяла его из гробницы, немедленно исполнилось. Хейдрек выхватил его, взмахнул им и, намеренно или нет, убил своего брата Ангантюра. Чтобы спастись от гнева отца, который обрек его на смерть, он убежал в лес, питаясь добычей в погоне и терзаемый угрызениями совести. Своим мечом он освободил короля Швеции Харальда от деспотичного влияния двух великих вождей. Взамен он получил руку дочери монарха, и от нее у него родился сын, которого он назвал в честь своего собственного брата Ангантюром. Но мечу Тирфинг было суждено посеять печальный хаос среди его родственников. В его руках он вскоре стал фатальным для Харальда, его тестя; и это событие привело к тому, что его царственная невеста повесилась. Несколько лет спустя он взялся за воспитание норвежского принца, которого любил. Однажды, во время охоты в лесу, его копье сломалось, и он немедленно вытащил грозного Тирфинга. Поскольку меч нельзя было вернуть в ножны, пока он не попробовал немного крови, и поскольку с ним был только принц, возлюбленный невинный пал под этим оружием. Но в конце концов это стало роковым для него самого. Однажды ночью, когда он спал в своей палатке, его рабы поднялись, вытащили Тирфинга и убили его. Его сын Ангантюр преследовал их, убил ночью и таким образом вернул оружие. В руках нового владельца оно по-прежнему подтверждало свой предначертанный характер. С его помощью в открытом бою он убил своего брата, которого шведская принцесса родила Хейдреку. Однако, в конце концов, он, по-видимому, был снова похоронен в могиле своей жертвы; и, к счастью для севера, впоследствии не возникло желания вырвать его из страшной руки, державшей его.^[74]

Ангантиор, как и вся его раса, был героем по профессии, чемпионом, который сражался не только за добычу, но и за репутацию. Этот институт является одной из самых необычных особенностей в истории севера. Иногда чемпион сражался в одиночку, кочуя, подобно странствующим рыцарям более поздней эпохи, из страны в страну, однако не для того, чтобы помочь попавшим в беду пленникам или совершить какой-либо другой гуманный поступок, а для того, чтобы одержать победу силой или ловкостью над самыми прославленными воинами того времени. Однако обычно эти люди были членами какого-нибудь братства, гвардейцами какого-нибудь короля, чьей первой обязанностью была защита его личности на суше или на море; их второй обязанностью было смирять его врагов или помогать его союзникам. "Саги, - замечает современный писатель, посвятивший большую часть своего времени изучению северных древностей, - полны дуэлей или единоборств между этими чемпионами и их противниками, и местом действия обычно был какой-нибудь маленький остров недалеко от побережья. Эти поединки, в которых один чемпион иногда побеждал и убивал многих врагов, и которые происходили также между морскими или сухопутными королями и чемпионами, были настолько частыми, что тот, кто только начинал военную карьеру или желал приобрести более широкую известность, прибегал к этому средству и без малейшего мотива ненависти или негодования провоцировал других чемпионов, других пиратов, сражаться с ним. Эти герои вступали в ассоциации, или братства, которые они скрепляли своей кровью и которые могла

разрушить только смерть. Иногда короли или вожди, которым они служили, снабжали их статутами, устанавливающими их численность, привилегии и обязанности". В целом, статуты исключали всех воинов моложе восемнадцати или старше шестидесяти лет. Число членов каждого братства варьировалось от полудюжины до пятидесяти. У Рольфа, принца Норвежского, было известное общество такого рода. Ни один человек, неспособный поднять камень, или, вернее, скалу, которая лежала во дворе принца и которую не могли поднять двенадцать обычных мужчин, не допускался в тело. Чтобы они не стали роскошествовать, им запрещалось спать под крышей; с той же целью они должны были избегать женского общества; чтобы внушить им презрение к боли и опасности, им не следовало перевязывать свои раны до окончания битвы или искать убежища во время шторма на море. Но не все братства были столь строго отстранены от общения с прекрасным полом. Действительно, для большинства героев главным стимулом заняться этим делом были возможности, которые предоставляла профессия пленять красивых женщин и делать их своими спутницами на море и суше. В такой век ни одна красивая женщина — по крайней мере, если она высокородна — не может быть в безопасности. Ночью или днем на ее жилище могли напасть, ее стражи были убиты, а ее саму перенесли на быстроходное судно, ожидавшее ее. В самом деле, что могло устоять перед вождем, окруженным таким количеством чемпионов, особенно если они оказались берсерками? Если в истории есть хоть капля правды, то сила этих людей, когда на них накатывал приступ, была сверхъестественной.^[76] Вред, однако, заключался в том, что если перед ними не было врага, они нападали на неодушевленные предметы или даже друг на друга. Однажды двенадцать героев (сыновей Арнгрима) обрушились на мачты и палубу двух кораблей, которые они разнесли в щепки; а когда они были уничтожены, они обратили свой гнев против деревьев и скал. На другом знаменитом морском короле были убиты шестеро из двенадцати сопровождавших его чемпионов. Иногда случалось также, что берсерки, находясь во власти своего странного неистовства, не щадили самих себя. Так пятеро сыновей Сивальда, короля Швеции, были замечены бросившимися в огонь и проглотившими горящие куски дерева.^[77]

Когда эти воины, будь то берсерки или простые чемпионы, сражались за своего вождя и страну, их услуги были полезны. Но иногда случалось, что они так же любили обращать оружие против своих собратьев-подданных, как и против своих наследственных врагов. Другие, опять же, открыто избрали карьеру разбойников; и хотя соседние вожди преследовали их с большим рвением, они часто могли из своих горных твердынь противостоять любой враждебности. Такую банду *Фридлейв II* решил уничтожить; и он преуспел в своей цели, но больше благодаря хитрости, чем силе. Однако он был доблестным вождем. Как и многим другим северным королям, ему приходилось сражаться за свою жену. Видя, что он не может заполучить *Фрогерт*, дочь *Асмунда*, короля Норвегии, обычным путем посольства, он вторгся в страну, покорил и убил отца и захватил принцессу. Но он не был ей верен. От наложницы — или, возможно, от другой жены, поскольку эти старые язычники не совсем понимали разницу между ними — у него родился сын, которого он назвал *Олафом*. Вероятно, он любил этого сына больше, чем принца *Фроде*, которого родила ему *Фрогерт*: так, по крайней мере, мы должны сделать вывод из тревоги, с которой он обращался к судьбе в связи с судьбой ребенка. Совершив обычные обряды и прочитав обычные молитвы, он вошел в храм *Норни*. Каждая из трех сестер заняла свое место. Двое были благосклонны к ребенку, которого они наделили благородными дарами; но третий принижал их ценность, связывая их со скупостью. Этот обычай, уверяет нас *Саксон*, преобладал среди древних. Об *Олафе*, однако, мы больше ничего не читаем: скипетр унаследовал не он, а *Фроде II*, если *Саксон* прав, и *Хавар*, если верить исландским хронистам.

Но поскольку по причинам, которые мы уже подробно изложили, в королевских списках обоих из них нет никакой определенности, мы с радостью оставляем спорный порядок их наследования на усмотрение местных историков Дании.^[78]

Правление Фроде и Ингеля, его сына, представляет мало интереса, кроме того, что они связаны с именем Стеркоддера, северного Геркулеса, подвиги которого были на устах у всех людей даже во времена Саксона. Гигантские конечности, неукротимый дух этого героя считались сверхъестественными, дарами богов для достижения определенной цели. По мнению одних, именно Тор связал воедино сухожилия его тела; другие отдавали эту честь Одину. Это божество, гласят легенды, стремясь уничтожить Викара, короля Норвегии, но не желая сделать это открыто, предназначило Стеркоддера для этого служения с колыбели. Отсюда его огромный размер и сила ума; отсюда также его поэтическое мастерство, которое должно было помочь ему в великом предприятии, стоявшем перед ним. Благодарный за их дары и за уготованное ему долгое существование, он вскоре изобрел способ угодить богу. Он предложил свои услуги в качестве защитника Викару, который, справедливо гордясь таким товарищем по оружию, был неразлучен с ним. После нескольких морских экспедиций, предпринятых с единственной целью грабежа, он нашел возможность уничтожить Викара. Буря необычайной ярости была еще более необычной из-за своей продолжительности. Боги, очевидно, были оскорблены, и их нужно было умиловить человеческой кровью. В урну был брошен жребий, и имя короля было выбрано в качестве жертвы. Команда, действительно, пришла в ужас от мысли принести в жертву короля - и они хотели, чтобы его казнили только внешне; но Стеркоддер, предпочитая реальность, задушил Викара, затем вскрыл его тело и исследовал внутренности так же серьезно, как любой аруспекс древнего Рима. Затем он посвятил себя пиратской жизни и прославился даже больше за свое замечательное воздержание, чем за свои подвиги, какими бы сверхчеловеческими они ни были. Он никогда даже слегка не пристрастился к опьяняющим напиткам; он никогда не позволял себе ни малейших проявлений роскоши. Его заслуги перед разными королями (ибо он действительно был странствующим чемпионом, странствующим рыцарем тех варварских времен) являются постоянной темой восхищения. По всей северной Европе, от России и Венгрии до Исландии, распространилась его слава. Вероятно, героев с таким именем было несколько, и подвиги всех приписывали одному. Фроде был одним из его любимых мастеров, храбростью которого он восхищался. Но после восшествия на престол Ингеля, сына Фроде, чья роскошь и невожатанность сильно контрастировали с трезвостью покойного короля и еще больше с его собственной, он больше не оставался при датском дворе. Тем не менее, он всегда питал нежное отношение к отпрыскам Фроде. Так, когда он услышал, что Хельга, сестра Ингель, настолько забыла о своем королевском достоинстве, что без негодования принимает ухаживания низкого механика (*auri arifex obscuræ stipis*), преисполненного рвения к чести своего дома, он поспешил в ее резиденцию, убил механика и резко упрекнул ее за низменные наклонности. Однако в другой раз он был так же польщен, как сейчас оскорбил ее. Когда ее руки добивался Хельге, король Норвегии, Ингель ответила, что он получит ее при условии, что сразится с определенными чемпионами. Он принял это условие; но когда он услышал, что его противниками, с которыми ему предстояло сразиться всем сразу, были Ангантюр и восемь братьев, сыновей вождя Зеландии^[79], он был встревожен результатом. Он посоветовался с Хельгой, у которой, похоже, не возникло особых трудностей с переносом своей привязанности с мертвого поклонника на живого, о том, что ему следует делать; и она посоветовала обратиться за помощью к Стеркоддеру, находившемуся в то время в Швеции. Он поспешил к воину-ветерану, который с готовностью пообещал служить дочери Фроде. Это обещание он выполнил,

поспешив ко двору Ингель и убив всех девяти чемпионов. Но ран у победителя было много и они были тяжелыми, их было семнадцать, и из некоторых из них торчали кишки. В таком состоянии он пополз до берега реки, чтобы утолить жажду; но вода была испорчена кровью сражающихся, и он отказался пить ее; с большим трудом он подполз к ближайшему камню и сел на него. Его тело было настолько огромным, что оставило глубокий отпечаток на камне. (Саксон, действительно, считает, что этот отпечаток был сделан человеческими руками, а не телом Стеркоддера.) Находясь в таком положении, крайне нуждаясь в помощи, гордая душа воина отказалась принять ее из подлых рук. Мимо проходил вестник, или, скорее, шпион, и предложил помощь. В этом было отказано, и мужчина выругался за свою самонадеянность. Проходил другой, и, когда его спросили о его состоянии, он ответил, что, хотя он был свободен, он женился на рабыне и, чтобы добиться для нее избирательных прав, работал на ее хозяина. Герой упрекнул его за низменные наклонности; — почему он не взял свободную женщину в свою постель?—и велел ему убираться. Теперь к нему подошла женщина, и когда ее спросили о ее состоянии, она ответила, что она рабыня и мать грудного ребенка; он велел ей идти домой и покормить свое отродье, потому что он не примет никакой ее помощи. Следующим прошел свободнорожденный крестьянин, чьи добрые услуги он принимал и чье благородное призвание восхвалял. По прошествии некоторого времени он отправился во дворец Ингель, которую решил упрекнуть за две вещи: за неподобающее распутство и за пренебрежение самым важным сыновним долгом — местию за смерть Фроде. В подлом обличье он вошел в пиршественный зал и сел на почетное место. Королева немедленно приказала ему удалиться в еще одно место, приличествующее его судьбе. Он встал, прошел в другой конец зала и сел на скамью с такой силой, что здание затряслось и возникла угроза обрушения крыши. В этот момент вернулся с охоты король Ингель, узнал бывалого воина, упрекнул королеву за пренебрежение к столь знатному гостю и постарался всяческими знаками внимания рассеять его гнев. Но когда он увидел за королевским столом сыновей Свертинга, убийц Фроде, и показную роскошь пиршества, он помрачнел еще больше. Чтобы успокоить его, королева сняла со своего лба корону и подарила ее ему, но он не только отверг ее, но и швырнул ей в лицо. Чтобы очаровать его, играли на лютне: он сидел как статуя, одинаково презирая хозяина, гостей и дорогие яства. Затем прозвучала труба: он бросил кость, которую ковырял, в голову музыканту. Но его главный гнев был обращен против короля, которого он оскорблял в самых неуместных выражениях. Наконец Ингель был тронут его упреками; он обнажил свой меч; Стеркоддер сделал то же самое, и вскоре пол был залит кровью убийц. После этого подвига чемпион в великой радости простился с королем, которого больше не видел. Одно из оставшихся его деяний было мало достойно его славы. Двенадцать зеландских заговорщиков, которые ненавидели иго Оло, их короля, подкупили его, чтобы он убил этого государя, и он сделал это в бане. Награда, которую он получил за это бесславное деяние, — сто двадцать фунтов золота — не доставила ему удовольствия: раскаяние овладело его душой; он вздыхал всякий раз, когда упоминалось имя Оло, и дни его были несчастны. В дополнение к этому бедствию его посетили старость и слепота; и он так устал от жизни, что решил оставить ее. Умереть обычным естественным путем не подобало воину, тем более тому, кто стремился на пиры Одина.^[80] Опираясь на два костыля, с двумя мечами на боку, он встал у шоссе, повесив на шею золото, которое он получил за убийство Оло и которое должно было стать наградой человеку, который окажет ему ту же дружескую услугу. Но он презирал смерть от позорной руки; и когда какой-то простолюдин, решив, что двух мечей слишком много для старика, попросил у него один, он велел простолюдину приблизиться и убил его на месте. Двое товарищей принца, отца которого убил Стеркоддер, однажды выступили против него; но он убил обоих своими

костылями. Принц, охваченный в равной степени восхищением и страхом, приблизился, и между ними последовал довольно продолжительный разговор, в ходе которого герой хвастался своими прошлыми подвигами. В заключение Стеркоддер, зная о благородном происхождении юноши и убежденный, что он не мог умереть от лучшей руки, умолял Хотера убить его и протянул для этой цели свой меч. Принц колебался; но, услышав, что этот поступок будет благочестивым долгом по отношению к гривам его отца, и находясь под еще большим влиянием вида золота, он отделил голову от гигантского тела героя.^[81]

Какая бы доля чудесного ни присутствовала в подобных историях, можно не сомневаться в том, что они основаны на правде. Но если бы это было не так, то их нельзя было бы полностью опустить, если только мы не были полны решимости закрыть глаза на национальные нравы. Из таких нравов — лучшей части истории — они являются лучшими, можно добавить, единственными зеркалами. Состояние человеческого мнения, измененное образованием, климатом и привычками, также не является менее интересным объектом для созерцания. По этой причине, а также из-за нехватки подлинных событий в этот доисторический период, мы опирались, и на протяжении некоторых страниц должны продолжать черпать, в большей степени на традиционные знания Скандинавии, чем мы могли бы сделать, если бы эти события были более обильными и лучше обоснованными. Теперь перейдем к другой легенде, более дикой, чем любая из предыдущих. *Горм I.*, король Дании, принц, не упомянутый в списке Зума, но, несомненно, правивший в Ютландии, чрезвычайно любил исследовать тайны природы, посещать все чудесное, расширять свои знания. От жителей Туле он слышал о чудесном местопребывании Герута, одного из гигантских магов, который в древние времена противостоял богам Асхейма; но это место считалось почти недоступным для смертных, поскольку было окружено опасностями, которые заставили бы испугаться самого смелого. Но опасности были как раз тем, что больше всего возбуждало предприимчивого Горма, и он решил отправиться в плавание на поиски таинственного места. Он должен был следовать течению могучего океана, который, подобно кругу, окружал землю^[82]; оставить солнце и звезды позади; проникнуть в древний хаос, в области, лишенные света и населенные ужасами всякого рода. Триста человек на трех кораблях согласились сопровождать своего короля; и все они должны были находиться под руководством Торкила, который уже совершил это путешествие. Торкил, не теряя времени, придал судам дополнительную прочность, покрыл их толстыми шкурами, чтобы предотвратить попадание воды, и наполнил их подходящей провизией. Экспедиция, спустя много-много дней, прибыла к берегам Халогии^[83]; затем они плыли дальше, пока их провизия не начала подходить к концу, шторм не разыгрался, море не стало разбиваться о скалы своими оглушительными волнами. Одному проворному юноше было приказано взобраться на мачту и посмотреть, не близко ли земля; он крикнул, что в пределах видимости находится остров с крутым обрывом. Обрадованная команда направилась к этому месту, пришвартовала свои суда и поднялась на утесы. Торкил предупредил их, чтобы они не захватывали из многочисленных стад скота, которые теперь видны, больше, чем было достаточно для утоления их нынешнего голода; если они это сделают, мстительные божества этого места помешают им вернуться домой. Но когда умирающие от голода люди увидели, как легко добываются ничего не подозревающие животные, они забыли о предупреждении и убили достаточно, чтобы загрузить свои корабли. Следующей ночью, когда они лежали в своих постелях на борту, их напугали странные звуки, а еще больше появление чудовищных форм, бегущих вдоль берега. Один из них, более гигантский, чем остальные, ходил по морю с огромной дубиной в руке и громко кричал, что они не смогут отплыть, пока не искупят ущерб, нанесенный священному стаду, освободив по одному

человеку с каждого судна. Торкил, понимая, что спасения нет, и предпочитая безопасность многих безопасности немногих, приказал бросить жребий и доставить жертвы. Ветер теперь стал попутным, и суда направились в дальнюю Биармию. Это был край вечного холода, покрытый глубокими снегами, с непроходимыми лесами, лишенными плодородия и изобилующими диковинными зверями; здесь было много рек, несущих свои воды с неумолчным шумом из-за скалистых препятствий на их пути. К этому берегу Торкил направил носы кораблей, заверив своих спутников, что теперь они подошли к месту, которое непосредственно вело к обители Герута. Он предупредил их, чтобы они не разговаривали с местными жителями, а предоставили эту должность ему, который был знаком с обычаями этого места. Ближе к сумеркам подошел могучий великан и приветствовал моряков по имени; это был Гутмунд, брат Герута, защитник чужеземцев. Они смотрели, восхищались и молчали. Когда великан спросил Торкила о причине их молчания, тот ответил, что они не знакомы с его речью. Гутмунд усадил их в свои колесницы и проследовал с ними к своему дворцу. В пределах видимости лежал золотой мост, и некоторые были склонны перейти по нему. “Если ты это сделаешь,” сказал Торкил, “ты расскаешься: эта река, полная чудовищных существ, отделяет человека от других существ, и за ней человеку нет опоры”. Вскоре они подошли к дому своего хозяина, и здесь Торкилу было вдвойне необходимо повторить свои предупреждения: он заверил их, что они буквально окружены разрушениями. Они не должны есть пищу, поставленную перед ними, но есть то, что они принесли с собой, и садиться на некотором расстоянии от туземцев. В равной степени они должны были избегать объятий женщин, ибо у Гутмунда было двенадцать прелестных дочерей, все они прислуживали за столом и все были достаточно хрупкими. Если бы они поддались какому-либо из этих искушений, то мгновенно утратили бы память о прошлом и провели остаток своих дней со стадами чудовищных зверей. Перепуганные незнакомцы выполнили его указания; но Гутмунд был обижен на них за то, что они пренебрегли его гостеприимством: особенно он был обижен на короля Горма. Но у Торкила было готовое оправдание. Последний заметил, что непривычная пища не нравилась многим людям и часто была причиной болезней; так было и с королем, который был вынужден питаться определенными видами пищи, которые он мог быть уверен, что найдет только на своей собственной кухне: следовательно, хозяина должно обижать не то, что подразумевает неуважение к самому себе, аразумное внимание к собственному здоровью. Это искушение не удалось, и великан предложил своих дочерей королю, а остальным, другим девушкам из его дома. Это действительно было искушение. Торкил тихим голосом повторил свое предупреждение; но четверо из этого числа уступили и были немедленно лишены памяти и, в значительной степени, рассудка. Теперь о третьем искушении. У Гутмунда был восхитительный сад, плоды в котором не имели себе равных: Торкил убедил своих людей отказаться от предложения и сопровождал отказ притворной вежливостью. Видя, что у него может быть не более четырех жертв, великан перевез их через реку.^[84]

За этим ручьем искатели приключений увидели на небольшом расстоянии темный, безлюдный город, напоминающий облако дыма. На высоких шестах были изображены оскаленные головы смертных, отделенные от их тел; а у входа, куда можно было добраться только по лестницам, были отвратительные собаки, готовые растерзать путешественников. Внутренности зверя, брошенные перед ними Торкилом, утолили их вой, и весь отряд поднялся к воротам. Внутри весь город был одержим темными личинками, чей ужасный шум, когда они кружили вокруг, прекращался из-за устрашения форм: все внутри было гнилостным, невыносимым для глаз, а еще больше для дыхания. Искатели приключений двинулись дальше и вошли в каменную пещеру, которая, согласно преданию, была дворцом Герута. Ужасающий мрак внутри заставил

их остановиться на пороге, но Торкил подбодрил их продолжать; в то же время он предупредил их остерегаться брать или прикасаться к чему-либо, каким бы привлекательным оно ни было для глаз; сдерживать свои умы от алчности, как от страха; ничего не желать, ничего не бояться; ибо если они с жадностью прикоснутся к любому желанному предмету, эта рука мгновенно станет неподвижной, а все тело как будто будет неразрывно сковано. Затем их проводник велел им входить по четверо: Бродер и Бучи шли впереди; Торкил и король следовали за ними; остальные, в том же порядке, образовали основную группу. Внутреннее убранство дворца было старым и малолюдным; его заполняло темное облако, и он изобиловал всем, что оскорбляло чувства. Колонны были покрыты древней плесенью; стены кишели отвратительной слизью; крыша была сделана из копий; пол был покрыт змеями и всевозможной нечистотами, так что незнакомцы были немало напуганы. Прежде всего, их носы были оскорблены зловонным запахом. Дальше были железные скамьи, заполненные безжизненными изображениями чудовищных форм; и они находились в глубине зала, отделенные от него свинцовыми решетками; а у входов стояли ужасные носильщики, некоторые из них выли и потрясали булавами; некоторые, с их козлоподобными телами, демонстрировали неприличное развлечение. Прежде чем искатели приключений двинулись дальше вглубь страны, Торкил повторил свое предупреждение — не протягивать руки к сокровищам, которые они увидят. Проходя мимо огромного обломка скалы, они увидели пожилого мужчину, лежащего с израненным телом на острых скалистых вершинах над ними. Рядом с ним были три женщины, их тела были покрыты опухольями, и, словно не в силах сидеть, они полулежали на том же диване. Кто и что это были? Торкил, который был хорошо сведущ в таких делах, сообщил своим спутникам, что бог Тор, оскорбленный дерзостью Герута, вогнал свою стрелу в сердце великана; что ужасное орудие проникло внутрь горы и раскололо ее; что оно коснулось женщин; и хотя их тела остались целы, они понесли наказание, подобающее тем, кто оскорбил бога. Продвигаясь вперед, они увидели семь больших сосудов, окруженных золотыми обручами и наполненных драгоценным напитком. Рядом с ними был зуб неизвестного морского чудовища, оконечности которого были украшены золотом. Рядом с ним лежал большой рог, инкрустированный сверкающими драгоценными камнями изысканной работы. Рядом с ним лежал золотой браслет огромной тяжести. Искушение завладеть этими ценными сокровищами было слишком велико, чтобы можно было устоять. Один человек, не подозревавший, что под блестящим металлом скрываются разрушения, протянул руку к браслету. Другой, также движимый алчностью, нетерпеливо положил руки на рог. Третий, ободренный их примером, взвалил огромный зуб себе на плечи. Вскоре они поняли, насколько жестоко были введены в заблуждение. Одно из этих сокровищ немедленно превратилось в змею, которая с ядовитыми зубами набросилась на грабителя. Рог превратился в дракона, который также уничтожил разрушителя. Зуб стал мечом, который нашел путь к сердцу владельца. Напуганные этим зрелищем, даже невинные начали опасаться, что им придется страдать вместе с виновными. Продвигаясь дальше, открылась дверь в небольшое помещение, но богатое сокровищами. Здесь было оружие, действительно слишком большое для человеческого тела, но неоценимой ценности. Среди них была королевская мантия или плащ с шапочкой и поясом замечательной работы. При виде этого Торкил, который так часто давал советы другим, забыл о себе. Он взял одежду в руки, а остальные, под влиянием его примера, схватили вещи, которые они больше всего желали. Внезапно пещера, начиная с самого нижнего основания, затряслась; все закачалось; и женщины громко закричали, что этих нечестивых разбойников больше нельзя щадить. Какими бы безжизненными они ни казались и больше походили на статуи, чем на женщин, они внезапно обрели дар речи и, поднявшись со своего ложа, двинулись на незнакомцев.

Остальные чудовищные фигуры начали выть самым отвратительным образом. Бродер и Бучи не забывали о своих прежних занятиях: своими копьями они сопротивлялись наступающим джиннам; из своих луков и пращей они посылали острые снаряды в плотные ряды монстров и рассеивали или опрокидывали их. Однако из королевской свиты выжили только двадцать человек; остальные были разорваны на куски чудовищами. В великом ужасе выжившие выбрались из пещеры, вернулись к реке, Гутмунд переправил их на другой берег и развлекал тем же способом, что и раньше. По этому случаю все воздержались от яств и дам, за исключением Бучи, который до сих пор был примером умеренности и чьей доблести в пещерном дворце столь многие были обязаны своей жизнью. Уложив одну из дам в свою постель, он почувствовал внезапное головокружение и потерял память о прошлом. Однако он не забыл о своем человеческом чувстве; ибо, желая проявить внимание к гостям, которые теперь были ему незнакомы, он последовал за ними на одной из колесниц Гутмунда и навсегда погрузился в воды реки. Король, сочувствуя увлечению своих подданных, сел на корабль и вернулся в Халогию. Но путешествие снова было беспокойным: люди были измучены яростью бурь и голодом, и Горм решил принести жертву богам. Пока кто-то из его команды взывал к этому, кто-то к тому божеству, он взывал к ужасному Угартилоку, по милости которого добился благополучного возвращения домой.^[85]

По возвращении Торкила, какими бы великими ни были его заслуги перед товарищами по этому предприятию, он не смог избежать злобы злых языков. Они сказали, что он оскорбил Угартилока, месть которого должна быть предотвращена мольбой, и что для этой цели Торкила следует отправить в далекое, таинственное святилище этого божества. Он настоял на том, чтобы его обвинители сопровождали его в путешествии; и король удовлетворил его просьбу. Суда были подготовлены, как и прежде, и экспедиция отплыла. Наконец они достигли края, где не было ни солнца, ни луны, ни звезд, где вечная ночь простерла свой скипетр над этой неведомой бездной. Топливо было первым, в чем они почувствовали нужду, и они были вынуждены питаться сырым мясом. Некоторые из них заразились чумой от столь неперевариваемой пищи; болезнь началась в желудке и вскоре распространилась на жизненно важные органы. Воздержание было таким же пагубным, как и еда; и слабость охватывала тех, кого болезнь пощадила. В этот момент, когда отчаяние охватило всех, вдалеке показался свет. Это вселило в всех надежду, придало новые силы. Вскоре они бросили якорь; и, прежде чем сойти на берег, Торкил прикрепил к верхушке мачты сверкающий карбункул, чтобы направлять их по возвращению к судам. Перед ними была пещера с низким узким входом. Оставив своих спутников снаружи, Торкил вошел внутрь и увидел двух гигантских орлов (или гигантов в форме орлов^[86]) с твердыми крючковатыми клювами, подбрасывающих дрова в огонь. Грубый вход, вонючий порог, черная стена, грязная крыша, пол, покрытый змеями, были не более отвратительны для глаз, чем для разума. Один из великанов, поприветствовав его, сказал ему, что он отважился на смелое и труднейшее предприятие — посетить обитель божества, которому мало поклоняются, и исследовать регионы за пределами земного шара. “Но,” добавил великан, “я знаком с курсом, которым тебе придется следовать, и если ты назовешь мне три хорошие пословицы в таком же количестве предложений, я укажу тебе их”. Торкил сделал это, к удовлетворению великана. “У тебя впереди еще четыре дня плавания, - сказал тот, - с трудом гребя, прежде чем ты доберешься до места, которое ищешь; там ты можешь найти Угартилока в его грязной и мрачной пещере”. Торкил был поражен предстоящей ему работой, но он зашел слишком далеко, чтобы отступать, и подошел к костру, чтобы взять несколько горящих головешек. Прежде чем он смог их получить, он был вынужден произнести еще три

пословицы.^[87] Со своими спутниками он затем вернулся на корабли; и при попутном бризе они достигли назначенного порта на четвертый день. Здесь они приземлились, и благодаря зловещим сумеркам смогли немного разглядеть окружающие их предметы. Перед ними была огромная скала. Своими кремнями они высекли огонь и развели его у входа в пещеру — защита от власти демонов. Затем, держа перед собой зажженные факелы, Торкил и несколько его спутников вошли в узкий проход и увидели множество железных сидений, окруженных змеями. Дальше был ручей, который мягко струился по песчаному дну; перейдя его, тропинка немного пошла вниз, и перед ними предстала темная и малопонятная пещера. Там сидел Угartilок, его руки и ноги были закованы в огромные кандалы, а волосы на голове и бороде были длинными и жесткими, как множество копий. Чтобы было хоть какое-то свидетельство увиденных им чудес, Торкил с помощью своих спутников вырвал один волосок с подбородка божества; когда оттуда повеяло таким зловонием, что, если бы они поспешно не прикрыли носы плащами, они не смогли бы дышать. Когда они вышли из этой ужасной пещеры, змеи, летавшие вокруг них, обрызгали их ядом. С большим трудом добрались до корабля только пятеро, остальные пали жертвами яда; и из этих пятерых, которых преследовали змеи, один потерял голову, другой — зрение, третий — руку из-за фатального любопытства осмотреть этих мстительных созданий. Все погибли бы, если бы люки не были закрыты толстыми бычьими шкурами, которые бросали вызов силе яда. Видя, насколько тщетны попытки умиловить эти божества, Торкил обратился с молитвами к Всевышнему Богу, по милости которого благополучное плавание привело его в его собственную страну.^[88]

Легенды, подобные приведенным выше, которые иллюстрируют мнения человечества, не следует отвергать как ребячество. Какими бы дикими они ни были, когда-то у них были свои верующие — и, насколько нам известно, верующие, возможно, есть и по сей день среди отдаленных лопарей и финнов. Использовали ли изобретатели, которые, вероятно, были жрецами Тора или Одина, этот метод изложения своим ученикам какой-либо физической теории, мы не будем выяснять. Темнота, которая, как известно всем людям, нависала над полярным морем в течение полугода, способствовала распространению подобных историй. Но что больше всего поразит читателя в первой из этих легенд, так это сходство некоторых ее отрывков с "Одиссеей" и другими классическими произведениями. Многие приключения, описанные во второй легенде, можно найти в "Эдде", но приписываются другому человеку. Поскольку Саксон не мог заимствовать из сборника ни Сэймунда, ни Снорро, все трое, должно быть, черпали из какого-то общего источника, и этим источником была традиция. Но мы достаточно долго останавливались на этих сказочных временах и должны поспешить к историческим.^[89]

Если можно верить родственникам Саксона, в чем мы не видим причин сомневаться, Горм, должно быть, был современником первого из королей Карловингов; поскольку историк недвусмысленно уверяет нас, что в это царствование Дания была обращена в христианство. А в рассказе о *Годрике*, его сыне, которого также зовут *Годфри*, нам говорится, что Карл Великий покорял саксов. Действительно, обратившись к списку, который мы привели в начале этой главы и который лучшие датские критики считают более приближенным к истине, чем любой другой, когда-либо созданный^[90], читатель поймет, что там нет упоминания о Горме или Годрике. Но здесь мы должны повторить то, что мы уже часто наблюдали, а именно, что оба могли править в Ютландии, в то время как Сигурд Ринг, Рагнар Лодброк и Сигурд Сногодже правили в Зеландии. И даже если бы это было не так, мы ни в коем случае не уверены, что исландским властям, которые одни имеют вес у современных историков Дании, следует следовать,

полностью исключая Саксона, который жил так же близко к тому периоду, как и любой из первых, и чьи средства информации должны были быть более доступными. Странно, что в восьмом веке — нет, даже в девятом — мы находим столько тьмы, столько противоречий в истории страны, которая теперь начинала привлекать внимание откровенных историков! И все же таков факт. “C’est un vrai labyrinthe,” says Mallet, “où l’on se perd dans les contradictions et les ténèbres.” Однако выдвинутое нами предположение, а именно, что Годфрик или Годфри могли править в одной части Дании, в то время как Сигурд Ринг и Рагнар правили в другой, получает некоторое подтверждение из того факта, что первый, как rex Danorum в 803 году, прямо упоминается Адо Вьеннским. А в “Саге об Олафе Трюгвесоне”, короле Норвегии, мы читаем, что этот самый Годфри правил в Ютландии во времена Карла Великого. Был ли он, ютйский король, или Сигурд и Рагнар, которые, по-видимому, правили Зеландией, истинными правителями датчан? Был ли один подданным другого или оба были независимы? На этот вопрос ни один человек не может ответить. Однако отрывок об Адо, подтвержденный в “Саге Олафа Трюгвесона”, объясняет путаницу, которую мы встречаем на каждом шагу в датской истории до второй половины десятого века. Мы можем добавить, что, согласно тому же источнику, Годфри был убит своими собственными подданными по возвращении из успешной экспедиции во Фризию, и Хеммингу, его брату или племяннику, это удалось. Теперь эти факты подтверждены Саксоном; и там, где и исландские, и датские власти согласны с этим и подтверждаются историками Фрэнка (и восшествие на престол Хемминга упоминается некоторыми не меньше, чем смерть Годфри), мы не видим оснований для скептицизма. Таким образом, эти принцы должны быть допущены; и по уже указанным причинам они могут быть допущены, не исключая Сигурда Ринга, или Рагнара Лодброга, или Сигурда Сногодже.^[91]

Эпоха *Рагнара* должна была бы стать исторической эпохой; но его правление настолько пропитано легендами, что мы ничего не можем с этим поделать. Предпринималось много попыток согласовать его хронологию, по крайней мере, ту, которую можно найти у северных авторов, с хронологией франкских и англосаксонских историков; но ни она, ни действия, описанные о нем обоими, не могут быть согласованы. Таким образом, критики были вынуждены сделать вывод, что было два Рагнара — один восьмого, другой девятого века; и, вероятно, эта гипотеза верна. Действительно, в последнем столетии мы читаем о ютландском вожде по имени Рагенфред, или Ренье, который, будучи изгнан правящим королем Дании, стал пиратом и совершал ужасные разбои на побережьях Британии и Ирландии. Весьма вероятно, что действия обоих — а оба, без сомнения, были незаурядными людьми — были смешаны воедино и позволили Саксону объединить в одно отношение романтические эпизоды, которые традиция сохранила об обоих. Поскольку мы так много предавались романтике, в данном случае мы не будем переводить этот почтенный авторитет. И вряд ли стоит упоминать о смерти этого героя, которая, как всем известно, произошла в Нортумберленде. Победенный Эллой, саксонским королем провинции, и брошенный в темницу, полную змей, он испустил дух, не чувствуя своих мучений. Говорят, действительно, что он сочинил поэму, перечисляющую его прежние подвиги и его убежденность в том, что его сыновья отомстят за его смерть; но история и сама ода настолько невероятны, что их следует отнести к области поэтического вымысла, и им больше не позволять развиваться в области истории. Много ли правды в последующей части этой истории, а именно в том, что сыновья Рагнара действительно поспешили отомстить ему, что они высадились на побережье Нортумбрии, разбили англосаксов близ Йорка и превратили провинцию из саксонского государства в датское, мы не можем решить с уверенностью. Вероятность, однако, такова, что, несмотря на молчание саксонской хроники по этому поводу,

для этого рассказа есть некоторое основание. Древние авторы — тоже писатели, не слишком далекие оттого периода — так часто говорят о датских вице-королях, часто с королевским титулом, отправленных в Нортумбрию, что мы не желаем рассматривать это повествование как чистую выдумку скальдов.^[92]

[с 794 по 935.]

После смерти Рагнара скипетр по крайней мере части Дании — возможно, Скании и островов — перешел в руки *Сигурда II.* (или *Сивард*^[93]), по фамилии *Сногодже*, или Змееглазый. В то же время Ютландией владели другие короли, будь то в качестве данников или независимых, было бы опрометчиво принимать решение. Действительно, мы читаем, что *Хемминг* был его современником; что *Харальд* унаследовал Хемминг в какой-то части Ютландии; что этот последний принц был изгнан из-за восстания сыновей Годрика, или Годфри, которые боролись за наследство своего отца; что этот Харальд стал христианином и искал защиты у Людовика добropорядочного; что монарх из династии Карловингов помог ему вернуться с триумфом; но что примерно в 828 году, будучи снова лишенным трона, он провел свои дни в религиозной созерцании. Его имя навсегда останется в памяти благодаря его торжественному крещению в Инглхайме в присутствии императорского двора, а также за его усилия по внедрению христианства в Ютландии. Под его покровительством святой Ансар, апостол Скандинавии, проник в Ютландию; и хотя труды этого благочестивого миссионера из-за волнений в стране не увенчались большим успехом, заслуга этого первого христианского принца Дании от этого не становится меньше. Действительно, именно его привязанность к новой религии больше, чем какая-либо другая причина, привела к его неудаче. Сигурд, другой датский король, не хотел подражать примеру Харальда, но он известен как мирный, добрый и просвещенный правитель. По этой причине его правление не дает никаких материалов для истории. После его смерти в 803 году ему наследовал, как утверждают исландские хронисты, *Харда Канут*, его сын; но, по словам Саксона, его сыном был *Эрик I.* Как нам принять решение? Мы можем только предполагать, что оба принца правили в одно и то же время в разных частях монархии; но что Эрик рано умер, в то время как Харда Канут дожил до середины IX века. Только с помощью этой же гипотезы мы можем сопоставить имена королей, сменивших Эрика и Харду Канутов. Обратившись к списку в начале этой главы^[94], читатель поймет, что он допускает только два монарха между Эриком I и Гарольдом Блаатандом, королем *Эриком II.* и *Горм Старый*; в то время как Саксон признает пятерых, а именно *Канута Маленького*, *Фроде VI.*, *Горма Англикуса* (названного так по месту его рождения), *Гарольда V.* и *Горма Старого*; таким образом, отвергая Эрика II. и добавляя еще четырех. Нам способ примирения кажется простым. В то время как Эрик II. и Горм правили островами и Сканией, другие князья, упомянутые Саксоном, правили в другой части Ютландии. Эта гипотеза подтверждается одним важным фактом, а именно тем, что жизнь Горма была необычайно долгой; и что путем завоевания или переговоров, открытой силы или хитрости он получил управление всеми государствами, ныне составляющими датскую монархию. Видя поведение ютландских князей, их гражданские войны, их последующую слабость и непопулярность, он обрушился на них и положил конец их бурной независимости. Во времена правления Горма, действительно, нависло много неясностей, которые исследования критиков севера никоим образом не рассеяли. То, что он совершил много великих деяний; что за несколько лет он завоевал Ютландию; что он смирил саксов и добился некоторых временных присоединений к своим государствам на стороне Мекленбурга и Померании, представляется несомненными фактами. Франкские писатели, однако, утверждают, что он потерпел поражение от Генриха Птицелова, его недавно инкорпорированная монархия была завоевана вплоть до

Слешвика, маркграфства, основанного в том месте, и он сам был вынужден впустить христианских миссионеров в свои государства. Против этого утверждения, которое в основном зависит от авторитета Адама Бременского, выступают местные историки Дании; они не допустят, чтобы их страна, или какая-либо ее часть, когда-либо была покорена таким образом. Но какой авторитет они могут противопоставить этому? Где их родные писатели, если не современники, то, по крайней мере, столь близкие к тому периоду, как Адам, чтобы опровергать это отношение? У них нет таких писателей; до конца XII века у них не было ничего авторитетного: что касается материалов их истории, то они должны обращаться к тем самым авторам, которых они таким образом недооценили бы. Утверждение Адама, бременского каноника, который в течение столь длительного периода собирал материалы для своей церковной истории, слишком подробно, слишком разумно, слишком хорошо подтверждается намеками, какими бы случайными они ни были, у других авторов (особенно у биографов нескольких святых), чтобы оставлять место для скептицизма по этому вопросу. Это ни в малейшей степени не умаляет заслуг Горма. Объединив в единую компактную монархию незначительные государства, которые так часто отказывались даже от номинального повиновения королям Ледры или Ютландии, и уничтожив так много пиратских вождей, оружие которых было обращено то друг против друга, то против своих королевских начальников, он добился большего добра, чем любой предыдущий король Дании. В этом его истинная слава. В другом отношении он менее заслуживает нашей похвалы; — он был враждебен распространению христианства. И все же он женился на христианке, чья красота и добродетели были предметом восхищения и которая, несомненно, имела на него значительное влияние. Преследуя миссионеров в остальных своих штатах, он, по-видимому, разрешал ей исповедовать свою религию — ее часовню и священников. Некоторые авторы утверждают, что, хотя ему и не нравилось, он никогда серьезно не выступал против проповеди христианства в какой-либо части своих государств; и, в подтверждение этого утверждения, они утверждают, что он позволил своим сыновьям, Кнуду и Харальду, креститься, а Ютландии, по крайней мере, ежедневно продвигаться в новой вере. И все же Саксон уверяет нас, что он разрушил церкви, возведенные в предыдущее царствование; что он восстановил языческие храмы; что он предал смерти или изгнал учителей христианства. Это свидетельство слишком позитивно, чтобы от него можно было уклониться. Но, хотя он всегда был фанатичным язычником, в один период жизни он, возможно, был более нетерпимым, чем в другой: вероятно, он был яростным гонителем до своей женитьбы, а добродетели его королевы смягчили его ненависть к христианству и постепенно побудили его терпеть его. Хотя он мог позволить крестить своих сыновей, он позаботился о том, чтобы их привычки оставались языческими. Они были самыми известными пиратами того времени, и он радовался их успеху. Однако один из них был убит недалеко от Дублина, и, как говорят, удар оказался для него смертельным. Он умер, как утверждает Адам Бременский, в 935 году; однако, вероятно, в том же году он сложил с себя власть и прожил на шесть лет дольше.^[95]

[с 935 по 964.]

Harald II. прозванный *Блаатанд*, или Синезубый, похоже, в течение последних шести лет жизни своего отца был либо связан в правительстве с этим королем, либо правил в качестве его заместителя. Однако в 941 году, после смерти Горма, он стал бесспорным наследником монархии. Начало его правления было самым блестящим; последнее стало катастрофическим. Вскоре после его восшествия на престол к нему обратились за помощью его соотечественники

в Нормандии. Большинству читателей известно, что во второй половине предыдущего столетия Ролло при поддержке постоянных подкреплений с севера отвоевал эту провинцию у королей Франции, а в 912 году, после своего крещения, был объявлен законным герцогом своего нового завоевания. В 927 году воин-ветеран, измученный возрастом и усталостью, передал этот сан своему сыну Уильяму Длинному Мечу. В 943 году этот герцог был убит, а его сын Ричард, еще ребенок, остался беззащитным перед враждебными действиями Луи д'Утремера, который, естественно, хотел вернуть себе эту прекрасную провинцию и доверить управление французскому, а не нормандскому вассалу. Людовик повел армию в Нормандию, разгромил войска, которые регентство противопоставило ему, и завладел личностью молодого герцога. В этой чрезвычайной ситуации норманны обратились за помощью к Харальду, чьи воинственные действия были им хорошо известны. В 944 году, то есть через год после убийства герцога Вильгельма, датский король появился у Шербурга со значительным вооружением. Встревоженный опасностью, Людовик прибегнул к переговорам; и при последовавшей личной встрече спор, по всей вероятности, был бы разрешен мирным путем, если бы некоторые военачальники обеих армий не начали ссориться. Эта ссора привела к общему сражению, в ходе которого Людовик был побежден и взят в плен. Чтобы получить свободу, он был вынужден освободить молодого герцога, право которого на феода он также признавал. Это был день гордости для Харальда, который вернулся в Данию с репутацией, не имеющей себе равных на севере. Его следующий подвиг был похожим — посадить на трон Норвегии (ныне монархии) сыновей Эрика, которых Хако, правящий король, отправил в изгнание. Его оружие увенчалось успехом, и он вернул Харальду Графельду скипетр отца. Двенадцать лет спустя, когда этот принц был убит (событие, весьма обычное в истории севера), датский король во второй раз вторгся в Норвегию, покорил страну и разделил ее на три королевства. Одну часть, согласно обычным феодальным обязательствам, он доверил Харальду Гренши, принцу семьи; вторая, при условии такого же почитания и службы, была пожалована ярлу Хако; третья, составлявшая львиную долю, была зарезервирована для датской короны; и со всех взималась большая ежегодная дань. Эта политика была достаточно вредной для Норвегии, какой бы полезной она ни была для Дании. И это едва ли было менее пагубно для Англии, поскольку усилило могущество датских королей, сделав их грозными врагами на этом острове. В своей следующей экспедиции, которая была направлена против не меньшей личности, чем император Отон I., он был менее счастлив. Приняв сторону мятежника, которого Отон объявил вне закона в империи, и узнав, что монарх отсутствует в Италии, он совершил яростное вторжение в Саксонию и, как нам говорят, казнил послов Отона. Ему не составило особого труда изгнать имперский гарнизон из Слешвика и разрушить эту важную крепость. Однако по возвращении Отона, который, не теряя времени, отомстил за оскорбление, нанесенное империи, Гольштейн был быстро захвачен, и он был оттеснен на север Ютландии. Он был вынужден вести переговоры с победителем; и его состояния были оставлены ему при условии его крещения и крещения его сына Свейна и содействия, а не препятствования распространению христианства в его владениях. То, что в этом случае он отдал от их имени дань уважения императору, утверждается немецкими историками и отрицается большинством местных историков. Этот предмет может занять наше внимание на несколько мгновений.^[96]

[964.]

То, что Харальд воздал дань уважения Отону от имени всей Дании, — эта страна была покорена последним и стала его данницей, — прямо утверждается Свеном Аггесеном, датским писателем двенадцатого века.^[97] Это в равной степени подтверждает и Адам Бременский, который писал в

течение полувека после смерти Харальда и который лучше всех писателей своего времени знаком с делами Гольштейна и Ютландии.^[98] И это вытекает из привилегии, предоставленной Отоном гамбургской церкви, освобождающей земли трех епископств, только что созданных в Дании — Архууса, Слесвика, Рипена — от всех взносов государству, от всякой зависимости от светского правительства; и распространяющей ту же привилегию на все земли, которыми эти церкви могли бы впоследствии владеть по всей Дании. Целью местных авторов было ослабить эффект этих свидетельств. Но каковы их причины? Они слишком слабы, чтобы иметь какой-либо вес за пределами Дании. Они настаивают на том, что Свейн был введен в заблуждение авторитетом Адама Бременского; что сам Адам был невежественным священнослужителем, который с готовностью соглашался со всем, что предполагал Отон; и что рассматриваемая привилегия, подлинность которой нельзя отрицать, не имеет веса — чистая формула имперского канцлера, продиктованная, действительно, амбициозным, всеохватывающим двором, но основанная не на реальном завоевании, а тем более не на вассалитете. Отвечать на подобные возражения было бы оскорблением понимания читателя. Не может быть никаких сомнений в феодальном господстве императора над Данией, так же как и над Богемией, Польшей или Ломбардией. Действительно, утверждалось, что если бы у Отона была духовная, то у него не было бы светской юрисдикции; что он мог бы быть защитником, суперинтендантом, главой восходящей церкви, не имея ни малейшей власти над государством. Но это утверждение противоречит всем доводам разума и всей истории. Хватило бы у суверена безумной наглости указывать, какие земли должны, а какие нет, платить налоги, если бы у него не было над ними какой-либо власти? Освободил бы он их от внесения вклада в поддержку короны, если только эта корона в какой-то степени не зависела от него? И где есть какой-либо пример такого нелегитимного вмешательства? Но все мы знаем, что вассалитет был различного рода, некоторые из них были достаточно жесткими, другие — не более чем номинальными; и мы можем признать, что, хотя Харальд был вынужден приносить дань уважения и даже выплачивать ежегодную дань, он оставался независимым в том, что касалось его внутреннего управления. Политика Отона заключалась в том, чтобы обратить королевство в христианство, превратить неугомонных варваров в цивилизованных существ, очеловечить самых свирепых язычников под влиянием мягкой и могущественной религии. Без таких изменений он не видел безопасности для своей северной границы. Но в стремлении достичь этой цели была необходима большая умеренность: он не хотел раздражать там, где его интерес был столь очевиден, чтобы установить самые дружеские отношения; еще меньше он хотел бы суровыми поборами, — поборами, которые, однако, его положение завоевателя могло позволить ему применять, — настроить умы пылкого монарха и воинственного народа против веры, которую он хотел им внушить.^[99]

[964.]

Но во времена Отона чудеса больше не творились. Если Харальд и некоторые из его людей внешне соответствовали религии Христа, они все еще находились под влиянием религии Одина. Кроме того, обоим была дорога национальная независимость, и нас не может удивлять враждебное чувство, с которым датчане относились к немцам. При жизни первого Отона, действительно, царила внешняя гармония; но примерно через год после восшествия на престол второго (974 г.) он присоединился к партии Генриха, герцога Баварского, в то время мятежника, и совершил несколько вторжений в Саксонию. После поражения этого могущественного вассала Отон проник в Ютландию и дошел до пролива, носящего его имя. О результатах этой войны мы не знаем; но, вероятно, Харальд подчинился. События, однако, обеих войн, которые

часто смешивались в одну, весьма сомнительны. Более достоверным фактом является то, что удача теперь покинула Харальда. Он потерпел неудачу в экспедиции против Норвегии, которая сбросила свою вассальную зависимость. И это было не самое худшее: его сын Свейн, который был крещен вместе с ним, восстал против него. Мотивы, побудившие принца к такому неподобающему поведению, неизвестны. Вероятно, главным из них было желание власти; и поскольку его натура была свирепой, он не постеснялся поднять оружие против своего отца. Есть также некоторые основания полагать, что он был орудием большой партии — старых язычников, которые не могли с большим удовольствием наблюдать за постепенным прогрессом новой веры и последующим упадком их собственной. *Его* обращение было, в отличие от обращения его отца, не очень искренним; или, возможно, его не интересовала ни та, ни другая религия, так что его честолюбие было удовлетворено. Поскольку язычники были все еще более многочисленными подданными государства, он сразу стал их покровителем и орудием. Война была короткой, и Харальд был вынужден бежать. Он искал убежища в Нормандии, и герцог Ричард, как нам говорят, вернул ему по крайней мере часть своих владений. Насколько эта связь верна, мы не можем решить в отсутствие современных авторитетных источников. Более достоверным фактом является то, что в 991 году он был убит путем подкупа собственного сына. Он шел по опушке леса, когда стрела, выпущенная из лука йомсбергского пирата, принадлежавшего к банде на жалованье Свейна, повергла его в пыль.^[100]

Такова была судьба монарха, память о котором была дорога ранним христианам Дании. Он был первым монархом, открыто исповедовавшим новую религию, и постоянство, с которым он придерживался ее, служит неоспоримым доказательством его искренности. Из Ледры, древней резиденции одиначеских суеверий, он перевез свой двор в Роскиль, где воздвиг собор пресвятой Троицы. Это был политический шаг; с новой столицей не было связано никаких древних воспоминаний, которые напоминали бы идолопоклоннику о вере его отцов. Основание трех других епископств свидетельствовало о его рвении. Почтение, с которым относились к этому монарху в течение столетий сразу после его смерти, и отрывок из Истории Адама Бременского, применение которого было ошибочным, едва не привели к его канонизации.^[101]

[991.]

После трагической смерти Харальда скипетр перешел к неестественному *Свейну*. Поскольку большинство людей все еще были язычниками, восшествие на престол этого князя было воспринято с удовлетворением; ибо, хотя, возможно, он и не совершил открытого отступничества, он поощрял старую религию и восстановил многие из разрушенных храмов. И он был союзником йомсбургских пиратов, предводитель которых выпустил стрелу, оказавшуюся смертельной для Харальда. И все же Харальд был основателем этого города, одного из самых известных в анналах мира. Он был расположен недалеко от великого озера Померания, на месте современного Воллина. По общему признанию, он был построен как пиратская крепость, но основатели не могли предвидеть того величия, которое он сохранил впоследствии. Его первым губернатором, который также был законодателем, был вождь пиратов Пальнатоко, чьему мастерству лучника никогда не было равных на севере. Он постановил, что ни один человек, который когда-либо проявлял ни малейшего страха, даже перед величайшими опасностями, не должен быть членом нового сообщества. Ни один христианин не был допущен, потому что считалось, что христианство ослабляет разум; но были приняты люди всех других религий и из всех стран; и у каждой из великих европейских наций была своя улица. Это было последнее место на севере, которое было очеловечено религией Христа; и, вероятно, оно и

дальше сопротивлялось бы общему влиянию этой веры, если бы его богатства не ослабили энергию его жителей, а внутренние распри еще больше не ослабили его, сделав добычей его врагов. Пальнатоко, убийца Харальда, долгое время проживал при датском дворе и был наставником Свейна; и к этому варварскому поступку его, как нам говорят, побудила личная обида. Его умение стрелять из лука было качеством, которым он гордился больше всего, и он привык хвастаться, что может попасть яблоком, каким бы маленьким оно ни было, по верхушке шеста. Это хвастовство, которое было расценено как проявление высокомерия, нажило ему несколько врагов. Это дошло до Харальда, который настоял, чтобы вместо древка стрелял сын лучника, и пригрозил, что, если первая стрела не попадет в цель, наказание понесет его собственная голова. Поскольку не было никакой надежды изменить королевское решение, Палнатоко предупредил своего ребенка, чтобы он был спокоен — не дергал ни рукой, ни ногой, не двигал ни единым мускулом своего тела, когда приблизится стрела. В назначенный день был проведен страшный эксперимент, и яблоко было расколото, в то время как ребенок остался невредимым. Но у лучника было три стрелы, и когда его спросили, что он намеревался сделать с оставшимися двумя, он ответил, что если бы он был жертвой невинности, виновный в проведении эксперимента не избежал бы наказания.— Такова история, которую сохранил Саксон. То, что это дало начало легендарному фильму о Вильгельме Телле, должно быть очевидно читателю, ибо датский историк писал на целое столетие раньше, чем расцвел швейцарский патриот. Мы также не думаем, что рассказ Саксона является оригинальным: это обстоятельство, вероятно, имело место за столетия до правления Харальда Блаатанда и стало частью “легендарных преданий”, происхождение которых столь загадочно. Независимо от того, был ли этот инцидент правдой или ложью в отношении Харальда и этого лучника, последний присоединился к Свейну и, как мы уже рассказывали, стал причиной смерти первого.^[102]

[991.]

В начале правления этого монарха мы сталкиваемся со многими неясностями, многими противоречиями. Нам говорят, что в обмен на его восстание против своего отца и восстановление язычества он был обречен на великие страдания; что он трижды был пленником пиратов и трижды искуплен своим народом. Говорят, что за последний акт выкупа он был в долгу у датских дам, которые, видя, что государственные деньги были полностью израсходованы на предыдущие выкупы, пожертвовали для этой цели свои самые отборные украшения. За эту щедрость, добавляет Саксон, благодарный Свейн издал закон, согласно которому в будущем женщины, как и мужчины, должны наследовать часть имущества своего отца. Такой закон, безусловно, существовал, и, возможно, его можно отнести к Свейну; но в отношении обстоятельств, которые привели к его появлению, есть место для скептицизма. То, что могущественный монарх — а таким Свейн всегда был — был *трижды* схвачен пиратами, в том числе пиратами Йомсберга, — несомненно, не имеет аналогов в мировой истории. И все же подобные отношения Саксо и Свейна Аггесена, должно быть, имели под собой какое-то основание на самом деле. Существует вероятность, что король *до своего восшествия на престол когда-то* был пленником, и что монашеские писатели следующего века перепутали время и преувеличили обстоятельства.^[103] Эти достопочтенные отцы, пораженные сыновним нечестьем этого короля не меньше, чем религиозным, были готовы принять, не разбирая, самые неблагоприятные слухи о нем. Другое утверждение о том, что Свейн был изгнан из своего королевства Эриком Шведским и что он провел в изгнании почти пятнадцать лет, четырнадцать из которых он провел в Шотландии, заслуживает такой же оценки. Его отец, как нам говорят, умер в 991 году; однако в 994 году он был достаточно могуществен, чтобы начать завоевание

Англии; и с того года до своей смерти в 1014 году он постоянно находился в этой стране или в Дании. Куда же тогда следует поместить эти шестнадцать лет? Несомненно, для них нельзя найти пропасти между 991 и 1014 годами. Другие обстоятельства демонстрируют ложность этого отношения, — отношения, однако, принятого самыми современными историками. Как нам сообщили, после своего изгнания он обратился за общими правами гостеприимства к норвежскому принцу Олафу Трюгвесону, но тот отверг его. Такое поведение Олафа, говорит Саксон, было менее оправданным, поскольку Свейн помог ему вернуть норвежский трон. Давайте на мгновение обратимся к датам. Восстановление Свейна в его стране после пятнадцатилетнего изгнания относится к 994 году; и поскольку Олаф был первым монархом, к которому он обратился с прошением, это прошение, должно быть, было подано около 979 года. Но Олаф вернулся в Норвегию не раньше 996 года. Насколько раньше, чем в этом году, ему должен был помогать Свейн? Тем не менее, для этого, как и для предыдущего отношения, вероятно, было какое-то основание. Если Свейн когда—либо был в изгнании, - а есть некоторые основания предполагать, что так оно и было во время его вражды с отцом, — то это изгнание было до смерти Харальда и, следовательно, до его восшествия на престол монархии. Вполне возможно, что когда-то, до этого события, он был королем какой-то части монархии, возможно, Скании; и это предположение сразу же объяснило бы легкость, с которой Эрик изгнал его. Как бы то ни было, не может быть никаких сомнений в том, что если это изгнание действительно имело место, то оно должно быть отнесено к периоду, задолго до 991 года. Что подтверждает эту гипотезу, так это заявление Саксона о том, что монархом, к которому Свейн обратился следующим, был Эдуард, король Англии. Очевидно, это был Эдуард Мученик, взошедший на трон в 975 году и убитый в 978 году — период, который в точности соответствует продолжительности его изгнания.^[104]

[с 991 по 993.]

Все авторы допускают, что Свейн вскоре после своего восшествия на престол направил или возглавил вооруженный отряд против Хако, узурпатора Норвегии. Снорро уверяет нас, что эта экспедиция была спланирована йомсбергскими пиратами, которых пригласили отпраздновать похороны Харальда (то есть напиться) при дворе Свейна; и он добавляет, что такая же клятва была дана в отношении Англии. Клятвы пьяных людей обычно не запоминаются, но эти пираты помнили свои клятвы слишком хорошо. С шестьюдесятью судами, наполненными храбрейшими героями республики, они поспешили к норвежскому побережью; там они разделились и были поодиночке атакованы ярлом Хако, его сыном и другими вождями королевства. Но, какой бы отчаянной ни была доблесть пиратов, их было слишком мало по сравнению с противником, чтобы выполнить свою клятву взять Харальда живым или изгнать его из Норвегии. Они потерпели сокрушительное поражение, хотя и не раньше, чем проявили чудеса доблести. Презрение, с которым они смотрели на смерть, ужасно иллюстрирует Снорро. Тридцать из них были схвачены, их ноги были связаны веревкой, и их вынесли на берег. Их посадили на скамейки в правильную линию, друг возле друга, в ожидании смерти. Торкил, норвежский ярл, выступил вперед с огромным мечом и предвкушал большое удовольствие от упражнения убивать их в деталях. Обратившись к главному из них, он сказал: “Итак, Вагне, ты поклялся предать меня смерти; но мне кажется более вероятным, что я буду иметь честь послать тебя со своими извинениями”. Пират посмотрел на него с большим презрением. Начиная с конца шеренги, он отрубал головы многим подряд, кто добросовестно соблюдал условия своего строя, никогда не выказывая тени страха. Один хотел, чтобы ярл ударил его по лбу и посмотрел, моргнет ли он хотя бы глазами. Следующая жертва держала в руке рыбий хребет.

“Держу пари, ” сказал он Торкилу, “ что после того, как мне отрубят голову, я смогу вонзить эту кость в землю!” Но хвастовство было тщетным: когда его голова отделилась от тела, кость выпала из его руки. “Не повреждай мои волосы!”^[105] закричал другой, вытягивая шею, чтобы принять удар. Слуга держал длинные косы обеими руками, пока палач наносил удары; но в этот момент пират запрокинул голову, и меч отрубил придворному обе руки, не причинив пирату вреда. Велик был триумф последнего, и Эрик, сын Хако, восхищенный его бесстрашием, добился его помилования. Другого, Вагне, одного из вождей, толкнул на палача его сосед; Торкил упал, и при этом его меч перерезал веревку, связывавшую пирата, который, схватив оружие, обезглавил норвежского ярла. Эрик тоже добился своего помилования. Таким образом, было убито восемнадцать человек, и посетители начали испытывать некоторое восхищение остальными. “Примешь ли ты предложение своей жизни?” - было спрошено у следующего. “Это, ” ответил человек, который не принял бы даже жизнь из недостойных рук, “ зависит от достоинства дающего!” Был назван ярл Эрик, сын Хако, и предложение было принято. “Хочешь?” - было обращено к другому. “Нет, если не пощадят и моих товарищей!” - был ответ; и они были пощажены.^[106]

[с 991 по 1001.]

Если экспедиция против Норвегии, таким образом, провалилась, совсем иначе обстояли дела с экспедицией против Англии. На протяжении большей части столетия этот остров не подвергался нападениям пиратов. Альфред к концу своего правления смирил их; Эдуард старший одержал над ними знаменательную победу, и имени Ательстана боялись все морские разбойники. Действительно, были сражения с датским государством Нортумберленд, которое до правления Ательстана не входило в саксонскую конфедерацию; но побережье центральной и северной Англии оставалось нетронутым. Однако с восшествием на престол Этельреда бедствие возобновилось. В 991 году большое войско появилось перед Ипсвичем и двинулось на Малден, опустошая страну со всех сторон. По этому случаю был убит Бритнот, саксонский губернатор Эссекса; о его судьбе рассказано в поэме, многочисленные выдержки из которой можно найти в томе, посвященном настоящему.^[107] Эти грозные захватчики, как знает каждый ребенок, были подкуплены, чтобы покинуть Англию; и, как знает каждый ребенок, вскоре они вернулись в большем количестве, чем раньше. Даже когда данью должна была стать сталь, а не золото, защита Англии была доверена трусливому и вероломному командиру Альфрику Мерсийскому. В последующие годы каждая провинция была опустошена. В 994 году сам Свейн появился в Темзе с грозным флотом. У него был союзник, Олаф, сын Трюгве, который с младенчества никогда не бывал в Норвегии и чьи пиратские подвиги прославлялись от России до Ирландии.^[108] Его атака на Лондон была отбита; но Эссекс, Кент, Сассекс и Хэмпшир ужасно пострадали от его грабежей и грабежей его союзника. Как и прежде, хотя число пиратов не превышало 10 000 человек, презренный Этельред предлагал деньги. Получив его, Олаф посетил двор саксонского короля, прошел обряд конфирмации (ранее он был крещен на одном из островов Силли) и пообещал никогда больше не приставать к английскому побережью. Мы больше не слышим о его грабежах, но вполне можно усомниться в том, была ли его терпимость вызвана его обещанием или его отъездом в Норвегию, на трон которой он взошел немногим более чем через год после этого периода.^[109] Но у Свейна такой модерации не было. Примерно через три года после выплаты 16 000 фунтов он появился в юго-западных графствах, продвинулся в Сассекс и Хэмпшир, опустошая все на своем пути, и перезимовал так безопасно, как если бы был натурализован: никто не препятствовал его продвижению. Следующим был razорен Кент, и вся Англия, без сомнения, стала бы датской, если бы Свейна не отозвали для

борьбы с более грозным врагом, Олафом Норвежским. Через год после смерти этого монарха^[110], то есть в 1001 году датчане вернулись в страну, где не нашли врагов, но изобилие добычи. Еще один крупный выкуп и обширные поместья в разных частях королевства обеспечили временное прекращение военных действий.^[111]

[со 1001 по 1003.]

Если Этельред не мог противостоять врагу на поле боя и если его казна была истощена, у него оставался еще один ресурс — всеобщая резня. За день до праздника Святого Брайса власти всех городов получили секретные письма от двора, в которых им и всему народу предписывалось подняться в определенный час, напасть на безоружных, ничего не подозревающих датчан и не щадить ни одного из них. Приказ выполнялся слишком хорошо, и английская нация считала себя в равной степени виновной вместе со своим королем. Многие жертвы были натурализованы; у многих были мужья или жены-англичане; еще больше были в близких отношениях с туземцами и в момент исполнения этого кровавого приказа делили гостеприимство их хижин. Никто не был пощажен: дряхлый возраст и беспомощное младенчество, юность и красота — все было напрасно. Даже Гунхильда, сестра Свейна, обращенная в христианство и жена английского графа, страдала вместе с остальными; но только после того, как она увидела, как ее мужу и сыну отрубили головы в ее присутствии. Это был не просто акт короны, или нескольких придворных, или муниципальных властей: это был акт английской нации. Возмездие, как и предсказывала Гунхильда, было близко, и каждый читатель порадует, что так оно и произошло. Как только Свейн услышал о резне, он поклялся не останавливаться, пока не совершит ужасную месть народу. Он больше не желал просто добычи: он также хотел разрушать. С флотом из трехсот человек под парусами он направился к западу от острова, высадился в Корнуолле, начал свою разрушительную карьеру, достиг Эксетера, который взял штурмом, поджег и вырезал жителей. Оттуда он направился в Уилтшир, где огонь и меч сделали свое дело, и прошел через Солсбери к морскому побережью, нагруженный добычей. Не было предпринято никаких попыток остановить его разрушительное продвижение: саксонское войско под командованием Альфрика действительно собралось; но оно не захотело сражаться и отступило, покрытое насмешками захватчиков.^[112]

[со 1003 по 1009.]

Зима 1003 года Свейн провел в Дании; в следующем году он снова был в Англии. Его разрушительная карьера теперь началась в восточных графствах; но в этом году она закончилась раньше, чем можно было предвидеть. Голод — результат предшествовавших грабежей — поразил страну; и поскольку провизии в достаточном количестве найти не удалось, пираты вернулись домой на сезон. Прискорбная трусость войск, слабоумие губернаторов, от Этельреда до самого подлого тана, не имели себе равных ни в одной другой стране. Это состояние хорошо описано Туркетулом в письме к Свейну: “Страна прославленная и могущественная; король спит, заботясь только о женщинах и вине, трепещет при одном упоминании войны, его ненавидит собственный народ, презирают иностранцы; генералы завидуют друг другу; губернаторы, обращающиеся в бегство при первом звуке битвы”. Этому слабому и порочному королю посчастливилось превратить своих друзей во врагов именно в то время, когда он больше всего нуждался в их помощи. В 1002 году он женился на принцессе Эмме Нормандской; но его поведение по отношению к ней было настолько оскорбительным, настолько жестоким, что ее отец, герцог Ричард I. присоединился к тому, чтобы сделать его еще

более презренным, заключив в тюрьму или убив его подданных, которым случилось проезжать через Нормандию. Пираты Свейна вскоре вернулись, чтобы завершить свою работу. В 1006 году им была выплачена крупная сумма; на следующий год они потребовали равную сумму и заявили, что в будущем она должна ежегодно выплачиваться в виде дани. Были предприняты некоторые слабые попытки защитить страну; но командиры поднятого флота обратили свое оружие друг против друга. Так рухнули надежды нации, которая готовила свою шею к самому тяжкому ярму, когда-либо обрушивавшемуся на нее.^[113]

|1010.|

В 1010 году датчане владели шестнадцатью английскими графствами и потребовали сорок восемь тысяч фунтов стерлингов за сохранение остальных. Но такая умеренность не входила в их политику, и как только деньги оказались в их руках, их зверства возобновились. Состояние Кента, который составлял половину Англии, более наглядно описано биографом Святого Эльфиджа, архиепископом Кентерберийским, чем всеми хрониками того периода. Когда этот город был впервые осажден, существовала некоторая перспектива обороны; стены были крепкими, и было много сильных рук, готовых защитить свой собор, своего епископа, своих жен и детей. Но предатель (а Англия была полна ими) поджег около двадцати разных домов: чтобы потушить пламя, многие защитники покинули свои посты; одни из ворот были взломаны, и пираты ворвались в город, в то время как пламя распространялось во все стороны. Мужчин рубили на улицах или бросали во всепожирающий огонь; женщин насиловали и протыкали копьями; детей сбрасывали с остриев копий, как мячи. В качестве последнего средства святой Эльфег и его духовенство укрылись в соборе; но он не мог слышать об этих бесчинствах, не попытавшись остановить их. Бросившись со священного холма в гущу пиратов, он воскликнул: “Пощадите город! по крайней мере, если вы мужчины, пощадите беспомощность младенчества! Направьте свое оружие только против меня, который всегда осуждал ваши преступления!” Они заткнули ему рот кляпом, связали и повели стать свидетелем судьбы его церкви, к которой теперь прибегали тысячи людей в тщетной надежде, что ее святость произведет впечатление даже на язычников. Вскоре все загорелось; дым поднялся облаками; пламя распространилось; и когда несчастные люди, вынужденные выходить из здания под действием горящего жидкого свинца, были зарублены свирепыми пиратами. Из восьми тысяч жителей примерно десятая часть была спасена в надежде на выкуп, а те, кто не смог или не захотел его заплатить, были преданы жестокой смерти. Среди них был святой Эльфег, который мог бы собрать требуемую за него сумму — три тысячи золотых, — если бы подписал распоряжение церквям своей епархии выплатить деньги из их казны. Но он отказался позволить потратить на него то, что было собрано для бедных: по его словам, он не стал бы покупать жизнь на столь позорных условиях. Тот, кто на протяжении всей жизни просил милостыню для неимущих, не станет средством ограбления их в старости. После некоторого заключения в отвратительной темнице, морили голодом, мучили, избивали, стремясь подавить свою непреклонность, он принял мученическую смерть, его последние восклицания были за свою паству, свою страну, самих своих врагов.^[114]

|с 1013 по 1014.|

В 1013 году прибыл Свейн с новым подкреплением, чтобы завладеть всем островом. Высадившись на севере, граф Нортумберленд и вся провинция подчинились. Двинувшись на юг, Оксфорд, Винчестер, Бат со всеми городами запада и всеми великими танами присягнули

на верность. Некоторое время Лондон держался, потому что в нем находился Этельред; но этот отважный герой, убедившись, что герцог Ричард Нормандский примет его ради своей жены, опрометчиво бежал в Руан, оставив свою столицу и королевство в руках захватчиков. Свейн был королем Англии; и он пользовался этим титулом, хотя из-за короткого периода своей жизни он не был коронован. То, что он пользовался всеми правами суверенитета в полной мере, как это когда-либо делали саксонские короли, признают и наши собственные историки. Говорят, что его правление было периодом суровых взысканий. Он умер в Гейнсборо через год после своего возвышения при подозрительных обстоятельствах. Северные летописцы заявляют, что он был убит принцем Эдуардом, впоследствии Исповедником; но ни один английский авторитет не подтверждает это сообщение. Это была работа не Эдварда, но, возможно, Эдмунда Айронсайда.^[115]

За много лет до своей смерти Свейн, вероятно, обратился в христианство и оставался верен ему до самой смерти. Но независимо от того, язычник он или христианин, он был свирепым воином и суровым королем. Обладая природными талантами высокого порядка, неукротимым мужеством, неустанной деятельностью, он добился преимуществ, которыми не пользовался ни один из его предшественников. Мы уже упоминали одиверсии, которую его сын устроил вместе с Олафом Трюгвесоном, королем Норвегии, в пользу Англии. После смерти этого героя (1000 г.) он захватил часть Норвегии, в то время как шведский король захватил другую; и это увеличение его власти, без сомнения, сделало его более способным завоевать Англию.^[116]

ГЛАВА II.

ШВЕЦИЯ.

С 70 по 1001 год н.э.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ РЯДУ КОРОЛЕЙ ОБЪЯСНЯЮТСЯ ТЕМ ФАКТОМ, ЧТО ГОТЫ И СВИНЬИ НАХОДИЛИСЬ ПОД РАЗНЫМИ ПРАВИТЕЛЯМИ — ОТСЮДА ИХ ПУТАНИЦА.—ИНГЛИНГИ, ИЛИ СВЯЩЕННАЯ СЕМЬЯ ОДИНА, ПРАВЯТ В УПСАЛЕ.—КОРОЛИ ЭТОЙ РАСЫ: ОДИН—НЬЕРД—ФРЕЙР—ФРЕЙЯ—ФЬОЛНЕР—СВЕГДИР—ВАНЛАНД—ВИСБУР—ДОМАЛЬД—ДОМАР—ДЫГВЕ—ДАГ — АГНЕ И Т.Д.—СУДЬБА ПРИНЦЕВ ЭТОГО ДОМА, БОЛЬШИНСТВО ИЗ КОТОРЫХ ТРАГИЧЕСКИ ПОГИБЛИ.—ЛЕГЕНДА ОБ АУНЕ СТАРЫЙ.—ИНГЬЯЛЬД ИЛЬРАДА.—ЗАВОЕВАНИЕ ШВЕЦИИ ИВАРОМ ВИДФАДМЕ.—ГОТСКИЕ КОРОЛИ ОТ ГИЛЬФО ДО ИВАРА ВИДФАДМЕ.—КОРОЛИ ШВЕДОВ И ГОТОВ.

Во Введении к настоящему тому мы добавили табличный список королей, составленный архиепископом Иоанном Магнусом, как иллюстрацию трудностей, которые должны сопровождать все исследования древней истории Швеции.^[117] Подвиги этих королей, их хронологический порядок, сами их имена скрыты под глубоким туманом. Там, где, в самом деле, нет согласия двух авторов, где имена не только двух или трех государей, но и почти половины из них столь же различны, как и действия, приписываемые им, — что может быть выведено, кроме того, что от кого-либо из них мало что зависит? Сравните, например, список, приведенный архиепископом, с тем, который одобряют современные шведские критики^[118]; и каково должно

быть удивление читателя, когда он обнаруживает — 110 в первом случае и 37 в другом; имена также, по большей части, различаются, как и количество! Если мы воспользуемся приведенной авторами "Нашей всеобщей истории"^[119], мы действительно получим некоторое приближение в отношении числа, но незначительное в отношении имен королей. Могут быть составлены и другие списки, столь же контрастирующие с тем, который содержится в норвежских источниках. Откуда это разнообразие, которое современные историки объявили безнадежно непримиримым? Оно возникает по очень простой причине. Когда свионы, слуги Одина, — его спутники из его азиатского королевства, — прибыли на север, они обнаружили готское племя готов под предводительством их короля Гильфо, расположенное вдоль морского побережья и простирающееся до центра Швеции. Было бы тщетно выяснять, как долго это племя проживало там, когда прибыли свионы. О том, какими средствами Один и его последователи получили часть страны и основали резиденцию своей новой империи в Упсале, уже рассказывалось. Таким образом, здесь были два различных племени, готов или готы, и свионы или шведы, не говоря уже о первоначальных племенах или, по крайней мере, фрагментах тех племен, которые обитали в этих регионах за много веков до прихода готов. Итак, короли, которых перечисляют Иоанн Великий, Торфус, Локкениус, авторы "Нашей всеобщей истории", и другие писатели, были королями готов и шведов, в то время как те, кто упоминается в Ландфедгатале, Хеймскрингле и других исландских источниках, были суверенами только шведов. То, что эти два народа и, следовательно, районы, которые они населяли, на протяжении многих веков находились под властью разных правителей, является одним из наиболее достоверных фактов истории. Первые называли себя королями готов или только Готланда; вторые — королями шведов, то королями Упсала. Это различие не только соблюдалось с самой зари их истории, но и по сей день сохраняется в титуле монарха, который именуется "королем шведов и готов". Отсюда два списка королей — два королевства — историческое различие в обоих; все это до сих пор смешивалось, причем настолько полно, что ставило в тупик самую острую критику. Не то чтобы король одного народа не был иногда королем обоих. Иначе и быть не могло, когда две противоположные нации, ревниво относящиеся к процветанию друг друга, стремились к господству. Превосходство, без сомнения, принадлежало правителям божественной расы, потомкам Одина; но правителями Готланда иногда были готландцы, которых приветствовали как шведских монархов. С другой стороны, шведские короли — те, что правили в Упсале, — все еще чаще одерживали победы над своими соседями-готами. Отсюда путаница, которую, несмотря на важное различие, на которое мы так старательно указывали, часто можно встретить в королевских списках этой страны.^[120]

[С 40 по 14 год н.э.]

Мы начнем со священной расы, первосвященнических королей Швеции, которые правили в Упсале. После смерти Одина *Ньерд* унаследовал трон пророка, жреца и короля в столице Сигтуны. Тогда он, без сомнения, был главой очень маленького государства. В то время Швецией владело много королей: кроме Готии, которая подчинялась вождям, которые впоследствии, как правило, находились в состоянии войны со свиньями, в каждой провинции был свой король. Несколько государств были связаны союзом с Ниордом. Одинси в Фионии принадлежал вождю такого рода; Скульд, сын Одина, правил в Ледре, в Зеландии; Фрейр был верховным главой Упсала; Хеймдал был главой храма в Хемёнборге; Тор был в Трудванге, а Бальдер в Брейдаблике.^[121] И хотя Скания была владением готов и еще не подчинялась датским вождям, она, по-видимому, принадлежала кому-то из ассеров. Правление Ниорда было счастливым; дары природы были необычайно обильны, и это благо объяснялось его влиянием

на богов. Перед смертью он ранил себя, как это сделал Один. После этого его тело было положено на погребальный костер, и ему долгое время поклонялись как божеству. Теперь скипетр был передан *Фрейру*, сыну Ниорда. Его правление тоже было процветающим, и он был кумиром своего народа. Именно он построил великий храм в Упсале и сделал его резиденцией своего правительства, отдав предпочтение Сигтуне. Здесь он получал дань от своих подданных; отсюда постепенное обогащение этого места. Его правление отличалось всеобщим миром. Он пользовался большим уважением, чем его предшественники, и его фамилия *Ингве* стала самым гордым отличием его потомков, которые с тех пор назывались *инглингами*. Его смерть — мы не знаем, по какой причине — скрывалась в течение трех лет; единственная указанная причина заключается в том, что в течение этого периода для него возводили великолепную гробницу. Его сын не сразу взошел на трон шведов; была *Фрейя*, последняя из божественных личностей, сопровождавших Одина из Азии на север. Ее прославляли при жизни, а еще больше после смерти: ее тело не сожгли на погребальном костре, потому что считалось, что она вернулась к богам; и ее статуя, как всем известно, вместе с статуями Тора и Одина долгое время украшала храм в Упсале. *Фьолнер*^[122], сын Фрейра, наследовал престол. Он был современником Фроде I., короля Дании. Оба были одинаково склонны к миру и жили в совершенной гармонии. Не раз он навещал короля Фроде в Ледре, гостеприимством которого восхищались в ту эпоху. Но один из его визитов оказался роковым. Какими бы ни были другие его добродетели, трезвость не входила в их число; он пил долго и обильно; и однажды ночью, встав, он упал в огромный сосуд с медом, стоявший в погребе, дверца которого была неосторожно оставлена открытой.^[123] Теперь трон перешел к *Свегдиру*, его сыну. Этот принц в сопровождении двенадцати вельмож отправился в Азию с целью разузнать о семье и подвигах Одина. Он бродил по “Туркландии” и Великой “Свионии”, шведскому Асхейму или Годхейму. Здесь он нашел много представителей своей собственной крови. Находясь на территории ванов^[124], он женился на даме этого народа, и от нее у него родился сын, которого он назвал Ванланд. По прошествии пяти лет он вернулся в Упсал; но если хоть как-то полагаться на традицию, то впоследствии он предпринял второе путешествие в те далекие края и больше не вернулся. Для объяснения его смерти была придумана удивительная легенда. “К востоку от Великой Фионии, - говорит Снорро, - есть большая вилла под названием *Стейн*, скала, потому что одна из них расположена там и такая огромная, что может сравниться с домом. Однажды вечером, после захода солнца, когда король собирался отойти от своих чашек ко сну, он увидел фею, сидящую под большим камнем. Он и его спутники, разгоряченные вином, побежали к этому месту, и фея попросила Свегдира войти, если он хочет поговорить с Одним. Он действительно вошел, и больше его никто не видел.”^[125]

|с 34 по 220.|

После смерти Свегдира *Ванланд* стал признанным главой свионес. Он был первым из потомков Одина, проявившим воинственный характер, или, скорее, первым, кто действительно пошел на войну. В младенчестве этого теократического государства, когда из-за слабости оно было вынуждено культивировать добрую волю своих соседей, о завоевании не могло и мечтать; но когда молодой лев набрался сил, его природный характер раскрылся. Его завоевания, однако, не были зафиксированы; и мы можем только предполагать, что они происходили в основном в провинциях, граничащих с Нагорьем. Мы также не знаем, привела ли его в Финляндию военная экспедиция. Однако эта страна была для него не только романтической, но и роковой, поскольку там он женился на дочери старого шведа, обосновавшегося среди финнов. Вскоре он покинул ее, пообещав вернуться через три года; но по прошествии десяти лет от него не было

никаких известий, и она отослала Висбура, их сына, в его дворец в Упсале. И все же, поскольку он не выказывал ни малейшего желания навещать ее, она посоветовалась с Хульдой, знаменитой ведьмой, — а в Финляндии их было полно, — как ей заставить его вернуться. Ведьма с готовностью взялась привести его или, если ей это не удастся, уничтожить. Ее тайные чары немедленно проявили себя, и Ванланд, хотя и восседал на троне в Упсале с атрибутами полубога, почувствовал их силу. Внезапно его сердце потянулось к Финляндии; он с трудом удержался от порыва вернуться, но друзья и советники отговорили его от путешествия, заверив, что он просто находится под временным влиянием магии. Теперь сон одолел его; но едва его уложили на ложе, как он закричал, что его угнетает этот таинственный демон, кошмар. Его слуги поспешили ему на помощь, но тщетно: силе демона нельзя было сопротивляться, и после сильного выворачивания своих конечностей он задохнулся. Его тело было сожжено; на берегах Скуты была воздвигнута его могучая пирамида из камней; и *Визбур* стал монархом шведов. Этот принц был не более верным мужем, чем его отец. Женившись на даме, от которой у него было двое сыновей, он бесцеремонно отослал ее и их к ее отцу, а другую взял к себе в постель. Отпрыском от этого второго брака был Домальд, которого его кормилица, предвидя грозящую ему опасность, пыталась защитить с помощью заклинаний. Тем временем Жизель и Ондур, сыновья отвергнутой королевы, обратились к Визбуру с просьбой вернуть приданое их матери, особенно великолепное золотое ожерелье; получив его отказ, они взмолились, чтобы украшение погубило его и его потомство. Для достижения этой цели они прибегли к магии; и Хульда, которая уничтожила отца, хвасталась, что уничтожит его и оставит эту участь на усмотрение всех инглингов, — что либо их оружие всегда должно быть обращено друг против друга, либо они трагически погибнут каким-то другим способом. Однако магические действия были слишком медленными из-за их нетерпения, и они сожгли своего отца вместе с домом, в котором нашли его. *Домальду* это удалось, но судьбы было не избежать. В течение трех лет Швецию охватывал жестокий голод. В первую осень богам приносили в жертву быков; во вторую — человеческие жертвы истекали кровью на алтаре. Когда ни то, ни другое не помогло, знать и жрецы, собравшиеся в Упсале, постановили, что, поскольку причиной голода был король Домальд, он должен быть следующей жертвой, и указ был приведен в исполнение. О двух следующих королях, *Домаре*, сыне Домальда, и *Дыгве*, сыне Домара, ничего не записано, кроме того, что они царствовали и умерли; но *Даг Мудрый*, сын последнего названного правителя, прославлен в истории севера. Ему вполне мог бы понравиться этот эпитет, если бы, как утверждает традиция, он понимал язык птиц. У него был воробей, который выполнял для него ту же работу, что вороны выполняли для Одина^[126]; он летал над землей и приносил ему сведения обо всем, что происходило. Однако однажды, когда эта птица собирала зерна на поле Редготии, деревенский клоун убил ее камнем. Обнаружив, что его птица не вернулась, Даг посоветовался с богами и узнал ее судьбу. Чтобы отомстить за себя, он повел армию против готов и опустошил область, в которой случилось несчастье. Взяв много пленных и оставив много мертвых на поле боя, он возвращался к своим кораблям, когда дротик из неизвестной руки отправил его в чертоги Одина.^[127]

[с 220 по 448.]

Агне, сын Дага, взошел на освободившийся трон шведов. Богатый и воинственный, он пользовался большим уважением; но судьба, нависшая над священным родом инглингов, сделала его еще одной из своих жертв. После успешного похода против финнов, в ходе которого он убил финского короля и, в соответствии с нравами того времени, сделал Скиольфу, дочь-сироту короля, своей любовницей или женой, он только что вернулся в Стоксунд, высадил

свои войска и разбил свою палатку на опушке леса. Здесь, чтобы с мимолетной пышностью совершить последние обряды в память об отце Скиольфы, он собрал множество гостей. Чаша ходила по кругу, пока король не опьянел. Поскольку он носил цепочку, принадлежавшую Визбуру, Скиольфа умоляла его доверить драгоценное украшение ее заботам; но он еще плотнее обвил его вокруг шеи и заснул. Палатка стояла у подножия дерева, и Скиольфа с помощью своих финских связей привязала к украшению прочную веревку, перекинула один конец через ветку дерева и, потянув изо всех сил, подняла тело Агне и оставила болтаться на ночном ветерке. На следующее утро Скиольфа и ее спутники отправились в Финляндию, и шведам ничего не оставалось, как совершить последние обряды над королевской жертвой. *Аларих* или *Элрак* и *Эрик*, два его сына, разделили верховную власть между собой. Какое-то время они процветали, но были обречены разделить судьбу, нависшую над домом Ингве. Они любили упражнения в верховой езде, особенно приручение самых резвых лошадей. Однажды они скакали во весь опор по обширной равнине; но больше их никто не видел живыми: их трупы были найдены с проломленными черепами; и, поскольку ни у кого из них не было рук, предполагалось, что они убили друг друга поводьями или что какой-то злобный демон уничтожил их обоих. *Ингве* и *Альф*, сыновья *Алариха*, разделяли правление шведов; но они были разными по характеру. Последний стремился к миру, был немногословен и суров в обращении; первый любил войну, выпивку и беседы и часто затягивал свои оргии до ночной тишины. Двое таких людей, чья ревность еще больше усилилась из-за неразумного разделения власти, не могли долго выносить общество друг друга. Однажды вечером *Ингве* ударил ножом своего брата, но у жертвы осталось достаточно сил, чтобы нанести смертельный удар в ответ. Верховная власть теперь принадлежала одному, *Хуглейку*, сыну *Альфы*. Его конец тоже был трагичным. Подвергшись нападению *Хако*, знаменитого морского короля и датского ярла, который числил среди своих капитанов непревзойденного *Стеркоддера*^[128], он был побежден и убит, — уверяет *Снорро*, руками *Хако*; но, возможно, руками *Стеркоддера*. Победитель не был удовлетворен смертью *Хуглейка*: он подчинил свиней и заставил их признать его своим королем. Однако исландские писатели не причисляют его к числу законных королей Швеции. Он был узурпатором, на которого *Йорунд* и *Эрик*, оба сына, оба морские короли, напали и убили в окрестностях *Упсала*. Но *Эрик* получил смертельную рану, и *Йорунд* был провозглашен шведским монархом. Новый монарх, который за время своего изгнания приобрел значительную репутацию на море, сохранил привязанность к профессии, которой он занимался летом. Но это привело его к разорению. Во время своего изгнания он убил *Гудлауга*, короля *Халогии*: *Гилаг*, сын этого вождя, встретил его в *Лимафьорде*, победил и повесил. *Аун*, сын *Йорунда*, по прозвищу *хинн Гамле*, или Старый, ныне взошел на трон шведов. Он был благоразумным человеком, великим почитателем богов и не любил войну. Во время его правления, говорит *Снорро*, — и информация ценная, — были *Дан Микиллати*, *Фроде Тихий океан*, *Хальфдан* и *Фридлейф III*. были, поочередно, королями датчан. Его мирные привычки, вероятно, привели к нападениям, которые были совершены против него. Он дважды был изгнан из своего королевства — в первый раз *Хальфданом*, который двадцать пять лет правил в своей столице *Упсале* и там умер. Это замечательное событие упоминается *Саксоном*; но, в своей обычной манере путать имена и даты, датский историк называет шведского короля *Эриком* вместо *Ауна*. Он добавляет, что шведы очень почитали *Хальфдана*, которые в своей прискорбной слепоте считали его сыном великого *Тора*. После своего двадцатипятилетнего правления в *Готии* *Аун* посоветовался с богами относительно продолжительности своей жизни и, чтобы сделать их более благосклонными, принес своего собственного сына на алтарь *Одина*. Ответ был таков, что, хотя сейчас ему было шестьдесят лет, он должен прожить еще шестьдесят. Но если ему

суждено было выжить, то в то время ему не суждено было царствовать, ибо через двадцать пять лет со дня этого жертвоприношения он снова был изгнан Али, сыном Фридлейфа. По прошествии еще двадцати пяти лет Али, как нам говорят, был убит Стеркоддером. Готы снова подчинились Ауну. Все это в достаточной степени невероятно; но еще более правдоподобно следующее: — После правления еще в течение двадцати пяти лет он предложил своего второго сына Одину; и ответом было, что, если он каждые десять лет будет приносить в жертву этому божеству сына, он будет жить вечно; но его сила не должна была быть соизмерима с его жизнью. После седьмого жертвоприношения он в течение десяти лет не мог ходить, и его носили на носилках. После восьмого, в течение целых десяти лет, он был прикован к постели. После девятого его кормили, как ребенка, молоком из рожка. У него все еще был сын, и он был бы принесен в жертву в качестве десятой жертвы, если бы шведы не запретили это жертвоприношение. Так умер король Аун, и впоследствии его имя вошло в поговорку для обозначения болезней, неотделимых от старости.^[129]

[с 448 по 545.]

Эгиль, чья кровь должна была запятнать алтарь Одина, после смерти своего отца стал монархом шведов. Теперь он столкнулся с врагом в лице Тунне, который, хотя и был рабом, был казначеем Ауна. Поскольку Тунн вкусил сладость власти, у него не было желания возвращаться к своему прежнему состоянию; и когда он понял, что между ним и его товарищами не делается никакого различия, он отправился на место, где Аун зарыл большое сокровище, выкопал его и с его помощью нанял многочисленный отряд людей для осуществления своих целей. Сначала новый вождь направился в менее доступные части страны; постепенно, по мере того как его отряд увеличивался, — а не может быть сомнения, что, объявив рабскую войну, он быстро увеличивался, — он вышел из гор или лесов и захватил соседние равнины. Он был бандитом большого масштаба. Эгиль собрал некоторое войско и поспешил наказать мятежника; но, будучи застигнут врасплох ночью в своем лагере, он потерял многих из своих сторонников и был вынужден спастись бегством. Это знаменательное событие увеличило мощь повстанцев, и, хотя силы неоднократно вводились в бой, победа была одержана Тунне в восьми последовательных сражениях. В этой чрезвычайной ситуации король бежал ко двору датского короля Фроде V., в Зеландию, и предложил в качестве условия помощи ежегодную дань. Фроде принял это предложение, и с датским подкреплением Эгиль одержал победу над мятежником. В течение трех лет, прошедших между этим событием и его собственной смертью, Эгиль посылал датскому королю большие подарки, но он не позволял называть их данью. Смерть была для него, как и для большинства инглингов, трагической: она наступила от дикого быка во время охоты в лесу. Оттар, сын Эгиля, унаследовал трон. Будучи вызван датским королем для уплаты обещанной дани, он ответил категорическим отказом. Фроде вторгся в Свонию, опустошив страну, в то время как Оттар, вооружившись мощным оружием, высадился в Зеландии и совершил такие же грабежи. Но последний был побежден и убит датчанами, а его тело выставлено на растерзание диким зверям. Адильс, сын Оттара, был следующим королем. Он был известным пиратом, который летом посещал и разорял большую часть побережья Балтийского моря. Однажды он напал на Саксонию, опустошил страну, взял много добычи, среди которой была Урса, дама необыкновенной красоты. Победитель влюбился в нее и женился на ней; но, будучи изгнанной из своего королевства Хельге, сыном Хальфдана, который правил в Ледре, эта королева попала во власть победителя, который также женился на ней, и результатом этого союза стал Рольф Крейк. Но Урса, которая, как выяснилось, была дочерью Хельге, вернулась ко двору Адильса, с которым оставалась до конца своей жизни. После смерти

Хельге во время одной из его пиратских экспедиций Рольф, или Ролло, каким бы молодым он ни был, был признан королем Ледры. Адильс ненадолго пережил своего врага; он был убит падением своей лошади.^[130] *Эйстейн*, сын Адильса, следующим поколебал скипетр шведов. Его правление было беспокойным, его королевство постоянно наводняли королевские корабли Дании и Норвегии или, что еще хуже, свирепые морские короли. “В те дни,” говорит Снорро, “было много морских королей, которые набирали большие силы, хотя у них не было стран, которыми они могли бы править. Он считался достойным быть морским королем, который никогда не спал в палатке и никогда не опустошал свой рог у очага”. Самым могущественным врагом Эйстейна был Сольви, вождь ютов, чьи пиратские экспедиции были известны на многих побережьях. Однажды ночью этот мародер пробрался к палатке, где Эйстейн развлекал своих друзей, и поджег это место, все внутри сгорело. Чтобы получить королевский титул, Сольви поспешил в Сигтуну; и на мгновение ему это понравилось; но жители восстали, чтобы отомстить за своего покойного короля и освободиться от нового ига, и этот авантюрист вскоре распрощался с империей и с жизнью. Законным преемником Эйстейна был его сын *Ингвар*, который, обладая воинственным нравом, побывал на многих побережьях. Но в 545 году он был убит на территории Эстонии.^[131]

[с 545 по 623.]

Следующий человек, занявший трон инглингов, *Брот-Онунд*, был гораздо мудрее своих предшественников. Его великой целью было вырубить леса, осушить болота Свионии и, таким образом, превратить пустынные и бесполезные земли в пахотные и пастбищные. Его усилия увенчались успехом. Там, где раньше стояла стоячая заводь, колыхались золотые урожаи; леса сменились хижинами, полными трудолюбивых работников; а шоссе проложили так, чтобы они проходили через горы и болота. “Многие, - говорит Снорро, - были королями провинций, подвластных ему”. Но этот патристически настроенный монарх, как и многие инглинги, пришел к безвременной кончине: однажды, когда он и его свита были в горах, их накрыла огромная лавина. Теперь скипетр перешел к несчастному *Ингьяльду Ильраде*, сыну покойного короля. В младенчестве этот принц, как нам рассказывают, отличался слишком мягким нравом для буйных людей, с которыми ему приходилось иметь дело. Этот недостаток, однако, излечивался особой диетой — жареными волчьими сердцами; и Ингьяльд стал таким же свирепым, каким раньше был наоборот. Но эта перемена в характере была не к счастью шведов, и ему было суждено стать последним из инглингов, которому предстояло править в Упсале. Его первой целью было истребление местных королей, которые, как грибы, росли в стране и которые, хотя и подчинялись потомкам Одина, часто вели себя так, как будто были независимыми. На развлечениях, которые он давал в Упсале, как в честь погребения своего отца, так и в честь собственной инаугурации, его характер проявился в полной мере. Здесь было шесть королей, — все они были обязаны повиноваться Ингьяльду, за исключением короля Зюдермании, — с большим количеством ярлов и другой знати. В таких случаях король, или ярл, прежде чем принять почести всех присутствующих, — почести, выражаемые общим криком, - садился на низкое сиденье в ногах того, которое занимал его предшественник. Затем принесли кубок для хвастовства, до краев наполненный вином; и предполагалось, что новый наследник, дав некоторое обещание, выпьет его, прежде чем взойти на высокий престол. Когда чашу — огромный рог - принесли Ингьяльду, прежде чем осушить ее, он поклялся Браге, богу, что удвоит свои владения во всех направлениях или погибнет при попытке. Те, кто аплодировал клятве, мало предвидели участь, которая их ожидала. В ту же ночь шесть королей и ярлов были сожжены вместе с пиршественным домом. Этим зверским актом Ингьяльд стал абсолютным

хозяином всей Свонии, за исключением того района Зюдермании, который подчинялся отсутствующему королю Грамматику. Этот король вскоре услышал об этом поступке и, зная, что его собственная жизнь находится под угрозой, заключил союз со знаменитым морским королем по имени Хиорвардар, которому отдал свою дочь Хильдегунду. Прием, на котором впервые планировался этот брак, характерен для нравов того времени. На одном высоком троне восседал король Гранмер; на другом - король пиратов; а рядом с каждым сидели его вожди и друзья. Чтобы почтить гостя, Гранмер позвал свою дочь Хильдегунду, чтобы вручить кубок. Она появилась, прекрасная, как день, наполнила чашу и, подойдя к Хиорвардару, сказала: “Да здравствуют Илсинги! Я пью за память о Рольфе Крейке!”^[132] Затем она осушила половину чашки и подала ее Хиорвардару, который, схватив чашу и ее руку, попросил ее сесть рядом с ним. “Это, - ответила девица, - не в обычае пиратов; они не позволяют женщинам сидеть и пить с ними”. “Не обращай внимания на этот обычай, - продолжал вождь, - но убеди меня разделить со мной место и чашу”. Хильдегунда уступила; она пила и разговаривала с вождем до глубокой ночи; и на следующий день она была обручена с ним. Благодаря этому союзу Гранмер приобрел доблестного союзника; и в битве, которую им обоим вскоре предстояло вести против Ингальда, они вышли победителями. Монарх шведов был вынужден бежать; но, благодаря вмешательству друзей, был заключен мир с таким условием, что, пока эти трое живы, ни один из них не должен причинять вреда другим. Теперь Гранмер мог отправиться в Упсал, чтобы присоединиться к великому жертвоприношению и посоветоваться с оракулами. Ответом было то, что его дни сочтены: и они были сочтены. Пока он и его зять находились в одном из своих сельских поместий, Ингьяльд с отборным отрядом бесшумно приблизился и сжег огнем и их, и дом. Затем он подчинил себе округа, которыми правили два короля, и округа их союзников. Его фамилия *Иллрада*, Лживый, в достаточной степени показывает, в каком отношении он находился. У него была дочь по имени Аса, которая была наследницей его дурных качеств. Выйдя замуж за Гудреда, короля Скании, она убедила своего мужа убить его брата, Хальфдана III, короля Зеландии. Затем она присоединилась к заговору с целью уничтожения своего мужа; но как только эта цель была достигнута, она была вынуждена бежать за защитой ко двору Упсала. И все же здесь она не была в безопасности. Ивар Видфадме, сын Хальфдана, решив отомстить за смерть своего отца, вторгся в Свонию и окупал ее кровью и пламенем. Когда весть об этом вторжении достигла Ингьяльда, он был на приеме со своей дочерью и многими вельможами. Он знал, что его ненавидят, что сопротивление невозможно, что побег безнадежен, и по совету Асы он принял решение, которое навсегда сделает его смерть такой же замечательной, как и его жизнь. Это означало сжечь его самого, его дочь, его гостей вместе с домом, в котором они находились.^[133]

[с 623 по 630.]

После смерти Ингальда его сын, *Олаф Третелия*, был последним из инглингов; но его притязания на трон, какими бы санкционированными обычаями или кровью они ни были, вряд ли могли помочь в противостоянии такому могущественному врагу, как Ивар Видфадме. В этот момент Ивар стоял во главе Дании, Швеции, части саксонского и английского государств (англов Гольштейна); и его карьере не должен был противостоять юноша без армии, без последователей. Действительно, Олаф не делал попыток сопротивляться; он видел, что народ твердо решил изгнать инглингов; и с немногими друзьями, которые присоединились к нему, он поспешил в пустынные земли к северу и западу от озера Венер. Там он расчистил леса — отсюда и его фамилия Трэтелия, или рубщик деревьев, — осушил их и не только сделал пригодными для жизни, но и за короткое время заложил на них основу нового государства,

Вермел. От него произошел знаменитый Харальд Харфагер, монарх Норвегии, восстановитель древней славы инглингов.^[134]

Преступления и несчастья этой династии должны казаться каждому читателю странным контрастом с ее мнимым божественным происхождением. По сравнению с этим судьба наших Стюартов была счастливой. Если не считать спутников Одина, то конец большинства из них был трагическим. Фьолнер утонул в бочке с медом; Свегдир, какой бы ни была причина его смерти, покинул этот мир не естественным путем; Ванланд погиб не от рук ведьм, а от рук заговорщиков; Висбур был сожжен заживо собственными сыновьями; Домальд был принесен в жертву на алтаре Одина своими подданными; Даг был убит рабом; Агне была повешена его невестой; Аларих и Эрик были убиты руками друг друга или заговорщиками; Альф и Ингве, несомненно, убили друг друга; Хуглейк был убит Хако или Стеркоддером; Эрик погиб в битве; Йорунд был позорно повешен; Эгиль был забодан до смерти диким быком; Оттар был убит датчанами; Адильс упал с лошади; Эйстейн погиб от рук пиратов; Ингвар - от рук эстонцев; Брот-Онунд попал под лавину; Ингьяльд Ильрада был вынужден покончить с собой; а Олаф Третелия был отправлен в вечное изгнание. Таким образом, из двадцати двух соверенов, от Фьолнера до Олафа, только трое умерли естественной смертью; ибо смерть Олафа, как мы вскоре увидим, тоже была трагической. Несомненно, в превосходстве инглингов, каким бы божественным оно ни было, не было ничего такого, что делало бы его предметом зависти ни для их собственного времени, ни для потомков.^[135]

О судьбе Олафа Третелии и его преемников можно прочитать в главе, посвященной ранней истории Норвегии. Отныне Швеция, или, говоря точнее, шведы, находятся под скипетром скульдунгов, а не инглингов, хотя первые, как и вторые, принадлежали к расе Одина, происходя от Скульда, резиденция которого находилась в Ледре в Зеландии. Они не выполняли жреческих функций; они не были королями-понтификами; следовательно, они не пользовались таким же почитанием, как те, кто имел привилегию совершать богослужения у алтаря Одина.—Прежде чем мы перейдем к этой шведской ветви династии Скиольдунгиан, мы должны вернуться к готской династии, основанной в другой части Швеции. С каждым шагом, который мы делаем в истории этого неясного периода, мы все больше убеждаемся в том, что выдвинутая нами гипотеза основана на истине; а именно, что в то время как швейцарцы или шведы проживали в провинциях, граничащих с Упсалом, и управлялись своими собственными королями, готы жили в более южных и западных провинциях со своей собственной династией. Где находилась резиденция этой последней династии? Вероятно, она не всегда была стационарной. Похоже, что иногда она находилась на Западе, иногда на Востоке Готланда; точно так же, как эти провинции подчинялись одному или двум королям. Скания, которая политически была провинцией Дании, но географически - частью Швеции, также была населена готами, резиденцией правительства которых был Лунд. Когда короли Скании, или Восточной и Западной Готии, получили перевес, их стали называть королями готов. Точно так же, когда торжествовала датская звезда, Ледра, или Одензее, или Лунд, или какой-нибудь город Ютландии считался метрополией готов. Но в каждой из готских провинций Швеции был постоянный двор и, следовательно, столица, правитель которой иногда зависел от короля Скании, иногда от короля Упсала, но чаще, возможно, был независим от них всех. Как бы то ни было, несомненно, что короли всех этих провинций, за исключением Ютландии, были посрамлены. Отсюда неопределенность царских списков и, во многих случаях, их противоречие друг другу. В общем, принц, которому посчастливилось на данный момент иметь перевес, независимо от того, находилось ли его местопребывание в Готландах или в Скании, назывался

королем готов. Все они были или утверждали, что были в равной степени потомками Одина; и в этом нет ничего невероятного, если учесть, как часто победитель после своей смерти делил свои владения между сыновьями. Этот роковой пример, как мы видели, был подан самим Одином. Над Сканией он поставил своего сына Хеймдаля; над Зеландией и прилегающими островами - своего сына Скульда; над Ютландией и Гольштейном - своего сына Бальдра; над шведами в Упсале - своего родственника Фрейра; а над норвежцами, как мы вскоре увидим, - своего сына Земминга. Таков, по крайней мере, последовательный голос традиции, увековеченный в старейших сохранившихся записях.^[136]

Из предыдущих наблюдений и многих других, приведенных в этой и предыдущей главах, читатель будет подготовлен к удивительным вариациям в хронологических списках северных королей, приведенных Саксоном, Снорро Стурлесоном и Иоанном Магнусом. Таким образом, король Скании иногда был вождем всех датчан, иногда всех готов, иногда и тех и других; но в целом короли двух Готландов были признанными главами своей нации, независимо от того, были ли они независимыми или политически подчинялись датчанам, с одной стороны, или шведам, с другой. Кроме того, смешанные браки, которые постоянно происходили между этими монархами, в конечном счете сделали бы их представителями одной великой семьи, даже если бы большинство из них не вели своего происхождения от бога-воина севера. И все же были короли, которые не могли так похвастаться, которые происходили из царственного рода более древнего, чем их собственные, чьи предки были правителями готских провинций Швеции, возможно, за столетия до рождения Одина. И несмотря на все, что мы можем доказать обратное, во внутренних районах Швеции могли существовать регулы, которые происходили от первоначальных, почти местных правителей — от старого финского происхождения; ибо, хотя готы, которые жили там до прихода родственного племени свиной, были доминирующей кастой, они управляли внутренними провинциями через местных вождей. На таком расстоянии во времени, однако, невозможно провести различие между ними; также не часто бывает возможным отличить более ранних готских князей от последующих — тех, кто происходил от предков до прихода Одина, от тех, кто происходил из свионской ветви.^[137]

Согласно "Хеймскрингле", старейшему и лучшему источнику шведской истории, когда Один прибыл на север, он обнаружил монарха по имени Гильфо, обладающего верховной властью.^[138] Был ли этот Гильфо готом или представителем предшествующей расы? На этот вопрос невозможно ответить. Из одного обстоятельства, а именно из его предполагаемого мастерства в магической науке, мы должны были бы заключить, что он был финном, если бы не было сомнений в том, что готы также не культивировали эту мнимую науку, и не принадлежал ли он из-за легкости его общения с Одином и местности, которую он занимал, к расе, родственной свионам, — той, которая иммигрировала в эти регионы из Азиатской Скифии, возможно, за столетия до "этого короля турок". Говорят, что Гильфо уступил чужеземцам часть своей территории, и что они поселились к северу от него. Это заявление, опять же, подтверждает вывод о его готском происхождении. Однако с того дня и вплоть до постоянного объединения двух народов — готов и шведов — под одним началом (часто заключались временные союзы) у более южных народов был свой король, свое правительство и законы. Можно легко догадаться, в какой степени свиары добились господства над готами. Последние в ранний период были склонены принять религию первых, или, мы бы скорее сказали, видоизменение этой религии; из многих отрывков можно сделать вывод, что они, подобно норвежцам, сочетали несколько более древних догматов с верой в Одина. И при всем должном учете этого обстоятельства мы не можем не удивляться легкости, с которой и норвежцы, и готы были приведены в храмы новой

веры. Вряд ли это могло быть результатом применения силы, поскольку свиары, по-видимому, были не очень многочисленны по сравнению с остальной популяцией. Подобно саксам в Англии, шотландцам в Ирландии и мусульманам в Индии, они были господствующей кастой, и, без сомнения, их личная доблесть превосходила доблесть туземцев. Тем не менее, в самых ранних норвежских и датских отчетах об этих отдаленных операциях мы читаем не столько о физическом, сколько о моральном влиянии Одина и его непосредственных преемников. Они могли быть достаточно многочисленны, чтобы завладеть любой соседней провинцией или даже победить мелких вождей, которыми кишела страна; но их едва ли было бы достаточно, чтобы заставить готов и норвежцев принять новую веру. Между светским и религиозным господством существует большая разница; и вся история доказывает, что люди охотнее и упорнее будут бороться за умозрительные мнения, чем за самые существенные социальные преимущества. Сравнительная легкость, с которой Один, или, скорее, его непосредственные преемники, таким образом навязали положительное или измененное соблюдение своей религиозной системы огромному населению, побудила некоторых северных авторов предположить, что до его прибытия там был другой Один, апостол родственной веры.^[139] Но это предположение необоснованно; у нас нет для него веских оснований; и даже если бы они у нас были, все равно возник бы вопрос: “Какими средствами этот *бывший* пророк обеспечил господство своей религии?” Существует только один способ решения этой трудности, и он является гипотетическим. Вероятно, поскольку и готы, и шведы — возможно, также значительная часть древней расы — происходили из одной и той же азиатской Скифии, между *некоторыми* их религиозными взглядами существовало сходство, если не идентичность; и это сходство, естественно, способствовало распространению новой веры. Если к этому соображению мы добавим помпезность, с которой проводились жертвоприношения — великолепие храма — толпу исполняющих обязанности жрецов во главе с царем — внушительную торжественность сцены — предполагаемое богоподобное нисхождение главного понтифика — репутацию, которой пользовались все жрецы Ассер за сверхъестественные знания, — мы едва ли будем удивлены быстрым развитием культа Единиста. Как пророк, особенно столь высокого происхождения, Один, должно быть, претендовал на дар чудес, или, что то же самое, на способность добиваться чудесных результатов благодаря своему знанию тайн природы. Такое стечение обстоятельств, должно быть, повлияло на готов, как и на норвежцев и другие древние племена. Это может объяснить легкость, с которой обе нации приняли новую веру и в конечном счете признали даже временное превосходство свиар. Несомненно, что уже во времена Тацита последние были господствующим племенем; однако, поскольку они занимали морское побережье — обычное место пребывания последних пришельцев, — мы можем усомниться, жили ли они там более двух столетий. Но этому превосходству, носившему моральный, а не физический характер, часто сопротивлялись готские короли, которые без колебаний выступили походом на Упсал, предали смерти полубожественного понтифика и взошли на его трон.^[140]

[С 70 по 260 год н.э.]

Благодаря усердию Снорро мы смогли представить читателю имена, преемственность и главные подвиги этих королей-священнослужителей, от Одина до Ингьяльда Иллрады. Но над королевскими готами нависла туча, которую время никогда не сможет рассеять. Все, что сейчас можно сделать, — это оставить за Саксоном Грамматиком и самой Хаймскринглой несколько разрозненных имен. Гильфо мы уже упоминали; и из предполагаемого факта — который у нас

нет причин оспаривать — что Скания ранее была передана Одином своему сыну Хеймдалю, резиденция империи Гильфо, должно быть, находилась в одной из Готландий. За ним последовали *Фроде* и *Сигтруг*; первый примечателен своими щедрыми подарками великому храму Сигтунер; второй — своими несчастьями. Грам, датский король (вероятно, правитель Скании), похитил дочь Сигтруга, последовала война, которая оказалась фатальной для готского короля, который был свергнут с престола и убит. То, что он правил в Готланде, прямо подтверждается Саксоном Грамматиком^[141], который рассказывает наглядный случай, иллюстрирующий древние нравы. Грам, говорит датский историк, услышал, что принцесса была помолвлена с великаном, и решил спасти ее от унижения; поэтому он отправился в Готию и нашел царственную девушку с некоторыми из ее свиты, умывающимися в одном из сельских ручьев. Конечно, она стала призом победителя, как и готическое королевство. Но *Грам* не использовал свой успех умеренно; и от руки *Свибдагра*, короля Норвегии, он, в свою очередь, был убит.^[142] Свибдагр теперь был владыкой трех государств — Скании, Готии и своего наследственного; но первое он уступил Гутруму, сыну Грама. Безвременной участью Свибдагера была гибель от руки Хаддинга, другого сына Грама.^[142] В его готском и норвежском государствах ему наследовал его сын *Асмунд*, который, желая отомстить за смерть отца, также был убит Хаддингом. *Уффо*, сын *Асмунда*, унаследовал ссору, хотя и не трон, двух своих предшественников. Этим троном владел Хаддинг; но он смог собрать войска и совершить отвлекающий маневр, высадившись на побережье Скании (или, возможно, Ютландии) и вынудив датского короля вернуться к защите своих владений. Поскольку в намерения *Уффо* не входило рисковать битвой в чужом государстве, он отплыл в Готланд и вступил во владение своим наследственным достоинством. Но с наступлением весны Хаддинг возобновил свое стремление к завоеваниям и со значительными силами высадился на готском континенте. Однако его последователи вскоре были измучены голодом и усталостью; в последовавшем сражении он потерпел сокрушительное поражение и был вынужден отступить в Данию.^[143] Будучи не в состоянии уничтожить своего врага силой, Хаддинг прибегнул к предательству: он добился встречи с *Уффо* и сместил этого принца путем убийства; но, согласно датскому сообщению, он посадил *Хундинга*, брата *Уффо*, на вакантный трон. Шведы, однако, утверждают, что таким образом действовала их нация, а не датчане; и их утверждение гораздо более правдоподобно. Вероятно, между ними, как утверждают первые, была жестокая война; и когда оба обнаружили, что от нее не следует ожидать никакой выгоды, они с готовностью заключили мир и с тех пор более отличались своей дружбой, чем прежде своей враждой. В сказочном духе того времени рассказывают, что, когда один из них услышал о смерти другого, он покончил с собой от горя. Мы можем, однако, признать, что они умерли небольшим интервалом времени друг от друга. Мы можем добавить, что этот Хаддинг не был включен в список датских, то есть зеландских королей, лучшими критиками; и что за его действия мы в долгу перед Саксоном. Вероятно, он не правил в Ледре.^[144]

[Примерно с 260 по 448.]

Рагнар, сын *Уффо*, унаследовал трон готов, но только после того, как освободил его от власти своей мачехи. Его королевой была *Сванхита*, сестра *Фроде*, короля Дании; но этот союз не сохранил хорошего взаимопонимания между двумя странами. *Фроде* вторгся в Готланд, но погиб во время похода — не от рук врага, замечает Саксон, а от лихорадки, вызванной как жаром, так и тяжестью его доспехов. После смерти *Рагнара* скипетр готов перешел к *Холварду*, или *Ходброду*, который был воинственным принцем. Во время своей экспедиции в Данию, которой тогда правили *Хельге* и *Роу*, он оставил последнего монарха мертвым на поле боя. Но

сам он, после своего возвращения в Готланд, был смертельно ранен Хельге, и его королевство стало призом победителю. Но *Амтил I*, сын Ходброда, благодаря женитьбе на дочери Хельги и, что еще важнее, храбрости готов, был возведен на трон. Потомок этого брака, *Ходер*, стал в дальнейшем королем Скании, не меньше, чем Готланда. Это *Ходер*, которого Саксон — столь абсурдный в своей хронологии — делает современником и соперником *Бальдра*, сына *Одина*.^[145] *Рюрик*, сын *Ходера*, также был монархом обоих государств. Он, как мы уже рассказывали, был дедом *Гамлета* через брак его дочери с *Горвендилом*, принцем *Ютландии*.^[146] Он правил *Данией* через своих наместников и всегда оставался в Готланде; по этой причине его часто опускали в списке датских королей. *Амтила II*. мы просто знаем, что он был убит датским эмиссаром; о *Хогморе* и *Хогрине*, которые правили вместе, известно, что они погибли в битве с датчанами. Но *Аларих*, их преемник, по-видимому, был идентичен *Элреку*, принцу шведов, брату *Эрика*.^[147] и эта гипотеза подтверждается утверждением шведских историков, что готы и шведы в то время были объединены. Вероятно, *Элрек* правил одной нацией, *Эрик* - другой. В шведских летописях также *Эрик* числится братом и преемником *Алариха*; путаница в хронологии, достаточно распространенная среди историков этого периода. Преемником стал *Хальфдан* (или *Халден*), который, вероятно, был *Альфом* *Снорро*.^[148] Это предположение также подкрепляется заявлением того же норвежского органа власти о том, что *Ингве* и *Альф* разделяли правительство Швеции. Оба едва ли стали бы править в Упсале; и у нас есть веские основания предполагать, что, пока *Ингве* занимал этот трон, *Альф*, или *Хальфдан*, правил готами. И есть еще одно подтверждение в том факте, что после смерти *Альфы* эти два народа подчинялись разным правителям. В правлениях *Сиварда*, *Эрика*, *Хальфдана II*, *Рагнальда*, *Асмунда* и *Хакина* (или *Хако*) мы наблюдаем несколько совпадений в истории готов и шведов: вероятно, они были королями только первого народа, иногда превосходя Сканию. Но нельзя пренебрегать именем *Хако*, не упомянув об инциденте, который автор "*Макбета*" включил в величайшую из своих драм. *Хако*, решивший отомстить за смерть своих братьев, которые были убиты при датском дворе, высадился с сильным вооружением на побережье *Зеландии* и двинулся к резиденции датского короля. По пути, чтобы избежать наблюдения, он прошел через лес; и когда тропа вывела на открытую равнину, он приказал каждому из своих людей срубить по большой ветке, чтобы никто не обнаружил малочисленность его последователей. Велико было удивление часового, когда он увидел лес, приближающийся к королевской крепости, и он немедленно сообщил об этом королю. Последний спросил, как далеко от стен находится движущееся дерево; и, получив ответ, что оно близко, он почувствовал, что и его последний час тоже близок. Выйдя из крепости навстречу врагу на открытой равнине, он встретил судьбу, которую предвидел.^[149]

[с 448 по 623.]

Теперь мы приближаемся к исторической земле. *Эгил Аунифф*, следующий король готов, вне всякого сомнения, *Эгил*, сын *Ауна*, о подвигах которого мы рассказали на предыдущей странице этой главы.^[150] Эти подвиги одинаковы как в повествовании *Снорро*, так и в рассказах более поздних историков страны: причина и результат были одни и те же. Таким образом, *Эгиль* был королем готов и шведов. *Готар* из шведских писателей, преемник *Эгиля*, является также *Оттаром* *Снорро*: обстоятельства их жизни идентичны.^[151] *Адель* - *Адильс*, *Остан* *Эйштейн*.^[152] Единственным различием в этом отношении является обстоятельство, приведшее к смерти *Эйштейна*; норвежские власти приписывают это *Сольву*, южному пирату; шведские - восстанию вождя готландцев. *Ингвар* шведских писателей - это, бесспорно, *Ингвар* *Снорро*; а *Асмунд* первого - это *Онунд*, или *Браут-Онунд* последнего. В это последнее царствование мы

наблюдаем такое же поощрение промышленности; но смерть короля связана по-разному. Снорро, как мы уже упоминали ранее, приписывает это "лавине"^[153]; но шведские авторы заставляют его пасть в битве с отрядом повстанцев. О двух следующих правителях, упомянутых шведскими авторами, — *Сиварде* и *Хирвте*, — у нас нет упоминания в "Анналах инглингов". Причина в том, что они были королями только Готланда и, вероятно, зависели от монархов Упсала: последний, действительно, прямо называется королем готов. *Ингель*, следующий правитель в шведских анналах, вне всякого сомнения, Ингальд Ильрада из Снорро Стурлесона, который был королем готов и шведов: его подвиги и трагическая смерть совпадают.^[154]

Таким образом, мы низвели современную монархию готов, начиная со столетия до Рождества Христова и заканчивая завоеванием Швеции Иваром Видфадме примерно в 623 году. Рассматривая эти династии как отдельные и пытаясь различить королей, которых все предшествующие историки смешивали, мы сделали предмет понятным для читателя. Путь, на который мы отважились первыми, без сомнения, будут проходить и другие авторы, пока он не станет так же хорошо известен, как любая другая часть древней скандинавской истории. Она все еще темна; и только критика, подкрепленная широким использованием авторитетных рукописей, может прояснить ее.

[с 623 по 794.]

Четыре следующих монарха шведов и готов были также королями датчан. Из них *Ивар Видфадме*, завоеватель Ингьяльда Ильрады, был одним из самых знаменитых. Сага повествует о нем, что он покорила всю Швецию, которую объединил с Данией; большую часть Саксланда, всю Эстляндию и пятую часть Англии. Несомненно, в этом утверждении есть некоторое преувеличение; но само это преувеличение подтверждает факт его завоеваний. Говорят, что часть Англии, на которую ссылается сага, называется Нортумбрией. Действительно, никаких упоминаний о таком происхождении нет ни в саксонской хронике, ни у Беды; и молчание, особенно этого нортумбрийского историка, может быть веским аргументом против ее правдивости. Тем не менее, в беспокойные времена, когда саксы боролись с коренными бриттами за обладание территорией, прибытие нового вождя вполне могло остаться незамеченным, особенно если завоевания Ивара ограничивались той частью Нортумбрии, которая лежит к северу от Твида. Это не могло быть хуже этой реки во времена Сент-Освальда. Но был ли этот принц в Англии или нет, в его храбрости сомневаться не приходится. Его наследственные владения охватывали только Сканию; вскоре он добавил Ютландию к остальным; но у нас нет доказательств того, что он когда-либо восседал на троне Ледры. Однако как король Готланда и Швеции, не считая своих завоеваний на побережье Балтийского моря, он был могущественным монархом. "От него," говорит Снорро, "отныне происходят короли датчан и шведов". После его смерти скипетр этих государств унаследовал *Харальд*, его внук по прозвищу *Хильдетанд*, или Золотозубый. Этот монарх намного превзошел прежнего по славе. Судя по рассказу Саксона, у него были некоторые неприятности с готами, а также со шведами; и своим успехом над ними он был, согласно тому же достоверному источнику, обязан советам Одина, который удостоил его личной беседы. Из нескольких отрывков этого историка и саг более поздней эпохи мы можем заключить, что готы, недовольные одновременно датчанами и шведами, неоднократно провозглашали свою независимость. Они не принадлежали к божественной расе Одина; и свобода, которой пользовались их предки до прихода "этого короля-волшебника", часто была стимулом для смелых поступков. Как они восстали против шведов, так и датчанам они доставляли столько же хлопот в течение четырех царствований,

которые сейчас перед нами. Но Харальд одержал победу и правил обоими народами через своего царственного родственника. Другие части света были свидетелями его доблести, но ему было суждено умереть в бою и в преклонном возрасте против своегоплемянника Сигурда Ринга, который хотел свергнуть его с датского трона. На севере Европы битва при Бравалле празднуется так же, как любая другая в древности или в наше время. Саксон с большой тщательностью перечисляет королевских вождей, сражавшихся на обеих сторонах; но их число, не меньшее, чем число простых людей, превосходит всякое предположение. Престарелого и слепого Харальда возили по городу на боевой колеснице, и время от времени он интересовался, как протекает битва. Прежде всего, он был поражен замечательной манерой, с которой Сигурд Ринг выстроил ряды врагов; и он выразил свое убеждение, что такое расположение было результатом не науки смертных, а особой милости Одина. Возничий, к которому он обратился, был не кто иной, как Один в облике датского вождя; и руками этого божества он получил смертельный удар и был сброшен на землю. Согласно Саксо, ему наследовали *Оло* и *Омунд* по очереди; но исландские власти, которые делают завоевателя *Сигурдом*, или *Сивардом Ринг*, его преемником, имеют больше права на доверие. Вероятно, *Оло* и *Омунд* были только вице-королями, хотя могли иметь королевское происхождение. Многие, по словам Саксона, были королями, которые вмешивались между Харальдом Хильдетандом и *Рагнармом Лодбромом*; в то время как более критичные историки нового времени, поддерживаемые исландскими властями, сразу переходят от одного к другому. На таком расстоянии и без помощи документов, более четких, чем все, что до сих пор было опубликовано, невозможно сказать, какой из списков является подлинным; но вероятность в пользу исландцев; ибо, хотя короли, перечисленные Саксоном, могли править в некоторых частях Дании, они, как полагают, были скорее вице-королями, чем монархами. Действительно, четыре принца, имена которых заполняют этот абзац, должны были править с помощью местных губернаторов; их государства были слишком многочисленны, слишком обширны, чтобы ими можно было управлять лично, особенно когда, как это было обычно, они отсутствовали в зарубежных экспедициях. О подвигах Рагнара мы почти не упоминали даже в датской части истории; причина в том, что мы можем увидеть в них мало того, что согласуется с правдой, — мало того, что не является чудовищным нарушением правдоподобия. ^[155]

[с 794 по 1001.]

После смерти Рагнара трон Швеции перешел к одному из его сыновей, *Бьорну I.* по прозвищу *Ярнасидо*. О нем мы знаем немногим больше, чем то, что в его правление были предприняты первые попытки обратить шведов в христианство. Бьорн не чурался веротерпимости и позволял святому Ансару беспрепятственно учить, крестить и проповедовать. Но достигнутое таким образом благо было преходящим: Анскар вернулся в Германию, чтобы добиться от папы и императора некоторого усиления своей власти; и за время его отсутствия миссия полностью провалилась. Когда Ансар нанес второй визит в это королевство, он обнаружил короля по имени *Олаф*, владеющего тронem. Кто он был? Олаф Третелия был мертв около двух столетий, а Олаф Скотконунг правил более века спустя. Следовательно, либо мы имеем печальную путаницу в хронологии, либо, должно быть, правил король, которого современная критика не признает. Вероятность того, что Олаф был королем Готии, который в ходе многочисленных восстаний того периода захватил королевскую власть в Швеции не меньше, чем в более южных провинциях. *Эрик I.*, сын Бьорна, следующий среди шведских королей; а после него *Эрик II.* по фамилии *Рафильсон*, который, вероятно, был либо готским королем, либо узурпатором. *Эмунд* и *Бьорн II.* — один правитель Готландов, другой Швеции — взошли на трон следующими, за ними

последовал *Эрик III.*, сын *Эмунда*; но правление всех было коротким, и они не оставили никаких записей для потомков. Действительно, число королей в IX веке настолько велико, что мы вынуждены сделать вывод о существовании у готов отдельных королевств, в то время как мы не в состоянии различить две королевские династии. *Биорн III.* (923) правил долго; *Эрик IV.*, прозванный Победоносным (993), еще дольше; и *Эрик V.*, прозванный *Арсаэлем* (1001), замыкает список языческих королей: не то чтобы он был язычником; напротив, как мы увидим в главе, посвященной распространению христианства на севере, он умер за новую веру. Но он был воспитан язычником; после его смерти большая часть королевства была языческой; и его сыну, Олафу Скотконунгу, было поручено сделать христианство общепринятой религией Швеции и Готланда.^[156]

Путаница в этот период шведской истории, а именно с конца восьмого по конец десятого века, больше, чем в любой предыдущий период. По словам разных историков, немногим более чем за два столетия шведским скипетром управляли не менее шестнадцати королей. Причина этой путаницы совершенно очевидна. Не только короли Готланда, когда у этой провинции появился отдельный король, были причислены к королям шведов, но и преемники Олафа Третелии были в равной степени смешаны с ними: другими словами, королевские вожди трех современных государств были классифицированы только как короли шведов - как государи Упсала. Из-за этой путаницы едва ли возможно различить ни королевские имена каждого штата, ни действия, приписываемые им. Мы можем, однако, с уверенностью утверждать, что Олаф Третелия и Ингель (или Ингьяльд), его сын, не были королями Швеции; напротив, они были правителями государств далеко на западе — Вермел и Раумарик.^[157] Если, как утверждают некоторые историки, король по имени *Карл* правил в это время в Швеции, его резиденцией не мог быть Упсал; это должен был быть какой-нибудь город Восточного или Западного Готланда. Мы думаем, то же самое можно сказать об *Эмунде*, который правил на юге, в то время как Бьорн правил в Упсале, или Бирке. Но *Эрик IV*, прозванный *Победоносным*, несомненно, был королем как готов, так и шведов. Успешные войны, в которых он участвовал и которые принесли ему этот эпитет, слишком неясны, чтобы их можно было отличить от хаотических событий того периода. *Эрик V* по прозвищу *Арсаэль*, или Счастливорожденный, отец Олафа Скотконунга, также был королем двух провинций. Он принял христианство и был публично крещен в Упсале вместе со многими своими вельможами. Вероятно, именно по этой причине, а также из-за необычайного изобилия, которым пользовалась Швеция в его время, он получил эпитет, который потомки прикрепили к его имени. В правлении этого монарха много неясного. Некоторые авторы утверждают, что он был так встревожен ропотом своего народа из-за своего отказа от старой религии, что, чтобы умиротворить их, вернулся к ней. Другие, опять же, утверждают, что он твердо придерживался новой веры; что он с некоторым успехом старался отвратить своих подданных от заблуждений идолопоклонства; что он зашел так далеко, что разрушил языческие храмы; что в Сигтуне он встретил небольшое сопротивление; но что, когда он осмелился наложить руки на великолепный храм Упсал, народ восстал и предал его смерти. Примирить эти противоречия было бы тщетной попыткой. Все, что еще предстоит сообщить относительно этого и одного или двух предыдущих царствований, можно найти в главе, посвященной происхождению христианства в этих регионах.^[158]

ГЛАВА. III.

Норвегия.

ПРИМЕРНО С 70 По 1030 год н.э.

НОВОЕ КОРОЛЕВСТВО ИНГЛИНГОВ В ВЕРМЕЛАНДЕ.—КОРОЛИ ОТ ОЛАФА ТРЕТЕЛИИ До ХАЛЬФДАНА ЧЕРНОГО.—ХАЛЬФДАН ИСТИННЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ НОРВЕЖСКОЙ МОНАРХИИ.—ХАРАЛЬД ХАРФАГЕР.—ЭРИК КРОВАВЫЙ ТОПОР.—ХАКО ДОБРЫЙ.—ХАРАЛЬД ГРААФЕЛЬД.—ХАКО ЯРЛ.—УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛАФА ТРЮГВЕСОНА.—ЕГО РАННИЕ ПИРАТСКИЕ ПОДВИГИ.—ЕГО РОМАНТИЧЕСКАЯ СУДЬБА.—ОН СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ НОРВЕГИИ.—ЕГО РАЗРУШЕНИЕ ИДолов.—ЕГО НЕТЕРПИМЫЙ ФАНАТИЗМ И ЖЕСТОКОСТЬ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ. —ЕГО ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ИЛИ, ПО МНЕНИЮ НЕКОТОРЫХ АВТОРОВ, ЕГО ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИЗ МИРА.—ОЛАФ СВЯТОЙ.—ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИРАТА.—ЕГО ВОСШЕСТВИЕ На КОРОНУ НОРВЕГИИ.—ЕГО ХАРАКТЕР ГОНИТЕЛЯ.—ЕГО ССОРЫ И ПОСЛЕДУЮЩИЙ СОЮЗ Со ШВЕЦИЕЙ.—КАНУТ ВЕЛИКИЙ ОТПРАВИЛ ЕГО В ИЗГНАНИЕ.—ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ И УБИТ.—ЕГО ПРИТВОРНАЯ СВЯТОСТЬ.

Несомненно, что в Норвегии были вожди с королевским титулом, если не до рождения нашего Спасителя, то за много веков до падения инглингов в Швеции. Мы находим упоминания о них в датской и шведской истории и в хрониках, которые, хотя и относятся к более позднему периоду, были взяты из источников, ныне утраченных. Страна была полна ими. Большинство из них, как мы уже отмечали^[159], хвастались своим происхождением от древней финской расы, которая, хотя и наполовину мифологическая, в первобытные времена произвела на свет многих вождей с прославленным именем. Но об ихдеяниях у нас нет никаких свидетельств, кроме того немногого, что сообщает неуверенный голос традиции; и это немногое настолько преувеличено баснями, что бесполезно. Мы не будем спасать их имена от забвения: наше повествование должно сопровождать судьбы инглингов от их первого поселения в Вермеланде в Швеции до завоевания ими Норвегии. В отношении последней страны мы лишь отметим, что, когда Олаф Третелия заложил фундамент новой державы, в ней было столько же регулов, сколько и в любой предыдущий период. Подчинить их по очереди и объединить их мелкие государства в одну великую монархию было постоянной целью его преемников.^[160]

[с 630 по 640.]

Провинция Вермеланд, в которую удалился Олаф Третелия и в которой он заложил основание нового государства, была, как мы уже отмечали ранее, расположена к северу от озера Венер. Здесь усердие, с которым он и его последователи расчищали землю от местных лесов, обеспечило ему в Упсале пренебрежительное применение *Trætelia*, или дровосека. Но он презирал насмешки и упорствовал. Постепенно многие тысячи людей, которых привязанность к инглингам или надежда на большую свободу в лесах вызвали недовольство в Упсале, Сигтуне или Бирке, поспешили присоединиться к нему. Некоторые авторы утверждают, что он вернулся на время в свою столицу и правил шведами, как это делали его предки. Но это утверждение не подтверждается никакими древними авторитетами и противоречит здравому смыслу. Вермеланд вполне можно спутать с Нагорьем, поскольку и то, и другое было и остается шведскими провинциями. Но именно то обстоятельство, которое должно было защитить его от могущества врагов, стало причиной его смерти. Число вновь прибывших было так велико, что

регион, который был еще недостаточно возделан, не мог прокормить их; колония стала жертвой голода, и визит, как обычно, приписывали королю. Согласно религиозным представлениям свиар, каждое общественное несчастье было доказательством того, что боги были оскорблены; но они не могли быть оскорблены без причины; и, поскольку монарх был представителем всего общества, он считался ответственным за бедствие. Кроме того, Олаф не был очень ревностен в соблюдении религиозных обрядов; он редко приносил жертвы, и только его кровь могла умиловить божества. Большая группа его подданных окружила его дом, подожгла и сожгла вместе с ним — достойная жертва Одину за обильный год. Этот принц заслуживал лучшей участи. Его имя останется в памяти не только как основателя нового королевства, но и как человека, который с большим усердием трудился на благо своего народа. Женившись на Сольвейг, дочери Хальфдана, короля Солейра, государства, лежащего к западу от Вермеланда и основанного примерно за столетие до его собственного, он оставил своим преемникам права на эту провинцию.^[161]

[с 640 по 840.]

У Олафа осталось два сына, Хальфдан и Ингьяльд. Первый, после трагической смерти своего отца, был со своим дедом в Солейре, но за ним последовали шведы и потребовали от старого короля. Последний, однако, не имея желания отдавать своего внука убийцам отца, оказал сопротивление, и завязалась битва, в которой он лишился жизни. *Хальфдан* был назначен правительством обоих государств, и с помощью обоих он подчинил себе Раумарик, страну к западу от Солейра. Все трое образовали компактное и труднодоступное королевство, которое, когда им управляли предприимчивые и политические деятели, не могло не расширить свои пределы на запад и север. Как и его отец, Хафдан изучал, как продвигать интересы своего нового государства с помощью брачного союза. К северу от Раумарика лежит Хедмарк, небольшая провинция, подвластная королю по имени Эйстейн. Его положение было настолько удобным для Раумарика и Солейр, что Хальфдан страстно добивался руки Эсы, дочери Эйстейна, и добился ее. Этот союз дал ему предлог для вмешательства в дела этой провинции, половины ее, силой или политикой, которую он вскоре присоединил к другим своим штатам; и впоследствии он подчинил значительную часть Вестфолда, на которую он претендовал по праву Хильды, принцессы Вестфолдской, жены его сына. Он умер в Тотнии, одном из своих новых приобретений, но его тело было перевезено в Вестфолд и там предано земле. Правителем Вермеланда был его брат Ингьяльд; и после смерти этого вождя провинцией управляли ярлы.

[с 730 по 840.]

Эйстейн, сын Хальфдана, унаследовал объединенные короны Раумарика и Вестфолда. Поскольку последняя провинция была морской, Эйстейн строил суда и занимался обычной и в то же время самой почетной профессией своего времени — пиратством. Согласно традиции, которую увековечил поэт Тиодульф, он погиб в одной из своих экспедиций. У него хватило безрассудства высадиться на побережье Варнии, король которой был великим волшебником, опустошить область, граничащую с морем; перевезти на свои корабли все, к чему он мог прикоснуться, и зарезать скот на морском берегу. Едва он сел на корабль, как прибыл король-волшебник. Последний знал, как отомстить. Потрясая в воздухе мантией и выдувая дым изо рта, рядом с Эйстейном внезапно появилось другое судно, и лонжерон, который использовался для надувания парусов, ударил короля, сидевшего у руля, и он был выброшен за борт. Матросы бросились ему на помощь, но не могли спасти его из волн до тех пор, пока не погасла

жизненная искра. *Хальфдан II.*, сын Эйстейна, известен странной непоследовательностью в своем поведении. Своим последователям — а у него, как у вождя пиратов, их было много, — он давал в виде жалованья столько золотых, сколько другие короли давали серебряными монетами; и все же он чуть не морил их голодом из-за нехватки еды.^[163] Теперь скипетром управлял *Гудред*, сын *Хафдана*, которого из-за его главного занятия называли королем-охотником. Его также называли *Гудред Великолепный*, вероятно, из-за обширности его владений, не меньше, чем из-за богатства. Никто из его предшественников не понимал лучше искусства извлекать выгоду из супружеских союзов. Его первой женой была *Альфхильда*, дочь короля *Альфхейма*; и вместе с ней он получил в приданое часть *Вингульмарка*. Поскольку эта провинция была ограничена на севере *Раумариком*, на западе *Вестфолдом* — как на южных границах *Норвегии*, так и *Швеции*, — это было ценное приобретение. После ее смерти, оглядываясь вокруг, где его владения могли быть наиболее удобно расширены, на морское побережье *Агдера*, которое лежало к югу от *Вестфолда* и которое, как и эта провинция, теперь является частью *Христиании*, поскольку *Раумарик* принадлежит *Аггерху*, он потребовал *Асу*, дочь этого короля. На отказ *Харальда* отдать ему принцессу, — вероятно, зная о его скрытой политике, — он снарядил флот, отплыл к берегам *Агдера*, высадился, поспешил в королевскую обитель и напал на короля *Харальда*, который пал в битве вместе с наследником провинции. Таким образом, *Агдер* стал легкой добычей этого амбициозного монарха. Но много лет спустя он был обречен пасть от руки слуги по наущению своей второй жены *Асы*. Его владения теперь были разделены между *Олавом* и *Хальфданом*; первый был его сыном от *Альфхильды*, второй — от *Асы*: один правил на востоке (*Вермел*), другой на юге. *Вермеланд* в то время был данником шведских королей; его примыкание, действительно, к *Упсалу*, делало его слишком подверженным завоеванию преемниками *Ивара Торфуса* (*Historia Norvegica*, том i. *Vidfadme*); а его географическое положение помещало его в пределы *Швеции*, а не *Норвегии*, на которую теперь простирались владения *Гудреда*. Наше повествование должно быть посвящено главным образом *Хальфдану*, сыну *Гудреда*, тем более что его славе было суждено затмить славу всех его предшественников.^[164]

[с 840 по 850.]

Таково было состояние королевства, когда *Хальфдан Черный* после трагической смерти своего отца стал сувереном одной части. Вероятно, однако, превосходство над остальными принадлежало его старшему брату *Олафу*. Но когда умер его отец, ему был всего год от роду, и его брат *Олаф* или его родственники захватили управление всем королевством, за исключением *Агдера*, унаследованного им по материнской линии. Следовательно, его положению нельзя было позавидовать, и никто в этот момент не мог предсказать его будущего успеха. Своей матери, которая, когда он был еще несовершеннолетним, взяла на себя управление *Агдером* и воспитывала его под своим присмотром, он, вероятно, был обязан многими преимуществами. Достигнув восемнадцатилетия, он принял на себя управление *Агдером* и поспешил в *Вестфолд*, чтобы потребовать у своего брата *Олафа* часть своего наследства. Именно по этому случаю произошел раздел провинции, вероятно, к неудовольствию *Олафа*; но у *Хальфдана* были сильные войска, и провинциальные штаты, власть которых была выше власти короны, не пренебрегали правосудием. Но другие провинции, управление которыми было узурпировано, еще предстояло вернуть; и события вскоре показали, что он, вероятно, будет отстаивать интересы своего дома. С имеющимися в его распоряжении войсками он поспешил в *Вингульмарк*, чтобы заявить права на часть этой провинции, ранее принадлежавшую его отцу. Хотя он столкнулся с достаточным сопротивлением, он достиг своей цели, а именно половины

провинции. Затем он отправился в Раумарик, который восстановил. Этот поступок привел его к вражде с Сигтругом, королем Хедмарка, сыном Эйстейна, который, как и другие монархи того времени, совершил роковую ошибку, разделив свои государства. Хальфдан одержал победу, а Сигтруг был вынужден бежать, раненный стрелой. Другой сын Эйстейна, который также правил в Хедмарке, попытался продолжить войну; и, во время отсутствия Хальфдана в Вестфолде, вторгся в Раумарик. Последний поспешно вернулся, разбил этого нового врага и преследовал его до Хедмарка, который он также покорил. Но ресурсы Эйстейна не были исчерпаны: дважды его королевские союзники на севере давали ему возможность прекратить военные действия; и все же дважды он был побежден. Видя, что от военных действий нет никакой надежды, он отдался на милость Хальфдана, который, как говорит историк, даровал родственнику то, в чем тот отказал врагу, а именно половину Хедмарка. Вскоре он присоединил к другим своим владениям еще два района, граничащих с Хедмарком, — небольшие по протяженности, но удобные по своему местоположению.^[165]

[850.]

Здесь Хафдан сделал паузу в своей победоносной карьере, чтобы попробовать, чего можно добиться с помощью брака. Согне примыкал к одному из его округов; у его короля, к счастью, не было сына, но была дочь на выданье; и он добился ее руки. Отпрыском этого союза был принц по имени Харальд, который, согласно обычаям того времени, в детстве был отправлен получать образование при дворе своего деда по материнской линии. После смерти этого родственника юный Харальд был провозглашен будущим сувереном; но мать и принц вскоре последовали за ним в могилу, и Хафдану оставалось только отправиться в Согне, чтобы вступить во владение имением, как ближайшему наследнику всех троих. В это время князья, правившие частью Вингульмарка, попытались напасть на него врасплох во тьме ночи; и хотя им это не удалось, они смогли, благодаря своему численному превосходству, победить его. Эта задержка, однако, была лишь временной: вскоре он собрал большие силы и, в свою очередь, одержал победу. Вскоре весь Вингульмарк сдался по его зову.^[166]

[с 852 по 863.]

Хафдан был слишком заботлив о своих интересах, чтобы долго оставаться вдовцом. Обширная провинция Рингарик лежала непосредственно к западу от Вестфолда. Им правил Сигурд, прозванный *Хиорт*, или Олень, из-за его пристрастия к охоте. Помимо дочери, у этого принца был сын; но последний был еще младенцем, и шансы были в пользу того, что дочь станет единственной наследницей. Обстоятельства, предшествовавшие этому второму браку и сопровождавшие его, являются иллюстрацией светских манер. Сигурд отличался крупными размерами, неукротимой храбростью и большим успехом в дуэлях, которые в его возрасте были таким обычным делом. Говорят, что на двенадцатом году жизни он победил известного берсерка и одиннадцать его товарищей подряд. Но ему доставляло удовольствие в одиночку скакать по самым безлюдным лесам и труднодоступным горам Норвегии, сражаться с хищными зверями. Однажды, когда он бродил в поисках своих четвероногих врагов по границам Хадаленда, он столкнулся с Хако, известным берсерком, в сопровождении еще тридцати человек. Последовал бой, который оказался смертельным для Сигурда; но двенадцать человек из отряда Хако пали перед ним, а этот вождь потерял руку и получил несколько опасных ран. Его немедленно перевезли в соседнее королевство Рингарик, в резиденцию покойного Сигурда. Согласно обычаям того времени, он взял с собой дочь Рагнильду и Гутрума, сына Сигурда, с

огромной добычей и вернулся в Хадаланд, где у него были значительные земли. Его самой заветной целью было отпраздновать свою свадьбу с Рагнильдой, но тяжесть его ран сделала неизбежной некоторую отсрочку. День его свадьбы так и не наступил. Как только Хафдан услышал об этом событии, он приказал Хейреку, одному из своих вождей, привести принцессу к нему во дворец. В сопровождении сотни человек Харек поспешил к резиденции Хако, приблизился к ней в ночной тишине, ворвался туда, схватил Рагнильду и ее брата и, подожгв дом, вернулся со знаменитыми пленниками. У Хако, действительно, хватило сил подняться и преследовать беглецов. Напрасно: прежде чем он успел добраться до озера, лежавшего на тропинке и которое, поскольку был сезон святок, замерзло, они были уже далеко перед ним. В отчаянии он напоролся на свой собственный меч и был похоронен на берегу озера. Хафдан был на другом берегу; и как только он заметил повозку, движущуюся по далекому льду, он понял, что его команды были успешно выполнены. Поэтому он приказал приготовить банкет и пригласить гостей со всех концов своей страны. В тот же день в присутствии собравшихся гостей была отпразднована свадьба. Результатом был знаменитый Харальд по прозвищу *Харфагер*, или Светловолосый. У нас нет желания описывать сны, которые до рождения принца вызывали беспокойство у обоих родителей. Такие предзнаменования всегда придумываются в отношении людей, чьих судьба возвысила над их собратьями.^[167]

[863.]

Хальфдан Черный для своего возраста был выдающимся принцем. Он издал несколько законов и, что гораздо лучше, заставил их соблюдать. Его законодательство, конечно, было поистине готическим; то есть за преступления полагались денежные выплаты, варьировавшиеся в зависимости от ранга преступника и пострадавшего лица. Он не так любил своего юного сына Харальда, как мать, Рагнильда; и все же качества мальчика были таковы, что вызывали восхищение героической эпохи. Смерти этого короля, по суеверному мнению того времени, предшествовало удивительное обстоятельство. Когда он сидел за столом со множеством гостей, чтобы отпраздновать святочный праздник, яства и напитки внезапно исчезли. Последний, встревоженный предзнаменованием, вышел из-за стола и оставил короля одного. Что это могло означать? Финского мага схватили, подвергли пыткам и приказали сказать, на что указывает знамение. Но он ничего не мог или не хотел сказать; и он умолял принца Харальда добиться его освобождения. Харальд обратился с просьбой к королю, но, найдя его неумолимым, позволил бедному финну сбежать и был сопровождающим его в бегстве. В то время Харальду было всего десять лет, и он больше не должен был увидеть своего отца. Сразу после этого события Хальфдан вернулся на санях в другую часть своих владений. На его пути было озеро, которое предстояло пересечь по льду. Но в нем были проделаны отверстия для водопоя скота; началась оттепель, и король не успел далеко продвинуться, как лед тронулся, и он был поглощен холодной бездной; большинство его приближенных погибло вместе с ним. Так закончилась короткая, но запоминающаяся карьера Хальфдана Черного. Память о нем всегда была дорога Норвегии, и при жизни его всегда почитали как одного из величайших благодетелей своего народа. Огромная толпа прибыла почтить его похороны, но они не позволили предать тело земле в Раумарике. Во время его правления земля была настолько плодородной, что считалось, что он был особым любимцем богов. Где бы он ни был, живой или мертвый, ожидалось процветание; и воины из разных штатов его королевства требовали, чтобы он был похоронен в их округе. Спор, как нам сказали, закончился разделением его тела на четыре части, соответствующие четырем графствам Раумарик, Рингарик, Хедмарк и Вестфолд. Глава был похоронен в Рингарике, остальные члены - в каждом из других округов. Отсюда,

говорит историк, и количество гробниц, которые до сих пор называют гробницами Хальфдана.^[168]

|863.|

Поскольку *Харальд Харфагер* был всего лишь ребенком, когда утонул его отец, соседние регулы под предлогом возвращения того, что потеряли их предшественники, поспешили разделить его обширное наследство. Один отряд вторгся в Хедмарк, второй - в Вестфолд, третий двинулся к резиденции Харальда, чтобы взять его в плен. Но у него был благородный защитник в лице его дяди, Гутрума^[169], которого он сделал генералом своих войск и своим министром. Этот вождь собрал войска и вместе с молодым королем выступил против захватчика Вестфолда, которого он победил и оставил мертвым на поле боя. Место, где была одержана эта великая победа, называлось *Хакадал*, или Долина Хако, по имени павшего там вождя. Другой захватчик этой провинции, Гандульф, был побежден; но ему повезло больше, чем Хако, и он сумел спастись. Видя исход этих двух сражений, оставшиеся принцы решили сражаться не поодиночке, а сообща; и была назначена встреча в скалистых горах высокогорной провинции Хедмарк. Но обоим героям вскоре стало известно об этом намерении; и, проследовав, не теряя времени, в назначенное место, они напали в полночь на передовые посты лагеря, пока двое вождей спали, и в последовавшей за этим стычке послали двух других королей присоединиться к ним в чертоге Одина. Плодами этой победы было не только возвращение всего, что подверглось вторжению, но и приобретение нескольких районов к северу и западу от его наследственных владений. Когда Гандульф вернулся в атаку, он снова потерпел поражение и был отправлен пить мед, питаться ужасным кабаном и сражаться с темными тенями призраков воинов Одина: его владения до реки Раум стали наградой победителю.^[170]

|с 865 по 868.|

После этих неожиданных успехов Харальд подумал, что может рассчитывать на благосклонность любой принцессы севера. Услышав о прелестях Гайды, дочери Эрика, ярла или короля Хордаланда, он послал к ней гонцов, но не с предложением руки и сердца. Ответ леди, если какая-либо вера может основываться на традиции, был непревзойденным по своей гордости. Она была далека от того, чтобы быть любовницей, она не стала бы женой того, чья территория состояла из нескольких незначительных провинций; она никогда не вышла бы замуж за человека, стоящего ниже достоинства монарха, который не обладал, подобно Эрику Шведскому, и Горму Датскому, абсолютной властью над всей страной. Когда королю принесли ответ героини, он восхитился ее честолубием и поклялся богам, что никогда не будет стричь или расчесывать волосы, пока не покорит всю Норвегию — пока ее доходы и власть не будут принадлежать ему; и если его попытка не увенчается успехом, наказанием должна стать его жизнь. Все это выдумки: Харальд не нуждался в советах женщины, чтобы сделать карьеру, о которой он давно мечтал и которую, вероятно, задумал до него его отец. Однако он мог бы дать обет. Во исполнение этой клятвы, которая была в высшей степени приятна Гутруму, он собрал все силы, какие только мог, и двинулся на север, через Годбрандсдалию, имея горы Дофрафельд слева от себя. При его приближении жители бежали в нагорья; одни - в Оркадал, другие - в Ганлардал, третьи — в горные ущелья; но многие — возможно, большее число - предпочли его иго изгнанию и разорению: они выражали почтение, и их никто не трогал. Продолжая свой путь в Оркадал, который лежал за цепью Дофрафельд, в современной провинции Дронтхайм, он разбил армию, собравшуюся там, чтобы противостоять ему, принял

оммаж королевского генерала и присоединил Оркадал, как он сделал с соседними регионами, к другим зависимостям своей короны. Нельзя также забывать, что он был великим защитником феодальной системы. Где бы он ни побеждал, он отменял аллодиальный закон наследования и превращал все земли в феодалы, которые должны были принадлежать ему одному на обычных обязательствах. Но он сделал больше: он настоял на том, чтобы вся арендная плата выплачивалась натурой; чтобы одна треть части, поступающей в казну, была выделена на поддержку местного правительства. Над каждой провинцией он поставил ярла, в обязанности которого входило защищать ее от всех врагов, собирать доходы и руководить местной администрацией. С каждым ярлом было связано четверо, по крайней мере двое, херсеров или советников, чья должность была одновременно военной и административной; и каждому было назначено ежегодное пособие в размере двадцатимарок. Во время войны каждый ярл должен был содержать шестьдесят вооруженных людей, каждый из двадцати херсеров, за свой счет. Доходы каждой провинции были настолько велики, что ярлы были более богаты и могущественны, чем многие королевские вожди того периода. Следовательно, сан был предметом честолюбия, и тот, кто мог его даровать, не нуждался в претендентах на него: в надежде получить его большинство дворян спешили присоединиться к нему всякий раз, когда он въезжал в провинцию.^[171]

[с 867 по 882.]

Из Оркадаля Харальд перенес свое оружие в Ганлардаль, который сейчас также является частью Дронтхейма, непосредственно к востоку от шведской провинции Ямтланд. Говорят, что в этом походе к нему присоединился Хако, могущественный ярл, с помощью которого он подчинил всю провинцию и прилегающую к ней Стринду. В награду за эту своевременную службу он поставил Хако над новым завоеванием с достоинством и правами ярла. Продолжая движение на север, завоеватель покорил Стиордал, Верадал, Скаунию и Спарбиггию, все они находились на территории современного государства Дронтхайм. В то же время острова на западе находились под его властью. Тем не менее Харальд двинулся на север, и два короля Наумдаля подчинились, причем один из них был удостоен звания ярла. Думая, что теперь он проник достаточно далеко на север, поскольку за пределами Наумдаля не было ничего, кроме обширных болот и непроходимых лесов, едва пригодных для обитания людей^[172], Харальд вернулся в Дронтхайм, где решил дождаться возвращения весны, прежде чем продолжить свои завоевания на юге. В этой провинции он поселился и построил город, который решил сделать своим обычным местом правления. Там он забыл Гиду настолько, что женился на Асе, дочери ярла Хако; но, возможно, он просто устал от безбрачия и полагался на свою королевскую прерогативу - брать другую жену, когда ему заблагорассудится. Однако он провел этот сезон не просто в потворстве своим желаниям; большая его часть была потрачена на постройку новых судов и на дисциплину своих последователей. Никому, говорит историк, не разрешалось входить в его дворец, кроме тех, кто отличался физической силой или храбростью. Им он поручил строительство своих кораблей и командование при постройке. Награды, которые он раздавал всем чемпионам, были настолько обильны, что сотни людей стекались под его знамена. Когда пришла весна, у него был грозный флот и большая армия, — большая, мы имеем в виду, по сравнению с теми, которые северные короли обычно выставляли в поход. Первыми людьми были мер фюльке, или морские обитатели непосредственно к югу от Дронтхайма. Здесь ему пришлось выступить против двух королей, и, как обычно, победа сияла на его знаменах — оба вождя были отправлены в чертог Одина. С двумя провинциями, которыми они управляли, он проводил ту же политику, что и с провинциями востока и севера; то есть он наложил на них

феодалынные повинности. Они были переданы в качестве феодалынных владений ярлу Рогневальду, а вместе с ними и корабли, и люди для защиты побережья не меньше, чем внутренних районов страны. Этот Рогневальд одинаково славился доблестью и мудростью и был отцом Ролло, первого герцога Нормандии, о подвигах которого мы расскажем в одной из следующих глав. Лето и осень прошли в укреплении их завоеваний; зиму они провели в Дронтхейме, готовясь к новым войнам; Харальд и не пытался скрывать своего намерения подчинить Санмор, провинцию непосредственно к югу от Раумадаля, поскольку Раумадаль находился к югу от Нордмора, — оба они подчинялись Рогневальду. В одном отношении это объявление своих взглядов — этот явный подход к универсальной империи — было неблагоразумным, поскольку позволило королю Санмора заключить союзы с соседними регули, объединению которых способствовала та же общая опасность. Но прежде чем конфедерация смогла набрать большую силу, он встретился и победил трех вождей, которые собрали свои силы, чтобы противостоять ему. Наградой за эту победу было Солнечное море. Следующим был побежден король Фиордов, и эти два округа были добавлены к двум другим завоеваниям ярла Рогневальда. Нельзя сказать, что эти завоевания были достигнуты без кровопролития. Иногда они дорого оплачивались потерей его доблестных ярлов и храбрейших последователей. Иногда честолубие этих вождей также наносило ущерб прогрессу королевского оружия. Таким образом, Хако, тесть Харальда, и другой ярл боролись друг с другом за власть в Согне (Сыгна-фюльке); и один погиб на поле боя; другой получил смертельную рану и вскоре скончался.^[173]

[с 882 по 884.]

Успех Харальда вызвал не меньшую обиду и тревогу у Эрика, сына Эмунда, короля шведов.^[174] Вступив в бой, последний подчинил Вермеланд и поставил над ним ярла, юрисдикция которого должна была распространяться до Свинасунда на юге. Он также не был удовлетворен этим приобретением: напротив, он утверждал, что не сложит оружия до тех пор, пока не присоединит к своим владениям Вестфолд, Раумарик и всю южную Норвегию до океана — владения, на которые он претендовал под предлогом того, что они когда-то принадлежали его предкам. Это был неожиданный удар для Харальда; но он надеялся смягчить его последствия путем переговоров; и с этой целью он попросил о встрече с Эриком в Вермеланде. Поскольку у него были основания, гораздо большие, чем подозрения, что некоторые вожди в этих провинциях поддерживали связь с Эриком, он собрал *Вещь*, или провинциальное собрание, в каждой из них и пожаловался на предателей. Некоторые оправдали себя этим испытанием; некоторые искупили свою вину обычной денежной суммой; другие были наказаны различными способами. Из этих земель он поспешил в Вермланд, к дому Аки, своего вассала, одинаково известного своим богатством и достоинством, который с готовностью согласился принять у себя двух королей. По этому случаю Аки, как говорят, применил странный прием: поселил Эрика в старых покоях, а Харальда - в новых; и сделал такое же различие между посудой, мебелью и рогами для питья. Беседа не удовлетворила Эрика и, возможно, не принесла никакой пользы Харальду; но последний был благодарен Аки за гостеприимство, в то время как первый был возмущен тем, как с ним обошлись. Увидев Харальда верхом на коне и, словно предчувствуя его судьбу, доверив этому королю интересы своего сына, он затем проводил Эрика в соседний лес. На вопрос этого монарха о причине сделанных им отличий, он ответил, что надеется, что у короля Эрика не было причин жаловаться на жестокое обращение; что, поскольку Эрик был пожилым, а Харальд молодым человеком, он поступил таким образом. Этот ответ не уменьшил гнева Эрика, который напомнил Аки, что когда-то он был его вассалом. “Я не забыл этого, - ответил Аки, - и я

также помню, что когда-то ты был моим”.^[175] Король немедленно обнажил свой меч и убил человека, гостеприимством которого он так недавно пользовался. Харальд, узнав об этом, пустился в погоню за Эриком, которого, если бы он настиг его, он, несомненно, принес бы в жертву своей мести. Это прискорбное обстоятельство усилило вражду, уже существовавшую между соперниками. Из года в год возобновлялись военные действия, главным образом в Готланде или на границах Вермеланда; но они были недостаточно важными, чтобы отозвать Харальда с востока и центра Норвегии, особенно после того, как он назначил своего дядю Гутрума ярлом во всех областях, которыми он владел в Швеции.^[176]

|885.|

Вернувшись в Дронтхайм, где он провел следующую зиму, Харальд обнаружил, что регулы провинций все еще непокорены; и даже многие вожди, находившиеся в пределах его наследственной юрисдикции, объединились, чтобы сокрушить его или, по крайней мере, оказать сопротивление. Это был действительно грозный союз. Чтобы сокрушить его, Харальд со свойственной ему быстротой собрал свои силы, как морские, так и сухопутные, и двинулся на юг. Вооружение, с которым он столкнулся в бухте Хафурсфьорд, сильно отличалось от того, с которым он сталкивался до сих пор: здесь было больше королей, больше вассалов, больше людей, среди которых были величайшие герои Норвегии. Судьба этой страны явно зависела от исхода последовавшей битвы. Это была борьба между монархией и аристократией, между суверенной властью и множеством независимых государств, между устоявшимся правительством и вечной анархией, между обществом и внутренним пиратством. Они, чьи предки веками привыкли к пиратской жизни и считали это своим самым гордым призванием, горели желанием сражаться за то, что они считали своими привилегиями. Борьба была достойной этого события; обе стороны проявили чудеса доблести; но, в конце концов, победа была за Харальдом. Долго праздновалась эта победа на севере. Он считался одним из самых знаменитых в древности. Это было темой нескольких стихотворений, среди которых одно принадлежит Хорнклофту, исландскому барду, состоявшему при дворе Харальда, чья метрическая история оказала такую услугу Снорро, составителю "Хеймскринглы".^[177]

|885.|

После этой победы Норвегия не смогла противостоять завоевателю. Регулы, ярлы и местные вожди, отказавшиеся подчиниться, были изгнаны. Некоторые, предпочитая свободу или, скорее, необузданную распущенность установленному правительству, добровольно отправлялись в изгнание. С этого года можно датировать колонизацию норвежскими поселенцами Оркнейских островов, Гебридских островов, Шетландских островов, Ферозс, Исландии; грабежи на побережьях Великобритании, Ирландии и Испании; вторжение в Россию и Нормандию успешных орд пиратов. Можно было бы предположить, что столь масштабная эмиграция могла бы сильно ослабить физические ресурсы Харальда; но, по-видимому, это было не так: напротив, он поощрял многочисленные семьи, чтобы заселить дикие земли Джамты, Хельсингии и других регионов к северу, которые, как говорят, до его времени были полностью или частично пустынными. Но если Норвегия таким образом принадлежала ему, то у него не было праздной жизни. Пираты, которых он изгнал, наводняли его берега до тех пор, пока ему лично не пришлось выбить их из их укрепленных пунктов на островах западного океана. *О их и его морских операциях мы расскажем как-нибудь в будущем.* — Харальд, будучи теперь монархом Норвегии, - говорится в Саге, - вспомнил, что выполнил свой обет и что его волосы

можно подстричь и расчесать. Несомненно, настало время, если, как нам говорят, раньше он напоминал дикого зверя, а не человека, и его звали Харальд Луфа, или “Харальд с ужасными волосами”. Когда это уродство было устранено, — когда ножницы и ванна сделали свое дело, — он получил эпитет Харфагер, или Светловолосый. И теперь он вспомнил слова девушки, которая вдохновляла его на все его успехи. Послав за ней, он сделал ее наследницей своего трона; и от нее у него родились дочь и четверо сыновей. — Все это невероятно, но не идет ни в какое сравнение с последующим, которое, по-видимому, произошло за несколько лет до этого брака. Однажды зимой король поспешил в нагорье, чтобы устроить святочные торжества, и приказал приготовить пир на вилле Топте. Вечером перед открытием праздника, когда он сидел за столом, к нему подошел слуга и сказал, что финн, ожидающий у двери, желает его видеть. Это смелое сообщение вызвало гнев короля и удивление всех присутствующих, и был дан возмущенный ответ. Но Свасо был непреклонен: он велел сообщить Харальду, что он тот самый финн, чья хижина находится по другую сторону горы и которого он обещал навестить. Монарх направился к двери и сразу же сказал, что проводит его в хижину. При их появлении дочь Свасо — дивная красавица — встала и поднесла царственному гостю рог с медом. Это был волшебный напиток, предназначенный для того, чтобы возбудить любовь короля, и он возымел свое действие. Он хотел сделать ее своей любовницей; но у нее было слишком много искусства для этого; она была бы обрученной невестой или ничем. Эта церемония была проведена быстро и легко, и королевское желание было удовлетворено. Он был настолько очарован прекрасной Снэфридой, что на долгие годы, хотя и посещал ее, забыл о своей стране, столице, своих подданных, своем троне, о самом своем существовании. Результатом этой связи были четверо сыновей — Сигурд, Хальфдан, Гудред, Рогневальд. Затем она умерла; но ее труп сохранил ту же безупречную белизну, что и при жизни. Разложение не смогло овладеть им. Целых три года он сидел у трупа, думая, что каждое мгновение жизнь будет возвращаться к нему; и его подданные глубоко оплакивали его увлечение. Снятие заклęcia было работой Торлейва Мудрого, одного из его ярлов. Труп был поднят с кровати, на которой он лежал, когда внезапно от него исходил самый отвратительный запах. Его поспешно отнесли к погребальному костру: из него продолжали выходить змеи, ящерицы, жабы и все виды ядовитых рептилий; однако король пришел в себя только после того, как труп был съеден. Устыдившись своей слабости, он вернулся к своим королевским обязанностям и сразу же стал гордостью своего народа. Едва ли нам нужно упоминать о волшебных напитках, которые постоянно встречаются в летописях древнего севера. Саксон ссылается на многих; но, несомненно, ни один из них не обладал таким могуществом, как этот, — никто ни до, ни после, даже в самых смелых фантазиях не мог сохранить империю любви в течение трех лет после смерти ее объекта.^[178]

Эта басня была упомянута для того, чтобы читатель был готов к разногласиям, которые вскоре возникли среди сыновей Харальда. Четверых, которых родила ему Снэфрида, он научился ненавидеть из-за ненависти к матери; и в конце концов он выгнал их из своего дворца, решив больше их не видеть. Однако через некоторое время один из них, Гудред, отправился к ярлу Хиодульфу, обладавшему огромной властью, и умолял его устроить ему встречу с королем. Оба направились к королевскому дворцу, куда добрались поздно вечером, и сели на скамейки у дверей, никому не известных. Харальд случайно прогуливался по тротуару во дворе — вероятно, чтобы насладиться ночным ветерком, — и его взгляд небрежно скользнул по сиденьям. Но двое незнакомцев привлекли его внимание, и он спросил старейшину, что привело его сюда? Открыв голову, Хиодульф был немедленно узнан и принят. Теперь ветеран вступился за изгнанных сыновей. Он заметил, что если раса матери была плохой, то раса отца — нет; и что превосходство

одного может с лихвой уравновесить зло другого. Короля убедили; Гудред был принят во дворце; трех братьев отправили в провинции и заняли военными упражнениями, в которых они превзошли других мужчин.^[179]

[с 869 по 900.]

Сыновья Гиды и Снэфриды были не единственными, кто родился у Харальда. От своих многочисленных жен — а у него, как говорят, было девять одновременно — он произвел на свет многочисленное потомство, которому суждено было пережить его преклонные годы. От Гайды, как мы уже рассказывали, у него была одна дочь Алофа и четверо сыновей: Сигтруг, Рюрик, Фроде и Торгильс. Клянусь Рагнильдой, принцессой Ютландии, у него был Харальд Блодоксе. От Сванхильды, дочери норвежского ярла, у него было три сына: Олаф, Бьорн и Рагнар. От Альфхильды, дочери ярла Рингарика, у него было три сына и одна дочь: Даг, Ринг, Гудред и Ингигерда. От финской ведьмы у него было четверо сыновей, которых мы только что перечислили. От Асы, первой из его любовниц, дочери ярла Хако, у него были Гутрум, Хальфдан Черный, Хальфдан Белый и Сигфред. То, что у него были другие дети от его многочисленных жен, несомненно. Среди них был Рогневальд и еще один, о котором следует упомянуть особо, — Хако Добрый, которого на старости лет родила ему норвежская леди по имени Тора и который в конце концов сел на норвежский трон. Все они, в соответствии с нравами того времени, получили образование у своих родственников по материнской линии. Немногие из этих детей пережили отца. Их амбиции были велики, их преступления - еще ужаснее; и когда король спустился в юдоль лет, он потерял над ними всякую власть. Смерть многих была заслуженно трагичной. Четверо сыновей финна превзошли остальных в нечестии. Разгневанные тем, что их не допустили к участию в правительстве, и ненавидя опытных ярлов, чьи советы были так полезны их отцу, они сожгли Рогневальда, самого несносного из всех, в его собственном доме вместе с шестьюдесятью его сторонниками. После этого адского деяния — деяния, однако, столь распространенного в истории севера, что не вызывает особого удивления, — Хафдан бежал на Оркнейские острова, но Гудред остался. Единственным наказанием, которому Харальд подверг последнего, было отправление его в Агдер, вероятно, для занятия какого-нибудь почетного поста; но Торер, сын Рогневальда, был возведен в вакантное достоинство ярла Мории. Вскоре после этого Хальфдан, который узурпировал власть на Оркнейских островах, был схвачен и предан смерти Эйнаром, законным ярлом; Харальд, по наущению братьев Хальфдана, отплыл, чтобы отомстить за смерть своего сына; но, достигнув этих островов, он принял денежное вознаграждение и оставил Эйнара во владении правительством. Следующей жертвой стал Гутрум, старший из сыновей Харальда от Асы; он был убит в Готии шведским губернатором. Хальфдан Белый, находясь в пиратской экспедиции на восточном побережье Балтийского моря, был убит местными жителями. Но худшим злом, которого боялся король, были их войны друг с другом. Чтобы предотвратить это бедствие, по достижении своего пятидесятилетия он разделил между ними свои провинции, присвоив каждой королевский титул, но сохранив за собой высший титул монарха. Так, Олафу, Бьорну, Сигтругу, Фроде и Торгильсу он уступил Вингульмарк, Рамарик, Вестфолд и Теламарк; Дагу, Рингу и Рагнару он уступил Хедмарк и Гудбрансдаль; сыновьям Снефриды он отдал Рингарик, Хадаланд, Тотнию и прилегающие районы; Рюрик и Гудред владели обширными владениями в центральных провинциях и в основном проживали при дворе Харальда; Эрику достались Халогаланд, Нордмор и Рамсдал; над Дронтхеймом стояли Хальфдан Черный и Сигурд, и такое же достоинство разделял Хальфдан Белый. Торгильсу и Фроде он дал определенное количество судов с разрешением основать для себя королевства, если они смогут, на британских островах.

Говорят, они завоевали Дублин, но оба погибли смертельной смертью— Фруд - от яда, Торгильс - от рук туземцев. Не забывал он и опотомстве своих дочерей. В то время как старшие дети его сыновей должны были вечно носить королевский титул, его дочери должны были обладать достоинством ярла, а их места в государственных собраниях должны были быть всего на одну ступень ниже, чем у потомков мужского пола.^[180]

[920.]

В предыдущем абзаце мы видели трагическую гибель пятерых сыновей Харальда. Это были Хальфдан, Халег, Гутрум, Хальфдан Белый, Фроде и Торгильс. Вскоре к их числу должны были добавиться и другие. Поскольку Рогневальда обвинили в магии — науке, которую Харальд со времени своего приключения со Снэфридой считал крайне отвратительной, — Эрик Блодокс, любимый сын монарха, был отправлен в Хадаланд, где в то время проживал Рогневальд. Обнаружив, или, возможно, притворившись, что нашел, принца в окружении восьмидесяти волшебников, — бедные они волшебники, не предвидящие своей участи!—Эрик поджег дом и поглотил все внутри. Этот поступок, который в наши дни не считался бы заслугой, считался у него великим. Но другой его поступок не был воспринят с такой же благосклонностью. Бьорн, один из его братьев, который, будучи королем Вестфолда, обычно проживал в Тунсберге, был в равной степени привязан к пиратству и торговле. Своими частыми экспедициями он накопил огромные богатства, а его щедрость, не меньшая, чем разумное управление, снискали ему уважение подданных. Эрик бросил на них тоскующий взгляд; не меньше он ревновал и к брату, который, когда его отца не станет, мог оспорить его притязания на монархию — притязания, которые он всегда выдвигал и которые одобрял его отец. Желая запутать короля-торговца в своих сетях, Эрик потребовал дань, которая причиталась Харальду за королевство Вестфолд. Бьорн ответил, что он всегда передавал его в руки своего государя либо лично, либо через своих агентов; и что в данном случае он не должен отступать от обычая. Возник спор, и Эрик в сильном гневе покинул Тунсберг. С наступлением темноты Бьорн также покинул его и отправился в резиденцию морских пехотинцев недалеко от города. С отборным отрядом Эрик последовал по его стопам и ворвался в дом, когда король сидел за столом. Со всеми слугами, которых он мог собрать, последний вышел из дома, и последовала схватка, которая оказалась смертельной для многих из его слуг и для него самого. Наградой за это братоубийство была богатая добыча;и Эрик, ликуя, вернулся в свое северное королевство. Видя ненависть, с которой автор этого поступка, несмотря на его влияние на ныне слабый разум Харальда, относился к большинству норвежцев, Хальфдан Черный предпринял попытку расправиться с убийцей, подожгв загородный дом, в котором тот спал; но спальня была отделена от главного здания, и Эрику удалось спастись. Чтобы отомстить за это оскорбление своему дорогому сыну, Харальд собрал свои войска и выступил против Хафдана; но вмешательство престарелого ярла привело к примирению. Это примирение, однако, не было искренним, по крайней мере, пока, что касалось Хафдана и Эрика.^[181]

[с 910 по 913.]

Для беззаветной привязанности Харальда к самому кровожадному из своих сыновей не было и не может быть приведено никаких веских причин. Он не был старшим сыном, как и его мать, Рагнильда, не была самой любимой из царственных жен. Однако эта отеческая нежность не защищала царственного юношу от опасностей его профессии. Говорят, что уже на двенадцатом году жизни он стал главарем пиратов и с пятью судами, полученными им от отца, опустошал все

морские побережья Европы от России до Ирландии. В Финляндии с ним, как гласит легенда, произошло чудесное приключение, которое, поскольку оно легло в основу некоторых сказаний, популярных в средние века, мы приведем вкратце. Когда он и его спутники находились в самой отдаленной части этого волшебного края, на самых границах еще более чудесной Биармии, однажды они добрались до коттеджа, хозяйкой которого была сверхъестественная красавица. Она рассказала им, что они в большой опасности; что у нее есть двое любовников, самых искусных волшебников страны, которые также были ее наставниками; что они могут выслеживать следы человека на снегу или льду с таким же чутьем, как у ищейки; что их стрелы никогда не промахиваются мимо цели; что они предадут смерти всех незнакомцев; что, когда сердятся, все живое умирает под их взглядом, и от этого страдает сама земля. Поскольку они ежедневно приходили в хижину, казалось, не было никакой надежды спастись, пока она не пообещала спрятать их и помочь им в уничтожении ее отвратительных поклонников. Спрятав их, она взяла полотняный мешочек, полный того, что они приняли за пепел, и разбросала содержимое по хижине, как внутри, так и снаружи. Вскоре вошли финны и спросили, что за незнакомцы прибыли; и когда она ответила, что никого не видела, они выразили немалое удивление: они проследили следы на снегу до самой двери. Однако они разожгли костер, приготовили провизию, и когда насытились, Гунхильда приготовила себе постель. Она легла там, но они не захотели. Поскольку они были соперниками, оба страстно любили друг друга, и каждый боялся, что, пока он спит, другой может получить какое-то преимущество над дамой, они решили бодрствовать. В течение трех последовательных ночей этот сон с ее стороны и наблюдение за ними продолжались до тех пор, пока природа не истощилась. Гунхильда улучила момент; она пригласила обоих лечь рядом с ней; они радостно подчинились ей, и она обняла каждого за шею одной рукой. Эффект магии (ибо она обучалась в хорошей школе) был мгновенным; оба погрузились в глубокий сон, пробудить их было невозможно. Там она сковала их и призвала Эрика и его спутников расправиться с ними. Дело было легко совершено, и трупы были выброшены за пределы хижины, но за этим последовал непрекращающийся гром, который в течение целой ночи мешал им покинуть это место. Когда спокойствие было восстановлено, все ушли, Гунхильда вместе с остальными; и еще до закрытия дня волшебная красавица стала невестой Эрика.^[182]

[с 930 по 934.]

Судьба еще не обошлась с отпрыском норвежского монарха самым худшим образом. Его сын Гудред погиб в море. И когда он отказался от императорского сана в пользу своего любимого Эрика, можно было предвидеть и другие трагедии — если не при его жизни, то сразу после его смерти. Возвышению Эрика воспротивился, среди прочих, Хальфдан Черный, который также принял титул монарха. Олаф, брат убитого Бьорна, сменивший этого принца в правительстве Вестфолда, сделал то же самое. Через два года Хальфдан был убит ядом — как обычно сообщалось, дело рук Гунхильды. Харальда эти зверства мало тронули. Пока его любимый сын наслаждался жизнью и империей, он мало заботился обо всем остальном. Но его собственные дни приближались к концу. Когда он передал свой скипетр своему сыну Эрику, ему было восемьдесят лет. Через два или три года после этого события — в 934 или, по другим данным, 936 году — он заплатил долг природе. Местом его погребения было одно из его поместий в Дронтхайме. Рядом с этим местом был возведен великолепный языческий храм, который стоял еще во времена Снорро.^[183]

Останавливаться на характере этого монарха после того, как мы подробно рассказали о его деяниях, было бы бесполезно. За исключением его воинской доблести, его предприимчивого духа, его неутомимой деятельности, мы не видим в нем ничего достойного похвалы. Его многочисленные супружеские измены — его слабость вскоре после того, как он миновал жизненный рубеж, — его слепая политика — не часто были превзойдены. Ему было расточено много похвал за искоренение пиратства, но он мало на что имеет право. До тех пор, пока его собственные берега не посещали мародеры, его не заботило, какие бесчинства совершаются в отношении других. Его вожди, даже его сыновья, занимались пиратством как профессией не просто с его санкции, но и по его прямому приказу. Его называли другом крестьян или, скорее, скромных аллодиальных собственников; но разве политика не сделала его таким? Если бы они были разграблены теми, кто стоит у власти, могли бы они предоставить новые подати, которые он, как первый из норвежских феодальных государей, требовал от них? Что же касается его хваленого исполнения законов, то нет ничего более несомненного, чем постоянное пренебрежение ими: после того, как ему перевалило засорок лет, они перестали действовать — презируемые его собственными сыновьями, обходимые ярлами. И какими бы блестящими ни были его завоевания, его нельзя назвать основателем норвежской монархии. Если он уничтожал многих тиранов, он заменял их еще большими; если он объединял множество независимых государств в одну империю, то своим собственным преднамеренным действием он разбивал эту империю на части и восстанавливал анархию, которую он так старался уничтожить. Его характер сильно различался до и после того, как он достиг расцвета жизни. Казалось, что какой-то злой дух вел его отменить в последний период все, что он сделал в первый. Но у него не было ни всеобъемлющих взглядов, ни разумной политики: в течение первой половины своей жизни он боролся из честолюбия; во второй он был орудием своих жен, сыновей и других фаворитов. В целом, мы склонны считать его ниже своего отца, Хальфдана Черного.

[с 934 по 936.]

Едва *Эрик*, который за свои кровопролитные действия получил прозвище Кровавый Топор (*Blodöxe*), стал номинальным сувереном Норвегии, как он призвал своих братьев признать его титул и выплатить ему дань, которую они платили его отцу. Вместо того чтобы подчиниться, Олаф и Сигурд потребовали обычную дань в своих королевствах — несомненный акт суверенитета. Чтобы наказать их за самонадеянность, возмущенный Эрик снарядил вооружение и поспешил к Тунсбергу, месту их господства: оба короля встретили его на склоне холма недалеко от города; но, поскольку его силы значительно превосходили их численностью, они были разбиты и убиты. Та же участь постигла бы Трюгве, сына Олафа, и Годреда, сына убитого Бьорна, — обоих племянников Эрика, — если бы они не позаботились о своей безопасности, отправившись в неприступные крепости нагорья. Теперь тирана ненавидели сильнее, чем прежде, и большинство людей начали искать избавителя для расы инглингов. Но где можно было найти такого, если все братья Эрика либо заплатили долг природе, либо безвременно погибли? В этой судьбе было одно исключение: Хако, последний из сыновей Харальда, был все еще жив и находился в Англии. Из наших собственных историков, не в меньшей степени, чем из Снорро, очевидно, что между Ательстаном Английским и Харальдом всегда существовали дружеские отношения и что они обменивались подарками. Одним из них был великолепный меч, который Ательстан послал Харальду; а Харальд, в ответ, прислал великолепный корабль со своим маленьким сыном Хако, чтобы тот получил образование при благовоспитанном саксонском дворе. Снорро сильно приукрасил это простое повествование.

Он сообщает нам, что, когда посол вручил Харальду великолепный меч и монарх взялся за рукоять, посол воскликнул: “Теперь ты сеньор нашего господина короля, поскольку ты получил его меч!” — намекая на самый обычный символ посвящения. Гордый норвежец был взбешен, но, поразмыслив, ответил не менее изобретательно. Приказав приготовить великолепный корабль, он отправил на нем своего сына Хако под присмотром верного вождя. Добравшись до двора Ательстана, он вошел во дворец и, положив маленького ребенка — тогда ему было около семилет - на колени королю, сказал: “Король Харальд приказывает тебе дать образование его незаконнорожденному сыну!” Факты таковы, как мы их представили, опираясь на авторитет современных английских авторов, — факты, которые также признает древний норвежский хронист Теодрик. Писатели обеих стран сходятся во мнении, что Ательстан благородно выполнил взятый на себя долг. Хако получил хорошее образование, был, конечно, крещен и учил истинам христианства; и в английском короле он нашел советника, друга, отца. Ему было около четырнадцати, когда он услышал о смерти Харальда и восшествии на престол его брата Эрика. Следующий год принес ему столько сообщений о жестокости Эрика и о желании многих норвежцев избавиться от тирана, что он начал рассматривать трон как свое будущее наследство. У него было честолюбие; но в добродетельном уме честолюбие, как и любое другое чувство, может стать инструментом добра. Хако страстно желал быть королем — нетолько из желания власти, но и из желания принести пользу своим соотечественникам, особенно распространяя среди них благословения христианства. Поэтому, когда многие эмиссары из Норвегии прибыли к английскому двору и умоляли его спасти страну от ига, он с готовностью откликнулся на этот призыв. Получив от своего щедрого друга корабли, людей и деньги, примерно через два года после смерти отца он отплыл в Норвегию.^[184]

[с 937 по 946.]

Хако высадился в Дронтхейме, и здешние жители собрались на *Вещь*, или общее собрание, когда каждому свободнорожденному главе семьи, имевшему землю, разрешалось голосовать или, по крайней мере, одобрять мнение вождей внешними аплодисментами. Хотя большинство из них были дружелюбны к королевской молодежи, они боялись мстительного характера Эрика. Но на том собрании дело Хако красноречиво отстаивал Сигурд, один из самых могущественных ярлов. И когда встал сам Хако, он был так похож на своего отца, что по толпе пробежал гул аплодисментов. Когда он говорил, все были внимательны; когда он пообещал, при условии, что они сделают его королем, отменить гнетущие феодальные повинности и вернуть землям их древнее аллодиальное владение, всеобщий крик провозгласил его королем Норвегии. По королевству распространился слух, что Харальд восстановился в своем сыне, но что сын унаследовал не худшее качество своего отца — угнетение народа феодальными поборами. Радостная весть о том, что аллодиальное владение будет восстановлено, быстро, как молния, распространилась по стране. Из Дронтхейма Хако направился в нагорье, где была собрана *Вещь*, и его приняли таким же образом. Здесь к нему присоединились многие вожди; среди прочих, Дригве и Сигурд, которым он присвоил королевский титул, при этом правительство Вестфолда перешло к последнему, а Раумарик с Вингульмарком - к первому. Это условие сопровождало инвестицию — половина их доходов должна поступать в казну Хако, другую половину они должны оставлять себе. Было очевидно, что эти доходы будут намного меньше, чем они были в то время, когда каждое поместье было феодальным владением, принадлежащим короне: аллодиальная собственность всегда облагалась небольшим налогом. Теперь Хако вернулся в Дронтхайм, чтобы собрать войска и подготовить корабли к состязанию со своим братом Эриком, который в то время находился в провинции Викия. Случай последнего

был явно безнадежен; хотя он и призвал людей к себе на помощь, мало кто ему повиновался; и люди, которые были с ним во время посадки Хако, один за другим покидали его, чтобы пополнить ряды его соперника. У него не было никакой надежды на спасение, кроме бегства, и он отправился на Оркнейские острова. Там, собрав все корабли и всех людей, каких только мог, он двинулся на юг, по пути опустошая шотландское побережье, пока не прибыл в Нортумбрию. Эта провинция никогда особенно не страдала от англосаксонского ига, которое, действительно, было совсем недавним. Некоторое время им владели датские вожди; половину его населения составляли датчане или норвежцы; и с восьмого по десятый век он был добычей морских королей. Ательстан думал, что если Эрик станет его вассалом, примет христианство и будет защищать Нортумбрию от пиратов севера, он будет гораздо более полезным подданным, чем любой из саксонских танов. Посланец от английского короля встретился с изгнанным монархом: предложения первого были с энтузиазмом приняты; Эрик и вся его семья были крещены; провинция получила дань уважения; и Йорк был выбран резиденцией нового правительства. Но со стороны Ательстана это был невежливый шаг. По распространенным слухам он, несомненно, должен был кое-что знать о характере Эрика, о том, что от буйного, амбициозного, жестокого и неблагодарного человека нельзя было ожидать ни мира, ни послушания. Действительно, во время правления Ательстана он не совершал грабежей на английском побережье, но он без перерыва разорял Шотландию, Ирландию и Уэльс. Слава, которую он приобрел в этих экспедициях, привела к тому, что многие норвежцы, многие шведы, многие датчане встали на его сторону. Во время правления Эдмунда Старшего он, по-видимому, отсутствовал в Нортумбрии; и так было в течение первого года правления Эдреда. Затем он вернулся и опустошил английское побережье. Эдред выступил против него и вынудил нортумбрийцев отдать дань уважения ему, а не Эрику. Последний собрал новые силы и снова боролся за королевство; но он боролся напрасно; он потерпел сокрушительное поражение и, если Снорро прав, был убит на поле битвы. Но Мэтью Вестминстерский утверждает, что после своего поражения он был предан одним из своих вождей и убит в дебрях Йоркшира. Как бы то ни было, с этого времени Нортумбрия стала английской провинцией: Эрик, как отмечает хронист Майлроса, был ее последним королем. Вдова и сыновья этого изгнанника, изгнанные из Нортумбрии, нашли убежище на Оркнейских и Шетландских островах, где последние возобновили свои пиратские набеги везде, где можно было найти добычу. Впоследствии, как мы увидим, их принимали при дворе датского короля. Характер Эрика Кровавого Топора не нуждается в комментариях. Он был любимцем всех пиратов и, именно по этой причине, самого Одина.^[185]

[с 939 по 940.]

После ухода Эрика Хако стал единственным монархом Норвегии, хотя, как мы уже рассказывали ранее, он неосмотрительно оставил королевский титул двум принцам своей семьи. Его первые военные действия были направлены против датчан, которые наводнили его владения, но которых он преследовал в Ютландии и разгромил во второй раз. Но они пришли из Зеландии и других островов Дании; и в Зеландии он искал и истребил их. Затем он наказал жителей Готланда. Харальд Блаатанд, датский король, оскорбленный самонадеянностью Хако, вторгшегося в его бухты и уничтожившего суда его народа, пригрозил отомстить. Чтобы досадить своему брату-монарху и единоверцу-христианину, он с большой церемонией принял Гунхильду, вдову Эрика Блодексе, и ее детей и снабдил их достаточными средствами к существованию. Сыновья Эрика были обучены пиратскому ремеслу; поселившись в Дании, они строили суда и совершали частые набеги на Викию, одну из южных провинций Норвегии. В

ответ вожди хако, особенно король Трюгве, опустошили побережье Дании. Норвежский монарх был не меньшим воином, чем его языческие предки; но хотя он таким образом надругался над духом, он не был нечувствителен к формам христианства. Как мы уже отмечали ранее, одной из его целей в борьбе за норвежский трон было распространение христианской религии. Однако в течение нескольких лет он открыто не вмешивался в дела своих подданных. Он нуждался в их помощи; и у него не было желания отдавать их показным проявлением своего собственного поклонения. Поэтому в течение нескольких лет он молился молча. Постепенно он привлекал своих друзей, придворных к принятию новой веры. Затем он распространил свое благоволение на всех, кто соглашался креститься. Поскольку число новообращенных росло, он подумал, что теперь он мог бы действовать более открыто: соответственно, он послал в Англию за епископом и священниками, которые стали бы провозвестниками новой веры по всей Норвегии. По их прибытии он разрушил несколько языческих храмов в Дронтхейме и соседних районах. Многие язычники проявляли философское безразличие к обеим религиям: некоторые к югу от Дронтхайма делали то, что жители этого города должны были делать сами; большинство стремилось руководствоваться предписаниями того или иного Закона. Поэтому в Дронтхейме было созвано собрание; но члены, встревоженные масштабом изменений, предложенных королем, перенесли решение на более общее, которое должно было быть создано во Фросте. Было очевидно, что рвение Хако слишком быстро толкало его на путь реформации.^[186]

Среди этих рассказов Снорро приводит нам несколько интересных фактов, касающихся религиозных обычаев северян. Когда должны были совершаться публичные жертвоприношения, которые, как мы уже говорили, были обязательными три раза в год^[187], — все соседнее население спешило к ближайшему храму, неся провизию и медовуху. В этих случаях приносили в жертву скот всех видов и множество лошадей. Кровь жертв называлась *клот*; чаши, в которые собиралась кровь, *клот-боллар*; и *клоттейнар* были названиями инструментов, с помощью которых кровью окропляли алтари, пьедесталы, стены храма внутри и снаружи, собравшуюся толпу и провизию, которую собирались съесть. В центре храма было открытое пространство, где горели костры, а над ними были подвешены котлы и горшки, предназначенные для приготовления жертвенного мяса. Последовавшее за этим угощение находилось под присмотром государя, и в его обязанности входило освящать блюда и чашки перед тем, как ими воспользуется народ. Первая чаша была опорожнена за Одина за победу и процветание в войне; вторая - за Ньерда и Фрейра, за изобилие и за мир; и когда они были выпиты, во многих местах было принято совершать возлияние из переполненного рога в память об умерших героях и королях. Затем рога опустошались в память о низших персонах — родственниках и друзьях, — и назывались они *minne*, или кубками поменьше. К этим жертвоприношениям и к языческим обрядам в целом ярл Сигурд, который так много сделал для избрания Хако, был очень привязан. Историк говорит, что он был таким же ревностным, каким когда-либо был Харальд Харфагер. И он был чрезвычайно щедр: в отсутствие короля, когда его обязанностью было освящать еду и питье, он часто брал на себя все расходы — немалые, когда приходилось приносить в жертву сотни голов скота и развлекать тысячи людей. Поэтому его слава была широко распространена, а поскольку он был дядей Хако по материнской линии, то имел значительный вес в королевских советах.^[188]

В назначенный день национальное собрание было собрано; и Хако, предложив свод законов, которые были с готовностью приняты и о которых мы расскажем в следующей главе^[189], открыто обратился к чрезвычайно важному вопросу. Он умолял всю толпу, богатых и бедных, знатных и крепостных, молодых и старых, счастливых и несчастных, принять христианство, признать единого Бога и Иисуса, сына Марии, своим сыном и равным ему. Он умолял их отказаться от языческих обрядов — воздерживаться от труда каждый седьмой день и отмечать его как праздник — и поститься еще один день из семи. При этих словах по толпе пробежал ропот, — помните, все свободные люди, все владельцы рабов, все землевладельцы. Должны ли были быть таким образом потеряны два дня из семи? — ибо кто мог бы работать *впустный* день? Если бы это новшество было принято, то, несомненно, земля не могла бы быть обработана, равно как и не могло бы быть достаточного количества продовольствия для людей. Затем поднялся богатый и популярный землевладелец Гауландаля, оракул собравшейся толпы. “Когда ты, о король, был впервые избран нами на общественном собрании Дронтхейма и вернул нам земли наших предков, мы все думали, что на нашу долю выпало высшее счастье. Но теперь мы находимся в величайшей неуверенности, действительно ли ты сделал нас свободными или готовишь для нас новое рабство этим странным предложением отказаться от религии всех наших отцов — людей гораздо более выдающихся, чем мы, — религии, которая всегда была выгодна Норвегии. Благодаря великой любви, которую мы питали к тебе, мы даровали тебе привилегию вводить новые законы. Свод законов, который ты сегодня предложил и который мы обещали соблюдать, мы все будем соблюдать нерушимо. Все мы будем следовать за тобой как за нашим вождем и почитать тебя как нашего короля, пока кто—либо из нас будет жив, так что ты будешь действовать умеренно и не попросишь из нашей любви того, что мы не можем предоставить по закону. Но если, как это, по-видимому, происходит сейчас, ты не только требуешь от нас этой перемены, но и готовишься принудить нас к ней, знай, что мы все решили оставить тебя и выбрать другого короля, под властью которого нам будет позволено соблюдать религию, столь дорогую нашим сердцам”. Хако мог бы с презрением отнестись к здравому смыслу этого ответа, но угроза была воспринята собравшейся толпой с одобрением. Это был критический момент, и Сигурд, чей авторитет, обусловленный его достоинством и характером, был так велик, теперь выступил вперед. Как только суматоха улеглась, он заверил их, что король желает того же, чего и они, и что хорошее взаимопонимание между ними никогда не будет разрушено. Люди ответили: “Тогда пусть царь Хако поступит так, как поступал его отец, — принесет жертвы богам ради изобилия и мира!” Когда собрание было распущено, Сигурд умолял короля отложить свое намерение обратить в свою веру до более подходящих времен и, прежде всего, не раздражать знать и народ, отказываясь демонстрировать согласие с тем, чего все требовали.^[190]

[с 942 по 956.]

Процесс, о котором мы сейчас рассказываем, несомненно, занял много лет, хотя большинство историков считают, что он растянулся на три или четыре. Нам говорят, что вышеупомянутое собрание, на котором были приняты законы Хако, состоялось в 941 году; и мы знаем, что в 956 году он все еще трудился над введением новой веры. Хако, хотя и видел благоразумие в том, чтобы последовать совету Сигурда, не желал следовать ему; вероятно, он надеялся найти какой-нибудь способ уклониться даже от малейшего уважения к старой вере. Однако во время жертвоприношения он был вынужден отправиться в храм; не мог он и уклониться от сидения на троне в качестве руководителя церемоний. Должность верховного жреца исполнял Сигурд, который, наполнив чашу, передал ее королю для посвящения Одину. Получив его, Хако

начертил на нем крестное знамение — вещь, никогда прежде не виданная и крайне неприятная для всех присутствующих. “Как это?” воскликнул вождь. “неужели король отказывается совершать обряд посвящения и приносить жертвы богам?” Поднялся шум, но его унял философски настроенный Сигурд, который заметил, что Хако посвятил себя Тору, изобразив на чаше знак молотка этого божества. На следующий день он присутствовал на фестивале. Люди настаивали, чтобы он попробовал конину, — он отказался; чтобы он отпил из освященной чаши, — и все же он отказался; чтобы, по крайней мере, он попробовал подливку, которая текла из жареного мяса, — он колебался. Храм был в смятении; и жестокие руки уже готовы были наложить на него, когда вмешался Сигурд и сказал, что король сделает то, чего вполне достаточно, чтобы угодить богам, — он наклонит голову над котлом, ручки которого коснется губами, и вдохнет исходящий от него дым. Соответственно, монарх подошел к котлу и, как было замечено, обмотал ручку льняной тканью, прежде чем прикоснуться к губам; затем он вдохнул запах и вернулся на свое место мрачный и недовольный, но не более, чем многие зрители. На следующий год, когда должен был отмечаться самый важный из всех святочных праздников и жители Дронтхейма собрались вместе с восемью высокопоставленными понтификами, Хако не мог не присутствовать. Они договорились не только о том, что вырвут с корнем то небольшое христианство, которое еще было посажено в Норвегии, но и о том, что заставят монарха принести жертву вместе с ними. В соответствии с этой резолюцией они разрушили три христианские церкви и убили трех священников. В первый день жертвоприношений, которые праздновались в великом храме Мории, Хако было настоятельно предложено присоединиться к обряду. Благодаря авторитету Сигурда требование было изменено настолько, что, если бы он съел конину и освятил все поднесенные ему рога, он удовлетворил бы аудиторию. Он так и сделал; и при этом он не сотворил, как прежде, ненавистного крестного знамения, предлагая мед богам. Это была виноватая снисходительность, и он чувствовал это; он также чувствовал, что поступил неправильно, присутствуя при этом; и его гнев был направлен как против Сигурда, так и против всего языческого населения Дронтхейма. Он поклялся отомстить — напасть на жителей с вооруженным отрядом, как только наступит весна.^[191]

[с 956 по 958.]

Когда Хако готовился привести свою угрозу в исполнение, до него дошли сведения, что сыновья его брата Эрика высадились на побережье Викии, разбили короля Трюгве и опустошают всю провинцию, которую они, вероятно, собирались подчинить. Противостоять общему врагу теперь было его целью и целью его вождей. Даже восемь понтификов, которые были так глубоко оскорблены его презрением к их религии, присоединились к нему: они предпочли игу жестоких язычников, какими, как известно, были сыновья Эрика. Все поспешили к южному побережью, высадились на берег и присоединились к битве. Это почти не оспаривалось, но, в конце концов, победа была за Хако: с Гутрумом, старшим из этих принцев, он сразился врукопашную и убил своего противника. Многие пали; остальные поспешили на свои корабли и укрылись в Дании, где они были уверены в благоприятном приеме со стороны Харальда Блаатанда. Победитель действительно преследовал их, но у них было преимущество в быстроте. Вследствие этого вторжения, которое, вероятно, повторится, Хако возродил древний закон о защите своих берегов — закон, некогда общепринятый на севере и принятый нашими саксонскими королями. Он разделил королевство на приморские округа, каждый из которых простирался от морского берега настолько далеко, насколько реки могли похвастаться лососем; и каждый был вынужден предоставить определенное количество судов и людей пропорционально своей протяженности. В каждом районе эти корабли всегда должны были

быть на таком расстоянии готовности, чтобы, когда враг появлялся в пределах видимости, они должны были, прежде чем он успевал достичь побережья, быть готовыми встретить его. Чтобы сигнал тревоги мог быть передан из одной местности в другую, на вершинах гор были сложены в кучи огромные стволы деревьев, которые при необходимости можно было превратить в огромные сторожевые костры. Они простирались от крайнего угла на юге до самой отдаленной возвышенности на севере. Однако эти мудрые предосторожности оказались бесполезными, когда сыновья Эрика во главе мощного датского войска и тех пиратских судов, с которыми им удалось сразиться, в следующий раз появились у южного побережья. Сторожевые огни не были зажжены, и король не знал о продвижении вражеского флота, пока тот не оказался поблизости. Причина этой небрежности объясняется очень неполно. Снорро говорит, что сигнальные огни всегда должны были зажигаться на востоке, — как будто пираты не могли высадиться на западе или севере!— и бегите цепочкой на крайний юг, затем на север, к оконечности Норвегии. Он добавляет, что, поскольку сторожа, которые подадут ложную тревогу, будут сурово наказаны, они не хотели зажигать эти маяки, пока не будут уверены в присутствии врага. Вероятно, корабли стояли слишком далеко от берега, чтобы их можно было разглядеть невооруженным глазом; возможно, некоторые из языческих стражей были более склонны к восстановлению сыновей Эрика, чем к власти христианского принца; возможно, также имел место подкуп. Велико было изумление и еще больший ужас короля и народа, когда военный корабль бросил якорь в Ульфасунде. Оба были не готовы; и первой мыслью Хако было отступить на север, пока к нему не присоединятся корабли и люди, достаточные для сопротивления захватчикам; но один из его офицеров, который часто сражался с королем Харальдом, отговорил его от этого благоразумного шага. Отец короля, заметил он, никогда не задумывался о численности врага; он сражался со многими и с немногими, во всех случаях выигрывал битву. Это был неблагоприятный совет, ибо, хотя в данном случае к Хако неожиданно присоединились значительные силы, он разбил врага и убил одного из сыновей Эрика, авантюра была опрометчивой, обошлась большими потерями и могла закончиться фатально. То, что подобная небрежность действительно привела к летальному исходу, скоро станет очевидным для читателя.^[192]

[с 958 по 963.]

То, что в двух последовательных случаях одна и та же небрежность была проявлена стражниками, а король последовал одному и тому же опрометчивому совету, может вызвать у читателя подозрение, что Снорро перепутал их. Хако спокойно сидел за столом в одном из своих поместий на маленьком острове Сторд, недалеко от побережья Хардаленда, когда вошел слуга и сказал, что в поле зрения появилось много судов подозрительного вида. Король и его гости, выбежав из дома, убедились, что вражеское вооружение действительно приближается. Его возглавлял Харальд, который после смерти своего брата был старшим из оставшихся в живых сыновей Эрика. Хако и вожди, случайно оказавшиеся с ним, поспешно собрали всех мужчин по соседству и двинулись вперед, чтобы дать отпор захватчикам. Завязалась битва, которая, как и прежде, была ожесточенной. Хако благородно исполнил свой долг: двое вражеских воинов вскоре были повержены к его ногам, а пираты снова были обращены в бегство, но только после того, как Хако получил смертельную рану. Его подняли на борт судна, потому что он хотел, чтобы его отвезли в одно из его поместий на севере; но кровь, которую не могло остановить никакое искусство, лилась так обильно, что никто не ожидал его излечения. Добравшись до поместья, которое он любил, — того, в котором он родился, — он созвал своих друзей и сообщил им о своей последней воле. Поскольку у него была только дочь Тора, он

объявил сыновей Эрика своими наследниками и отправил гонца, чтобы сообщить им эту новость и попросить их быть милосердными к его приверженцам, особенно ко всем, кто был связан с ним узами кровного родства. “Если моя жизнь будет сохранена, - добавил он, - я оставлю свой трон и страну, приму монашество и постараюсь искупить свои многочисленные проступки против Бога. Если, как я чувствую, мне суждено умереть среди язычников, похороните меня любым способом, каким вам заблагорассудится”. Вскоре после этого он испустил дух.^[193]

Из спокойствия, которым Хако пользовался по отношению к своим подданным в последние годы своей жизни, мы можем заключить, что он оставил надежду обратить свой народ. Утверждалось, что он стал язычником по крайней мере наполовину. Это утверждение полностью подтверждается его предсмертными словами; тем фактом, что он был похоронен в соответствии с языческими обрядами; и всеобщей верой в то, что его душа вознеслась в чертог Одина. На этот счет у нас есть подтверждение от языческого барда, который описывает радость бога-воина и его вождей по поводу прибытия норвежского монарха.^[194] Вероятно, ему оказали такую честь не только по какой-либо другой причине, но и из-за его религиозного безразличия в последние годы жизни. И все же вся Норвегия оплакивала его; какова бы ни была его вера, в его добродетелях нельзя было ошибиться; и эпитет, который он так хорошо заслужил, — эпитет Хако Доброго — сделал память о нем дорогой для его страны. Во время его правления она пользовалась необычайным изобилием; грабежи и насилие были подавлены; законы, которые он нашел в ходу, он заставил энергично применяться; и новые, которые он обнародовал и на которые мы будем ссылаться в соответствующем месте,^[195] показывают, что он намного превосходил своих предшественников в заботе о внутреннем спокойствии.^[196]

[с 963 по 969.]

Харальд по прозвищу *Греефельд* или Серая мантия, старший сын Эрика и Гунхильды, теперь был провозглашен монархом Норвегии. Но в этом титуле было больше помпезности, чем реальной власти. Во-первых, два его брата также носили королевский титул и были поставлены над центральными провинциями Норвегии. Тогда восточные провинции были подвластны королям, которых Хако Добрый поставил над ними, а именно Трюгве, сыну Олафа, и Гудреду, сыну Бьорна. И это было еще не все, ибо ярл Сигурд был так популярен среди жителей Дронтхайма, что они наградили его привилегиями, хотя и не титулом короля. Итак, здесь было пять вождей, облеченных королевскими функциями и независимых друг от друга; и, за исключением случайных подношений, от самого Харальда. Такое разделение власти не могло понравиться Харальду, который надеялся однажды объединить разрозненные фрагменты монархии; но в течение некоторого времени он был вынужден действовать с большой осторожностью. Он признал власть трех королей, которые не были его братьями, при условии, что они будут держаться от него так же, как раньше держались от Хако Доброго. Но если бы даже он был искренен в своих действиях, честолюбие его матери, которая разделяла советы всех своих сыновей, побудило бы его пойти по этому пути. Она часто объясняла им, что у них есть титул, но не королевская власть; что если Трюгве и Олаф пользуются своими королевствами по наследству, то Сигурд, который был всего лишь ярлом, наверняка не имеет таковых, и что смещение его было бы актом хорошей политики. Харальд ответил, что убрать столь популярного вождя “было не так просто, как убить теленка или козленка”. Она возразила, что были и другие способы добиться этого, кроме применения открытой силы. У Сигурда был брат, который не был воспитан ни в богатстве, ни в уважении, — вероятно, потому, что он был

недостойн ни того, ни другого, — и его легко было убедить обещаниями короля и Гунхильды вступить в заговор против жизни Сигурда. Чтобы сбить намеченную жертву с толку, Харальд передал ему необычайные заверения в дружбе и великолепные подарки. За его передвижениями пристально следили, и однажды ночью, находясь в одном из своих сельских поместий, с меньшим количеством прислуги, чем обычно, он погиб в огне собственного дома. Но королевские убийцы не извлекли никакой выгоды из этого преступления, ибо жители Дронтхейма избрали Хако, сына покойного ярла, на вакантное место, и сам Харальд был вынужден санкционировать это избрание. Чтобы защититься от мести правящей семьи, Хако заключил тайный союз с двумя королями юга, Трюгве и Гудредом. Это не ускользнуло от внимания Гунхильды, которая снова вступила в тайный сговор со своими сыновьями. Результат вскоре стал очевиден. Королевские братья объявили о своем намерении совершить пиратский поход по Балтийскому морю; и с этой целью, поспешив к южной границе Норвегии, один из них пригласил короля Трюгве присоединиться к нему. Последний принял это предложение, но, спеша на свидание, назначенное одним из братьев, он и двенадцать его товарищей попали в руки гораздо более многочисленной банды. Пока совершалось это деяние, сам Харальд высадился на берег; и, услышав, что Гудред устраивает пир в доме недалеко от города, он поспешил туда, окружил дом и уничтожил и Гудреда, и его спутников. Плодом обоих деяний стало присоединение этих провинций к владениям сыновей Эрика. Но ихместь не была полной; ибо Харальд по прозвищу Гренске, сын Гудреда, бежал сначала в нагорье, а когда там его жизнь оказалась в опасности, в Швецию, где он стал знаменитым пиратом.^[197]

[с 969 по 977.]

Как только были совершены эти преступления, сыновья Эрика двинулись на север с явной целью уничтожить Хако. Зная о ничтожности своей численности, он посвятил себя пиратской жизни, но только после того, как опустошил центральные провинции, подвластные сыновьям Эрика. После его ухода Дронтхайм подчинился им; но невелика была выгода, которую они извлекли из этого события. Следующим летом Хако вернулся; и хотя он часто отсутствовал в пиратских экспедициях на Балтику, зимой он всегда командовал в Дронтхайме. Много раз он вступал в стычки с войсками Харальда; и, хотя иногда терпел поражение, у него всегда был надежный источник либо в поддержке жителей Дронтхейма, либо в своих собственных кораблях. Сыновья Эрика не пользовались популярностью: один из них вскоре после ухода Хако обесчестил ложе знатного вождя и был убит за это преступление. На протяжении всей летописи этого кровавого периода мы ощущаем руку карающего правосудия: человек, применивший насилие, стал его жертвой. Таким образом, вероломный брат Сигурда, человек, который предал этого уважаемого вождя в руки его убийц, был убит в битве руками своего племянника Хако. Так умер Эрлинг, еще один из сыновей Эрика. За ним последовал его похотливый брат: жители Дронтхейма, которых он захватил во время одной из частых экспедиций Хако, будучи не в состоянии выдержать его алчность, восстали против него и принесли его в жертву своему справедливому негодованию. Судьба самого Харальда была недалеко от истины. Хотя из-за свержения двух королей, изгнания Хако и смерти большинства его братьев он номинально был монархом Норвегии, он был непопулярен. Отсутствующий Хако также не был небрежен, создавая ему множество неприятностей извне. Со времен Рагнара Лодброга датские короли с тоской взирали на Норвегию; они рассматривали ее не меньше, чем Швецию, как часть своего обширного наследства; и Хако без особого труда убедил Харальда Блаатанда претендовать на трон этого королевства. Поскольку оснащение военно-морских сил было бы дорогостоящим и могло оказаться бесполезным, было решено заманить Харальда Норвежского в Ютландию под

предлогом оказания дани уважения Блаатанду за феоды, которыми он ранее владел в Дании и которые теперь должны были быть ему возвращены. Харальд, достаточно легковверный, чтобы поверить в искренность приглашения, отправился в Ютландию и вскоре был вынужден сражаться с превосходящими силами вождя, которого тайно подстрекали напасть на него. В той битве он пал через пятнадцать лет после смерти Хако Доброго и через тринадцать лет после смерти ярла Сигурда.^[198]

|с 977 по 978.|

После этого события Хако и датский король, знавшие, каких преимуществ, по их мнению, можно добиться только быстротой, отплыли с мощным вооружением в Норвегию. Многие были изгнанниками, которые сопровождали их и которых жестокость Гунхильды и ее сыновей вынудила покинуть свои дома. Среди них был Харальд Гренске, сын короля Гудреда, который был так вероломно убит норвежскими братьями. По прибытии в Тунсберг к датскому королю присоединилось множество жителей, все они были недовольны сыновьями Эрика. Первой заботой Харальда было вознаградить своего советника и друга Хако, которому он передал семь провинций на западе и в центре королевства в феодальное владение, как они принадлежали ярлам Харальда Харфагера. Существовало, однако, такое различие в пользу Хако, что, если этого потребуют нужды государственной службы, — если, например, территория будет захвачена врагом, — он был волен использовать все ее доходы для ее защиты. Харальд Гренске, принадлежавший к королевской крови Норвегии, которому тогда было восемнадцать лет, получил титул короля, а вместе с ним Вестфолд, Вингульмарк и часть Айдера. Остальная часть королевства была передана Свейну, сыну датского монарха, в качестве наместника своего отца, которого провозглашали верховным лордом всего королевства. Гунхильда с двумя оставшимися в живых сыновьями бежала на Оркнейские острова, а Харальд Датский удалился в свою собственную столицу.^[199]

|с 978 по 988.|

Даже в самых своих мечтах Хако едва ли мог предвидеть то процветание, которое теперь выпало на его долю. Его отец был всего лишь ярлом Дронхейма; за его собственной жизнью постоянно охотились сыновья Эрика; он много лет был изгнанником; и все же теперь он был правителем семи провинций, которого датский монарх мог сместить только с помощью открытой силы. Но он не был, по словам историка, счастлив. Его ночи часто были бессонными, а когда он все-таки засыпал, его сны были тревожными. Его беспокоили не угрызения совести, а честолюбие. Со времени отъезда Харальда из каждого его поступка можно сделать вывод, что он стремился к суверенитету всей Норвегии. Но многие были его противниками или соперниками, которых, как он надеялся, время или случай, интрига или революция устранят. Первым, кто беспокоил его в правительстве, был Рагенфрид, один из выживших сыновей Эрика. С Оркнейских островов этот вождь со значительным флотом отплыл в Норвегию. Услышав, что Хако находится в Дронхейме, он высадился в южных провинциях и повсюду сеял опустошение. При приближении ярла он поспешил к своим кораблям; в морском сражении он одержал победу; но так как он не мог сражаться с Хако на суше, он продолжал опустошать побережье везде, где оно было недостаточно защищено; и за короткое время он захватил Согне, Хардаланд, Фиорд и некоторые другие районы. Следующей весной ярл Хако, собрав войска со всех сторон, возобновил войну. На этот раз удача не покинула его: он победил Рагенфрида, которого также изгнал из Норвегии. Его следующим желанием было убрать Харальда Гренске; но он был

достаточно хитер, чтобы дожидаться времени и обстоятельств. Он надеялся, что это же время и обстоятельства освободят его от всякой зависимости от датского двора. Сначала он отсылал оговоренные доходы Харальду, но вскоре тот отсылал только часть или удерживал их полностью, ссылаясь на то, что защита страны требует их всех. Но у него не было желания преждевременно оскорблять этого монарха; и когда потребовалось помочь в войне против императора Отона, он лично участвовал в войне. Дело не шло к успеху: Харальд, как мы уже рассказывали, был вынужден принять крещение, а Хако последовать его примеру. Но он все еще оставался язычником и решил, что миссионеры, с которыми он должен был вернуться в Норвегию, никогда не увидят этой страны. Поэтому он высадил их на шведском побережье и, опустошив Готбед огнем и мечом, отправился в свой любимый Дронтхайм. Там, и везде, где у него была власть, он восстановил язычество в его древнем великолепии; он также не потерпел бы христианства. Такое поведение было оскорбительным для Харальда; но у этого монарха были и другие обиды, за которые он должен был отомстить. Ярл не только отказался от обычной дани и провозгласил свою независимость, но и разорил побережье Ютландии. Харальд отомстил жителям Норвегии. Его целью было покорить Исландию с помощью саркастических поэтов, которых он оскорблял; но у него были более веские причины для завоевания, чем те, которые приводит хронист. Этот остров, как и Оркнейские острова, был прибежищем пиратов всякий раз, когда они терпели поражение в Скандинавии. Его желание исследовать Исландию до того, как он вторгся в нее, породило легенду, которую можно упомянуть из-за ее новизны. Он убедил волшебника — без сомнения, финна — изменить свой облик и отправиться на этот остров. Ни одна форма не казалась такой разумной, как форма большой рыбы; и под ней волшебник совершил путешествие, не обремененный кораблями или людьми. Но его изобретательность мало помогла ему. При попытке приземлиться в первом заливе огромный дракон вынудил его искать глубину. В другом месте большая птица также воспротивилась его приземлению. Если бы восток и север острова охранялись таким образом, то, несомненно, западное побережье, которое тогда, как и сейчас, было совершенно нечастым, было бы более доступным. Надежда была тщетной; свирепый бык бросился ему навстречу в воду. Не было более гостеприимным и южное побережье: когда он попытался высадиться на берег, то увидел огромного великана, чья голова была выше холмов, а в руке был увесистый железный прут. Пытаться завоевать регион, охраняемый местными божествами или необычайной магией, было безнадежно, и сбитый с толку финн вернулся в Данию.^[200]

[с 900 по 993.]

Пока был жив Харальд, Хако, по-видимому, оставался невозмутимым; но после восшествия на престол Свейна, мощный флот отплыл из Дании, чтобы подавить его мятеж. И все же это полностью провалилось; патриотизм побудил норвежцев объединиться и дать отпор захватчикам. Хако также пока не продемонстрировал особых проявлений той необузданной распущенности, которая отличала его в последующие годы. У него было много замечательных качеств; он был активен, предприимчив, храбр в степени, редко равной которой, даже в эпоху героев. Велик был его триумф над грозным Свеном; и у него больше не было соперника, кроме Харальда Гренского; и этот король долго не препятствовал его планам. То, как Гренске встретил свою судьбу, имеет в себе много романтического, но ни в коем случае не противоречит вероятности и не противоречит нравам того времени. В пиратской экспедиции на Балтику он высадился на побережье Швеции, главой королевства которой был Олаф, сын Эрика Победоносного. В юности Харальд воспитывался в Швеции, и его молочной сестрой была Зигфрида, мать короля. Услышав, что Харальд находится на побережье, недалеко от ее

поместья, она послала ему приглашение навестить ее, и он с готовностью принял его. Никогда еще гостеприимство не было более открытым и приятным. Овдовевшая королева, восседавшая на троне в честь Харальда и его вождей, председательствовала на роскошном приеме; а после него она поощряла звучание рога не только своим приглашением, но и своим примером. “Все пили мужественно”, - говорит историк, что означает “достаточно глубоко”. Но ни леди, ни Харальд не потакали себе так сильно, как остальные; и когда последнего уложили в великолепную постель, приготовленную для него, королева вошла в его покои с рогом в руке и предложила ему выпить еще. Наконец оба были пьяны, пока Харальд не сморил сон, и тогда Зигфрида отправилась на свое ложе. На следующий день угощение возобновилось, но на этот раз и хозяйка, и гость вели себя сдержанно. Любовь проникла в сердце Харальда, но он не осмелился признаться в этом; и через некоторое время он простился и вернулся в Норвегию. Но он не мог успокоиться, и когда наступила весна, он вновь посетил Прибалтику. Привязанность сделала его робким; он не осмелился без приглашения отправиться в дом Зигфриды и попросил о свидании на морском побережье. Она поехала туда, и Харальд, отпустив своих слуг, упомянул о своей страсти. Это не нашло отклика в ее сердце. Она заметила, что у него уже была хорошая жена. Король возразил, что Аста, его королева, ему не пара; что она намного ниже его по происхождению. “Возможно, это правда”, - ответила Зигфрида, которая, как считалось, обладала некоторым знанием будущего. “но в этот самый момент она беременна сыном, который будет большой честью для вас обоих”. Затем она уехала так же, как и прибыла, верхом на лошади, оставив Харальда в глубоком унынии. Не в силах отказаться от своего безнадёжного ухаживания, он снова отправился в ее дворец и нашел другого королевского поклонника. Как и прежде, развлечение было хорошим; но в следующую ночь оба короля были уничтожены их хозяйкой. Флот вернулся в Астубез своего лидера. Она немедленно отправилась в дом своего отца на нагорье и родила сына, которого назвала Олафом, которому суждено было стать святым королем Норвегии.^[201]

|с 993 по 995.|

Хако, ныне единоличным правитель всей Норвегии, был, как и многие другие князья, не в силах противостоять процветанию. Любовь, которую его народ — по крайней мере, жители Дронтхайма — долгое время питал к нему, превратилась в ненависть из-за распущенности его поведения на склоне лет. Дочерей своих самых знатных вождей он насильно привез в свой дворец и через несколько дней вернул их их семьям. Поднялся ропот, но седой идолопоклонник не обратил на него внимания, полагая, что его власть слишком прочна, чтобы ее можно было поколебать. Но в конце концов его оторвало от этой мечты о безопасности известие о том, что существует потомок светловолосого Харальда, не имеющий себе равных в доблести, который, вероятно, претендовал на трон своих предков. Это был Олаф, сын Трюгве, чьи приключения считаются самыми романтическими в истории Севера.^[202]

|с 969 по 970.|

После смерти Трюгве его вдова Астрид, которая была тогда беременна, опасаясь мести Гунхильды и ее сыновей, бежала на остров в уединенном озере нагорья, где в 969 году родила сына, которого назвала Олафом, в честь его деда с таким именем. Там она пробыла все лето в сопровождении только своего приемного отца и двух или трех слуг. Но когда дни стали укорачиваться, холодный ветерок с озера оказался слишком сильным для Астрид и ее ребенка, и в сопровождении таких же верных слуг она покинула свой дом на острове. Чтобы избежать

наблюдения, она никогда не приближалась к человеческому жилью; и когда по прошествии многих дней она приблизилась к жилищу своего отца, то была слишком осторожна, чтобы войти. Посыльный сообщил ему о ее прибытии, и он встретил ее в уединенной лесной хижине, где ей были предоставлены все домашние удобства. Только две служанки вместе с ее приемным отцом, его ребенком и ее маленьким сыном составляли все ее хозяйство. К счастью для нее, этой зимой Гунхильда и ее сыновья были слишком заняты Хако, ярлом, чтобы иметь время преследовать ее. Но эта честолюбивая женщина услышала о рождении Олафа; и когда наступила весна, она послала своих шпионов разузнать, насколько правдивы эти слухи и где можно найти мать и ребенка. Их расспросы увенчались успехом, и был послан вождь с тридцатью всадниками, чтобы доставить младенца ко двору Гунхильды. Однако Эрику, отцу Астрид, сообщили об их цели, когда они были всего в нескольких милях от дома. Наступила ночь; и он повел свою дочь с ее драгоценной подопечной и несколькими слугами в лес, где рассказал ей об опасности, о своей неспособности защитить ее и о необходимости поспешить самым тайным образом в дом старого друга в Швеции. Не успела она уехать, как он вернулся в свой дом, чтобы дожидаться прибытия всадников. К счастью, и для него, и для его дочери, они не сразу пришли к нему, а провели ночь в соседнем доме. На следующее утро, когда его спросили, где его дочери внук, он отрицал, что они были с ним; и, поскольку они отказались ему верить, он позволил им обыскать каждый уголок своего жилища. Но предводителю отряда наконец сообщили об их маршруте, и, приказав своим людям сесть на коней, он погнался за ними. Когда их настигла темнота, они провели ночь у богатого землевладельца, которого неосторожно спросили, не видел ли он проходившую тем путем женщину с ребенком. Он ответил, что женщина и ребенок в очень бедной одежде и другие люди, столь же скромные, просили его о гостеприимстве, и что он отказался приютить их, — ибо, подобно достойным людям недавних времен, они испытывают большую неприязнь к нищим, — но он полагает, что они находятся в каком-то коттедже по соседству. Так они и были; в коттедже честного фермера, и не так далеко, как предполагалось. Но Провидение позаботилось о безопасности матери и сына. Пока шел этот разговор, крестьянин, работавший у этого фермера, случайно зашел в дом богача, возвращаясь из леса к своему хозяину. Он слышал обо всем, что произошло, и, не зная о прибытии Астридды, сообщил об этом своему хозяину. Норвежец, столь же благоразумный, сколь и гуманный, видя, что уже прошла третья половина ночи, подошел к своим гостям, которые крепко спали, и сердитым голосом велел им встать и покинуть его дом. Они с трепетом повиновались; но как только они вышли за ограду, он ознакомил их с причиной своей кажущейся суровости. Он послал их к уединенному озеру, на котором был остров, поросший тростником, и велел им оставаться в укрытии до тех пор, пока они снова не увидят его. Поскольку вода в озере была неглубокой, они легко добрались вброд до острова и спрятались, в то время как Торстейм (его имя не будет предано забвению) вернулся в свой собственный дом. Как он и предвидел, на следующее утро предводитель всадников, наведя справки во многих домах, зашел к нему и осведомился о беглецах. “Они были здесь, — последовал ответ, — но еще до рассвета они оба оставили меня и ушли в лес”. Не был он готов и к следующему вопросу — будет ли он их проводником в поисках матери. Он с готовностью согласился; и, как легко понять, повел их в направлении, совершенно противоположном тому, которого они придерживались. И это было не все. Под предлогом того, что они, вероятно, добились бы большего успеха, если бы продолжали поиски по отдельности, он оставил их, но только для того, чтобы ввести в заблуждение новыми уловками. Таким образом, день был потрачен впустую, и всадники вернулись к Гунхильде. В тот же вечер Торстейм отправился на остров, снабдил беглецов запасом провизии и, что было гораздо лучше, верным проводником. Астрид продолжила свое

путешествие и без дальнейших помех добралась до дома Хако Старого, который тепло принял ее и ее младенца и у которого они прожили около трех лет.^[203]

[с 964 по 966.]

Но судьба Олафа и его матери по-прежнему оставалась необычайной. Они недолго пользовались гостеприимством Хако, когда Гунхильда отправила посольство к Эрику, королю Швеции, чтобы получить во владение молодого принца. Под благовидным обещанием щедро обеспечить того, чью судьбу она жалела, и судьбу отца которого она долго оплакивала, ее посланец легко убедил Эрика послать эскорт в дом Хако за принцем. Но при дворе Эрика у Хако был сын, который присутствовал при том, как королю рассказали об этом деле, и он своевременно предупредил своего отца о приближении норвежца. Поэтому шведский аристократ был готов к встрече со своим гостем. После проявления церемонной вежливости посол упомянул о стремлении Гунхильды воспитать юного Олафа так, как подобает его происхождению, и попросил, чтобы царственное дитя было доверено его попечению, — просьба, к которой присоединился шведский король. “Астрид,” ответил осторожный Хако, “сама хозяйка своих поступков, и если она согласится на твоё предложение, у меня не может быть возражений против этого”. Получив отказ Астрид, разочарованный посол вернулся ко двору Эрика и собрал более сильные силы с намерением забрать ребенка силой, если мольбы окажутся тщетными. Как и прежде, Хако был подготовлен, и он был менее покладист, чем в прошлый раз. “У Астрид,” таково было содержание его ответа на новое предложение, “нет особых причин полагаться на обещания Гунхильды; она знает ее уловки, ее коварство; она по-прежнему отвергает твоё предложение; и мальчик не может уехать без согласия матери, и я не позволю навязать ей своё желание, пока она остается под моей защитой”. Раздались громкие слова; посол пригрозил применить силу; Хако ответил, что люди более могущественные, чем он, потерпели бы неудачу в такой попытке. Спор дошел до ушей пастуха Хако — огромного мужчины богатырского роста, — который, схватив вилы, поспешил на место происшествия и сказал: “Это ты осмеливаешься оскорблять моего благородного хозяина в его собственном доме? Выбирай одно из этих двух — или поскорее убирайся из этого района, или готовься к смерти от этих вил, которая будет столь же роковой для твоих товарищей!” Посол и его свита поспешно ретировались, а по возвращении в Норвегию сообщили разочарованной Гунхильде о неудачном исходе своего путешествия.^[204]

[с 976 по 984.]

То ли из-за страха, что король Эрик в конце концов силой отнимет у нее сына, то ли из-за желания увидеть своего брата Сигурда, который в то время был в большой милости у Вальдемара, короля Гардарика^[205], Астрид покинула гостеприимный кров Хако. Он поручил ее заботам нескольких купцов, которые вели торговлю с Гардариком, и снабдил всем необходимым для ее путешествия. В Финском заливе они были захвачены эстонскими пиратами, разделены и проданы. Олаф, Торольв и сын Торольва стали собственностью того, кто, увидев, что старик перестал служить, предал его смерти; впоследствии обоих мальчиков продали разным хозяевам, а Астрид отправили неизвестно куда. Впоследствии тот же хозяин купил Торгильса, молочного брата Олафа, и нанял его на самую тяжелую работу. Но с принцем поступили иначе; вскоре старый язычник полюбил его и увидел в нем сына. Однажды случилось так, что Сигурд, дядя Олафа, пришел в дом хозяина и увидел мальчика, которому тогда было около десяти лет, играющего с другими его ровесниками. Он поприветствовал Сигурда; тот

ответил на любезность и был немедленно поражен чужеземным выражением лица мальчика. В ответ на его вопросы мальчик назвал ему свое имя и имена своих родителей. Сигурд сразу узнал своего племянника, которого он выкупил; но мальчик не захотел идти с ним, если его не сопровождал Торгильтс, которого выкупили за меньшую цену. К чести языческого мастера Олафа следует добавить, что он не продал бы мальчика, если бы Сигурд не дал обещание, что он никогда не будет перепродан и что с ним будут обращаться так же хорошо, как с ним обращались под его собственной крышей. Обоих детей забрали ко двору хозяина Сигурда, который правил в окрестностях Новгорода. Привязанность, которую Олаф питал к своим друзьям, была равна его ненависти к своим врагам и к врагам его друзей. Однажды, стоя на общественном рынке, он увидел купца, убившего Торольфа: приблизившись с большой осторожностью, он выхватил свой маленький меч, нанес торговцу смертельную рану в голову и немедленно побежал рассказать своему дяде о совершенном им деянии. Опасаясь последствий, Сигурд привел своего племянника к королеве и попросил у нее защиты; и благодаря ее влиянию родственники покойного получили денежную компенсацию. Вскоре он стал любимцем при дворе; король, узнав о его королевском происхождении, поместил его среди своей знати; и девять лет пролетели незаметно. Каждое достижение, связанное с его происхождением и будущими перспективами, было приобретено им самим. Среди них было пиратство, к которому он привык с двенадцати лет. В последующие годы он приобрел значительную репутацию и был очень полезен королю, уничтожая другие пиратские суда, нарушавшие покой Гардарика, и богатыми сокровищами, которые он привозил из своих частых экспедиций. Но его благосклонность к королю возымела обычный эффект — она создала соперников и врагов; и он покинул двор, чтобы заняться тем, чем занимались многие из его предков до него, — сколотить состояние на глубине.^[206]

[с 985 по 994.]

На берегах Балтийского моря молодой вождь снискал большую известность как своей доблестью, так и успехами. Впоследствии к нему присоединилось множество вассалов-пиратов, пока под его командованием не оказался значительный флот. Ближе к концу он приказал своим судам бросить якорь в бухте на побережье Померании, которой в то время управляла принцесса, дочь герцога Борислава, муж которой недавно скончался. Слава о его подвигах, его достижениях, о его личной привлекательности достигла ее ушей, и через своего министра она послала ему приглашение провести зиму в ее столице. Это было с готовностью принято, и последовало естественное последствие — ее брак с главарем пиратов. Облеченный этим союзом с военным правительством государства, Олаф защищал права своей супруги гораздо более рьяно, чем права ее подданных. Некоторые территории и крепости, которые были отторгнуты от герцогства, он вернул ему. Но в одной из этих воинственных экспедиций он едва не стал жертвой недобросовестности варваров. Ведя свои войска против укрепленного города, который отказался от своей верности принцессе, он так тесно прижал жителей, что они предложили подчиниться его воле и открыли свои ворота, чтобы принять их. Однако не успело несколько его людей войти вместе с ним, как тяжелые баррикады закрылись, и на него напала толпа. Но морской король никогда не терял присутствия духа. Приказав своим последователям последовать его примеру, он направился к стенам, сражаясь при отступлении; и, достигнув их, он спрыгнул на землю за пределами укреплений. Теперь крепость подверглась нападению с той энергией, которую всегда придает раздражение; вскоре она была взята штурмом; гарнизон был предан мечу, а стены сровнены с землей.—Но эта скромная сфера была слишком узка для его честолюбия, которому способствовали события, происходившие тогда в Норвегии. Примерно

через год после женитьбы он отплыл с небольшим количеством судов к берегам Швеции, разорил Сканию и Готланд, захватил одну или две добычи, помог императору Отону во вторжении в Данию и в победе, которую временный глава христианского мира одержал над датчанами-язычниками, и присутствовал на переговорах, предшествовавших восстановлению мира.^[207] То, что он был наполовину христианином — по крайней мере, по характеру — очевидно из рассказа его биографа; но где он приобрел те небольшие знания о христианстве, которыми обладал, не так ясно. Его биограф утверждает, что он часто слышал о христианских доктринах, что, возможно, достаточно верно; но мы не можем согласиться со следующим утверждением, что одной из причин его уважения к новой вере было чудо, которое он видел, как архиепископ Поппо творил в присутствии Оттона и Харальда Датских. Как бы то ни было, он питал большое отвращение к идолопоклонству; и даже при дворе языческого короля в Гардарике он всегда отказывался приносить жертвы богам. В армии Отона он встретился со своим тестем, герцогом Бориславом; и после успешного окончания войны он вернулся в Померанию. Но его беспокойный нрав недолго позволял ему оставаться со своей невестой, и он возглавил еще одну экспедицию к различным берегам Балтийского моря. После смерти своей супруги, которая произошла через три года после его женитьбы, он больше не оставался в Померании. Вероятно, это событие расположило его к смирению, к размышлениям. Как бы то ни было, теперь он был лучше осведомлен о принципах христианства — неважно, в Греции ли, как уверяет нас его биограф, или в какой-нибудь славянской провинции, где трудились греческие миссионеры. Но обряд крещения был совершен с ним только несколько лет спустя, пока он не посетил отшельника на западе. Говорят, что он также сыграл важную роль в обращении своего хозяина, короля Хольмгарда, и королевы. Каким бы ни было его рвение в этот период жизни, в последующий, как мы вскоре увидим, оно было достаточно велико. Но его религия была, как и религия того периода, странной: она не мешала ему опустошать побережья христианских стран, сжигать хижины бедняков и приносить в жертву их обитателей. Спустя годы после того, как он якобы сменил веру, он был занят этой ужасной профессией от берегов России до берегов Бретани и Ирландии. Говорят, что в Ирландии или в Англии, — вероятно, в последней, — он женился на ирландской принцессе по имени Гайда; но прежде чем состоялась церемония, он был вынужден сразиться с соперником, которого вскоре победил. После этого события он иногда бывал в Англии, иногда в Ирландии, но везде его слава как воина распространялась. Морские короли того периода привыкли сражаться как за других, так и за себя, нанимаясь на их службу к любому туземному принцу, который в них нуждался; нередко случалось и так, что северяне в то же время оказывались в противоположных рядах. За такие услуги плата всегда была обильной; иногда землей, чаще золотом и богатыми товарами. Мы также не должны забывать, что, находясь на побережье дружественной державы, пираты пользовались профессией торговцев и вели торговлю из одного порта или одного королевства в другое с большей регулярностью, чем мы обычно предполагаем. Но это преследование было слишком спокойным для морского короля, и он последовал за ним только по необходимости: его восхищали сцены возбуждения — сцены опасности и резни. Будь то в мирное или военное время, никто не стеснялся угонять скот с любого побережья. Находясь в Ирландии, Олаф пережил приключение, которое иллюстрирует как это утверждение, так и его собственный характер. Он и его люди высадились на определенной части побережья, захватили множество крупного рогатого скота и гнали его к своим кораблям, когда бедный фермер побежал за ними и умолял вождя вернуть животных, которые были украдены у него. “Они могут достаться тебе,” ответил Олаф, “если, не мешая нашему походу, ты сможешь отличить их от такого множества. У человека была собака, которая выбирала животных одного за другим, к великому изумлению

вождя. “Ты расстанешься с этой собакой?” - спросил Олаф. “Охотно!” - последовал ответ, и Олаф, не удовлетворившись возвращением скота этого человека, сделал ему несколько ценных подарков.^[208]

|с 967 по 993.|

Во всех своих путешествиях Олаф никогда не отчаивался в том, что однажды сможет добиться права своего рождения в Норвегии, и его взор часто обращался к этой стране. Не был он безразличен и к судьбе своей матери, о которой он ничего не слышал с того дня, когда, будучи еще младенцем, его разлучили с ней. Ее приключения могут на мгновение привлечь внимание читателя. Пробыв некоторое время рабыней, она была замечена в Померании норвежским пиратом благородного происхождения: сначала он не узнал ее; там, где когда-то были здоровье, жизнерадостность и красота, он заметил бледность и меланхолию; но в ее внешности и манерах было нечто такое, что внушало ему уважение. При ближайшем рассмотрении он убедился, что видит перед собой Астрид, королеву Трюгве; он вступил с ней в разговор и узнал, что сейчас она выставлена на продажу. Она умоляла его выкупить ее и вернуть друзьям, и он пообещал сделать это при одном условии — что она станет его невестой. Ее положение не допускало ни угрызений совести, ни колебаний; она стала его женой и матерью нескольких детей. Проходил год за годом, а мать ничего не слышала ни о сыне, ни о сыне матери. Слава о его подвигах, действительно, достигла Норвегии; но он взял себе другое имя — Оло, уроженец Гардарика, и под этим именем он был известен всем князьям своего времени, от императора Отона до самого скромного вождя пиратов. Но Хако, узурпатор Норвегии, знал правду; и поскольку его благосклонность к народу из-за его новых пороков теперь исчезала^[209], он начал с большой тревогой поглядывать в сторону Ирландии, где некоторое время находился Олаф. Устранение этого честолюбивого соперника было необходимо для его безопасности, и он немедленно придумал способ привести свой замысел в исполнение.^[210]

|с 995 по 996.|

С Хако был тесно связан главарь пиратов по имени Торер, предприимчивый человек, который приобрел репутацию на морских глубинах и который без колебаний выполнил бы любое поручение, которое ему могли бы доверить. Этот человек был самым подходящим инструментом для того, чтобы заманить Олафа во власть Хако. Используя открытую силу, ни один вождь не мог надеяться на успех, ибо за Олафом следовали некоторые из самых прославленных героев его времени, и он стоял во главе нескольких кораблей. Поэтому его необходимо, по возможности, доставить в Норвегию или, в качестве последнего средства, убить. Поскольку лживые заявления, которые Тореру было предписано делать, могли не возыметь должного эффекта на Олафа, двое из его родственников, которых он никогда не видел, — братья его матери — должны были сопровождать его и, в случае необходимости, подтвердить его заявление.^[211] Как нам сказали, они восстали против этого замышляемого предательства и отказались участвовать в нем, пока им не угрожала потеря их собственных жизней. Как бы то ни было, Торер поспешил в Дублин, чтобы привести свой замысел в исполнение. Чтобы усыпить подозрения, его снабдили обильными товарами, которые он должен был обменять в Дублине, порту, процветавшем в то время благодаря своей торговле. Ему не составило особого труда найти жилище Оло из Гардарика, единственное имя, под которым был известен Олаф. Мало-помалу он свел знакомство с Олафом, и, поскольку тот был человеком очень наблюдательным, красноречивым и расчетливым, он стал желанным гостем. Как обычно, Олаф, не называя себя, поинтересовался

своими семейными связями; — сколько человек осталось в живых, каково их жизненное положение, каково их влияние на общественность. Удовлетворившись этими соображениями, он поинтересовался характером, силой, репутацией Хако. “Ярл, ” ответил Торер, “ великий князь, абсолютный во всем, и никто не смеет перечить ему; но, если уж говорить конфиденциально, его терпят только потому, что в роду старого Гарольда не осталось отпрыска, которого народ мог бы выбрать вместо него. Многие дворяне, вожди, воины, простой народ, которые бросились бы под знамена такого соперника, появившись он в Норвегии. Но зачем говорить так напрасно? ни один принц из этого дома не выжил”. Таков был способ, которым Торер выполнил свое поручение; и мы не удивлены, что после нескольких бесед Олаф открыл предателю свое сердце. По рождению он не был Оло из Гардарика — он был Олафом, сыном короля Трюгве; и мог ли он, в самом деле, надеяться, что норвежцы примут его, предпочтя Хако? Торер торжественно подтвердил, что, если бы он только показался народу, правлению Хако пришел бы конец. Он сделал больше: он проявил самый горячий интерес к судьбе своего нового друга, которого он призывал без промедления отплыть в его родную страну. Всего с пятью кораблями — зачем вступать в бой со многими там, где в этом нет необходимости, — принц в сопровождении Торера покинул Дублин, миновал Гебридские острова и, наконец, достиг Оркнейских островов. Ярлом этих островов был Сигурд, который приветствовал чужеземцев, но в Олафе он нашел хозяина. Князь, уже вступивший в права верховной власти, приказал ярлу принять крещение и, видя его колебания, пригрозил ему смертью, если он откажется. Выбор был несложным, и у христианской церкви сталона одного лицемера больше. Новому королю также было оказано почтение, и в качестве клятвы верности Вельп, сын Сигурда, сопровождал Олафа в Норвегию.^[212]

[с 995 по 996.]

Когда Олаф достиг побережья Агдера, он узнал, что жители Дронтхейма составили заговор против власти Хако. Эта новость была как гром среди ясного неба для Торера, который из-за благодарности, которую норвежцы проявили к ярлу за его недавнюю победу над йомсбергскими пиратами, считал свою династию в безопасности. Нынешнее недовольство, однако, могло пройти; и он решил убить Олафа, но люди, которых он нанял для этой цели, выдали его принцу, и он пал жертвой своих собственных козней. Олаф, чье имя еще не было упомянуто в народе, теперь поспешил к Дронтхейму, где с каждой минутой положение его врага становилось все более критическим. Ничто не может так хорошо описать характер Хако, как его поведение непосредственно перед этим и в этот период. Хотя он знал, что жители этой провинции только и ждут возможности изгнать или уничтожить его, он упорствовал в своем похотливом поведении. Жены, дочери, сестры, вдовы, девственницы — все, на кого он обращал свой взор, были, какими бы благородными союзниками они ни были, насильно доставлены в его резиденцию. Но до прибытия Олафа произошел следующий инцидент: у Бриньольфа, дворянина из Ганлардала, была красивая и образованная жена; однажды ночью, когда оба были в постели, мирмидоны Хако прибыли на его виллу и бесцеремонно сообщили ему, что ярлу нужна его жена и что она должна сопровождать их. Когда он с негодованием отказался вынести ее отъезд, они вернулись за новыми помощниками и унесли ее во дворец Хако. На следующий день Бриньольф надел доспехи, поехал в соседнюю страну, собрал своих знакомых и друзей, рассказал им о нанесенном ему унижении и убедил их объединиться в его деле. Они, однако, не перешли к открытому восстанию, но вступили в заговор, чтобы помогать друг другу, когда наступит удобный момент. Это событие не было предупреждением для Хако. Вскоре после этого, сраженный чарами замужней дамы, Годруны, которую за ее красоту прозвали "Солнцем

Лундена”, он послал своих эмиссаров в дом ее мужа, чтобы привести ее к нему. Под предлогом приглашения на ужин Орм, ее муж, задержал их до тех пор, пока его слуги не собрали силы, достаточные, чтобы вызвать их на неповиновение. Затем сама госпожа оскорбленным тоном сказала посыльным, что ей не следует сопровождать их, пока Тора, любимая любовница ярла, не придет за ней. Пригрозив отомстить всей семье, мужчины ушли; и Орм, не теряя времени, послал стрелу, символ войны, своим родственникам и иждивенцам.^[213] Хорошо известный знак был быстро передан; сбор начался; и за короткое время был собран грозный отряд, жаждущий уничтожить ярла-тирана.^[214]

[995.]

Мотивы этого деревенского отряда вскоре стали известны Хако. Его первой целью было скрыться, пока он не соберет достаточно войск, чтобы подавить восстание. То, что следует далее, чрезвычайно романтично; и мы излагаем это так, как находим в представленных нам авторитетных источниках, предоставляя читателю самому судить о том, что он может отвергнуть или признать. Мы можем, однако, заметить, что, если некоторые из инцидентов были слишком сильно окрашены потомством, суть этого рассказа верна. В сопровождении своих слуг Хако сбежал со своей виллы в глубокую долину, которая с тех пор носит его имя. Поскольку предполагалось, что он поспешит к своим кораблям, которые стояли на некотором расстоянии вдоль побережья и находились под руководством его сына Эрленга, за тропами, ведущими к побережью, следили тщательнее, чем за тропами в окрестностях долины. С наступлением темноты он отправил часть своих людей на станцию, где стояли его корабли, приказав своему сыну встретить его в более южной части побережья; остальных он отправил по домам, оставив только одного крепостного, Термод Карка, который был его товарищем с младенчества. Чувствуя, что его нынешнее убежище небезопасно, он все дальше углублялся в безлюдье. Добравшись до берега замерзшего озера, он спешился, проделал во льду прорубь, загнал в нее свою лошадь и оставил рядом с ней свою накидку, чтобы заставить своих преследователей поверить, что он погиб в воде. Затем он пересек лед и вместе со своим рабом нашел убежище в уединенной пещере в горах. Оба были очень утомлены и вскоре заснули; но раб вздрогнул и разбудил своего господина, чтобы рассказать ему ужасный сон, который он только что видел. Он видел человека с темным, устрашающим лицом, который подошел к пещере, постоял перед ней мгновение и, воскликнув: “Один мертв!” - взобрался на холм. Хако подумал, что это таинственное сообщение намекает на Эрленга, ибо после минутного размышления он сказал: “Твой сон, кажется, указывает на смерть моего сына!” Интерпретация, как говорят саги, была верной. Олаф только что прибыл от побережья; Эрленг, имея всего три судна, не мог противостоять превосходящему флоту, который он справедливо считал флотом противника; и, чтобы избежать плена, он и несколько его товарищей, подплыв к берегу как можно ближе, тихо спустились в воду и поплыли. В таком состоянии их настигло судно, в котором находился Олаф. По словам Снорро, это был сам Олаф, который веслом проломил голову молодому ярлу, когда тот бороздил волны; по словам Гунлауга, это был один из его моряков. Оба согласны с тем, что Эрленг погиб в нескольких ярдах от берега; что многие из его товарищей погибли вместе с ним; что корабли стали добычей Олафа, который впервые узнал о бегстве Хако и восстании крестьян.^[215]

[995.]

После этого сна, продолжает Сага, рабу приснился другой, который напугал его так сильно, что он издал жалобный звук, как человек, страдающий от ночного кошмара. Разбуженный своим хозяином, он сказал, что видел, как тот же самый темный человек подошел к пещере, остановился у входа, как и раньше, и сказал: “Скажи своему хозяину, что все проходы к морскому побережью и само побережье завалены!” Ярл подумал, что дни его сочтены, но ничего не сказал. Однако он больше не хотел оставаться в пещере, и оба направились к вилле, где жила Тора. Оказавшись на некотором расстоянии от него, он отправил Карк с просьбой, чтобы она тайно встретила с ним в лесу. Она подчинилась призыву и своим нежным поведением показала, что, каковы бы ни были преступления мужчин, женщины могут быть верны до последнего. Хако спросил ее, не может ли она предоставить ему какое-нибудь укромное местечко на несколько ночей. “Это будет трудно”, - ответила Тора. - “Мой дом скоро обыщут; ни один уголок в нем не ускользнет от внимания, потому что все люди знают, что я спасу тебя, если смогу. И все же есть одно место, где никто не ожидал бы встретить такого принца, как ты, — это под свинарником. Они отправились на место; раб расширил пещеру; были принесены провизия, фонари и другие предметы первой необходимости; и Хако в сопровождении Карка спустился в пещеру. Недавно вскопанная земля была убрана; над ямой были уложены деревянные стропила; поверх них были разбросаны солома и навоз, а свиньи были загнаны внутрь, чтобы протоптать покрытие, чтобы скрыть недавние следы. Кроме того, вход в хлев был завален большим камнем. Приняв эти меры предосторожности, Тора вернулась в дом, и никто из ее слуг не знал, что она видела ярла. Таким образом, пленники были предоставлены самим себе; но как они могли дышать в таком месте, нам не сообщается. Вскоре прибыли враги Хако во главе с Олафом. Они нашли мантию на льду озера и были вынуждены вернуться, пока не возникло подозрение о хитрости, побудившее их продолжить преследование. Добравшись до дома Торы, они взломали двери, осмотрели каждую деталь внутри и снаружи и остановились только тогда, когда поиски оказались явно тщетными. Если верить кому-либо из предшествующих нам властей, то Олаф, выйдя из дома, сел на тот самый камень, который загораживал вход в хлев, и побудил своих последователей искать в других районах, предложив великолепную награду тому, кто схватит или убьет ярла. Его громкий голос донесся до пещеры, где сидели Хако и его рабыня; и когда первый посмотрел на последнего, он увидел, как изменилось выражение его лица. “Что означает этот взгляд?” - спросил учитель. “Ты хочешь предать меня?” — “Нет, - ответил другой, “ но я дрожу от этого голоса; это тот, который я слышал во сне”. “Мы оба, ” возразил Хако, который был очень суеверен и часто советовался с местными оракулами, “ родились в один и тот же день, и в один и тот же день оборвется жизнь обоих!” Ближе к ночи Олаф ушел, и хозяин с рабыней остались наедине со своими размышлениями или, что было еще хуже, со своим разговором. Хако не смел спать, чтобы его раб не убил его; ни Карк, чтобы тем же преимуществом не воспользовался его хозяин. Наконец, однако, раб закрыл глаза, и ему приснилось, что он и его господин находятся на одном корабле, рулевым которого он был. Это не требовало толкования; как заметил Хако, они действительно находились в одном сосуде, и судьба обоих была в руках раба. Последнему снова приснился сон: теперь он был при дворе Олафа, который надел ему на шею золотую цепь. “Эта цепь, ” заметил Хако, “ будет для тебя кровавой, если ты когда-нибудь предстанешь перед Олавом; она предвещает твою гибель; но будь верен мне, и все будет хорошо!” Наконец природа оказалась не по силам обоим, и они уснули; но ближе к рассвету раб был разбужен ужасным шумом, производимым его хозяином, который, казалось, находился в жестоком кошмаре, словно боролся с каким-то ночным демоном или со своим собственным злым гением. Карк встал, выхватил из-за пояса нож и перерезал Хако горло. Затем он отделил голову от тела и поспешил с

ней к Олафу, который теперь был провозглашен королем. “Что побудило тебя к этому поступку?” таково было требование принца. “Главным образом, - ответил раб, - великая награда, которую, как я слышал, ты предлагал, и отчасти смятение моих чувств при виде состояния Хако”. — “Ты получишь награду, - возразил царь, - но ты также умрешь. Если Хако был плохим человеком, он все равно оставался твоим учителем и благодетелем для тебя; и твоя судьба должна быть предупреждением твоим товарищам, чтобы они не поднимали руки на тех, кого они должны защищать”. Затем раб был обезглавлен, и пророчество о том, что он и Хако умрут с разницей в день друг от друга, буквально исполнилось.^[216]

Так погиб сын Сигурда — человек больших талантов, большой предприимчивости и до последних нескольких лет своей жизни приносивший огромную общественную пользу. До этого периода его враги не могли отказать ему в благородном происхождении, великой доблести, непревзойденном благоразумии в искусстве управления и успехах на войне. Кроме того, он был щедр к своим иждивенцам и великолепен по отношению к своим друзьям. Его главными недостатками были лицемерие, вероломство, лживость; суеверное отношение к языческой религии и ненависть к христианству. Раньше его звали Хако Добрый; отныне его стали называть Хако Злой. Он умер на пятьдесят восьмом году жизни, тридцать три из которых он осуществлял верховную власть под титулом ярла.^[217]

[996.]

Смерть Хако позволила *Олафу Трюгвесону* завладеть всем королевством так же полно, как это когда-либо удавалось светловолосому Харальду. Народ, действительно, и слышать не хотел ни о каком другом короле. Одной из его первых целей было введение христианства; и он начал с Викии, провинции, где жила его мать (жена Лодина) и все его семейные связи, и где, как он знал, он должен был встретить наименьшее сопротивление своим усилиям. Своим друзьям он выразил свое решение либо обратить в свою веру все королевство, либо погибнуть в этой попытке. Сначала убедив свои многочисленные семейные связи принять христианство и пообещав сердечное сотрудничество в осуществлении своих замыслов, он созвал ассамблею провинции и, подобно большинству королевских миссионеров, дал понять, что его приказ, а не просьба, заключается в том, чтобы все прошли обряд крещения. Вожди, которых он предварительно заручился поддержкой, немедленно выразили свое согласие, и их пример сковал толпу. Здесь, как и везде, если кто-то отказывался отречься от своей старой веры, он не снисходил до споров с ними; некоторых он ссылал, некоторых калечил, других предавал смерти. Это был надежный метод добиться внешнего послушания новой религии; и за один год вся Викия была — не обращена в христианство, но крещена. Сопровождаемый сильным отрядом, королевский миссионер затем перенес свои труды в Агдер и Хардаленд. Здесь была предложена та же альтернатива — обращение или смерть; и, естественно, было выбрано меньшее зло. Рогаланд был следующей провинцией, получившей пользу от его апостольских усилий, и они, как обычно, увенчались успехом. Похоже, однако, что местные жители были менее склонны к новшеству, чем их соотечественники из Викии; и троих ведущих вождей попросили ответить монарху в полном составе. Но кто осмелился бы сопротивляться королю, особенно когда он объявил о самой суровой мести всем, кто откажется ему повиноваться? Одного из ораторов внезапно охватил кашель; другой начал заикаться; у третьего, кстати, заболело горло; так что, поскольку на любезнейшее послание с престола не последовало никакого ответа, молчание было принято за согласие, и все присутствующие в течение нескольких дней поспешили к купели для крещения. В одной провинции собравшиеся вожди,

которые все были родственниками, пообещали принять новую религию при одном условии, что один из них получит руку Астрид, сестры монарха. Сначала принцесса, забывшая о скромном достатке, выпавшем в последнее время на долю всей ее семьи, отказалась от этого брака, считая его ниже своего достоинства; она хотела принца. Олаф украсил ее собственного ястреба великолепными перьями и прислал его ей с намеком, что ему было не менее легко облагородить самого скромного крестьянина в Норвегии. Тогда честолюбивая дама согласилась; провинция стала христианской, а Эрлинг, шурин Олафа, стал могущественным ярлом. Продвигаясь на север, королевский апостол собрал жителей Фиордов и Раумдаля. В этот раз с ним была целая армия; несомненно, потому, что он опасался большего сопротивления, чем когда-либо встречал. Но его способ аргументации был слишком убедителен, чтобы ему можно было сопротивляться: “Прими крещение или сражайся со мной!” - и была выбрана более легкая альтернатива. После этой встречи он отправился в Ладен, где находился великолепный храм богов: идолов он ограбил, поверг их на землю и сжег здание огнем.^[218]

[с 997 по 999.]

Но если этот принудительный способ обращения в свою веру во многих местах оказывал немедленное действие, то так было не во всех. Жители Раумдаля были так разгневаны разрушением храма в Ладене, что выпустили стрелу, и вооруженная толпа поднялась на зов. Но Олаф двинулся на юг, где они не могли последовать за ним, и там он провел зиму. Это сопротивление только сделало его еще более свирепым против язычников и всех их суеверий. На следующем собрании, на котором он председательствовал, он осудил магов и издал указ об изгнании против них: если они добровольно не покинут страну, все должны быть арестованы, доставлены к нему и преданы смерти. Эйвинд Келла, потомок Харальда Харфагера, возглавлял коллегия магов. Король пригласил их на прием и поджег дом, в котором они собрались. Эйвинда, однако, там не было; но впоследствии он был схвачен вместе со значительным числом других знатоков этого искусства и сброшен с высокой скалы в море. —Олаф, как и все люди его времени, верил в эти мнимые искусства; и он был уверен, что, если они не будут подавлены, религия должна пострадать. Его соплеменники были не менее суеверны, чем он сам; и они не сомневались, что ему лично придется сразиться с самим Одином. Однажды вечером, когда он устраивал праздник в бывшем поместье Аугвальд, к столу был допущен старик в высоком колпаке, как у персидского мага, и только с одним глазом. Так красноречива была его речь, так разнообразны его познания, что Олаф был в восторге от своего гостя. Много было непонятных вопросов, которые он задавал ему; столь же мудрыми и готовыми были ответы. Так прошла ночь. Наконец Олаф спросил незнакомца, кто был тот Аугвальд, которому когда-то принадлежал дом, в котором они находились, но который давно умер. У Аугвальда, ответил гость, была корова, которой он оказывал божественные почести, которая всегда сопровождала его и давала молоко. Наконец он пал в битве и был похоронен по соседству с этим домом, в одной могиле, в то время как корова была похоронена в другой. Ночь все продолжалась, а незнакомец не выказывал желания уходить: наконец король снял с себя одежды и лег на кровать, а таинственный гость сел перед ним. Но вошел епископ, чтобы сообщить королю, что пора спать; и при виде его гость удалился. Отдых монарха, однако, был коротким; он не мог уснуть и, чтобы скоротать время, послал за незнакомцем, которого нигде не было видно. На следующее утро он спросил своих поваров и дворецкого, не видели ли они его. Они ответили, что человек, соответствующий описанию, появился среди них, когда они готовили пир; утверждал, что мясо, которое они готовили, было худшего сорта и непригодно для королевского стола; и подарил им два куска говядины благородных баронов, которые он помогал им готовить.

В великом ужасе Олаф приказал выбросить то, что осталось; незнакомец, он был уверен, был не кто иной, как Один, у которого была какая-то глубокая цель; но он никогда не станет жертвой или орудием его дьявольских замыслов. Серьезность, с которой Снорро описывает подобные приключения, является лучшей иллюстрацией мнений и интеллекта того времени.^[219]

[998.]

Но Олаф видел более сильных противников, чем божества, пьющие вино. Отправившись на север, он обнаружил, что его попытки обратить людей в свою веру не всегда увенчались успехом. К штатам Дронтхейма, которые он создал во Фросте, они направились, все вооруженные, и явно намеревались предпринять какие-то важные меры. После того, как собрание было официально открыто Олафом, он повелел этому народу принять христианскую религию. Поднялся великий шум, и люди сделали то, на что они еще никогда не осмеливались, — заявили о своем превосходстве над ним, приказали ему замолчать и пригрозили, что, если он откажется повиноваться, они изгонят его из королевства. Они одолели Хако, крестника Ательстана, и не считали Олафа ни в каком отношении выше этого монарха. Тон Олафа вскоре переменился; он увидел, что грозному отряду, поднятому роковой стрелой, в данном случае противостоять невозможно; и он выразил свое желание жить в наилучших отношениях со всем своим народом. В ответ на их следующее требование, чтобы он присоединился к жертвоприношениям, он пообещал присутствовать на следующем большом торжественном празднике, а затем выбрать, какой религии он будет следовать. Этим обещанием и его необычайно спокойным поведением гнев народа был обезоружен, и было решено, что они встретятся с ним в Ладене, в провинции Мория. В промежутке он приготовился к борьбе. С большей силой, чем он когда-либо приводил на подобные собрания, он направился к Ладену. Прежде чем приступить к делу собрания, он устроил собравшимся великолепное угощение, и все крепко выпили, чтобы опьянеть, — обычный результат всех северных застолий. На следующее утро, после официального открытия Дела, он встал и обратился к ним с таким обращением: “Соотечественники! вы хорошо знаете, что произошло на последнем собрании во Фросте, и что мы собрались здесь, чтобы восстановить языческие жертвоприношения, которых вы так жаждете. Ты также знаешь, с каким пренебрежением я обращался с богами, как часто я повергал их на землю, сжигал их храмы и бросал им вызов в лицо. Теперь, согласно вашему собственному вероучению, такие поступки могут быть прощены только чрезвычайными жертвоприношениями. Если мне придется принести жертву, я, как верховный понтифик, выберу такие жертвы, которые смогу одобрить. Они станут *человеческими* жертвами, да, и самыми благородными среди вас!” С большой торжественностью и в самой выразительной манере он затем назвал имена двенадцати вождей — самых знатных в Норвегии, которые все присутствовали, — которые должны были быть немедленно принесены в жертву; и он призвал своих последователей отвести их в храм. Результат можно предвидеть: перепуганные вожди, которые были обречены таким образом, и все, кто боялся той же участи, предоставили вопрос религии королю — они больше не хотели противостоять ему: их пример убедил толпу; и высокопоставленных, и низших, молодых и старых повели к купели для крещения.^[220]

[998.]

Воодушевленный успехом этой политики, Олаф поспешил в Дронтхайм, где собрались провинциальные штаты. Однако здесь он столкнулся с таким же противодействием. Люди настаивали не только на том, чтобы он предоставил им беспрепятственно совершать

богослужение, но и на том, чтобы он без промедления присоединился к их жертвоприношениям. Соответственно, он вошел в храм в сопровождении нескольких человек из своей и их свиты. Главный идол, Тор, восседал с большим варварским величием, будучи покрытым золотом и драгоценными камнями. Олаф мгновение смотрел на идола; затем, схватив увесистый молоток, он ударил по идолу с такой силой, что тот соскользнул с пьедестала и тяжело рухнул на пол храма. Это послужило сигналом для остальных его последователей, которые с быстротой молнии сбросили оставшихся богов с их мест с насмешливыми криками. В то же время лидер оппозиции, знатный понтифик, был убит возле храма. Затем Олаф обратился к толпе и предоставил им выбор: принять крещение или сразиться с ним. Они были достаточно готовы выбрать последнюю альтернативу; но, не имея вождя, который мог бы повести их дальше, они уступили и были немедленно возрождены в священной купели. За свое хорошее поведение в будущем они были вынуждены отдать заложников. Чтобы примирить семью покойного понтифика, Олаф, который теперь был вдовцом, женился на Гудруне, дочери; но вскоре ему пришлось расстаться с ней, поскольку в первую ночь их бракосочетания она попыталась его уничтожить. Олаф все еще не был удовлетворен; районы к северу от Дронtheadейма, особенно Халогия, все еще были языческими; и он страстно желал обратить, то есть крестить, местных жителей. Когда кто-нибудь из них по случайности или из-за непогоды заходил в порты Норвегии, он торопил их отправиться к чудотворной купели; или, если они отказывались плыть, он наказывал их за упрямство. Эйвинд, уроженец Халогии, представляет собой иллюстрацию того, каким образом королевский миссионер пытался обратить людей. Когда его привели в присутствие Олафа, его уговаривали принять христианство, но он отказался. Мягкий, убедительный язык, к которому присоединился епископ (а в королевских окрестностях всегда был таковой), поначалу был принят, но безуспешно. Затем Олаф предложил ему обширные владения, которыми должны были владеть феодалы; согласия по-прежнему не было. “Тогда,” добавил разъяренный апостол, “ты умрешь!” Принесли блюдо с горящими углями и положили на живот язычника, которого смерть вскоре освободила от страданий. Чтобы отвратить ненависть, которая должна была быть вызвана этим поступком, был распространен слух, что перед смертью Эйвинд признал, что он был злым духом в человеческом обличье.^[221]

[999.]

Когда наступило благоприятное время года, Олаф с большим отрядом вооруженных людей отправился в Халогию, чтобы обратить народ в свою веру. На юге этой провинции они были не готовы к сопротивлению, и "добрая работа" шла необычайно успешно. Но два вождя на севере, — Рауде и Торер, — оба ревностно приверженные язычеству, оба богатые и могущественные, снарядили корабли, чтобы противостоять ему. Они потерпели поражение, и Рауде, который был великим волшебником, поднял ветер, с помощью которого он спасся. Не так обстояло дело с Торером, которого выгнали на берег: хотя из-за его стремительности его прозвали *Оленем*, он не смог обогнать ирландскую собаку Викию, которую Олаф отправил за ним.^[222] Обернувшись, он ранил животное; но копье Олафа вошло ему в бок. Победитель поспешил теперь за Раудом, который нашел убежище на острове Годи; но волшебник поднял такую бурю, что к острову было невозможно приблизиться. В конце недели он двинулся дальше на север; и, после успешного курса проповеди, снова вернулся на побережье напротив Годи. Стихия все еще бушевала. “Что нам делать?” - спросил король Сигурда епископа. “Бросить вызов буре, - ответил другой, - и демону, который ее вызвал!” Сказав это, Сигурд облачился в папский наряд, занял свое место у руля, протянул кадило, окуриваемое ладаном, поднял огромный крест, прочитал Евангелие со множеством молитв и окропил корабль святой водой. Эффект был чудесным: там, где

находилось судно, царил штиль; по обе стороны от него яростно вздымались волны. Во время плавания наблюдалось то же самое чудесное явление: перед ними море было гладким, как стекло; справа и слева буря не ослабевала. Добравшись до бухты, на песке стоял огромный дракон, то есть корабль. Олаф не обратил на это внимания; но, поспешив в дом Рауде, он заковал волшебника в кандалы, убил нескольких слуг и взял в плен других; и та же участь постигла военных товарищей вождя. Затем Рауде было предложено принять крещение; если бы он это сделал, он не был бы лишен своего состояния. Приглашение было не только отвергнуто, но и произнесены тяжкие проклятия в адрес короля и его веры. Этого нельзя было выносить, и королевский миссионер решил, что этот негодяй должен покинуть мир новой смертью. Рауде был скован и с кляпом во рту; ему поднесли змею ко рту и попытались загнать животное ему в горло, но оно в ужасе отпрянуло. Затем между зубами фокусника был продет рог; гадюка вошла с одного конца, прошла через рот в желудок Рауде и быстро прогрызла себе путь обратно. Велика была добыча, ожидавшая победителя, но величайшим его удовольствием было казнить тех из иждивенцев мага, кто отказался от крещения. После этих выдающихся подвигов он вернулся в Дронтхайм.^[223]

[998.]

Хотя Олаф был так же склонен принуждать к обращению отдельных людей, как и большие группы людей, он не был способен справиться с обеими задачами; и в первом случае он иногда перекладывал на других важную обязанность миссионера. История, сохраненная исландским монахом Гунлаугом, проиллюстрирует способ, которым он мстил, когда его усилия не увенчались успехом. Халфрода, королевского поэта, Олаф обвинил в том, что в душе он все еще идолопоклонник и поклоняется маленькому изображению Тора, которое носил в сумке. Обвинителем был Калф, другой дворцовый слуга. Поэт, вызванный в королевское присутствие, с негодованием отверг обвинение и в доказательство своей невиновности вывернул упомянутый мешок наизнанку. “После такого обвинения, ” сказал король, “ вы не можете оба оставаться в одном доме; пусть Калф возвращается на свою ферму”. Повернувшись к поэту, искренность которого он, вероятно, хотел проверить, он сказал: “Халфрод, ты должен быть моим посланником в нагорье. Там живет человек по имени Торлейф Мудрый, который не желает быть обращенным. Раньше я посылаю многих людей урезонить его, но они не имели на него никакого влияния. Теперь я посылаю тебя с приказом либо убить, либо ослепить его: возьми с собой столько людей, сколько пожелаешь”. — “Это поручение, - ответил поэт, - едва ли приличествует свободному человеку; и все же я пойду туда, куда ты прикажешь. В качестве моего спутника я возьму твоего дядю Йостейна с двадцатью двумя всадниками. Они поскакали прочь и, добравшись до леса неподалеку от жилища Торлейва, спешили. Халфрод, который знал, что число его сторонников будет недостаточным, если потребуется сила, сказал им: “Я пойду один в дом Торлейва; ждите меня здесь три дня; и если по истечении этого времени вы меня не увидите, возвращайтесь по домам”. Он не позволил бы даже Йостейну сопровождать его. Его первой заботой было замаскироваться так, чтобы ни один глаз не смог его узнать. Одетый в нищенскую одежду, с лицом, обесцвеченным выражением крайней убогости, он взял свой посох и, приблизившись к дому, начал двигаться медленно и устало, как будто его в равной степени поглотили возраст и нищета. Торлейф сидел на скамейке перед своим домом; поэт тащился рядом и приветствовал его. “Кто ты?” - спросил Торлейф. Халфрод поведал жалостливую историю о своих скитаниях, своих страданиях, своем невезении, своих опасностях: ему так не повезло, что его схватили слуги короля Олафа и поспешили предстать перед королем. Как обычно, перед ним стояло обращение или смерть; но он спасся и с тех пор

был забавой стихий. Однако он думал, что если бы он продолжал отдыхать и хорошо жить, то к нему вернулась бы часть его прежней энергии. “Слава говорит, что ты великодушен, и я надеюсь, что ты будешь таким же по отношению ко мне”. — “Насколько правдива твоя история, ” ответил Торлейф, “ я судить не могу; но если ты старик, то, должно быть, многое повидал и многому научился; но язык у тебя слишком гладкий для такого дряхлого человека”. Если поэт и не был стар, то он достаточно много путешествовал, чтобы ответить на вопросы Торлейфа. “ При дворе Олафа есть человек, - продолжал тот, - по имени Хафрод, о котором я много слышал. Вероятно, Торлейф начал подозревать, что перед ним поэт; он знал, что ему недолго оставаться в покое; что его отказ принять новую религию навлечет на его голову месть Олафа; ибо, добавил он, “Без сомнения, эмиссары Олафа скоро будут здесь”. В ответе на его вопрос о Халфроде у пирата был готовый ответ. Затем он, словно совершенно обессиленный, оперся о скамью, и в тот момент, когда он увидел, что Торлейф потерял бдительность, он схватил его с быстротой и силой великана; но Торлейф сопротивлялся, и они оба повалились на землю, причем поэт был сверху. В следующее мгновение один глаз Торлейва вылез из орбиты. “То, что я давно предвидел, “ сказал язычник, ” теперь произошло. Я не сомневаюсь, что король приказал тебе полностью ослепить или убить меня; однако я прошу тебя, оставь мне пользоваться другим глазом, и я преподнесу тебе богатые подарки”. “Я не могу принять твои дары, ” ответил поэт, у которого было больше приступов великодушия, чем у менее тонких умов, “ но я оставлю тебе этот глаз и возьму ответственность на себя”. Затем он встал и вернулся к своим людям в лес; и Торлейв не показывал своего несчастья, пока они не удалились достаточно далеко от окрестностей, чтобы избежать преследования. Но если Халфрод иногда бывал великодушен, то он был и мстителен. Когда они возвращались на ферму Кальфа, он сказал Йостейму: “Давай убьем этого человека!” Другой отказался, но поэт возразил: “Дело не только в том, что мы должны ослепить хорошего человека, но и оставить этого негодяя невредимым”. Сказав это, он подошел к Кальфу, который бросал семя в землю, схватил его и выколол один глаз. Придя во дворец, Олаф спросил, что он сделал. “Я ослепил Торлейва”. “Это хорошо, — возразил король. “ Покажи мне глаза!” В спешке поэт достал тот, которого лишил Кальф. “Это не глаз Торлейва, - заметил король. - Ты сделал больше, чем я приказал тебе”. Был предъявлен другой. “Этот глаз Торлейва”, - сказал король. - “Теперь расскажи мне все, что ты сделал”. Халфрод так и сделал и был помилован.^[224]

[999.]

Успех, который на протяжении всей жизни сопровождал этому выдающемуся человеку, не продлился до конца. Расставшись с Гудруной, он добивался руки Сигриды, прозванной Властной, — шведской принцессы, которая уничтожила Харальда Гренске. Она приняла его; они обменялись многими подарками; и была назначена встреча на границе двух королевств. Среди подарков было огромное золотое кольцо, которое Олаф забрал из храма Ладена. Двое ювелиров заявили ей, что металл не чистый, она велела открыть кольцо и увидела, что внутри оно сделано из меди. Возмущенная этим открытием, она заявила, что это был лишь один из многих случаев, когда король обманул ее. Тем не менее, в назначенное время она встретила его, и брак был заключен. Но Олаф настаивал, чтобы она отреклась от язычества и приняла обряд крещения; но она отказалась сделать ни то, ни другое и мудро заметила, что, поскольку она не должна вмешиваться в его богослужение, она вправе ожидать, что он не станет стеснять ее совесть. Но королевский проповедник не любил возражений; он обозвал королеву самым оскорбительным эпитетом — хуже, чем старая языческая карга, — швырнул ей в лицо свою перчатку, и оба расстались навсегда. Сигрида была не в том характере, чтобы

вынести это оскорбление, и ее дальнейшая жизнь была посвящена мести. Когда после смерти Гунхильды, дочери Борислава, герцога Померании, свена Датского, овдовела, она приняла руку этого монарха с целью ускорить свою месть. В то же время Борислав добивался руки Тайры, сестры Свейна, молодой и красивой принцессы, которая, как ни сопротивлялась, была вынуждена своим братом выйти за него замуж. Благодаря этому союзу она получила право на владения, которыми ее невестка Гунхильда владела в Померании. Но она ненавидела старого язычника и его двор. В течение первой недели своего бракосочетания она воздерживалась от пищи; на восьмой вечер в сопровождении своего приемного отца она поспешила на корабль, стоявший у побережья, села на него и была высажена в Дании. Однако, зная, что, если брат увидит ее, ее отправят обратно ко двору Борислава, она пряталась до тех пор, пока не было найдено судно, которое доставило бы ее в Норвегию. Олаф хорошо принял ее, и через несколько дней она стала его невестой. Какой казуистикой он, проповедовавший своим подданным христианскую мораль, примирил со своей совестью это двойное прелюбодеяние, — он, муж Гудруны, женился на жене Борислава, или как она, тоже исповедовавшая христианство, согласилась на этот брак, — нам нет нужды выяснять. История, которая имеет дело скорее с фактами, чем с мотивами, должна теперь рассказать, что этот презрительный отказ от одной принцессы и этот незаконный брак с другой привели к гибели Олафа.^[225]

[от 999 до 1000.]

Едва Тира стала женой Олафа, как начала жаловаться на свою бедность. У нее было только то, что ее муж был склонен ей позволить, что, хотя и соответствовало ее желаниям, не соответствовало ее достоинству королевы Норвегии. И все же в Померании у нее были обширные владения, которые, если их вернуть, обогатили бы ее и сделали бы более не обременительной для него: она была уверена, что Борислав, если Олаф попросит, спокойно уступит владения. Постепенно она убедила его снарядить флот для побережья Померании. Летом 1000 года он отправился в эту экспедицию. На границах Швеции он выдал свою сестру Ингеборг замуж за Рогневальда, принца этой страны; а затем, продолжив свое путешествие, вскоре достиг берегов Померании. Тем временем искусство Сигриды восторжествовало, и Свейн решил присоединиться к врагам Олафа. Движимый честолюбием не меньше, чем надеждой отомстить, он хотел получить какую-нибудь часть королевства, которое до времен Хальфдана Черного часто покорялось его предкам, и наказать Олафа за то, что тот осмелился жениться на его сестре без его согласия. Сигриде также не составило особого труда уговорить своего ближайшего родственника, Олафа Шведского, присоединиться к ее мужу на войне. Эрик, изгнанный сын ярла Хако, которому наследовал Олаф и который всегда находил радушный прием в Дании и Швеции, присоединился к конфедерации. Но более грозным противником все же был Сигвальд, главарь пиратов Йомсберга, чьи тесные связи с датским двором были известны.^[226] Сигвальд был более опасен из-за своего предательства. Вместо того чтобы открыто объявить войну норвежцам, он встретился с этим монархом, к которому питал величайшее уважение и которого намеревался задержать на побережье Померании до тех пор, пока не придут объединенные силы Дании и Швеции, чтобы сокрушить его. Наконец, когда он узнал, что вражеский флот находится на датских островах, он убедил Олафа вернуться, доверив ему должность лоцмана. Со своими собственными кораблями, которых было одиннадцать, в авангарде он повел норвежский флот в гущу врага, который затаился недалеко от нынешнего Штральзунда. Однако не все корабли были на месте; некоторые ушли в открытое море, так что Олаф, имея лишь часть своего вооружения, внезапно подвергся нападению превосходящих сил противника. Со своей обычной доблестью он защищался, и велика была резня, которую он

учинил во вражеских рядах. Но состязание было слишком неравным; доблестные чемпионы Норвегии пали вокруг своего господина; "Длинный змей", как назывался корабль Олафа, был взят на abordаж сыном Хако; последовала отчаянная борьба на палубе; и когда мало кто из норвежцев остался в живых, Олаф с тремя или четырьмя из них бросился в море, и больше его никто не видел. Таково, по крайней мере, мнение Снорро, которое подтверждается разумом; но два исландских биографа этого короля — Гунлауг и Оддур — настаивают на том, что он спасся вплавь, добрался до побережья Винланда в Померании, был излечен от многочисленных ран сестрой своей первой жены, отправился в паломничество в Рим и через много лет умер в Святой Земле.^[227]

Из того места, которое мы посвятили подвигам Олафа, можно легко сделать вывод о его характере. Саги добавляют, что он превосходил всех мужчин по двум телесным качествам, которые очень редко сочетаются, — силе и ловкости. Говорят, что однажды он взобрался на крутой обрыв, чтобы вызволить одного из своих придворных, который поднялся на большую высоту и не мог двигаться ни вверх, ни вниз: взяв его под руку, король благополучно спустился с ним на равнину внизу. Обеими руками он владел одинаково умело. Одним из его развлечений было подбрасывать в воздух три острых меча, ловить каждый за рукоять, когда он опускался, и без перерыва снова подбрасывать их поодиночке высоко над головой. Предполагается, что эта игра индийского происхождения; и, вероятно, Олаф - единственный король, который когда-либо играл в нее. Он любил поэзию, особенно ту, что увековечивала подвиги героев; он был щедр ко всем своим подчиненным, доступен всему миру, жизнерадостен по характеру. Его внимание к торговле было одним из самых полезных качеств; и все искусства, которые, как он видел, практиковались в других странах, он привнес в свою собственную. Он основал в устье реки Нид город, который долгое время назывался Нидросс, но впоследствии это название было заменено названием Дронхейм по названию провинции, в которой он находился. В кораблестроении, навигации и зависящих от них искусствах ему не было равных. Но к концу жизни он был варваром: он предавался обычному пьянству и проливал кровь столь произвольно, что доказывал, что никогда, за исключением тех случаев, когда собрание действительно занималось общественными делами, он не был ограничен законом. Он был деспотом в самом прямом смысле этого слова. Хотя более мягкий государь не смог бы так полностью одержать победу над язычеством — и, следовательно, он принес неисчислимую пользу своей стране, устранив непреодолимый барьер для цивилизации и морали, — этот факт ни в малейшей степени не искупает его свирепости. Во многих отношениях он имеет большое сходство с Петром Великим из России, хотя по всем хорошим и выдающимся качествам он уступал этому монарху. В его правление было предпринято много важных путешествий, и о них мы расскажем в главе о морских экспедициях норманнов.

[с 1000 по 1012.]

После смерти Олафа два союзных короля поспешили разделить Норвегию или, по крайней мере, большую ее часть, между собой. Их наместниками были два сына ярла Хако, которые так эффективно помогли им победить Олафа. Правление этих князей с уважением упоминается норвежскими и исландскими писателями. Хотя некоторые из местных ярлов были деспотичными, они не были тиранами; и, хотя по профессии они были христианами, они не преследовали, а предоставляли развитие своей вере времени и разуму. Двенадцать лет они управляли страной, когда Эрик получил вызов от своего сеньора Свейна, короля Дании, с просьбой помочь этому монарху в окончательном завоевании Англии.^[228] Оставив своего сына

Хако, которому тогда было около семнадцати лет, управлять правительством и доверив юношу зрелым советам Эйнара Лучника, он отплыл со всеми силами, которые смог собрать, к берегам Англии, чтобы никогда не возвращаться. Но теперь на сцене должен был появиться соперник, перед которым его собственная власть и власть его брата Свейна должны были раствориться в воздухе.^[229]

На бывшей странице^[230], мы рассказали о трагической судьбе Харальда Гренске, который не дожидаясь рождения своего сына, Олафа Святого. Опасаясь мести Хако ярла, тогдашнего правителя Норвегии, Аста, вдова Харальда, едва услышав о его смерти, отправилась в дом своего отца на нагорье, где родила сына. Под крышей своего отца ребенок не чувствовал потери родителя. Хотя она вышла замуж во второй раз, его образованием не пренебрегли. Сигурд Сир, второй муж, был легким, добродушным человеком, чье время было полностью занято его огромными поместьями, и который предоставил наставлять своего пасынка тому, кто лучше подходил для этой задачи, — Рейну, одному из любимых вождей покойного Харальда. Поскольку Олафу было суждено стать святым, о его младенчестве и о периоде, который ему предшествовал, записано достаточно чудес. Поскольку мы подошли к историческому периоду, мы опустим их. Не по годам развитым талантам юного Олафа воздается большая честь. Нам они кажутся свидетельством избалованного ребенка. Однажды, рассказывает Снорро, Сигурд, желая отправиться верхом в деревню, приказал ему оседлать одного из своих коней — это была черная обязанность, но ее привыкли выполнять самые благородные юноши. Он привел козла вместо лошади или мула, должным образом экипированного, и с вызывающей официозностью предложил помочь ему взобраться в седло. “Так бывает всегда!” — заметил Сигурд. “Любой мой приказ становится предметом насмешек”. В военных упражнениях того времени Олаф был искусен. Он умел натягивать лук, метать дротик или обращаться с мечом с такой же ловкостью и силой, как любой юноша провинции; а в плавании у него было мало соперников. Не был он менее внимателен и к изготовлению и ремонту доспехов — весьма необходимому занятию для воина, и особенно для короля, в то время, когда кузнецов было немного и они редко оказывались под рукой. О христианстве он узнал столько, сколько можно было ожидать, когда сами священники были невежественны в отношении его основных доктрин и когда его самые чистые обряды были смешаны с суевериями и язычеством. Его крестным отцом был не кто иной, как Олаф Трюгвесон, в честь которого он был назван.^[231]

[со 1007 по 1014.]

Когда Олафу исполнилось двенадцать лет, что было седьмым после смерти его крестного отца, он был отправлен в свою первую пиратскую экспедицию под присмотром Рейна, своего наставника. По этому случаю он принял титул *короля*, который присваивался всем морским капитанам, происходившим из королевской семьи. Побережье Дании и Швеции первыми испытали на себе его опустошительные действия; однако не объясняется, почему в мирное время — когда вдобавок Норвегия зависела от обоих королевств — это должно быть разрешено. Мы не читаем, что ни Эрик, ни его брат Свейн не пытались сбросить с себя ярмо. Но в этот период беззакония, когда пираты всех наций, от Ирландии до России, кишели на каждом побережье, было бы невозможно распознать виновника грабежей и, если бы они были известны, наказать их. Кроме того, подданные одной державы были столь же виновны, как и подданные другой; и когда оба короля были одинаково обижены и одинаково агрессивны, ни один из них не имел права жаловаться. В частности, Олаф питал сильную ненависть к Швеции. В этой стране был убит его отец, и отомстить было его первейшим долгом. На южном побережье

он провел свое первое сражение — не против шведов, а против других пиратов. Он подчинил их себе и, ободренный своим успехом, добрался до восточных берегов, высадился в окрестностях озера Мелер и возобновил свои грабежи. Чтобы наказать его за самонадеянность, шведский король пустил в ход оружие, но ему удалось спастись, и он с триумфом вернулся домой. Когда наступила весна, он возобновил свое пиратство у берегов Швеции и распространил его на Финляндию. В последней стране он испытал, как говорят его биографы, то, что многие испытали до него, — влияние магии. Снаряды из невидимых рук посыпались на его маленький отряд; со своей добычей он отступил к берегу, где, чтобы помешать его высадке, его ожидал яростный шторм; но он плыл, и его упорство восторжествовало.—С годами он, естественно, становился предприимчивее. Следующий сезон стал свидетелем его грабежей в Ютландии; следующий - во Фрисландии; следующий - в Англии. Но он пришел, как нам говорят, не для того, чтобы сражаться с саксами; датчане были объектами его враждебности; и, как союзник Этельреда, он яростно атаковал их. Однако, по-видимому, иногда он был союзником принца Канута, сына Свейна. Вероятно, он был готов передать свои услуги от одного принца другому, когда победный прилив повернется вспять, или когда он получит от одного большую награду, чем от другого. Похоже, он был одним из свирепых чудовищ, которые в 1012 году разрушили Кентербери и его доброго архиепископа Святого Эльфийца.^[232] “Он был лидером армии, - говорит Снорро, - которая поглотила этот город”. По этому подвигу мало кто мог предсказать его будущее посвящение в святые; но тогда, как и совсем недавно, было легко стать святым. В эти смутные времена его целью было собрать всю возможную добычу - будь то у язычников или христиан, его мало волновало. Во Франции, как и в Финляндии, в Кенте, как и в Ютландии, в Ирландии, как и в Померании, его меч был одинаково активен и одинаково безжалостен.^[233]

[1014.]

После смерти ярла Эрика и Свейна, короля Дании, Олаф отправился в Норвегию. Как принц, он не мог быть лишен честолубия; как главарь пиратов, он полагался на собственную доблесть, и нынешнюю конъюнктуру он справедливо считал благоприятной для своих взглядов. Эрика больше не было; Свейн, его брат, и Хако, его сын, не были потомками почитаемого Харальда Харфагера; Эрлинг, шурин Свейна, был тираном; и норвежцы были недовольны чужеземным игом. И все же в этом путешествии, в котором его сопровождали всего два судна, его мотивом, должно быть, была не победа, а желание выяснить состояние народных умов. Он высадился на острове на западном побережье, где, услышав, что Хако находится по соседству с ним только на одном судне, решился на смелое предприятие - взять этого вождя в плен. Это было легко осуществлено, и Хако предстал перед Олафом, который восхитился необычной привлекательностью его персоны. “Все, что я слышал о твоих физических качествах, - сказал Олаф, - как я понимаю, правда; но твоя семья снова обречена быть баловнем судьбы. “Мы всегда были такими, - последовал ответ. - ни мы, ни наши враги не были ее любимцами; и так странны превратности этой жизни, что, насколько я знаю, мы можем снова оказаться на подъеме”. “Если я прощу тебя, - добавил король, - поклянешься ли ты никогда не поднимать оружия против меня, никогда не возвращаться в Норвегию?” Ярл пообещал и был отпущен с теми из своих товарищей, которые пожелали сопровождать его. Канут Датский, находившийся в то время в Англии, хорошо принял его и доверил ему часть управления. Таким образом, Олаф избавился от одного соперника, но Свейн и Эрлинг все еще оставались. Его следующей целью было посетить родные края, где его родня и друзья были готовы принять его. Когда он уходил, многие люди поклялись ему в верности; но большинство ждало продолжения событий. То, как приняла его мать, может служить иллюстрацией внутренней экономики того времени. Услышав о

его приближении, она приказала своим слугам, мужчине и женщине, приготовить все, как для высокого гостя. Четыре женщины приготовили зал для увеселений со скамьями, стульями и подушками; две устлали пол тростником; две поставили большой приставной стол с кубками для питья, рогами и кувшином с двумя ручками, наполненным медовухой; две накрыли стол; две внесли посуду, которая потребуется; две разлили пиво; двух послали за тем, чего не было в доме; а остальные слуги обоего пола были заняты на заднем дворе. Сигурду, который был занят земледелием, были присланы одежды, подходящие королю, а вместе с ними конь в великолепной попоне. Четверо слуг отправились приглашать гостей на угощение, которое должно было оказать больше чести Олафу. Остальным слугам, — тем, как мы предполагаем, в чьи обязанности входило прислуживать гостям, — было приказано облачиться в свои самые яркие одежды, и “те, у кого их не было, должны были снабдить их теми, у кого они были”. Манеры того возраста и характер человека в равной степени видны в ответе Сигурда посланцам его жены, когда его попросили появиться с подобающим блеском. “Аста и раньше принимала своих друзей с большой помпой, но никогда не проявляла особого уважения к моим. Во всех случаях она проявляет столько честолюбия, как будто от ее демонстрации можно извлечь величайшую выгоду; и я полагаю, что мы должны будем оказать юноше те же почести при его отъезде, что и при его прибытии”. Затем он сослался на расходы, связанные с этим развлечением, — на обиду, которую это может нанести королям Дании и Швеции, — и в заключение выразил надежду, что все закончится лучше, чем он опасался. Но Сигурд был благоразумным человеком и не проявлял подобного духа в присутствии своей жены. Зная, что должен повиноваться, он сел, пока один слуга стаскивал с него сельскохозяйственное облачение; другой помогал ему надеть пару дорогих сапог; третий пристегивал шпоры; третий держал его мантию и плащ: добавление шлема и меча превратило честного фермера в благородного барона. Но он не должен в одиночку приближаться к сыну своей жены. Из своих крестьян, до сих пор занятых сбором урожая, он отобрал тридцать человек в качестве своего рода телохранителей и с ними с молчаливым достоинством направился к своей вилле.^[234]

[1014.]

Когда Сигурд приблизился к своему дому, он увидел знамя Олафа, двигавшееся в противоположном направлении. Принца, сопровождаемого сотней спутников, все в великолепных костюмах, он любезно приветствовал и пригласил разделить его гостеприимство. Мать встретила царственного гостя поцелуем и добровольно предложила ему и его последователям все мирское, что у нее было, — свой дом, земли и слуг. Поблагодарив обоих родителей, Олаф вместе со своими вождами был выведен в холл. Пир был приготовлен, и Сигурд, облеченный царским титулом, взошел на главное сиденье, которое находилось во главе стола и было намного выше остальных. Но Олаф навестил своих родителей не ради праздного шествия; и через день или два после своего прибытия он пригласил Сигурда, свою мать, Асту и Рейна, своего наставника, посоветоваться с ним относительно его дальнейших действий. В довольно длинной речи он рассказал о своих прошлых опасностях, о правах своей семьи, о своих собственных притязаниях как на наследство своего отца, так и на Олафа Трюгвесона; и выразил свою решимость получить империю или умереть. Сигурд, как благоразумный человек, ответил, что для такого молодого человека, у которого так мало средств, он вступил на опрометчивый путь; что бросать вызов таким людям, как короли Швеции и Дании, не является частью мудрости; что мало следует полагаться на народные аплодисменты; что нынешняя попытка выше его способностей и средств. Однако в заключение он заметил, что, если другие вожди нагорья — короли, как он их называл, — благосклонно отнесутся к его делу, он не будет

нуждаться в поддержке, которую может оказать ему его состояние; и он даже предложил сопровождать Олафа в поездке к этим вождям. Аста, чья очередь была следующей давать советы, говорила как истинный потомок светловолосого Харальда. Она посоветовала ему упорствовать в своем начинании и добавила, что предпочла бы видеть его во владении империей, если бы он недолго наслаждался ею как сын Трюгве, чем состариться бессильным королем, как Сигурд. Когда этот совет закончился, Олаф и его тесть отправились навстречу королям нагорья. “В тот период их было много, — говорит Снорро. - Это доказательство того, что уничтожение верховной власти в результате смерти Олафа Трюгвесона ввергло королевство во всю ту анархию, из которой его вывел Харальд Харфагер. Власть Эрика и Свейна, сыновей Хако, была настолько слабой или, скорее, настолько вольной, что страна снова стала добычей многочисленных независимых вождей.”^[235]

[1014.]

На собрании королей нагорья Сигурд показал, что он не против возвышения своего пасынка; напротив, он превозносил доблесть, предприимчивость и успех Олафа во многих частях Европы; и умолял их оказать ему равную помощь оружием и советом. Первый вождь, который ответил, не одобрял предложенное предприятие; его мотив был очевиден: он опасался, что, если могущественный монарх, каким обещал стать Олаф, взойдет на норвежский трон, королям провинций вскоре придет конец. Затем проголосовали за восстание. Если им нужен верховный правитель, то лучше представитель их собственной страны и их собственной крови, чем датчанин или швед. В конце концов, многие из собравшихся князей, но не большинство, предложили ему свою помощь при условии, что он будет уважать их существующие привилегии. Затем были собраны государства нагорной провинции; им были предъявлены притязания Олафа; вожди рекомендовали поддержать его, и в один голос он был признан монархом Норвегии. С тремя сотнями вооруженных сторонников он проследовал в соседние округа и повсюду находил людей, готовых признать его. Теперь он поспешил в Дронтхайм, избирательное право которого, как он хорошо знал, повлияет на всю остальную Норвегию. При его приближении была пущена стрела, и крестьяне собрались с оружием в руках; но у него было обращение, чтобы привлечь их на свою сторону. Хотя от природы он был вспыльчив и раздражителен, он достаточно владел собой, чтобы обуздывать свои дурные страсти; и каждый, кто приближался к нему, уходил от него с полным убеждением в его необычайном добродушии. Приближаясь к Нидаросу, нынешнему городу Дронтхайм, Свейн, сын Хако, подготовил судно к выходу из порта. В этот момент входили два судна Олафа, и Свейн, чтобы его не узнали, взял курс дальше на север, срубил несколько деревьев, росших у берега, расставил их по бортам своего судна таким образом, чтобы его не было видно, и смело вернулся через залив, направляясь на север. Люди Олафа увидели судно и, решив, что это груз древесины, не предприняли никаких попыток задержать его. Приземлившись во Фросте, резиденции своего правительства, которую он предпочел Дронтхейму, он посоветовался с Эриком о шагах, которые теперь следовало предпринять, — следует ли ему собирать силы и рисковать судьбой сражения, или прибегнуть к политике. Результатом было то, что он должен был, если возможно, дожидаться праздника Йоля, когда соберется так многотысяч человек, и стать судьей между ним и Олафом. Но ход событий подгонял обе стороны вперед; они собрали войска и с двухтысячным корпусом двинулись к Дронтгейму. Примерно в середине ночи Олафа разбудило известие о том, что его аванпосты обнаружили приближение сильной вражеской колонны. Поспешно поднявшись с постели, король собрал всю провизию, которую смог найти, и в сопровождении

небольшой группы приверженцев поднялся на борт судов, стоявших в реке. Едва он вышел в море, как армия Свейна вошла в город и подожгла его.^[236]

[1015.]

Для Олафа это было неожиданной катастрофой, и обычной осмотрительности можно было бы избежать. Теперь он оказался перед унижительной необходимостью удалиться на возвышенность, чтобы сообщить своим сородичам, что сын Хако изгнал его из столицы. Но его приняли лучше, чем он ожидал или заслуживал. Несколько вождей снабдили его людьми и провизией; и Сигурд Сир, его отчим, проявил в своем деле такое же рвение, как и любой из его соплеменников, и служил ему более усердно. С приближением весны он отправился в Тунсберг, где к нему ежедневно присоединялись новые силы. Со своей стороны, Свейн в течение всей зимы не менее активно набирал корабли и людей, и ему это удавалось не менее успешно. За день до Вербного воскресенья два флота находились у берегов Викии, недалеко друг от друга. Олафа сопровождала сотня судов; корабли его врагов не уступали по численности. Рано утром в воскресенье Олаф, подняв со своего корабля знамя с крестом, возглавил атаку. Битва была долгой и сомнительной: если у Свейна было больше сил, то у Олафа дисциплина была лучше. Наконец победа была за королем; многие из врагов покорились; остальные бежали. Среди последних был Свейн, который поспешил ко двору своего тестя, короля Швеции, просить подкрепления, в то время как Эрлинг остался, чтобы досаждать победителю. Из Швеции ярл так и не вернулся. Король предложил ему войска; но он предпочел мирное правление в этой стране до тех пор, пока ход событий в Норвегии не станет более благоприятным для его взглядов. После пиратской экспедиции к берегам Гардарика он заболел и умер. С этого времени Олафа можно с полным правом называть монархом Норвегии. Жители Дронтхайма, которые были очень привязаны к ярлу, теперь передали ему свою преданность. Эрлинг, действительно, продержался еще год, и некоторые из мелких вождей запоздали с выплатой дани; но когда он подчинился, остались только две иностранные державы, которые могли беспокоить короля.^[237]

[1016.]

После этих успехов Олаф приступил к работе по правовой реформе. Законами, которые ввел Хако Добрый, часто пренебрегали; некоторые из них больше не применялись, и потребности народа требовали новых. То, как он действовал в этом направлении, свидетельствует о его здравом смысле. В определенный час он встретил мудрейших из своего народа, равно как и благороднейших, — как низших, так и высших, — духовенство и мирян, — всех, чьему суждению он мог хоть сколько-нибудь доверять. Затем он приказал зачитать один из законов Хако и спросил их мнение о его справедливости не меньше, чем о его пригодности. Иногда он отвергался; но обычно по общему согласию в него вносились некоторые улучшения. В других случаях он выдвигал новые; но можно усомниться в том, были ли какие-либо из них обязательными до тех пор, пока они не получили официального одобрения. Затем внимание короля привлекли церковные вопросы. Постепенно вводились такие части канонического права, которые были применимы к условиям варварского, наполовину языческого королевства. Его главной целью было уничтожить то, что еще оставалось от язычества — религии, которая получила широкое распространение после смерти Олафа Трюгвесона. Он не потерпел бы этого; везде, где простиралась его юрисдикция, он разрушал храмы и строил грубые деревянные церкви на их руинах. Он также не был равнодушен к духовным нуждам Оркнейских островов, Исландии и других зависимых территорий своего королевства. К ним он посылал миссионеров

и внушал всем необходимость усердия, настойчивости, неутомимого трудолюбия. Его собственное поведение было в этом отношении уроком для его народа. Он вставал рано, слушал заутреню и мессу, прежде чем отправиться по общественным делам или прервать свой пост. Именно его регулярное посещение публичных богослужений в большей степени, чем какая-либо другая причина, привело к его последующей канонизации. Он действительно был первым из норвежских королей, который пунктуально соблюдал религиозные предписания. Хако Добрый был настроен столь же благожелательно; но Хако, как мы показали, был вынужден вернуться к идолопоклонству. Олаф, сын Трюгве, слишком любил выпить чашу медовухи и продолжать пить в ночной тишине, чтобы присутствовать на ранней молитве. Таким образом, нынешний Олаф был первым, кого духовенство смогло достойно канонизировать. Не то чтобы он был лишен недостатков. Он был мстителен, поспешен, неводержан, требовал самой суровой мести от тех, кто оспаривал его приказы, и не жалел человеческой крови. И все же он был приветлив, снисходителен к своим подчиненным и либеральен по отношению к тем, кого имел основания уважать.^[238]

[1016.]

Никто не ожидал, что короли Швеции и Дании не предпримут никаких усилий для возвращения своих норвежских владений. Примерно через год после восшествия на престол Олафа в Дронтхайм прибыли два посла из бывшего королевства с подходящей свитой. Однако по пути и сразу после пересечения горного барьера, разделяющего два государства, они попытались убедить сельских землевладельцев платить дань не Олафу, а шведскому королю. Большинству жителей любой страны нет дела до правящего государя; норвежские крестьяне ничуть не больше, чем любой другой народ. Они заявили о своей готовности платить иностранному королю при условии, что Олаф не потребует тех же налогов во второй раз. Такое поведение было предательством. Один из послов почувствовал, что это так, и предложил им вернуться в Швецию; но, по настоянию другого, оба отправились ко двору Олафа. Здесь тот же самый человек поступил еще более дерзко: он посоветовал королю стать вассалом своего шведского тезки, ибо никакой низший шаг не мог защитить его от мести монарха, намного более могущественного, чем он. Король сдержался настолько, что велел им удалиться и объявил их повелителю о своей готовности встретиться с ним на границах двух стран. Они покинули дворец, но вскоре вернулись, с большой наглостью требуя встречи с монархом, который в это время сидел за столом. Носильщикам было приказано отвести их от дверей. Такое поведение, которое не смог бы вынести даже частный человек, было глубоко оскорбительным для Олафа. Когда он услышал, что вместо того, чтобы удалиться в Швецию, один из них остался в провинциях собирать дань, он послал небольшой вооруженный отряд в погоню за ними; и посол со своей свитой был подвешен к общественной виселице. Чтобы уберечься от мести своего соперника, Олаф объехал теперь все свое королевство, созывая народные собрания в каждой провинции, получая всеобщее почтение, предлагая новые законы и закладывая более прочные основы новой церкви. Обнаружив, что эта держава претендует на районы, граничащие со Швецией, — что границы двух королевств ею не соблюдаются, — он убил губернатора Западного Готланда, наместника шведского короля, который долгое время беспокоил норвежских подданных на границе. Чтобы предотвратить все будущие ошибки относительно этой границы, он приказал вырыть ров и насыпать параллельную насыпь вдоль спорной линии; и, чтобы защитить колонистов, он оставался там со значительными силами в течение всейследующей зимы. Чтобы отомстить за эти оскорбления, шведский король начал

вооружаться. Он пригрозил подчинить всю Норвегию и отправить морского короля в изгнание.^[239]

[1017.]

Предложения о мире исходили от Олафа норвежского; но им долгое время было суждено не возыметь действия: гнев шведского Олафа был слишком велик, чтобы его можно было унять обычными переговорами. В 1016 году посол отправился с этой миссией; но полученные им сведения о настроениях шведского монарха были настолько неблагоприятными, что он не продвинулся дальше дома Рогневальда, одного из самых миролюбивых ярлов, или наместников провинций королевства. Но с ним был исландец по имени Хьяльт, который вызвался возглавить посольство и выдержать гнев шведа. Хайалт был поэтом, и его профессия пользовалась уважением при каждом дворе севера. В сопровождении другого поэта, тоже, как и он сам, остроумца, он поспешил в столицу Швеции. Олаф принял их хорошо, потому что он не знал цели их путешествия. Их любовь к чаше была настолько умерена благоразумием, что, хотя они были любимыми спутниками членов королевской семьи, — а в те дни таковыми были все поэты, — они никогда не забывали об уважении, которого она всегда требует. Через несколько дней его знакомство с королем стало настолько тесным, что Хьялт заговорил об этом предмете — не как о том, за который он взялся, а как о том, в котором были глубоко затронуты интересы Швеции. Категорический приказ хранить молчание давал мало надежды на успех: ему сказали, что имя Олафа Толстого (таков был эпитет норвежского монарха) при шведском дворе даже не произносили шепотом. Но Хялалт не сдавался. Зная, что матримониальный союз с королевской семьей Швеции был наивысшей целью норвежца Олафа, он заручился интересами Ингигерды, дочери шведа. Принцесса с готовностью приняла и предложенную руку Олафа, и деликатную задачу обратить внимание своего отца на тему мира. Однажды, когда Олаф был в приподнятом настроении, что, надо отдать ему справедливость, случалось часто, она упомянула о политике предоставления Норвегии ее собственным королям. Народ был упрямым, сильно привязанным к своему собственному королевскому роду, и если бы завоевание было осуществлено, оно было бы недолговечным; в то время как на противоположном побережье Финляндии были области, которые раньше принадлежали Швеции и которые можно было легко покорить. Надежда обрести мужа сделала леди красноречивой, но король немедленно заставил ее замолчать. “Итак, Ингигерда, ты хочешь, чтобы я потерял Норвегию, чтобы ты могла стать невестой этого Олафа Толстого? Этот день никогда не настанет; я завоюю Норвегию”. Не осмеливаясь возобновить эту тему, она удалилась, чтобы сообщить Хьяльту о неудачном ее вмешательстве. Им оставалось только ждать развития событий в надежде, что государства королевства, у которых не было личных обид, которые можно было бы удовлетворить, потребуют от короля заключения мира со своим соперником. Рогневальд по просьбе Ингигерды и из-за своей привязанности к Норвегии, где проживало большинство его сородичей, взялся затронуть этот вопрос на приближающемся собрании в Упсале; и у него было обращение, чтобы заинтересовать в его пользу достопочтенного Торгнира, оракула закона, самого влиятельного из шведских вождей. После официального открытия ассамблеи и завершения некоторых обычных деловых операций норвежский посол поднялся и, обратившись к королю и государствам, изложил им миссию, которую ему доверил его королевский повелитель. Но прежде чем он успел объяснить это, разгневанный монарх встал и строго приказал ему замолчать. Свободнорожденные дворяне Швеции, таким образом, не должны были потерять свою привилегию консультироваться по делам монархии. Рогневальд встал и подробно остановился на нынешнем состоянии их отношений с Норвегией. До тех пор, пока граница

оставалась спорной, Западная Готландия подвергалась бы разграблениям; до тех пор, пока два королевства были столь враждебны, для Швеции не могло быть процветания. Олаф Толстый желал мира; с этой целью он отправил послов и в доказательство своей искренности просил руки принцессы Ингигерды. В конце своей речи монарх встал и резко упрекнул Рогневальда за то, что он защищает интересы врага. “К этому, - заметил король, - его подтолкнула его жена, норвежка, из той же семьи, что и Олаф Толстый. Рогневальд, как друг, возможно, союзник врага Швеции, был предателем и должен был понести наказание, подобающее одному из них, — быть лишенным своего достоинства и имущества и изгнанным из королевства”. Затем раздраженный монарх вернулся на свое место, но только для того, чтобы услышать то, что рассердило бы его еще больше. Достопочтенный Торгнир, чья борода спускалась до колен, чья мудрость прославлялась по всему северу, и чье присутствие было настолько величественным, что внушало каждому благоговение, был следующим оратором. Собрание притихло, когда он поднялся; и таково влияние мудрости, когда она связана с добродетелью и рангом, что каждый почувствовал, что его мнение решит спор. Они встали одновременно — бессознательная дань уважения этому Нестору. Его речь, показательную для того времени и для шведской свободы, мы приводим целиком. Короли Швеции уже не те, кем они были когда-то. Мой дед помнил Эрика, сына Эмунда, в расцвете сил. Этот король каждое лето предпринимал какую-нибудь военную экспедицию, присоединяя к своей империи Финляндию, Карелию, Эстонию, Курляндию и другие регионы, — подвиги, триумфальным доказательством которых являются высокие курганы, видимые и по сей день; однако Эрик не был слишком горд, чтобы выслушивать советы; не отказывался он и выслушивать каждого, кто к нему обращался. Мой отец долгое время был компаньоном и другом Бьорна, чей характер он хорошо понимал, чье правление непрерывно процветало — ни одна часть королевства не ускользала от его благотворной заботы; однако Бьорн был снисходителен к своим друзьям, легкодоступен и всегда был склонен к хорошему совету. И я помню Эрика Победоносного, чьим спутником я был во многих экспедициях; он расширил границы королевства и благородно защищал то, что таким образом приобрел; при этом он всегда был готов последовать хорошему совету. Теперь у нас есть король, чья небрежность привела к потере некоторых притоков; однако он никому не предоставил бы свободы говорить что-либо иное, кроме того, что ему приятно слышать; и его постоянная цель - контролировать честное использование языка. Более амбициозный, чем его доблестные предшественники, он действительно стремится завоевать всю Норвегию и тем самым нарушает общественное спокойствие. Король Олаф! страна желает, чтобы ты заключила мир с Олавом Толстым и отдала ему свою дочь Ингигерду. Если ты хочешь вернуть владения, которыми когда-то владели твои предки на востоке, мы все готовы сопровождать тебя в этой экспедиции. Если, с другой стороны, в отношении Норвегии ты не желаешь следовать совету, который мы тебе дали, знай, что мы больше не потерпим твоих частых нарушений общественного спокойствия и конституционных законов; с нашими мечами мы обрушимся на тебя и предадим тебя уничтожению. Таков был обычай наших предков, которые были более великими, чем мы. Разве на собрании Мулы они не бросили пятерых королей в глубокую яму, потому что эти принцы были, как и ты для нас, оскорбительно горды своим народом? Поэтому выбирай, и немедленно выбирай, последуешь ли ты нашему совету!” Эта смелая речь — столь характерная для шведской знати в их лучшие дни, была встречена бурными аплодисментами собравшейся толпы; меч и щит зазвенели друг о друга, и каждый был готов последовать приказу почтенного защитника своих прав. Униженный монарх поднялся; его воля была волей его народа; его предшественники всегда оставляли вопросы серьезной важности на их усмотрение; и нынешнее дело должно быть полностью предоставлено им. Через минуту

суматоха утихла; вожди собрания с согласия остальных провозгласили мир с Норвегией, назначили послов, которые должны были быть отправлены, и объявили, что Ингигерда должна стать женой Олафа Толстого. Рогневальду было поручено позаботиться о помолвке, и принцесса послала много подарков в знак своей привязанности своему предполагаемому мужу.^[240]

[1013.]

Какой бы всемогущей ни была власть штатов над королем Швеции, когда они были распущены, он снова стал верховным. Он решил уклониться от исполнения своего обещания; и вместо того, чтобы отправиться со своей дочерью на границу двух королевств, чтобы передать ее в объятия Олава, он воздержался даже упоминать о путешествии и не позволил бы другим упоминать о нем в его присутствии. Больше всего он был возмущен ярлом Рогневальдом, которому приписывал свое унижение на недавнем собрании штатов, — ибо Торгнир был выше его мести. В конце концов Ингигерде не удалось подавить тревогу, и она решила, чего бы это ни стоило, узнать у своего отца, когда он намеревается отправиться в свое путешествие. Однажды, когда он возвращался со своего любимого вида спорта - соколиной охоты - и, благодаря необычному успеху, пребывал в приподнятом настроении, она вышла ему навстречу и поздравила его. “Знали ли ты когда-нибудь монарха, “ спросил он, - которому сопутствовала такая удача за столь короткое время?” “Поистине, - отвечала девушка, - сегодняшняя утренняя забава удалась; ты поймал пять птиц; но разве Олаф Норвежский не был лучшим охотником, если учесть, что и он за одно утро победил пятерых королей и присоединил их владения к своим собственным?”^[241] Отец спешил, затем, посмотрев на нее, сказал: “Послушай, Ингигерда! Какой бы ни была твоя привязанность к этому толстому королю Норвегии, он никогда не будет твоим супругом! Напрасно Олаф добирался до границы, чтобы встретить свою невесту; ни от нее, ни от ее отца он не мог получить ни малейших известий; и в великом огорчении он вернулся в Дронтхейм. Рогневальд, которого Ингигерда познакомила с настроениями шведа, изложил ее сообщение королю Норвегии, гнев которого был равен его разочарованию. Его первым побуждением было опустошить Готланды; но от этого шага его отговорили его советники, которые справедливо заметили, что такого рода месть недостойна монарха; что он должен дожидаться собрания своих государств, потребовать силы, равные этому предприятию, а затем отправиться в Швецию, чтобы получить компенсацию за свои обиды. Когда он услышал, что Олаф обещал принцессу Яриславу, герцогу Хольмгардскому, он, несомненно, немедленно выступил бы в поход, если бы его не задержало другое соображение. У Олафа была еще одна дочь, по имени Астрид, которая в то время находилась в гостях у князя Рогневальда. Стремясь сохранить гармонию между королями, с которыми он был так тесно связан, ярл однажды спросил любимого поэта и посланца Олафа, не хотел бы его господин получить руку этой принцессы вместо Ингигерды. Если бы он захотел, там была бы эта леди, и свадьбу можно было бы отпраздновать, не советуясь с ее отцом. Поэт немедленно отправился к Олафу, похвалил красоту, остроумие и достижения Астрид, которая ни в чем не уступала своей сестре, и сообщил ему, что принцесса была бы готова выйти за него замуж без согласия своего отца. Олаф принял это предложение, но его мотивом было раздражение, которое он должен был причинить шведскому королю, а не привязанность к принцессе. За ней послали поэта, и вскоре в сопровождении Рогневальда она переехала в Норвегию. Немедленно была проведена спонсорская церемония, а через несколько дней за ней последовало их бракосочетание. Этот поступок Рогневальда навлек бы на его голову гибель, если бы обстоятельства не благоприятствовали ему. Олаф, желая, чтобы его дочь Ингигерда вышла замуж за Ярослава, попытался получить ее согласие. Поскольку она потеряла всякую надежду на норвежца, ныне

своего шурина, и была оскорблена тем, как он с ней обошелся, она больше не сопротивлялась, при условии, что сможет выбрать в качестве своей спутницы и подруги любого шведского вождя, которого пожелает поселить при дворе Хольмгарда. Обещание было дано, и она выбрала Рогневальда. Олаф был возмущен, но он не мог отменить своего обещания; и он только добавил, что, если гнусный ярл не появится у него на виду и не сядет на корабль без его ведома, он не будет запрещать встречу. Так Ингигерда приплыла в Гардарик и стала женой Ярослава. До сих пор она не видела Олафа Норвежского, но им было суждено встретиться много лет спустя после этого события.^[242]

|1018.|

Поведение шведского Олафа вызвало возмущение штатов на их следующей ассамблее. Он не выдал свою дочь за норвежца; он не заключил мира с Норвегией; и, несмотря на недавнюю женитьбу Олафа на шведской принцессе, Западная Готландия ежечасно подвергалась опасности войны. На следующем сейме слушания были бурными. Могущественная власть возвела на трон *Якоба Омунда* или, вернее, *Эмунда*, сына Олафа, ребенку едва исполнилось двенадцать лет. В великом смятении шведский король предложил встретиться со своим соперником и заключить мир на двойной основе. Два короля действительно встретились, и швед, получивший урок, был не просто приветлив, но и добр. Чтобы положить конец спору между ними относительно границы, они договорились оставить это на волю случая; и норвежец вышел победителем в игре. С этого дня и до смерти Олафа между двумя королевствами не было войн. Шведский Олаф был слишком озабочен удовлетворением своих подданных, чтобы идти против их интересов или желаний. Они позволили ему сохранить скипетр, но часть его королевства была передана под управление его сына.^[243]

Со своей стороны, Олаф норвежский не меньше желал мира. Внутреннее состояние его королевства было далеко от удовлетворительного. Многие из его подданных, как бы внешне они ни придерживались христианства, все еще оставались язычниками и тайно совершали свои обряды. Во время путешествия по нагорьям летом 1018 года он обнаружил многих, кого суровость его предшественника и его собственная превратили в отступников; многих, кого заставили принять крещение, но кто после ухода своего тирана незаметно вернулся к своей древней вере. Велик был его гнев по поводу этого открытия, и он проявил его в манере, достойной того времени. Некоторых преступников — тех, вероятно, у кого было хоть какое-то состояние, чтобы пополнить его казну, — он изгнал навсегда; руки и ноги одних он изувечил; других ослепил; некоторых обезглавил; других подвесил на высоких виселицах. Короче говоря, говорит историк, “Он не пощадил ни одного, кто отказался служить Богу”. Эти чудовищные поступки нельзя было выносить. Даже те, кто сознательно принял христианство, восстали против них; и поскольку у многих были родственники и друзья, которых никакие доводы не могли заставить отказаться от своих наследственных заблуждений, дух недовольства, приглушенный крик о мести вскоре был услышан в уединенных горных ущельях. Пять королей нагорья, — ибо королевский титул был оставлен им Олафом, и, как мы можем заключить, то же самое касалось и их религии, — Рюрик из Раумарика, Гудред из Долин, Ринг из Хедмарка, вместе с королями Хадаланда и Рингарика вступили в тайный заговор против его власти и жизни. *Они* не пострадали от него; но их друзья и родственники стали его жертвами; и кто мог сказать, как долго их будут щадить? В конце концов было решено обрушиться на него при

прохождении через Хедмарк. Послав шпионов следить за его передвижениями, они поспешили к месту на дороге, через которое он должен был пройти, и назвали его окрестности местом, где к ним должны были присоединиться их собственные последователи. Какой бы безопасной ни была эта тайна, пока она была доступна только королям, когда же она была доведена до сведения низших вождей, сотрудничество которых было необходимо, она вряд ли могла оставаться нераскрытой. Кетиль, один из вождей, с которыми Олаф подружился, отправился навстречу королю и сообщил ему о грозящей ему опасности. В уединенном доме у озера Миорс, в высокогорных районах Раумарика, Олаф познакомился с задуманным деянием. Примерно с 400 людьми он немедленно отправился на виллу, где находились пять королей, и прибыл туда задолго до их последователей. Приблизившись к нему в полночь, он приказал окружить его своим маленьким отрядом, чтобы предотвратить вход или выход; и на раннем рассвете все было в его власти. Рюрик, душа заговора, был обречен на потерю обоих глаз; Гудред - на потерю языка; остальные трое были сосланы под обещание никогда не возвращаться в Норвегию. Низшие действующие лица не избежали наказания; некоторые были искалечены, другие сосланы; но большинство, действовавших только в повиновении своим начальникам, были помилованы. Владения, которыми все владели со времен Олафа Трюгвесона, были затем захвачены и присоединены к короне. Если это и было жестоким, то это был политический шаг; он сделал Олафа не просто номинальным, но и единственным королем Норвегии.^[244]

[1019.]

Из двух королей, которые таким образом остались в стране, Олаф боялся только Рюрика, которого всегда брал с собой. У Рюрика были свои слуги, царственная одежда и высокое место за столом. Он был известен своим мстительным нравом и неразговорчивостью. С его слугами обращались так жестоко, что они отказались оставаться с ним до тех пор, пока к нему не приставили Свейна, одного из его родственников и бывшего его вассала. Теперь его постоянной целью было уговорить Свейна присоединиться к нему в убийстве Олафа, и в конце концов этот человек согласился. Однажды вечером, когда король направлялся к вечерне, Свейн занял свое место у ворот, спрятав меч под плащом. Но у него не хватило смелости нанести удар, и его возбуждение было таким, что привлекло внимание намеченной жертвы. “Почему у тебя такое встревоженное лицо, Свейн? Ты замышляешь покушение на мою жизнь? Отбросив меч и позволив плащу упасть за спину, слуга преклонил колени и смог только сказать: “Богу и тебе, о король, я покоряюсь!” Он был немедленно закован в цепи, но вскоре освобожден и сослан. Единственное наказание, наложенное на Рюрика, заключалось в том, что его кресло было убрано с королевского стола и перенесено в другие покои; что его кровать была перенесена на менее почетное место, а двум слугам приказано прислуживать ему днем и ночью. После этого события он стал угрюмым и капризным: иногда он говорил с поразительной словоохотливостью и, что было более важно (поскольку его таланты были велики), с остроумием или рассудительностью, поскольку преобладал юмор; в других случаях угрюмая молчаливость в течение нескольких дней подряд делала его таким же неприятным, каким он был раньше пленительным. Находясь в таком угрюмом состоянии, он, очевидно, обдумывал способы мести или, по крайней мере, побега. Однажды ночью, когда Рюрик удалился отдыхать, слегка опьяненный, человек по имени Маленький Финн, который был его слугой в дни его процветания, вошел в комнату с большим сосудом медовухи. Этим он угостил всех слуг, которые спали в одной комнате с его хозяином, и это было настолько сильно, что немедленно погрузило их в сон, тем более что до этого они были наполовину пьяны. Вскоре Рюрик разбудил двух своих охранников под предлогом того, что хочет выйти из дома. Протирая глаза и разинув рты, они

последовали за ним, но были немедленно убиты двенадцатью мужчинами, которых Маленький финн привел на место и которые поспешили затащить короля на борт судна, стоявшего у берега. Один из членов королевской свиты, которому довелось побывать во дворе, обнаружил два истекающих кровью и теплых трупа. В большой тревоге он разбудил Торда, носителя королевского знамени, и сообщил ему о только что разыгравшейся трагедии. Оба хотели разбудить короля; но кто осмелился это сделать? Наконец было решено позвонить в колокола соседней часовни; и Олаф, решив, что настало время заутрени, внезапно поднялся и узнал об исчезновении Рюрика и убийстве двух стражников. Вскоре дом пришел в движение, и беглецов погнало. В сопровождении тридцати человек один из капитанов Олафа вскочил на корабль и вышел в море. Вскоре забрезжил рассвет, и было замечено судно, на борту которого находился Рюрик и на котором находилось такое же количество людей. Преследование продолжалось энергично, когда стрела, выпущенная из лука Маленького финна, лучшего стрелка своего времени, попала в сердце вожака. Погоня все еще продолжалась, пока спутники Рюрика, опасаясь, что их схватят, не приблизились к берегу и не скрылись в соседних лесах, предоставив его его судьбе. Слепого вождя перевезли обратно в Тунсберг и поместили под более строгую охрану, чем раньше. Но даже сейчас он лелеял мечту о мести, и фортуна, казалось, предоставляла ему возможность осуществить ее. Приближалась Пасха, и Олаф со всеми своими домочадцами присутствовал на богослужении в церкви. Его место находилось в чем-то вроде склепа в северном конце хоров. Здесь, такова была его легкомысленность, его сопровождал Рюрик, об обращении которого он особенно беспокоился и к преступлениям которого был необычайно снисходителен. По окончании службы, когда прихожане расходились, Рюрик достал спрятанный кинжал и нацелил его на короля. Удар вошел в его одежду, но не задел кожу. Вскочив со своего места, он нанес второй удар, но безрезультатно; и в следующее мгновение свирепый вождь был схвачен, скован и выведен из церкви. Олафа призывали предать мятежника смерти; но он отказался и заменил это изгнанием в унылые пустоши Исландии. Там, через несколько лет, Рюрик заплатил долг природе.—Странно, что Олаф простил убийцу, но казнил язычника! Что он считает самое ужасное из преступлений менее отвратительным, чем добросовестная, пусть и ошибочная, вера! Но таковой всегда была политика Римско-католической церкви.^[245]

[с 1020 по 1021 год.]

Нагорье было не единственной частью Норвегии, где можно было встретить идолопоклонство. Однажды зимой, находясь в Нидаросе, он узнал, что в Халогаленде, Наумдале и внутренних районах Дронтхайма игнорировались даже внешние формы христианства. Чтобы самому разобраться в столь важном вопросе, Олаф, когда наступила весна, отправился в Наумдаль, где проводил народные собрания. Вскоре он обнаружил, что преступников хватает, и решил не щадить их. Он подвергал их, говорит историк, тяжким наказаниям, щадя сильных не больше, чем простых; и он заставил всех жителей пообещать, что в будущем они будут сохранять святую веру нетленной. Проезжая по самым изолированным районам, он обнаружил то, что в противном случае ускользнуло бы от него. Вернувшись в Нидарос, он узнал, что во внутренней части провинции на святочный праздник рога и кубки, как и в прежние времена, посвящались богам; что быков по-прежнему приносили в жертву, а алтари окропляли их кровью. В сильном гневе, но стремясь убедиться в правдивости обвинения, Олаф послал за многими фермерами, чтобы допросить их на эту тему. Но они утверждали, что их праздничные собрания не имеют ничего общего с религией; что, подобно своим отцам, они баловались выпивкой, но не были настолько глупы, чтобы стать рабами язычества. Хотя он был вынужден уволить их, он не был

удовлетворен; и примерно в середине зимы он послал за ними во второй раз, изложив им информацию, которую он впоследствии получил. Обвинение снова было отклонено, и они снова были уволены, но не без заверения, что Олаф скоро сам вынесет решение. Соответственно, после пасхальных празднеств он отправился в тот район и, послав за Торольдом, одним из своих вассалов, подробно расспросил его о существовании идолопоклонства в его окрестностях. Сначала этот человек не хотел говорить; он боялся мести язычников; но, будучи уверенным в королевской защите, он сказал, что большинство людей еще не были крещены; что те, кто это сделал, несомненно, вернулись к поклонению Тору и другим божествам; что в душе почти не осталось христиан; что жертвы все еще приносились в древние времена; и что на их собраниях, которые, как они утверждали, были чисто праздничными, двенадцать человек исполняли обязанности священников. Услышав эти обвинения, за истинность которых у него не было никакой гарантии, — ничего, кроме голого слова Торольда, — Олаф созвал своих вассалов, поспешил к месту увеселения, предал вождей смерти, других заключил в тюрьму и всех разграбил. Но самой произвольной и несправедливой частью его поведения была та, которая позволяла его последователям посещать дома подозреваемых и убивать, связывать или грабить их пожеланию. То, что невиновные, если у них были какие-то средства или какие-то враги, страдали вместе с виновными, несомненно. И из тех, и из других многие сбежали до прибытия своих преследователей. Из заключенных некоторые были казнены, некоторые изувечены, другие оштрафованы, а многие изгнаны.^[246]

[1021.]

Оставив в Наумдале много священников и построив множество церквей, Олаф отправился в нагорье с целью искоренить остатки язычества. Здесь он также нашел многих, кто не был крещен, а многих, кто, если и был крещен, более чем подозревали в пристрастии к древней религии. От более значительных персон он потребовал заложников в качестве залога их верности в будущем; с остальными расправились более кратко. Но силы, которую он имел при себе, было недостаточно для наказания всех преступников, ибо целые округа пренебрегли новой религией. Поэтому он выпустил стрелу и, присоединившись к своим вассалам, издал эдикт, согласно которому те, кто отказывается принять христианство всем сердцем, должны либо сразиться с ним, либо увидеть свои земли опустошенными, а себя наказанными. Как и прежде, к нему спешило достаточно лицемеров, чтобы заявить о повиновении его приказу, в то время как более добросовестные или более нуждающиеся бежали в другие районы. Услышав об этих сделках, Годбранд из Долин, могущественный человек и язычник, пустив стрелу, довольно пространно обратился к своим воинам: “На окраину Лоара прибыл человек по имени Олаф, приказывающий нам следовать религии, отличной от той, которой мы следовали до сих пор, разбивающий все изображения наших богов и утверждающий, что его Бог больше и могущественнее их. Мне кажется чудесным, что земля не поглотила его, что наши боги оставили его в живых. В этом я совершенно уверен— если мы возьмем статую Тора из ближайшего к нам храма и понесем его навстречу врагу, он уничтожит их Бога, самого Олафа и всех его спутников. Эти слова покажут, что были части Норвегии, которые лишь номинально подчинялись монархам Дронтхейма, которые сохраняли свою бурную независимость с незапамятных времен до XI века. Это были горные районы, особенно долины, которые были едва доступны для армии, где оборона была более легкой, где огромное количество захватчиков не могло найти пропитания. Речь Годбранда была встречена слушателями одобрительными возгласами. Все кричали, что они не оставят своих богов; что если Олаф придет в их мирные долины, он не оставит их в живых. Семьсот человек были немедленно переданы под командование сына Годбранда, и с ними он

направился ко входу в Долины. Его примеру последовали другие крестьяне, так что сопротивление, ожидавшее Олафа в этих ущельях, грозило быть более грозным, чем любое из тех, с которыми он до сих пор сталкивался. Достигнув места, где они расположились лагерем, он приказал затрубить в трубу и глашатаю передать его приказ о том, что они немедленно примут христианство. Они отвергли это с презрением; но вскоре потерпели поражение и были вынуждены бежать. Некоторые были взяты в плен, среди которых был сын Годбранда. Иногда Олаф мог действовать не только гуманно, но и политически; и в этом случае он отпустил униженного вождя, приказав ему передать отцу, что победитель скоро будет в центре долин. Тронутый таким великодушием, юноша умолял своего отца не ссориться с Олафом. Как, в самом деле, он мог это сделать, когда в живых осталось всего 200 человек? Старый язычник резко упрекнул его за это малодушие и сказал, что за его грехи его сопровождал какой-то злой гений. Вопрос о мире или войне был снова предложен Тингу, или собранию народа; и они постановили, что двенадцать человек должны быть отправлены к Олаву, чтобы добиться самых благоприятных условий, какие только могут быть предоставлены, и пригласить его встретиться с ними. Две партии действительно встретились в этих безлюдных дебрях, и Олаф под проливным дождем, который продолжался весь день, принялся объяснять основные доктрины христианства. Его объяснение, однако, было не очень понятно собравшимся язычникам. “Мы ничего не знаем о Боге, которого ты проповедуешь, - сказал Годбранд, - да и как мы можем знать, если ни ты, ни кто-либо другой никогда его не видел? Но у нас есть бог, которого мы все можем видеть, когда захотим. Сегодня он не появляется из-за дождя; но если бы он пришел на это собрание, вы не смогли бы выдержать его взгляда: он напугал бы вас всех, потому что он - грозный бог”. В заключение старик сказал, что если христианский Бог сотворит осязаемое чудо, он тогда поверит в его силу. После того, как собрание было распущено и Олаф с сыном Годбранда удалились в свое временное жилище, у первого хватило любопытства спросить, как было устроено изображение, на которое ссылался Годбранд. Ему сообщили, что это была огромная статуя Тора с короной, молотком и дорогими украшениями, с полостью внутри. Каждый день этому идолу приносили четыре буханки хлеба и соответствующую порцию мяса. В ту ночь, говорит историк, король не мог уснуть, так сильно он стремился убедить народ в Божьей силе и божественности Христа. Правда в том, что он больше беспокоился о своей собственной безопасности, потому что соотечественники в большем количестве, чем раньше, прибывали на место действия. Чтобы быть в безопасности на случай нападения, он отправил одного из своих вождей за подкреплением. На следующий день Тора отвезли к месту, где собиравлось собрание. Когда он приблизился, люди встали и приветствовали его. Он был установлен посреди площади, так что язычники были по одну сторону, а христиане - по другую. Годбранд, встав, сказал: “Вот, король, наш бог; но где твой? Я полагаю, он в каком-нибудь темном углу, с опущенным взглядом. Ты не так уверен в себе, как был; нет больше той рогатой^[247] человека, который сидит рядом с тобой и называется твоим епископом. Этот наш бог, который правит всем сущим, смотрит на тебя гневными глазами; ты, очевидно, боишься; ты не смеешь поднять глаз. А потому отбрось свое тщеславное суеверие и верь в настоящего бога, в руках которого твоя судьба”. Велев одному из своих слуг приготовить огромную дубинку, Олаф встал и ответил на речь Годбранда. “Их бог был слеп и нем, который ничего не мог сделать ни для себя, ни для других; он даже не мог сдвинуться со своего места без того, чтобы его не несли”. “Наш Бог, “ добавил он, - находится на востоке”, имея в виду солнце как ярчайшую эмблему Божества. Услышав это, люди бессознательно обратили свои взоры в том направлении. Это был сигнал для вождя, который держал булаву. Один мощный удар разнес божество на куски, и из обломков, когда они падали, в огромном количестве выползали змеи, крысы и пауки. Увидев

это, большая часть народа разбежалась; но вскоре король отозвал их, пожелав дружески побеседовать с ними. Высмеяв их поверженное божество, он оставил им обычный выбор — сражаться с ним или принять христианство. Годбранд был первым, кто подал пример. Поскольку его бог не мог сам помочь или отомстить, у него явно не было никакой силы, и теперь он верил в Бога христиан. За ним последовали остальные, и за короткое время в каждой долине возникло по церкви. Оттуда Олаф отправился в Хедмарк, Рамарик и Хадаланд, где те районы, которые еще не были христианами, были быстро превращены в таковые в римско—католическом смысле этого слова, то есть люди были *крещены*. О *наставлениях* никто не думал; а если и думал, то это было оставлено на время. Но если бы Олаф был столь же просвещен, сколь и невежествен, он не смог бы, имея в своем распоряжении нескольких священников, добиться многого. Пока Англия и Германия не прислали больше священнослужителей и не были приняты некоторые меры для их образования в самой Норвегии, мало что хорошего было или могло быть достигнуто.^[248]

[с 1022 по 1023 год.]

Когда Олаф обнаружил, что старая религия в целом сохранила свое влияние среди жителей, он всегда прибегал к одной и той же политике: он собирал войска, маршировал к месту, выставлял вперед свой посох, который служил для людей сигналом собраться на публичное мероприятие, точно так же, как стрела была сигналом войны; и предлагал альтернативу: битва или обращение. Но иногда случалось, что стрела была выпущена до его прибытия и что людей собралось слишком много, чтобы он мог безопасно атаковать. Так, в сейме Вальдерса, когда было открыто разбирательство и король начал говорить об обращении, ему немедленно было предписано молчание; и это не было бы худшим результатом, если бы он не был достаточно хитер, чтобы призвать законных спорщиков представить свои дела ему для вынесения судебного решения. Через мгновение суматоха утихла; каждая сторона, которая была или считала себя обиженной, начала жаловаться, и король был занят весь день принятием своих решений. В последующие дни он опустошал их территорию огнем и мечом — прекрасное занятие для их монарха! Чтобы защитить свою собственность, мужчины собрались с оружием в руках; но по мере того, как Олаф переносил свои военные действия с места на место, собрать большое войско не удавалось, а если и удавалось, то вскоре оно само собой распадалось. Следовательно, он мог нападать на них по очереди и принуждать их к покорности. Он воспользовался своей победой так же, как и в других случаях: он крестил, вешал, калечил, изгонял, штрафовал и вернулся в свою столицу в уверенности, что оказал Небу большую услугу.^[249]

[с 1026 по 1027 год.]

Но от этих обращений - этих преследований — Олафа в конце концов отвлекло сообщение о том, что Канут Великий, король Англии и Дании, готовится заявить свои права на Норвегию. Нелегко объяснить, почему такой амбициозный монарх, как датчанин, так долго откладывал подтверждение своих притязаний: в Англии долгое время царило спокойствие, и со стороны Дании не стоило опасаться никаких волнений. Каковы бы ни были мотивы его бездействия, он никогда не забывал, что Норвегия была покорена его отцом. В 1025 году он заявил о своих притязаниях через своих послов, которые встретились с королем Олафом в Тунсберге. Норвегия, сказал он, принадлежит ему по праву завоевания, и от этого права он не должен отказываться; но, поскольку он питает отвращение к пролитию крови, он признает Олафа

королем, если тот окажет ему почтение и заплатит ему ту же дань, что платили ярлы. Ответ Олафа заключался в том, что он не будет платить дань, но будет защищать Норвегию до последней крайности. Зная, что туча вторжения должна обрушиться на него, он выбрал и добился союза Швеции. Олафа больше не было; но Омунд (или Эмунд) не был невнимателен к связи, которая связывала королевские семьи двух королевств. Чтобы договориться о средствах обороны, два короля встретились в Готланде и, не теряя времени, приготовили свои корабли к службе. Поскольку Канут задержал экспедицию, которой угрожала опасность, гораздо дольше, чем ожидалось, они не желали оставлять свое вооружение без дела и перешли к агрессивным действиям— Олаф выбрал датские острова, особенно Зеландию, в качестве места своих грабежей; Омунд предпочел более близкую провинцию Скания. Однако через короткое время они присоединились к своим флотам и продолжили свои опустошительные действия. Лето миновало, враг не появлялся, и Омунд вернулся в Швецию, оставив, однако, часть своего флота под командованием Олафа. Когда Канут услышал об этих разрушениях, он ускорил приготовления. Другая тема также побудила его вновь посетить Данию. Датчане были недовольны отсутствием своего монарха. С момента основания государства у них никогда не было настоящего вождя — часто со многими — для защиты своего побережья от королей-пиратов севера. Теперь, когда Олаф и Омунд безнаказанно нападали на них, их жалобы стали еще громче. Чтобы умиротворить их, Ульф, шурин Канута и самый могущественный из датских вельмож, прибегнул к смелому самозванству; он предъявил поддельные письма, которые, как он утверждал, пришли от Канута, в которых государствам предписывалось признать его сына Харду Канута королем Дании. Мотив, побудивший его к этому шагу, очевиден. Принцу было всего десять лет, и регентство обязательно должно было остаться за ним. Удивительно, как он рассчитывал избежать мести своего монарха: вероятно, в надежде на безнаказанность он полагался на единодушный голос Дании и на вмешательство Эммы, королевы, которая санкционировала заговор и передала ему печатку своего мужа. Увидев королевскую печать, народ немедленно провозгласил юного принца. И Ульф, и Харда Канут вскоре раскаялись в своем шаге. Два короля опустошали их побережья; только Канут мог защитить их; и его прибытия можно было ожидать в ближайшее время. Чтобы отвратить его гнев, они умоляли королеву использовать свое влияние в их интересах; и после некоторых уговоров монарх согласился, что, если Харда Канут и ярл обратятся к нему за помилованием и положат узурпированную корону к его ногам, он не будет мстить за прошлое. Соответственно, оба отправились в Англию, преклонили перед ним колени и смиренно попросили у него прощения. Королевское дитя было сердечно, Ульф неохотно помилован, — если это можно назвать помилованием, когда принимается тайное решение уничтожить объект при каждом новом удобном случае. Чтобы погасить последнюю искру этого восстания, не меньше чем для того, чтобы покарать самонадеянность двух северных королей, он отплыл на север.^[250]

[1027.]

Когда Канут прибыл на Балтику, он обнаружил, что Scania была разорена объединенными флотами Норвегии и Швеции. В морском сражении у этого побережья ему пришлось нелегко, но, в конце концов, он имел настолько большое преимущество, что вынудил противника отступить. После этого частичного успеха он не забыл Ульфа ярла. Пригласив этого вельможу на пир в Роскилду, последний попытался веселой беседой рассеять мрачность, нависшую над лицом монарха. Была представлена шахматная доска, и в последовавшей игре гнев Канута еще больше усилился. Ярл взял одного из королевских рыцарей, но король забрал его обратно и поспешным тоном приказал Ульфу не играть таким образом. Одной из худших черт характера

этого вождя был раздражительный характер, который он не всегда мог контролировать даже в присутствии своего господина. Он не только в гневе ударил кулаком по столу, но и встал, чтобы покинуть квартиру. “Трус! ты бежишь?” - вскричал оскорбленный король. “Ты бежал бы и дальше, - ответил ярл, - если бы не я. Был ли я трусом в последнем бою в устье Хельге, когда я пришел на помощь тебе, которого шведы били, как собаку?” Эти опрометчивые слова решили его судьбу. Хотя он укрылся в соборе, на следующее утро монарх приказал убить его, и это деяние было совершено на хорах. За этот поступок королевский убийца с тех пор не знал покоя; угрызения совести были его ежедневным спутником: чтобы смягчить их, он стал благотворителем церкви и предпринял паломничество в Рим.^[251]

[с 1027 по 1028 год.]

Приближалась зима, и Омунд Шведский вернулся домой со своим вооружением. Еще некоторое время Олаф оставался наблюдать за действиями датчан; но у него были некоторые основания полагать, что среди его последователей преобладает дух недовольства. Когда их вызывали на совет, их мнения разделялись в тех случаях, когда требовалось единодушие. Было очевидно, что некоторые из них были куплены золотом Канута или надеждой на его благосклонность. Многие даже норвежцы — самые храбрые представители этой нации — состояли на вооружении датчан. Поскольку после отъезда Омунда от его флота мало что зависело, Олаф отправил его в шведские порты и вернулся через Западный Готланд в Викию. В Сарфсбурге он решил провести зиму; и он попытался подарками заручиться поддержкой своей высшей знати; но он обнаружил, что его собственных сторонников было меньше, а сторонников его врага больше, чем он ожидал. В некоторых районах он не мог действовать без сильных вооруженных сил. Поскольку он не осмеливался отправиться на север, а в горах было небезопасно, он направился в Тунсберг; оттуда он разослал гонцов во все провинции, чтобы ускорить набор кораблей и людей. Те, кто находился в его ближайшем окружении, повиновались его приказу скорее из страха, чем из любви; в более отдаленных провинциях это было высмеяно. То, что сердца людей были не с ним, было очевидно; на великие приготовления Канута, которые гремели по всему королевству, либо смотрели с безразличием, либо открыто желали этого. Каким причинам следует приписать это почти всеобщее бегство? Несомненно, многим. Поклонники этого короля, то есть римские католики, утверждали, что главной причиной была привязанность норвежцев к их древнему идолопоклонству. То, что это было великое дело, оспаривать нельзя; но мы можем поколебаться, прежде чем признать его главным. Олаф Трюгвесон был не менее ревностен, чем он; однако этому монарху не грозила никакая опасность со стороны иностранного захватчика, и до самого последнего его поддерживал верный народ. Правда в том, что Олаф Святой своим капризным поведением превратил своих друзей во врагов. Если его предшественник был яростным фанатиком, его, по крайней мере, любили его ближайшие помощники и боялись его люди. По отношению к своим домочадцам святой часто был суров, не очень либерален и часто деспотичен. В доказательство этого мы можем привести признание его самых любимых людей, что, как бы ни было срочно вызвано событие, они не осмелились разбудить его, когда он спал.^[252] Человека, который таким образом внушал страх даже в своем собственном дворце, нельзя было любить. Тогда он был жесток, неосмотрительно жесток в отправлении правосудия. Действительно, лучше было ошибиться с этой стороны, чем с небрежностью; все же ему следовало бы сделать некоторую поправку на время и обстоятельства и довольствоваться денежными выплатами там, где он требовал увечий или смерти. Добавьте, что он не обладал командирскими талантами сына Трюгве; что он часто был столь же непостоянен в своих привязанностях и замыслах; что он

был деспотичен в своих требованиях; что он нарушал данные им обещания уважать привилегии местных вождей; и у нас есть ключ к всеобщему недовольству, жертвой которого ему вскоре предстояло стать.^[253]

|с 1028 по 1029 год.|

Весной 1028 года Кнуд с мощным вооружением отплыл в Норвегию. Высадившись на побережье Агдера, он приказал народу собраться в каком—нибудь провинциальном заведении - приказ, которому немедленно подчинились. Здесь он был признан королем Норвегии, и ни один голос не был поднят против его избрания. По пути в Нидарос, современный Дронхейм, где бы он ни приземлился, люди толпами стекались встретить его и отдать ему почести. Добравшись до этого города, где Олаф так долго жил и где его так ненавидели, Канут был радостно признан единственным монархом страны. Все это время Олаф оставался в Тунсберге, тщетно ожидая помощи от какой-нибудь части своих подданных. Наконец он обогнул южное побережье, скорее как шпион, чем как монарх; и он получил удовлетворение от победы над одним из своих мятежных ярлов; но это не принесло ему никакой пользы, поскольку привело в ярость сородичей павшего вождя, которые вынудили его поспешно удалиться. Продвигаясь на север, он обнаружил, что его собственные подданные (Канут вернулся в Данию в полной уверенности, что новое завоевание обеспечено) были на глубине, чтобы перехватить его. Поскольку их силы значительно превосходили его силы, он поспешно сошел на берег, решив проникнуть в Швецию по суше. Но этот проект был не лишен опасности; в любой момент соотечественники могли восстать и отдать его в руки врагов. Чтобы спастись от этого зла, он шел самыми пустынными тропами с быстротой, которой его страх придавал дополнительные крылья. Продолжая свой путь в долины и Хедмарк, у него были некоторые причины опасаться за свою жизнь. Хотя у него было много родственников внагорье, большинство людей были его врагами и были готовы схватить его. Однако пока у него была значительная охрана — около 300 человек, — и открытой силе в сельской, уединенной местности можно было оказать сопротивление. Но когда он понял, что его последователей с каждым днем становится все меньше, у него не было другого выхода, кроме как бежать в Швецию. Ярл Хако, наместник Канута во всей Норвегии, вскоре должен был преследовать его, и поэтому экспедиция была вдвойне необходима. В сопровождении своей королевы Астрид и нескольких товарищей, чью верность не могли поколебать никакие несчастья, он въехал в Верmland и таким образом избавился от опасений погони. Его поход спас его, ибо, останься он еще немного в Норвегии, он попал бы в руки ярла Хако, который преследовал его с такими силами, которым он не смог бы противостоять. Там он провел зиму. Когда наступило лето, оставив свою королеву и дочь в Швеции, он отправился в Хольмгард в Гардарике, просить помощи у короля, или, скорее, у королевы Ингигерды.^[254]

|1029.|

Король и королева Хольмгарда приняли царственного беглеца с большим гостеприимством. Видя, что Норвегия отвлечена, они попытались, предложив значительную провинцию, убедить его остаться в стране. Это было бы его самой мудрой политикой, но его сердце тосковало по стране, где он родился, и он тешил себя надеждой, что его подданные вернут его обратно. Он не отличался сильным умом; но в набожности — или, лучше сказать, во внешних служениях своей церкви — он искал утешения. Но честолубие было его преобладающим качеством. День и ночь он обдумывал способы возвращения; и с таким впечатлением в уме мы не можем удивляться,

что его сны приняли цвет его мыслей наяву. Королевская тень обратилась к нему, увещевала вернуться и обещала успех. Если бы Олаф был просвещенным человеком или много знал о той религии, которую он такрественно исповедовал, он бы понял, что видение, описывающее все ужасы гражданской войны, не могло быть ниспослано с небес. Примерно через год он покинул Гардарик и отплыл в Швецию. Здесь он узнал, что ярл Хако мертв, а Кнут еще не назначил преемника. Он счел это благоприятной возможностью для отстаивания своих прав и обратился в шведский суд за помощью. Эмунд принял его благородно, но сведения, дошедшие до него из Норвегии, не побудили его ускорить свой отъезд. Когда местные правители услышали о его прибытии в Швецию, они выпустили стрелу войны, решив воспротивиться его приезду. Шпионы, которых он посылал в страну, были единодушны в своем донесении, что народное мнение не одобряет его и что ему следует отказаться от намерения вернуться. Эти заявления, однако, были уравновешены его надеждами: через несколько месяцев после прибытия в Швецию он получил 400 человек от Эмунда с разрешением набрать еще столько, сколько пожелают присоединиться к нему, и двинулся через центр Швеции в сторону Норвегии.^[255]

|1030.|

На границах этого королевства, когда к нему присоединились его родственники и их вассалы, он обнаружил, что все его силы составляют 1200 человек. С этими силами, если бы существовала хоть какая-то приверженность его делу, он мог бы одержать победу; но когда он проходил через северные районы Дронtheadа, к нему никто не присоединился. В некоторых местах, действительно, он заставлял жителей собираться вместе и принуждал тех, кто все еще был язычником, принять крещение. Таким образом, время, которое он должен был использовать в своих интересах, он упустил из-за своего неразумного рвения и тем самым предоставил своим врагам свободное время для организации средств сопротивления. В другом отношении он был менее неосторожен. Видя отказ соотечественников присоединиться к нему, его последователи, среди которых многие были шведскими бандитами, призвали его сжечь их дома, опустошить их поля, вырубить их везде, где они могли быть найдены. У него хватило человечности отказаться одобрить это чудовищное предложение. По его словам, у него осталась одна королевская прерогатива — способность прощать. Войдя в район Стиклштадта, он увидел, что ему противостоят большие силы. Расставив своих последователей в боевом порядке, он призвал их мужественно сражаться за свою религию, своего короля, свои семьи. С другой стороны, епископ Сигурд, служивший в армии Канута, не менее настойчиво призывал своих людей изгнать этого захватчика из королевства. Характер, который прелат нарисовал этому монарху, был отнюдь не завидным. С юности он отличался грабежами и казнями; он сослал или казнил благороднейших из своих вождей; он проявил необычайное вероломство по отношению к королям нагорья, чьи привилегии, вопреки своим торжественным обещаниям, он нарушил и чьи личности впоследствии искалечил; по отношению ко всем людям, высокопоставленным или низшим, он был тираном; он потерял всех своих друзей; и теперь за ним следовали только враги Норвегии или отъявленные бандиты. Это описание не было преувеличением, и его можно признать справедливой оценкой его характера. Завязалась битва, и Олаф сражался с большим мужеством; но в конце концов он пал, и большинство его сородичей вместе с ним.^[256]

Чтобы составить моральный портрет Олафа и оценить его притязания на святость, мы должны еще добавить, что через четыре года после его женитьбы на Астрид у него была наложница, а от нее незаконнорожденный сын — Магнус Добрый. Обстоятельства, связанные с рождением

этого принца, заслуживают упоминания. Альфхильда, королевская наложница, была замечена беременной; и все знали, что это было результатом ее общения с Олафом. Однажды ночью у нее начались родовые схватки, которые были необычайно сильными; и ее жизнь, и жизнь ее младенца были под угрозой еще до того, как он появился на свет. Даже после этого события существование было настолько ненадежным, что присутствовавший священник настоял на его немедленном крещении и пожелал, чтобы поэт Сигват разбудил короля, чтобы узнать, какое имя ему будет дано. Ничто не может лучше проиллюстрировать тиранию Олафа, чем тот факт, что Сигват, каким бы любимцем он ни был долгое время, не осмелился выполнить это поручение в то время, когда мать и дитя, очевидно, были на краю могилы. “Кто посмеет разбудить его?” - ответил Сигват. “Но младенец должен быть крещен”, - возразил священник. “Я бы предпочел взять на себя ответственность дать имя ребенку, - сказал поэт, - чем будить короля”. Имя было Магнус. На следующее утро Олаф был в сильном гневе на Сигвата, которого он вызвал к себе и спросил, как он мог иметь наглость навязывать имя своему королевскому сыну. “Не лучше ли было, ” возразил поэт, - отдать ребенка Богу, а не дьяволу? Если бы он умер без крещения, то, должно быть, принадлежал дьяволу. За свою смелость я могу только лишиться головы; и, если я это сделаю, я должен уповать на милосердие Божье! “ Но почему ты называл ребенка Магнусом? “ У меня нет родственников с таким именем. “ Потому что так звали Карла Великого. “ Ты счастливый человек, - сказал король. - И в этом нет ничего странного, поскольку удача - спутница мудрости. И все же *это* странно, когда неосторожный человек превращает саму свою опрометчивость в источник выгоды ”. В дальнейшем этот Магнус стал королем Норвегии.^[257]

Поскольку никто не может быть причислен к лику святых без совершения чудес, которых церковь требует как доказательства святости, мы можем быть готовы к чудесам Олафа. То, что он исцелял неизлечимые болезни, возвращал зрение слепым, помогал воинам, которые вызвали к его помощи, утверждается самыми серьезными исландскими писателями. Тот, который мы приводим в Приложении и который, безусловно, является наиболее образным из числа^[258], может позволить читателю судить о том, из каких материалов они состоят. Святость Олафа покоится на фундаменте такой же прочности, как и его чудеса. Тем не менее, всех римских католиков в Европе с младенчества учат верить и в то, и в другое. Насколько его характер, приведенный в тексте, согласуется с тем, что Олбан Батлер извлек из этой огромной кучи мусора, Acta Sanctorum, также можно увидеть в Приложении.^[259]

ГЛАВА IV.

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НОРМАННОВ ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСТВА.

РАЗДЕЛ I.

В АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И ИРЛАНДИИ.

РАННИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НОРМАННОВ К БЕРЕГАМ РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ.—ПРИЧИНЫ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ К НИМ.—БЕДНОСТЬ ПОЧВЫ, ГОЛОД, ХРАБРОСТЬ.—ДОМАШНЕЕ ПИРАТСТВО.—ПЛЕМЕНА ПИРАТОВ.—ВТОРЖЕНИЕ САКСОВ И ДАТЧАН В АНГЛИЮ.—АВТОРИТЕТ САКСОНА ГРАММАТИКА.—РАЗБОИ В АНГЛИИ ДО ПРАВЛЕНИЯ АТЕЛЬСТАНА.—ПОБЕДА ЭТОГО МОНАРХА.—ОПУСТОШЕНИЯ НОРМАННОВ ВО ФРАНЦИИ.—ГАСТИНГС.—РОЛЛО, ВЕЛИЧАЙШИЙ

ИЗ СКАНДИНАВСКИХ ПИРАТОВ.—ЕГО ЗАВОЕВАНИЕ НОРМАНДИИ, ПЕРВЫМ ГЕРЦОГОМ КОТОРОЙ ОН БЫЛ. —НОРМАННЫ В ИРЛАНДИИ.—РАННИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ИРЛАНДЦАМИ И СЕВЕРОМ ЕВРОПЫ.—ПЕРВЫЕ ОПУСТОШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НОРМАННОВ.—ИХ ТРЕВОЖНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ На ЭТОМ ОСТРОВЕ.—ПОБЕДА, ОДЕРЖАННАЯ Над НИМИ КОРОЛЕМ БРИАНОМ.—ИХ ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГРАБЕЖИ И УПАДОК.

То, что экспедиции норманнов не ограничивались берегами Балтийского моря задолго до того периода, который обычно им приписывается, очевидно из всего хода более поздней римской истории. Во время господства империи в Галлии и Британии местные губернаторы, при всем их рвении, были не в состоянии предотвратить грабежи, которые морские обитатели Фрисландии и Ютландии совершали на более южных побережьях. Саксы и франки были одними из первых пиратов севера. В третьем веке мы находим их на побережье Галлии; в четвертом и пятом они причиняли не меньшее беспокойство побережью Британии. Еще со времен Цезаря племена на морском побережье, от устьев Рейна до Балтийского моря, начали осваивать пиратскую жизнь. Их положение было весьма благоприятным для таких занятий. Расположенные по соседству с реками, протоками и заливами, где почва непродуктивна, их потребности, должно быть, привели их в регионы, где Природа была более щедра на свои дары. В особенности это касалось людей на песчаных берегах Фрисландии и Балтийского моря; и в этих регионах они становятся пиратами точно так же, как арабы становятся грабителями, — по необходимости. Но действовали и другие причины, и, вероятно, в период еще более ранний. Среди бесконечных миграций варварских племен, населявших центральную и северную Европу, импульс, должно быть, распространился на более отдаленные берега. Когда, например, Азиатская Скифия посылала свои полчища завоевывать и колонизировать, исконные жители либо сгибали шею под новым игом, либо спасались от него, удаляясь дальше на запад. Жители Скандинавии были вынуждены искать поселения на юге, а эту цель можно было получить только с помощью кораблей. Есть основания полагать, что эти эмиграции, или морские экспедиции, пришли на наши собственные острова еще до рождения Христа; это, действительно, недвусмысленно подтверждается Бедой, который упоминает о первом прибытии пиктов на эти острова. Они пришли, сообщает он нам, из Скифии; и, обогнув южное побережье Британии, высадились на побережье Ирландии, где тогда были поселены шотландцы. Поскольку там не было места для обоих людей, вновь прибывшие, в соответствии с советом шотландцев, направились к противоположным берегам, а именно к берегам Галлоуэя и Аргайла. Это не могло быть одиночной иммиграцией на эти острова; шотландцы сами были завоевателем и новым племенем, когда прибыли пикты. Если это верно для западного побережья, то еще в большей степени это верно для восточного, особенно для последнего. Датские экспедиции до рождения нашего Спасителя часто упоминаются Саксоном; и, какой бы абсурдной ни была его хронология, мы думаем, что для его утверждения есть какое-то основание, подтвержденное утверждением Беды. Но мы не должны упускать из виду тот факт, что два автора говорят о событиях, которые сами по себе не похожи. Беда намекает на эмиграцию целых племен, Саксон - на пиратские экспедиции.^[260]

Можно было бы допустить, что в варварский период, когда сельское хозяйство было мало изучено, и в бесплодных странах, где величайшая промышленность была бесполезна, должно было быть много сезонов голода, если бы это не подтверждалось положительными свидетельствами истории. Когда они прибыли, более молодой и энергичный класс людей, естественно, направился в более южные регионы. Тот, кто однажды посетил эти регионы, не будет спешить возвращаться. Долгая зима, неопределенность ранней весны, холод и влажность

атмосферы, которые часто мешали плодам земли достичь зрелости, должны были казаться поразительным недостатком по сравнению с большей регулярностью сезонов на юге. И это было не самое худшее. Север был покрыт бесконечными лесами, или обширными болотами, или суровыми горами, где трудолюбие могло быть напрасным; на юге природа с небольшим трудом производила то, что было необходимо для поддержания жизни человека. Поскольку в первом случае войны между одним племенем и другим происходили так часто, положение людей, должно быть, было ужасным; они, должно быть, часто редели от голода. Отсюда изгнания, добровольные или обязательные, о которых мы так много читаем в древней истории севера. Одно из самых ранних зарегистрированных событий произошло при Снио, принце Ютландии. Приближался жестокий голод, и он издал указ, согласно которому в целях экономии зерна его нельзя было использовать для приготовления пива. Но этот закон оказался неэффективным; люди слишком любили баловаться этим напитком, чтобы их можно было таким образом принудить; и было созвано общенациональное собрание для разработки средств обеспечения общественной безопасности. То, что был принят закон об уничтожении стариков, очень молодых и тех, кто не мог носить оружие или возделывать землю, подтверждается несколькими авторами; но это утверждение невероятно. Есть большая правда в другом — в том, что изгнание было заменено, и был брошен жребий, чтобы определить личности. Швеция представляет нам второй пример, хотя и не такой древний, как предыдущий. Мы уже видели, что во время сильного голода Олаф Третий был принесен в жертву богам.^[261] Средство, однако, оказалось бесполезным; бедствие стало еще сильнее, и люди переселились в Норвегию. Через два столетия после этого периода треть датчан, по словам Питера Олафа, была таким образом изгнана; и они выбрали Пруссию, Карелию, Жемайтию и другие берега Балтийского моря в качестве своих будущих местожительств. Это зло было более древним, чем мы обычно предполагаем. Мы находим законы, разрешающие обнажать младенцев, если родители были не в состоянии их прокормить, еще до того, как христианство было известно франкам, баварцам, швабам или любому другому германскому племени. Там, где не было принято временного закона об экспатриации определенного числа людей, наиболее предприимчивые часто уходили на пенсию по собственному желанию. Скандинавы не были новичками в море; с детства они привыкли ловить рыбу в своих бухтах, заливах, устьях рек и других частях своего побережья. Это упражнение познакомило их с управлением небольшими судами и заставило относиться к водной стихии не менее дружелюбно, чем к суше. По мере того как они привыкали к этому делу и расширяли свои плавания, они узнавали, где те или иные виды рыб встречаются в наибольшем количестве. Вполне вероятно, что в очень ранний период таким образом были посещены все побережья Балтийского моря.^[262]

Эти обстоятельства в совокупности объясняют превосходную ловкость скандинавов и других балтийских народов в управлении судами. Если нехватка средств к существованию привела их на глубину, будь то из-за эмиграции или надежды на успешную рыбалку, другие причины сделали их пиратами. Захватить судно, хорошо нагруженное этим полезным товаром, было легче, чем поймать его; и когда при таких обычаях команда одного враждебного племени встречалась с командой другого, за этим обязательно следовало сражение. Мало-помалу были снаряжены суда только для пиратства; и объекты грабежа не ограничивались рыбой: в домах у морских побережий были и другие съестные припасы, другие товары, которые могли обогатить жилище пирата. Опасности, сопутствующие профессии, где экипажи обязательно были вооружены, вряд ли могли заглушить дух приключений. Храбрость была частью религии северянина; смерть в битве была благом, поскольку она сразу приобщила его к наслаждениям

чертога Одина, наслаждениям, намного превосходящим все, что мог предоставить этот мир. Таким образом, пиратство было неизбежным результатом положения скандинавов; и оно, должно быть, практиковалось более древне, чем допускает большинство историков. Тацит рассказывает нам, что в его время суйоны были грозны своим флотом. Мореплавание, действительно, не могло находиться в зачаточном состоянии, когда такие колонии, как колония пиктов, совершали столь длительные и опасные путешествия. Она не могла находиться в зачаточном состоянии в третьем веке, когда римские власти Галлии назначили Каранция защищать во главе мощного флота побережье, которому ежедневно угрожали варвары.^[263]

Несомненно, что внутреннее пиратство, а именно пиратство, ограниченное их собственным побережьем, отличало скандинавов задолго до их экспедиций на юг. Во-первых, им пришлось бороться с враждебными расами, которые предшествовали им на севере, — которых по прибытии им пришлось вытеснить, и которые на протяжении стольких веков хранили мстительную память об этом оскорблении. Готы и финны, должно быть, были врагами с самого начала; и оба, должно быть, были одинаково враждебны к вендам, славянскому племени Померании, сильно пристрастившемуся к пиратству. Положение, не в меньшей степени, чем раса, делало племена наследственными врагами. Фризоны и саксы были соперниками, а значит, и врагами; такими же были шведы и датчане; такими же были сканцы и норвежцы. Их флоты наблюдали за побережьями друг друга, готовые вступить в бой при первой же возможности. Таким образом, в то время как норвежцы с удовольствием совершали грабительские набеги на Квеналанд, населенный финнами, венды преследовали датчан, а юты - саксов. В пятом веке — задолго ли до этого, у нас нет отдельных примеров для выбора — венды были достаточно могущественны, чтобы вселить ужас во всю Данию. Исмар, их король, разорил Фионию, победил короля Сивара и взял в плен принца Джермерика. В шестом веке славонский флот был разбит Хальфданом, королем Скании. Саксон полон морских состязаний между двумя народами; и хотя его хронология неверна, сами факты неоспоримы. В целом, венды превосходили скандинавов в свирепости. Оба имели большие преимущества для морских приключений. Литва, Эстония и Ливония были так же хорошо обеспечены лесом, как Норвегия или Швеция; и в каждой стране было множество естественных заливов и протоков, где можно было найти убежище во время сильной бури или когда враг казался слишком грозным, чтобы ему можно было противостоять.^[264]

Но побережья римских провинций представляли наибольший стимул для пиратства. Это были саксы и франки, которым Карансий должен был противостоять главным образом. В следующем столетии они стали еще более грозными для местных правителей. “В начале четвертого века, ” пишет Тернер в своей ценной “истории англосаксов”, - саксы были не одни на берегу океана; другие государства, как к югу, так и к северу от их собственной местности, двигались в согласии с ними, чьи номинальные различия были утрачены в саксонском названии. Это добавление сил умножило саксонский флот, придало новый ужас их враждебности и увеличило их потери, увеличив численность населения. Лига расширилась. Их грабежи увеличили их население, богатство и известность; и эти результаты расширили их власть. К чему вначале могло привести соперничество, политика или алчность, успех и страх сделали более универсальными. Те, кто не поддавался бы искушению объединиться, испугались гнева тех, чей предложенный союз они отвергли; и в конце концов большинство народов к северу от Рейна приняли это название, укрепили объединение и боролись за усиление господства саксов. На юге, между Эльбой и Рейном, чауки, по-видимому, были первыми. Фризы, побуждаемые родственной страстью и удобным положением, охотно последовали за ними. Точная дата восшествия на престол других

не столь ясна; но в какой-то период своего могущества чамави и, наконец, батави, токсандри и морини были в их союзе. К северу от их территориального положения кимвры, юты, англ и другие, не столь заметные племена, дополнили грозную лигу, которая просуществовала до их похода в Британию, а затем начала распадаться. Не задерживая читателя подробностями современной хорографии, отвечающими положению этих племен, возможно, будет достаточно кратко указать, что продвижение саксонских государств постепенно расширялось от Эльбы до Везера; от Везера они достигли Эмса; и, продолжая увеличиваться, они распространились до Рейна с различной широтой, по мере того как франки, многих союзников которых они соблазнили, покидали этот регион и, оставив свои подвиги на океане, двинулись маршем на Галлию. Расширению этой новой конфедерации способствовало изменение политики и позиции франков. Поскольку этот народ стоял в первую очередь перед лицом мести рима, они испытали на себе ее последствия. Им пришлось вести много тяжелых войн, которые со временем вынудили их отказаться от морских экспедиций и консолидировать свои силы для континентальных конфликтов. Их окончательные успехи сделали эту войну самой популярной среди них. Следовательно, чем ближе мы подходим к периоду вторжения в Англию, мы обнаруживаем, что франки все меньше и меньше объединяются с саксами на океане, и даже войны между друзьями-соперниками становятся частыми. По мере того как первые продвигались вперед, к завоеваниям Бельгии и Галлии, саксы, по-видимому, были единственной нацией, под именем которой плавали пиратские суда. Саксы были врагами, которых повсюду ненавидели, хотя под этим названием сражались несколько народов. Некоторые племена на морском побережье, которые составляли союз франков, покинули его, чтобы разделить более легкую войну и более обширную добычу саксов. В конце концов этот преуспевающий народ распространился в глубь Германии с такой победой, что обширные пространства страны, охватываемые Эльбой, Салой и Рейном, оказались под его властью в дополнение к их древней территории от Эльбы до Эйдера. Старая бельгийская хроника в рифму сообщает, что Недер-Сассен, Нижняя Саксония, был ограничен реками Шейд и Маас; но это больше, чем допускают другие”.^[265]

При рассмотрении пиратских экспедиций или морских завоеваний норманнов в эпоху язычества будет достигнута большая ясность, если классифицировать их по каждой стране, которую посетили эти люди.

1. *Британия*. Юты и англ и были самыми видными союзниками саксов. К лиге присоединились и другие народы севера — предприимчивые датчане в не меньшей степени, чем славянские померанцы. Возглавляя столь многочисленные и могущественные морские силы, саксы стали ужасным бедствием для Галлии и Британии. В последней стране их набеги были более безопасными из-за частых вторжений пиктов и скоттов в северные графства, которые, как и они, были объединены в конфедерацию. Если бы саксы или пикты были предоставлены самим себе, римские правители не испытывали бы такого сильного давления со стороны пиратов, как это было с IV века до н.э. В ходе аналогичного стечения обстоятельств Нектарид, командующий саксонским берегом, был убит, а генерал острова Фуллофодес погиб в засаде. Римские императоры послали им на смену нескольких офицеров; но поскольку их усилий было недостаточно для выполнения поставленной задачи, Валентиниан назначил Феодосия, опытного и успешного руководителя, на их место. Пикты и сотрудничающие с ними племена атаковали с севера, в то время как саксы и их союзники атаковали морское побережье. Феодосий из Ричборо двинулся маршем к Лондону и, разделив свою армию на батальоны, соответствующие позициям врагов, напал на разбойников, обремененных награбленным.

Банды, уводившие закованных в кандалы жителей и их скот, он уничтожил и вернул себе добычу; из нее он распределил небольшую долю среди своих измученных солдат; остальное он вернул его владельцам и вошел в город, удивляясь его внезапному освобождению, под бурные овации. Наученный опытом и проинструктированный признаниями пленных и дезертиров, он сражался с этой смесью врагов, используя хорошо сочетающуюся хитрость и неожиданные атаки. Чтобы отозвать тех, кто в суматохе, от страха или малодушия, покинул свои ряды или свою верность, он объявил амнистию; и, чтобы завершить начатое, он энергично вел войну на севере Британии. Продуманными движениями он предотвратил спланированную атаку, и поэтому Оркнейские острова стали ареной его триумфов. Саксы, сильные своей численностью и бесстрашием, выдержали несколько морских столкновений, прежде чем уступили его гению. Наконец они перестали нарушать спокойствие Британии, и добавление заслуженной фамилии Саксоник провозгласило службу Феодосия. Он присоединил провинцию Валентия к римской Британии, восстановил покинутые гарнизоны и принудил непокорных жителей границы к разумному размещению и бдительной обороне. Саксонская конфедерация могла потерпеть поражение, но не была покорена. Его мощь была такова, что теперь они были достаточно смелы, чтобы бросить вызов римским армиям на суше, и вторглись в районы по Рейну с грозной силой. Имперский генерал не смог дать им отпор; подкрепление ободрило его. Саксы отказались от сражения и потребовали полюбовного соглашения. Оно было удовлетворено. Некоторое количество молодежи, пригодной для войны, было передано римлянам для пополнения их армий; остальные должны были беспрепятственно удалиться. Римляне не постыдились признаться в своем страхе перед захватчиками, вероломно нарушившими договор. Они атаковали отступающих саксов из засады, и после храброго сопротивления неохранные варвары были убиты или взяты в плен. К позору литературы, современный национальный историк осмелился, делая записи, принести извинения за позорную фальсификацию. Такой поступок мог бы бесчестно принести временное преимущество, но он мог бы только разозлить саксонскую нацию. Потери были вскоре восполнены естественным ростом населения, и не прошло и многих лет, как они возобновили свои грабежи и победили Максима. В конце четвертого века они воспользовались деятельностью и ресурсами Стилихона. Неравная борьба увековечена поэтом-эпиком, чей гений золотит уходящим лучом темнеющее полушарие Рима. После его смерти саксы начали новые вторжения. Они поддержали армориков в их восстании, внушили благоговейный страх готскому Эврику, начали войну с франками и, расширив район своей добычи, заставили Бельгию, Галлию, Италию и Германию трепетать от их присутствия". Следует помнить, что под словом "саксы" подразумевались многие племена — как датские, так и голштинские.^[266]

[408.]

Поселение саксов, англов и ютов — всех в географических пределах Дании — в Великобритании описано в двух исторических томах "Циклопедии".^[267] Таким образом, в 446 году Хенгест заложил основание королевства Кент, которое при восемнадцати сменявших друг друга королях просуществовало до конца восьмого века. В 477 году Элла, другой саксонский вождь, призвал к существованию меньший по размеру, Сассексский. В этом государстве имена только двух первых принцев дошли до потомков. В 519 году Сердик основал более могущественное королевство Уэссекс, и его князьям было суждено объединить другие государства в единую монархию в течение трех столетий после ее основания. Ида основала королевство Берниция в 547 году; Элла - королевство Дейра в 560 году. Эти государства, объединившись в 644 году, образовали важное королевство Нортумберленд, которое просуществовало с некоторыми

перерывами, пока наконец не было присоединено Ательстаном к саксонской монархии. Мерсия, основанная в 586 году Кридой; Восточная Англия - Уффой; и Эссекс - Эсвином; все они в конечном счете были поглощены растущей сферой Уэссекса. Все эти королевские вожди хвастались своим происхождением от Одина; все были скандинавского происхождения; все говорили на одном языке и занимались одним и тем же пиратским ремеслом. То, что орды неизвестных авантюристов — простых морских королей — смогли таким образом подчинить себе великую страну, вызывало удивление у многих авторов. Но мы должны помнить, что в рассматриваемый период Англия не была монархией, что, подобно северу, она подчинялась многим королям и что завоевание заняло полтора столетия.^[268]

Саксон утверждает, что в этот период датчане, если не норвежцы, были приведены в сношения с королями Шотландии. Фроде III, согласно этому историку, выдал свою дочь Ульвильду замуж за Тубара, короля шотландии. Фроде правил в четвертом веке, а не в начале первого, как уверяет нас Саксон. Невозможно доказать, действительно ли Гамлет Ютландский и другие датские принцы находились в Шотландии; но в этом отношении нет ничего невероятного. Эта страна, подобно Англии и северу, была разделена между многими вождями, которые приняли королевский титул; и то, что их владения избежали опустошений, которые так поразили южную часть острова, не подлежит сомнению. Вне всякого сомнения, пиратские банды посещали Шотландию, по крайней мере, так же рано, как и Англию. Мы также не должны забывать, что саксонское королевство Берниция охватывало, помимо севера Англии от Тиса до Твида, весь восток и центр Шотландии от реки Латтер до Фрит-оф-Форт. В какой период жители севера от этого залива впервые подверглись нападению датчан и норвежцев, было бы тщетным исследованием; мы можем только сделать вывод, что это было намного раньше, чем обычно предполагается.^[269]

Поскольку жители датских островов и Норвегии не имели доли в добыче Англии, они не были обязаны уважать побережье после того, как их сородичи основали королевства полиархии. Их опустошительные действия действительно были испытаны английскими вождями еще до того, как Нортумбрия стала королевством. Оффа из Мерсии, в чьи владения они вторглись, проявил доблесть, чтобы победить, и великодушие, чтобы простить своих врагов. Однако утверждалось, что мы не находим удовлетворительного описания пребывания датчан здесь в таком количестве, которое привлекло бы внимание истории, до восьмого века. В этом случае авторитет Сахо отвергается как недостойный доверия. “Некоторые документы для своей истории Саксон, возможно, почерпнул из поэм древних скальдов, из надписей на камнях и утесах, из изучения (хотя и сколь несовершенного!) исландских авторов и из рассказов своего друга. Мы можем даже допустить, что такие люди, как он перечисляет, такие действия, которые он так красноречиво описывает, и такие стихи, которые он так рассеянно переводит, когда-то появлялись; но хронология и последовательность, в которой он их выстраивает, несомненно, ложны. Хвалены источники истории древних скандинавов, их мемориальные камни и погребальные руны, кольца с надписями на их щитах, тканые фигуры на их гобеленах, их легендарные стены, их сиденья и кровати с надписями, их повествовательное дерево, их восстановленные стихи и унаследованные традиции, возможно, дали истории имена многих воинов и передали потомкам славу многих битв: но мемориалы не сопровождались датами; даже география событий очень редко отмечалась. Следовательно, какими бы многочисленными ни были сохранившиеся записки, их компоновка и присвоение были оставлены на милость литературной фантазии или национального самомнения. Саксон, к сожалению, подражал славе Ливия, вместо того чтобы стать Павсанием Скандинавским; и вместо того, чтобы терпеливо

собирать и записывать свои материалы в том скромном стиле или форме, в которых он их нашел, что было бы бесценным подарком для нас, он придал им форму самой запутанной, необоснованной и баснословной хронологии. Все его первые восемь книг, вся его история, предшествовавшая Рагнару Лодброгу, так же мало может претендовать на внимание историка, как британская история Джеффри или шведская история Иоганна Магнуса. Действительно, излишне, если мы вспомним римскую историю, возражать против работы, которая претендует на то, чтобы дать Дании существование на троне, регулярное правительство и ткань упорядоченной и великолепной истории для двадцати четырех королевских наследований до рождения Христа. Саксон, на истории которого ранее было построено множество других, ссылается на исландских авторов; но это только усиливает наше принижение его повествований, поскольку они находятся в непримиримом противоречии со всей его историей до девятого века”.^[270] Тем не менее, мы далеки от того, чтобы согласиться в самом строгом смысле с этим неблагоприятным персонажем. Хронологию Саксона мы осуждаем так же, как и любого другого писателя; но мы не думаем, что его факты, какими бы искаженными они ни были традицией, по большей части не основаны на истине. Мы охотно признаем, что авторитет Снорро выше авторитета Саксона, — выше, мы имеем в виду, в том, что касается хронологии; ибо то, что последний должен был быть лучше знаком с действиями самих датчан, мало кто будет настолько опрометчив, чтобы отрицать. Однако даже Снорро уверяет нас, что Ивар Видфадме, принц седьмого века, завоевал пятую часть Англии.^[271] Под этим выражением обычно понимают Нортумбрию; и нет ничего невероятного во мнении, что королевство Берниция — та часть Нортумбрии к северу от Твида — было захвачено этим принцем.^[272]

[с 793 по 868.]

Предполагаемые грабежи Рагнара Лодброга в Нортумбрии, на которые мы слегка ссылались в первой главе этого тома^[273] в них так много романтического, что мы не можем полагаться на них. Есть только одно обстоятельство, которое может придать им хотя бы видимость вероятности. Примерно в период смерти Рагнара грозный отряд датчан высадился на острове Линдисфарн, разграбил церковь, в которой находилась усыпальница святого Кутберта, перебил священнослужителей, осквернил алтари и поглотил здание огнем. Мирским жителям острова повезло не больше: мужчины были убиты, женщин насиловали, детей насаживали на наконечники датских копий. В следующем году (794) та же участь постигла монастыри Уирмут и Джарроу. В течение полных семидесяти лет, — то есть до того периода, когда слабый брат Альфреда допустил захват центра Англии, и когда сам Альфред своим бегством оставил все королевство на их милость, — их набеги на восточном побережье, от Фрит-оф-Форт до Хамбера, были, какими бы бессистемными, какими бы прерывистыми они ни были, самыми тревожными и самыми разрушительными. Саксонские короли Нортумбрии, как нам говорят, были слишком заняты частными распрями, чтобы иметь время или средства для защиты страны от захватчиков, — если, конечно, в то время действительно существовали какие-либо саксонские короли, — если датчане не были фактическими правителями провинции. Несомненно, что все историки Дании (которые подтверждаются исландскими хрониками) говорят о такой династии и уверяют нас, что сыновья Рагнара Лодброга были ее королями. Мы не видим причин оспаривать это утверждение. Однако в хронологии наблюдается печальная путаница. Если Рагнар умер в 794 году, а его сыновья отомстили за него немногим более чем через год, они не могли быть во главе того войска, которое в 866 году появилось у побережья. Вероятно, они и их преемники правили с конца восьмого по десятый век, и конфедеративное вооружение 866 года было более масштабным, и его возглавляли другие лидеры. Что подтверждает этот вывод, так это тот факт,

что в это время Харальд Харфагер подчинял себе мелких королей Норвегии; и что многие из них, предпочтя свободу деспотизму господина, покинули страну со своими самыми храбрыми воинами. В этот период все церкви и монастыри провинции были разрушены. В 828 году датское могущество в Нортумберленде, должно быть, было велико, иначе они не были бы достаточно могущественны, чтобы победить Эгберта, завоевателя стольких саксонских королевств и основателя английской монархии. После 866 года, когда, как мы полагаем, в Англии было много норвежцев, были совершены новые зверства, — зверства, которые отбросили все прежние в тень. Монастырь Тайнмута, который был восстановлен, вскоре был объят пламенем; та же участь постигла монастырь Линдисфарна; однако монахам посчастливилось спастись с мощами святого Кутберта. Из дымящихся руин Линдисфарна Хафдан, один из вождей, поспешил в монастырь Колдингем. “Согласно Мэтью Вестминстерскому и последующим авторам, монахини Колдингема благородно искупили репутацию своего заведения от пятна, которое покрывало его во времена святого Катберта. Теперь монастырем, как и в предыдущем случае, управляла настоятельница по имени Эбба, которая, если верить историку, заслуживает почестей канонизации несколько больше, чем ее предшественница. Услышав, что у варваров есть обычай сначала насиловать, а затем уничтожать девственниц, посвященных Богу, она собрала сестер в здании капитула и призвала их сохранить свое целомудрие в ущерб своей красоте. Ножом она ужасно изуродовала свое лицо, и ее примеру тут же последовали все монахини. Датчане вскоре ворвались в их ворота, но с ужасом вырвались из их объятий и быстро истребили их обоих и их монастырь. Хотя вестминстерский монах жил так долго после того времени, он мог следовать какому-то лучшему руководству, чем традиция, - какому-то свидетельству, ныне утраченному; да и сам факт не является ни невероятным, ни беспрецедентным. О таком же благородном поведении рассказывают монахини Эсики во время мусульманского вторжения в Испанию. В течение семи лет подобные грабежи происходили на большей части территории Нортумбрии. Везде, куда проникали датчане, убивали священнослужителей, церкви и монастыри сровняли с землей; фактически вся страна стала датской провинцией, управляемой принцами королевского дома этого королевства. Как ни велико было зло, произведенное этими безжалостными язычниками; хотя монахи, как орден, были почти полностью уничтожены, а цивилизация разрушена, все же само вторжение привело к обращению захватчиков. Решив остаться в завоеванной ими стране и обрабатывать земли, которые они разделили между собой, они были вынуждены вступить в дружеские отношения с жителями, по примеру или по убеждению которых они вскоре приняли веру Христову. То, что датские принцы вскоре стали не менее набожными, чем их саксонские братья, явствует из великолепного пожертвования всей страны между Уэром и Тайном, сделанного Гутредом собору Святого Катберта, ныне перенесенному на Честер-ле-стрит”. Из зла рождается добро, что является доказательством особого Божьего промысла.^[274]

[с 868 по 876.]

Но зверства северян в этот период наиболее наглядно описаны аббатом Ингульфом. После разрушения Бардни пираты поспешили в монастырь Кройланд. “Была полночь: аббат Феодор и его монахи поднялись к заутрене, когда враг приблизился: младшим братьям аббат немедленно приказал искать убежище со своими бумагами, реликвиями и драгоценностями; в то время как он сам, в сопровождении более пожилых монахов и нескольких детей, ожидал, какая участь может быть им уготована. Возможно, он надеялся, что седые локоны одних и младенчество других пробудят жалость даже у язычников. Но они забыли, говорит Ингульф, старый стих:

“Nulla fides pictasque viris qui castra sequuntur.”

Но он был готов к любому событию — выжить или пасть вместе со своим истеблишментом. С любовью простившись примерно с тридцатью младшими монахами, он и его преданные спутники вернулись в церковь, отслужили заутреню и отслужили мессу. Они только что переговарили, когда прибыли язычники, взломали ворота и ворвались в монастыри. Тишина, которую они застали, могла бы натолкнуть их на мысль, что монастырь полностью покинут, если бы до их ушей не донеслось отдаленное пение монахов. Они поспешили в церковь и ворвались на хоры; один из вождей мгновенно схватил настоятеля левой рукой за волосы, в то время как правой отделил голову от тела. Исполнявшее обязанности духовенства постигла та же участь почти в тот же момент: дети и престарелые монахи были подвергнуты пыткам с целью выведать, куда были перевезены сокровища; но поскольку первые не смогли, а вторые не захотели раскрыть тайну, их страдания вскоре прекратились смертью. Из всех этих беспомощных заключенных был спасен только один — десятилетний мальчик, чья невинность произвела впечатление на одного из вождей. Он убежал в трапезную с помощником приора, которого, как он видел, убили и чью участь он умолял разделить; но вождь сорвал с его головы капюшон, набросил на него датский плащ и приказал следовать за ним. Три последующих дня прошли в разграблении, в тщательном обследовании каждого угла или расщелины, где могли быть зарыты сокровища. Святилище святого Гутлейка было разрушено; мраморные памятники вокруг него, содержащие бранные останки святых и благодетелей дома, были вскрыты в поисках колец, чаш и других драгоценных предметов, которые саксы похоронили вместе с телами великих; кости были брошены на землю, а скульптура обезображена. На четвертый день обширная свая была объята пламенем. В следующий раз посетили Медешемстид, или Питерборо, также аббатство королевского основания. Его великолепная библиотека, многочисленные сокровища, которые не было времени вывезти, великолепная архитектура сделали его одним из самых гордых монастырских заведений на острове. За его воротами многие соседние жители разместили свои самые ценные пожитки, и многие бежали туда в поисках защиты. Некоторое время здание благородно стояло; но камень, брошенный неизвестной рукой, смертельно ранил брата датского короля Уббо, варвар и его сторонники предприняли более отчаянную атаку, взломали ворота и начали резню. Уббо собственноручно принес седого настоятеля и восемьдесят три монаха в жертву тени своего брата, в то время как чужеземцы пали от рук его последователей. Добыча была огромной, но ее ценность была ничтожной по сравнению с сокровищами рукописи, которые были уничтожены вместе с монастырем. Пожар продолжался две недели. Пока все бушевало, монахи, бежавшие из Кройланда, вернулись в свою прежнюю обитель, сели среди дымящихся руин и заплакали. Они были настолько поражены этим печальным зрелищем, что прошло некоторое время, прежде чем они приступили к погребению обгоревших тел своих братьев. Исполнив эту печальную обязанность и избрав другого настоятеля, им было предложено исполнить последние обязанности перед монахами Медешемстеда. С опечаленными сердцами они опустили кости настоятеля и восьмидесяти трех монахов в ту же могилу, над которой Годрик, их настоятель, воздвиг памятник, на котором выгравирована история этой печальной трагедии. Из Медешемстеда пираты, ликуя от своего успеха, поспешили на остров Эли, чтобы подвергнуть той же участи процветающий монастырь, основанный благочестивой святой Эдильтрид. В его монастырях жили самые благородные дамы Англии. Некоторые бежали; но большинство предпочли смерть, которая, как они знали, их ожидала. Это место было занято, монахини были

изнасилованы и убиты, а священная гряда превратилась в пепел. То, что такие зверства могли быть совершены, было бы невероятным, если бы они не были слишком хорошо засвидетельствованы, чтобы допускать скептицизм.^[275]

|с 870 по 924.|

Борьба Альфреда со свирепыми северянами подробно описана не в одном томе, связанном с современностью.^[276] В этот период в Нортумбрии существовала датская монархия, которая, как мы уже отмечали, вероятно, была основана сыновьями Рагнара Лодброга. Эта монархия просуществовала в царствование Эдмунда, сына Альфреда; и она была в полной силе после восшествия на престол Ательстана. Действительно, Сигтрюг, король этой провинции, был так могуществен, что Ательстан, чтобы заручиться его дружбой, отдал ему руку своей сестры. Условием этого брака было то, что Сигтрюг должен принять христианство и стать вассалом Ательстана. Однако через пять лет неугомонный варвар расстался со своей женой и снова впал в идолопоклонство. Чтобы наказать за оскорбление, Ательстан вторгся в Нортумбрию; но Сигтрюг умер до его прибытия; и два сына Сигтрюга, Анлаф и Годфри, бежали — первый в Ирландию, второй в Шотландию; и Ательстан присоединил Нортумбрию к своей английской короне.^[277]

|с 924 по 934.|

То, что Ательстан так быстро возвысил могущество саксонского королевства, что не только разгромил датчан и норманнов, но и подчинил себе провинцию, которая всегда была к нему враждебна, показывает, чего можно добиться энергией единого разума. Не удовлетворившись изгнанием врага из Нортумбрии, он преследовал его в Шотландии, далеко к северу от границы, которая до сих пор сдерживала продвижение английской победы: его флоты проникли в Кейтнесс, по ходу опустошая побережье. И считается, что в этот период он разместил множество английских колонистов в южных провинциях Шотландии и таким образом заложил основу нынешнего населения низменностей. Но Нортумбрия была завоевана слишком недавно и слишком отличалась от остальной монархии, чтобы оставаться в безопасности. Вожди Дании и Норвегии, которые так долго рассматривали Англию как своего рода наследство, вооружились в большем количестве, чем прежде, чтобы сдержать растущее могущество Ательстана. К ним присоединились все известные морские короли того времени; многие ярлы или короли, имевшие поселения в Ирландии и Шотландии; король шотландцев и несколько валлийских вождей. Нам говорят, что никогда столь грозное вооружение не угрожало Англии, как то, которое в 934 году вошло в Хамбер. Она состояла из 615 кораблей во главе с Анлафом, которого Константин Шотландский побудил совершить эту попытку. Анлаф, который после смерти своего отца получил для себя княжество в Ирландии, имел репутацию человека с умением и доблестью, равных которому не было ни у кого из его соотечественников. Из двух танов, которых Ательстан поставил над Нортумбрией, один потерпел поражение и был убит; другой после битвы бежал, чтобы сообщить английскому монарху о поражении. Он мужественно подготовился к сражению и, чтобы выиграть время, пока не будут собраны его силы, вступил в переговоры. Когда его армия была укомплектована, он поспешил на север и оказался перед пиратами прежде, чем они узнали, что он покинул саксонские провинции. Если верить саксонским или норвежским писателям, то Анлаф, переодевшись арфистом, проник в палатку Ательстана и развлек этого монарха своим искусством. Его целью, как нам сказали, было установить положение палатки перед ночной атакой, которое было определено вождями

конфедерации. Но этот инцидент, равно как и признание Анлафа одним из саксонских форпостов, слишком романтичен, чтобы ему можно было легко поверить. Что представляется достоверным, так это то, что Ательстан перенес свою палатку в другую часть поля; и что епископ Шербурнский, разбивший лагерь в том месте, которое он покинул, был убит до утренней зари. Ночью произошла перестрелка, которая привела к большому кровопролитию и не принесла пользы ни одной из сторон. Когда наступил день, состоялась знаменитая битва при Брунанбурге. Этот город ускользнул от исследований антикваров, и все, что можно предположить, это то, что он находился в каком-то месте к северу от Хамбера. То, что борьба была отчаянной, можно было заключить как из характера сражающихся, так и из масштаба вовлеченных в нее интересов. Победа была объявлена за Ательстаном; Константин Шотландский был почти взят в плен, а его сын убит; камбрийцы, бритты и ирландцы были уничтожены или обращены в бегство, а храбрейшие воины севера остались на поле боя. Это великолепное преимущество подняло Англию в глазах всей Европы и внушило норманнам спасительный ужас.^[278]

[934.]

Общение между Ательстейном и Эриком Кровавым Топором мы уже упоминали ранее.^[279] Мы также рассказали, каким образом Свейн Датский^[280] победил Этельреда II и в конечном итоге стал королем Англии. История этого монарха сводит историю скандинавских экспедиций к 1014 году.

[с 400 по 840.]

2. *Франция.* Опустошения саксов и ютов на побережье Галлии начались так же рано, как и на побережье Британии. Мы читаем о них в третьем и каждом последующем столетии, пока Франция не стала слишком сильной, чтобы на нее можно было нападать безнаказанно, — пока пиратство не было искоренено на севере Европы. В пятом веке пираты осадили Орлеан и основали множество поселений на западном побережье. Говорят, что примерно в середине шестого века Гамлет Ютландский лично сражался с франками и потерпел поражение. Период, однако, существования Гамлета, носит чисто гипотетический характер; и его появление на побережье в равной степени таково. Но то, что норманны были там, подтверждается современником Григорием Турским, который с большим интересом описывает их опустошительные действия. При Карловингах пиратское вооружение было более мощным, чем в любое предыдущее время. В 795 году датчане разорили Фрисландию; с 800 года побережья Фландрии и Франции были наводнены; и гений и огромные ресурсы Карла Великого не могли наказать их за дерзость. Говорят, что, став свидетелем их разбойничьих набегов, он предсказал неприятности, которые они причинят его преемникам. Такое предсказание не требовало сверхъестественной проницательности, но оно доказывает, что монарх правильно оценил северное пиратство. Однако на протяжении большей части столетия они не появлялись в сколь-нибудь значительном количестве на французском побережье. Силы северян были слишком сильно разбросаны по безднам, в Англии, Ирландии, на Оркнейских островах и на Балтике, чтобы допустить какую-либо значительную концентрацию в данной точке. Их усилия, какими бы разрушительными они ни были, были бессистемными, и их можно было бы легко отразить, если бы в правительстве имелась хоть капля мудрости или энергии. Но сыновья императора Людовика были слишком увлечены уничтожением друг друга, чтобы иметь время для расправы с безвестными пиратами, и с каждым годом это бедствие становилось все суровее. В 840 году

был сожжен Руан, и многие великие монастыри этой провинции, защищаемые многочисленными вассалами, постигла та же участь. Берега двух рек — Сены и Луары — были опустошены от их устьев до внутренних районов Франции. Следующим был сожжен Амбуаз, Тур был осажден, но святой Мартин спас свой город.^[281]

|840.|

Человеком, чьи разрушительные действия должны были затмить всех бывших пиратов, был Гастингс, возглавлявший экспедицию в Турень. О нем у нас нет упоминаний в "Анналах севера"; наши единственные сведения о нем почерпнуты у французских писателей — Дудо из Сен-Кантена, Уильямаиз Жюмвьежа, Уильяма из Пуатье, Ордерика Виталья, Роберта Уэйса и Бенедикта из Сен-Мора. В отсутствие скандинавского авторитета критики севера пытались отождествить его с такими шведскими, датскими или норвежскими вождями, которые носили имя, родственное его собственному. Но отчет Уэйса, каким бы неточным он ни был в своих деталях, является единственным, которому можно следовать. Был король Дании, говорит этот священнослужитель Лотрок, старик, у которого был сын по имени Бьорн, прозванный Железнобоким из-за его защитных доспехов. Обнаружив, что его королевство слишком густонаселено, он возродил древний закон, который обязывал всех сыновей семьи, кроме одного, искать счастья на глубине. Когда было подготовлено значительное количество судов, Биорн был поставлен во главе флота; но, поскольку его годы были еще нежными, он был подчинен советам Хаддинга, или Хастинга, ветерана-главаря пиратов. Кем был этот король? Современные авторы единодушно утверждают, что это был знаменитый Рагнар Лодбруг. В данном случае Бьорном мог быть не кто иной, как Бьорн Айронсайд, который после смерти своего отца в 794 году вззошел на трон шведов. Но как эта хронология согласуется с фактами? Экспедицию Гастингса следует отнести к середине IX века; когда, если полагаться на критически настроенных историков севера, Биорн был мертв сорок лет. Но где бы ни встречалось имя этого Лодбруга, везде та же хронологическая путаница; и мы не можем удивляться, что Сум называет двух героев с таким именем — одного из восьмого, другого из девятого века.^[282]

|с 842 по 844.|

Когда Гастингс прибыл к побережью, он разделил свой флот на две эскадры. Один поднялся по Сомме, поджег города, расположенные по ее берегам, и перебил жителей. Другой направился к устью Луары и совершил те же самые грабежи на ее берегах. Нант был взят, и все, кто искал убежища в соборе, были преданы смерти. Церкви, монастыри, города, хутора - все, что находилось на пути захватчиков, было разрушено. Двинувшись на юг, они разорили побережье Галисии, но потерпели поражение от короля Леона. Это препятствие вынудило их покинуть Испанию; но они распространили свои дикие орды по югу Франции, от Тулузы до Пиренеев. Поскольку они построили нечто вроде деревянной крепости на Луаре, теперь они возвели еще одну на Гаронне. Но они не были удовлетворены неудачей своего оружия против Испании; они были полны решимости будущими успехами изгладить память об этом позоре и с большим флотом вернулись на этот полуостров. Лиссабон, тогда незначительный город, был разграблен; пройдя на юг и восток, армия поднялась по Гвадалквивиру и напала на важный город Севилью, находившийся тогда во власти мусульман. Странной была та случайность, которая, таким образом, привела разбойников Скандинавии и разбойников аравийских пустынь к столкновению друг с другом. Но последователи Одина имели преимущество перед

последователями Мухаммеда; несомненно, потому, что последние были малочисленны и не готовы к нападению. Из этого города они совершили несколько грабительских вылазок в соседнюю страну; но арабы, захватив врасплох часть своего флота, уравнивали только что полученное преимущество.^[283]

[с 845 по 859.]

Можно усомниться в том, присутствовал ли Гастингс в экспедиции в Испанию. Там было несколько главарей пиратов со всех концов Скандинавии; и в то время как один опустошал морские побережья Юга, другие столь же активно действовали на берегах Франции. Гастингс, однако, был во главе отряда, который, пройдя через Фескан и Руан, распространил свои опустошительные действия на большую часть Нейстрии и Бретани и даже до ворот Парижа. Вся Франция была в ужасе. Монахи особенно были удивлены тем, что их святые мощи не имели силы остановить продвижение варваров. Святой Мартин спас Тур, но не было святого, который защитил бы великолепные религиозные здания, которые теперь были разрушены северянами. Когда враг приблизился, монахи удалились с реликвиями, громко и пронзительно осыпая проклятиями этих “людей ада”, эти “отродья дьявола”. Но их проклятия были так же безрезультатны, как и их реликвии, и волна разрушений продолжалась. Много подарков сделали короли Карловингов захватчикам, чтобы избавиться от бедствия. Как и в Англии, деньги были получены, но грабежи были лишь перенесены в какую-то другую часть королевства. Но так много было вооружений, которые каждый год прибывали с Севера, и так много вождей, которых нужно было подкупить, что ресурсов страны было недостаточно для этой цели. Вероятно, именно это обстоятельство привело Гастингса в Средиземное море. Он слышал о Риме; и слава, не меньшая, чем выгода от разграбления этого знаменитого города, привела его к берегам Италии. По пути он грабил побережья Испании, Африки и те острова, мимо которых проходил. Высадившись в Тоскане, он атаковал Луну, которую, как абсурдно говорят, принял за Рим; и, потерпев неудачу в своей попытке взять ее штурмом, он вернулся к эксперименту, о котором мы не раз читали в истории севера. Он сообщил жителям, что ему противен его образ жизни; что он покается; что он стал жертвой неизлечимой болезни; что он хотел бы креститься перед смертью. Доверчивые церковники добились приостановки военных действий и приготовились к церемонии, которая должна была “отмыть этот Город добела”. В назначенный день его отнесли на носилках в собор, и он с восхищением сыграл свою роль. Он принял священный обряд с большим благоговением; все должны были видеть, что дни его подходят к концу; и он просил, чтобы его кости были захоронены в одном из склепов под церковью. Это была священная земля; и когда он был окружен прахом святых и мучеников, он мог надеяться избежать преследований лукавого. Кто мог отказать в такой смиренной просьбе? Его отнесли на его корабль, который он вряд ли ожидал увидеть живым. Едва оказавшись на борту, он избавился от своей болезни и рассказал своим последователям о разработанном им плане захвата города. Вскоре на борту его судна раздался громкий крик скорби; неофит был мертв, и начались приготовления к похоронам. Когда наступил день, назначенный духовенством, гроб, сопровождаемый всеми вождями и большим количеством воинов, медленно перенесли с корабля в собор. Его положили на носилки рядом с церковными хорами, и началась заупокойная служба. Собрание, собравшееся засвидетельствовать церемонию, было велико; в него входили епископ, духовенство, губернатор, военные и основные жители. Была отслужена месса; пропеты погребальные гимны; смиренно вознесены молитвы за упокой новорожденной души; и служители направились к носилкам, чтобы опустить тело в место его последнего упокоения. В этот момент поднялся Гастингс; его воины вытащили мечи из-под своих длинных

плащей, которые тут же были брошены на мостовую; двери были заперты; началась резня, и все присутствующие были уложены мертвыми на месте. Город был легко захвачен; жители были перебиты; самые ценные вещи перенесены на корабли, а город сожжен огнем. Это может показаться скорее романом, чем историей; но это засвидетельствовано столькими авторами и настолько соответствует характеру язычников-скандинавов, одновременно жестоких и вероломных, что мы не осмеливаемся полностью отвергнуть это. Обстоятельства могут быть приукрашены, но в основе этой истории, вероятно, лежит правда.^[284]

[с 858 по 863.]

Пока Гастингс находился в Италии, Бьорн занимался разрушительной работой во Франции. Тщетно Карл Лысый пытался изгнать его из королевства. Поскольку оружие не помогло, были предприняты переговоры, и за крупную сумму Бьорн согласился покинуть Францию. По возвращении, почувствовав недомогание, он высадился на побережье и там скончался. Пока французы поздравляли себя с этим неожиданным избавлением, они были повергнуты в ужас известием о том, что Гастингс только что вернулся из Италии и возобновил свои опустошительные действия. Несчастье, постигшее его во время плавания, — то, что из-за сильного шторма ему пришлось выбросить за борт своих многочисленных пленников и самые ценные пожитки, — заставило его еще больше стремиться поправить свое состояние. Войдя в Рону и образовав еще один укрепленный пункт, он послал или возглавил отряды, которые разграбили Арль, Нисм и большинство городов между Альпами и Пиренеями. Пока они были таким образом оккупированы, другое грозное войско на Сене, которое не участвовало в договоре, заключенном Бьорном, опустошило страну до самых ворот Парижа. Третья вскоре высадилась с севера и начала свою деятельность с разрушения Амьена; в то время как четвертая в равной степени причиняла вред Фландрии. Карлу, как и прежде, пришлось прибегнуть к переговорам. Партии, разрушившей Амьен, обещалась выплатить три тысячи фунтов чистого золота — огромную сумму и, несомненно, преувеличенную. Однако несомненно, что со всего королевства был взиман тяжелый налог и что за двенадцать месяцев он был собран не полностью. Но пока шли переговоры, прибыло другое вооружение, и даже король начал понимать, что покупать отступление одного человека, в то время как так много других были брошены на произвол судьбы, было большой глупостью. Переговоры, следовательно, приняли новый характер: теперь пиратам должны были платить не за то, что они покидали королевство, а за помощь в изгнании из него других тел их соотечественников. Соответственно, последовали некоторые беспорядочные военные действия между этими родственными разбойниками; но пока они были таким образом заняты, другие банды совершали свои грабежи в сердце Франции. В конце концов, однако, двух военных убедили покинуть берега — вероятно, присоединиться к завоеванию Англии, которой сейчас правят немощные братья Альфреда. Но еще оставались два корабля Гастингса и один, размещенный на Луаре. Поскольку первого так боялись, его нейтралитет, по крайней мере, можно было купить на любых условиях. Аббат Сен-Дени отправился в штаб-квартиру вождя и с некоторым трудом уговорил его принять королевские предложения. Это были крупная сумма денег и поместье Шартр с титулом графа при условии, что он примет христианство и, как французский вассал, будет помогать своему сюзерену против всех врагов. Условия были приняты, и свирепый пират Балтики стал одним из благороднейших пэров Франции.^[285]

[с 863 по 876.]

Теперь осталась только одна пиратская банда — та, что на Луаре. Поскольку Париж не раз подвергался угрозе, король Карл приказал построить на Сене, ниже этого города, мост, который должен был остановить продвижение вражеских судов из-за неспособности принять высокие мачты. Писатели того периода скрупулезны в описании эксцессов этих людей, которых они сопровождают шаг за шагом. Но подробности утомительны: в целом они больше сочувствуют церквям и аббатствам, чем крестьянам; и гораздо громче их вопли раздаются, когда у алтаря убивают одинокого священника или уносят священную реликвию, чем когда мечу предается целый город. Не была пощажена ни одна церковь, ни один монастырь, ни одно селение или городок - ничто, у кого не было средств самообороны. В 867 году разбойники появились в окрестностях Парижа: мост помешал им проникнуть под стены, и они обосновались в аббатстве Сен-Дени. Оттуда они распространились по соседней стране и захватили огромную добычу. Но среди них появилась заразная болезнь, сократившая их численность, и они медленно спустились по реке, чтобы дожидаться подкреплений, которые постоянно прибывали на побережье. Но теперь эти подкрепления были меньше, чем в последнее время: три четверти всех пиратов, бороздивших моря, находились в Англии, готовясь свергнуть Альфреда с трона; и хотя те, кто остался во Франции, причинили большой вред, они не смогли бы противостоять любому значительному отряду. Они, однако, не были приучены к открытым кампаниям: их военные действия предпринимались в меньшем масштабе — обычно они были направлены против какого-нибудь города или религиозного сооружения, где было меньше опасности сопротивления; и при нападении (что иногда случалось) значительно превосходящих сил они отступали в свои укрепленные места. Анже, который они захватили в 873 году, был одним из таких. В этом случае Карл Лысый проявил энергию, которой обычно был незнаком. Он собрал армию, двинулся маршем к Анже, вынудил северян эвакуировать ее и отступить в свои островные укрепления на Луаре. Отсюда их грабительские вылазки возобновились. Но они недостойны внимания истории: они были предприняты не для завоевания, а для добычи. Однако настал период, когда мы должны сопроводить подвиги того, кто победил и кто заложил фундамент государства, достаточно могущественного, чтобы произвести величайшие революции в Европе.^[286]

Рогневальд был одним из ярлов Харальда Прекрасноволосого. После службы своему монарху во многих трудных и опасных предприятиях он пал в битве. Из его сыновей один, Эйнар, стал ярлом Оркнейских островов. Эйнар был честолюбивым человеком. Когда Хальфдан, сын Харальда, изгнал его с их острова, он получил подкрепление в Шотландии, вернулся к атаке и лишил Хальфдана власти и жизни. Харальд отплыл, чтобы отомстить за смерть своего сына, но Эйнар остался во владении правительства. Не уступал Эйнару ни в честолюбии, ни в доблести Хрольф, или Ролло, — Ру нормандских писателей, — другой сын Рогневальда. Согласно исландским сагам, он был таким высоким и крепким, что ни одна лошадь не смогла бы его унести: отсюда его прозвище Хрольф *Гангр*, или Ходок. Подобно своим предкам, он проводил время на морских глубинах и обогатился за счет грабежей на берегах Балтики. Смерть его отца и мятеж старшего брата, вероятно, сделали его менее привязанным к интересам Харальда или менее послушным его приказам. Несомненно, что он отважился на то, что было так строго запрещено, — совершить пиратскую высадку у норвежского побережья. Монарх находился в городе, который Ролло пытался разграбить; и его возмущение этой попыткой привело его к тому, что он навсегда изгнал пирата. Можно усомниться в том, что это могло быть серьезным наказанием для того, чья жизнь прошла вдали от Норвегии. Собрав столько кораблей, сколько пожелало присоединиться к нему, — а достоинство его семьи не меньше,

чем его собственная доблесть, сделало его популярным вождем, — он отплыл во Францию. По своему он, по-видимому, совершил несколько пиратских набегов на шотландское и английское побережья; и хотя он не смог произвести особого впечатления ни на то, ни на другое, он сделал то, что в его нынешних обстоятельствах было не менее выгодно, — он нагрузил свои корабли добычей. Дудо из Сен-Кантена и Уэйс, решившие, что основатель нормандской династии должен быть любимцем небес, представляют некоторые видения и другие разнообразные явления, которые историк должен предоставить монастырскому летописцу. Они безвредны и могут вызывать презрение; но когда для того, чтобы возвысить главу какой-нибудь великой семьи, искажается история, необходимо более суровое порицание. Таким образом, Дудо (за которым следуют многие нормандские авторы) сообщает нам, что Ролло был достаточно силен, чтобы стать союзником и другом Альфреда; что саксонский монарх предоставил ему флот для войны с французским королем; что в благодарность за эту помощь он впоследствии помог Альфреду, которого свергли с престола его подданные или датчане, вновь взойти на трон. Удивительно, как ныне живущие писатели могли дойти до абсурда, принимая подобные заявления, противоречащие единодушным голосам современной истории.^[287]

[с 876 по 888 год.]

Год, в котором Ролло прибыл на юг, установлен не очень точно. В Шонинге их 995; но это не выдерживает проверки, поскольку французские и нормандские авторы утверждают, что он более тридцати лет был занят покорением Нормандии, и мы знаем, что он был признан ее герцогом в 912 году. Ассер из Сент-Дэвидса — современник — датирует 876 годом, и это подтверждается авторами, наиболее близкими к тому периоду; однако есть некоторые хронологические трудности, которые мы не можем устранить. Харальд Норвежский не предпринимал путешествия на Оркнейские острова ранее 895 года; и изгнание Ролло назначено на следующий год. Единственный способ примирить этот анахронизм - предположить, что Ролло, будучи сослан за пиратство в 876 году, присоединился к своим соотечественникам и датчанам, которые опустошали Англию и Францию; что он обосновался в Руане, но часто распространял свои опустошения на север и восток этого города; что он не раз бывал в Англии и, возможно, на севере, прежде чем его признали герцогом Нормандии. Но давайте последуем по его стопам. Высадившись в Вальхерене, он разбил графа Эно, которого взял в плен, и потребовал крупную сумму в качестве выкупа. Направляясь в Руан, он не был настолько безжалостен, чтобы разрушить его: он принял от архиепископа определенную сумму денег, укрепил его и сделал основой своих операций против французского короля. Его прибытие повергло Францию в ужас; и Гастингса послали узнать о его цели, на что он хладнокровно ответил, что это завоевание. Но можно усомниться в том, далеко ли продвинулся он в этот период в своих операциях. Его имя не упоминается ни в осаде Парижа, имевшей место в 886 году, ни во многих других предприятиях, которые с 876 по 896 год, то есть за двадцать лет, обрушились на Францию. Однако имена других вождей указаны. Как мы уже предположили, он, вероятно, несколько лет находился в Англии или на севере. Конечно, он не мог бы начать ту блестящую карьеру, которая привела к его возвышению, ни раньше 890 года, ни еще позже. И все же не исключено, что он мог быть причастен вместе с другими вождями к опустошениям, которые с 876 года — в течение полных тридцати лет - обрушивались на всю Францию. Как бы то ни было, через десять лет после его первой высадки Париж был взят в осаду. Это описано современным поэтом —очевидцем, аббатом, монахом из Флери. Это продолжалось довольно долго, и на город было предпринято множество отчаянных штурмов; но они были так же храбро отбиты, и осада была снята. И все же норманны не отступили дальше аббатства Сен-Жермен,

где они продолжали в течение некоторого времени насыщать свои разрушительные орды. Поскольку перед ними не было большого врага, они разделились на два отряда; и пока один собирал добычу и сжигал деревни, другой осадил Шартр. Однако в этой попытке они потерпели неудачу — результат, который Уэйс приписывает достоинству определенной реликвии.^[288] Было предпринято новое нападение на Париж, но с таким же незначительным эффектом. В этот момент на помощь столице прибыл император Карл Толстый, и изгнание пиратов казалось неизбежным. Но результат был совершенно иным: не нанося удара, он провел переговоры и согласился отдать пиратам семьсот фунтов золота с разрешением опустошать оба берега Сены до Бургундии при условии, что они затем покинут — не Францию, а центральные провинции. Они получили деньги и разорили Бургундию, но у них не было намерения покидать плодородные равнины внутренних районов ради унылого морского побережья.^[289]

с 888 по 896 год.|

Хотя Юдес победил пиратов, это была всего лишь временная остановка, настолько временная, что едва ли могла остановить их продвижение. Мо был осажден и взят; Шампань, Лотарингия и Бургундия были разорены; Труа, Шалон, Туль, Верден были оккупированы; Пикардия и Артуа до берегов моря были опустошены. Одновременно с этими быстрыми успехами начались грабежи пиратов, которые все еще окопались на Луаре. У Франции не было покоя; не было надежды изгнать ее дерзких захватчиков. Хотя Эд одержал победу над пиратами, в следующий раз, когда они штурмовали эту столицу, он был рад выкупить их отступление. Спустившись по реке к ее устью, они в следующий раз атаковали крепость Сент-Лоо. Он был вынужден капитулировать; но никакие условия не были обязательными для этих несчастных, которые считали клятвы пустой формальностью: вместо гарантии своей жизни жители нашли могилу. Бретань была теперь разорена, но герцог Алан был храбрее и удачливее Эда. Хотя захватчиков было 15 000 человек, он напал на них в тот момент, когда они были окрылены победой над герцогом-соперником. Его успех был великолепен; тысячи людей остались мертвыми на поле боя; остальные были обращены в бегство. Но даже этот успех едва ли смог остановить этих диких сынов глубин. Изгнанные из Англии гением Альфреда, они в ужасающем количестве прибыли во Францию. Они заняли как побережье, так и центр; и они пересекли каждую часть королевства с безнаказанностью, удивляющей потомков.^[290]

|с 896 по 909.|

В скольких из этих посольств Ролло был актером, мы не рискуем утверждать. Мало ли он бывал в Англии, так же как и во Франции; не был ли он поочередно занят в обоих королевствах, остается на усмотрение читателя. По крайней мере, несомненно, что с 896 года его имя и подвиги заполняют страницу французской истории, исключая многие другие имена, которые занимали ее раньше. С этого года также следует датировать те быстрые и решительные успехи, которые обеспечили его будущее величие. Изгнание Харальдом Харфагером столько пиратов с севера теперь направило на юг еще большие полчища. Первой заботой Ролло было укрепить укрепления Руана, которые были разрушены в его отсутствие (было ли это отсутствие в Англии или во внутренней части Франции, мы не будем решать), и которые он теперь сделал грозными. Затем оба берега Сены ощутили мощь его гения. Силы, которые были посланы против него, он победил. Но мы не можем следовать по его стопам. Пусть будет достаточно заметить, что он почти всегда добивался успеха; что в нескольких битвах он был победителем; что Байе, Эвре, Нант и многие менее известные места были взяты им; что он разделил земли, которые он

подчинил, между своими воинами, чтобы они принадлежали ему как сеньору-главе на обычных феодальных условиях. Из этой политики и этого успеха мы должны сделать вывод, что в одном отношении он был аналогом своих соотечественников — что он защищал крестьянство, а не уничтожал его, что он поощрял христианство, а не отменял его. Вероятно, во многом своей умеренностью он был обязан советам Франко, архиепископа Руанского, своего главного вассала. Встревоженный успехами своего оружия, Карл Простодушный обратился через Франко с просьбой о перемирии, которое было с готовностью предоставлено. Действительно, не может быть никаких сомнений в том, что успех Гастингса был на глазах у Ролло и что он стремился к владениям гораздо более обширным, чем Шартр, — таким, которое он должен был заставить французского короля уступить ему и тем самым занять почетное место среди принцев Европы. Отсюда и готовность, с которой он выслушал Франко, особенно когда его заверили, что Карл уже обдумывал возможность наделения его некоторой частью своих новых завоеваний. Перемирие, действительно, не понравилось некоторым французским пэрам, и военные действия возобновились, к большому ущербу Франции. Не было провинции, по которой не прошли бы его банды; едва ли была хоть одна, которую он не грабил; и хотя они часто получали отпор, они всегда возвращались в атаку. Французы начали роптать, и Чарльз стал еще серьезнее относиться к постоянному взаимопониманию с Ролло. Военные действия ни к чему не привели; Франция потеряла много тысяч своих храбрейших защитников и сотни тысяч мирных жителей; и если захватчики также потеряли много значительных отрядов, их ряды быстро пополнились новыми иммигрантами с севера.^[291]

[с 910 по 912.]

Примерно в 910 году или, возможно, годом позже Франко по приказу Карла начал важные переговоры с этим авантюристом. Предлагались— Нейктрия с герцогским титулом и рука Жизели, внебрачной дочери короля, при условии, что он примет христианство и станет сеньором-вассалом французской короны. Этот прелат был красноречивым, убедительным человеком и уже оказал значительное влияние на умы Ролло. Но этот вождь возражал против одного из условий как недостаточно либерального. Нейктрия у него уже была; и не было большого великодушия в признании его права на то, чего никто не мог у него отнять. Кроме того, она была, как он утверждал, бесплодной и наполовину заселенной; но он забыл, что этот результат был его собственной работой и работой его соотечественников. Затем Франко предложил часть Бретани — возможно, всю целиком — в качестве феодального владения, и Ролло больше не колебался. У него уже была жена, Попа, дочь французского графа; и от нее он отказался — на каком основании, остается спорным; но, конечно, в этом не было необходимости. Ролло еще не был христианином; он не был женат ни в одной христианской церкви; как же тогда церковь могла признать этот союз? Следовательно, Жизель должна была стать невестой вождя. Встреча Ролло и Шарля была назначена в Сен-Клер-сюр-Эпте, местечке на границе Нормандии. В 912 году оба отправились в этот город, причем Карл с великолепной свитой дворян и прелатов, по совету которых он заключил договор с новым вассалом. Здесь состоялась инвеститура; Ролло засвидетельствовал почтение государю, и оба акта были засвидетельствованы французской знатью. Преклонить колени перед монархом, зажать руки между ладонями настоятеля и повторить определенную формулу, называемую клятвой, не было большим унижением, и против этого Ролло не возражал. Но поклонение не было полным, пока не была поцелована царственная нога. До такого унижения он не опустился, и заместитель позволил ему совершить это. Соответственно, вперед был выведен воин из его свиты; но он был не менее горд, чем его господин; и, когда королевская нога была несколько приподнята, он

поднял ее еще выше и опрокинул бедного монарха на спину под сдерживаемый смех собрания.^[292]

[912.]

Таким образом, свирепый, безвестный пират получил одно из самых важных владений в Европе. Его преемники были, как и он, доблестны и политичны, и с их помощью герцогство поднялось на высоту могущества, которое сделало его одновременно соперником французского и английского королей. Какими темпами, однако, достигалось это прогрессивное величие, должно быть предоставлено историку Франции. Для нас достаточно заметить, что новое государство стало успешным барьером против язычников Скандинавии. Не то чтобы как в Бретань, так и в Гасконь не поступало новое вооружение, которое причинило бы какой-нибудь вред; но это было преходяще, и никто не опасался, что самые могущественные города Франции когда-либо снова подвергнутся их нападению. Когда они все-таки появлялись в каком-либо районе, то вскоре получали отпор. Таким образом, политика превращения Нейстрии в государство и передачи ее правительству расы героев была мудрой. Преемник Карла Простого пытался свергнуть внука Ролло; но, как мы уже видели, Харальд Датский приплыл на помощь молодому герцогу, взял французского короля в плен и восстановил отношения между герцогом и монархом в том состоянии, в котором они были после смерти Ролло.^[293]

3. *Ирландия.* В какой период норманны впервые начали свои набеги на Ирландию, установить, как и во многих других моментах северной истории, невозможно. Сами ирландские анналы не содержат записей о подобных сделках до восьмого века; тем не менее, они должны были происходить раньше. Если мало полагаться на заявление Саксона, то это Фридлейф I. и Фроде III. завоеванный и разграбленный Дублин, было бы опрометчиво утверждать, что между этим островом и Скандинавией не существовало очень древних сношений. Были ли лохланы, или обитатели Озер, скандинавами или шотландскими горцами, было предметом больших споров. Однако мы знаем, что в IX веке ирландцы недвусмысленно называли датчан лохланами и что этот термин использовался в более ранний период для обозначения некоторых морских народов, с которыми туземцы часто общались. Этот термин, однако, может применяться как к гэлам, так и к северянам — ко всем морским народам. По этому поводу давайте послушаем последнего и самого красноречивого из ирландских историков:

В доказательство того, что датчане были народом, с которым поддерживались эти ранние отношения, был приведен авторитет ряда современных историков, согласно рассказам которых, по-видимому, с периода, предшествовавшего рождению Христа, на этот остров была начата череда вторжений со стороны Дании; и что в течение нескольких столетий после этого отношения между двумя странами характеризовались чередованием враждебности и дружбы. Однако, каким бы убедительным ни было множество северных авторитетов в пользу этого утверждения, вся ценность их объединенных свидетельств может быть сведена к единственному свидетельству Саксона Грамматика, со страниц которого все они скопированы; и хорошо известно, что для всей предыдущей части истории этого красноречивого писателя фундамент настолько несостоятелен и нереален, насколько это могли сделать скальдические басни и ошибочная хронология. Единственное обстоятельство, придающее какое-либо подобие достоверности рассказам северных историков ранних судьбах Ирландии, - это известный факт, что основные материалы по их собственной истории были почерпнуты из записей, сохранившихся в Исландии: как ни казалось, что этот остров был недоступен для грубого

мореплавания тех дней, несомненно, что ряд ирландских миссионеров седьмого и восьмого веков ухитрились найти дорогу. Из более чем одного достоверного источника мы узнаем, что, когда норвежцы впервые прибыли в Исландию, они обнаружили там следы того, что она ранее была заселена христианским народом; а ирландские книги, колокольчики и священные посохи, оставленные прежними жителями, в достаточной степени указывали на религиозный остров, откуда они мигрировали. Титул Папас, который, по-видимому, носили они, привел к выводу, что они, должно быть, были ирландскими священниками, которые отважно обосновались в этом пустынном регионе; и под тем же именем они были найдены на Оркнейских островах, когда норвежцы завоевали эти острова. Если, однако, мы не предположим, что среди книг, оставленных этими миссионерами в Исландии, были какие-либо относящиеся к ирландской истории, которыми могли воспользоваться хронисты, к которым обращался Саксон, этот инцидент, хотя и любопытный и хорошо засвидетельствованный, дает лишь слабые основания полагаться на эти ранние северные анналы, источники информации которых, как известно, были поддельными, и из общего характера экстравагантной беллетристики которых вряд ли можно ожидать, что несколько кратких заметок, которые они содержат относительно ирландских дел, составят исключение. И когда они утверждают, что Дублин находился во владении датчан незадолго до рождества Христова, им приписывается не больше заслуг, чем когда они утверждают, что Лондон был построен этими северными народами примерно в тот же период. Какими бы невероятными ни были эти рассказы, все же то, что задолго до датских или даже саксонских вторжений побережья Балтийского моря основали колонии на Британских островах, является фактом, о котором свидетельствует как иностранная, так и отечественная традиция. Предположение Тацита о том, что люди, называемые пиктами, были германской или северной расой, подтверждается традиционными рассказами об этом народе, сохранившимися в хрониках Британии; и все ранние скандинавские легенды согласуются с ирландскими анналами в намеках на некий отдаленный период взаимоотношений между двумя странами. В предыдущей части этой работы мы видели, какие почти определенные основания существуют для того, чтобы полагать, что те скифы, или шотландцы, которые в то время, когда Ирландия впервые стала известна современной Европе, составляли преобладающую часть ее народа, были колонией из какого-то региона, граничащего с Балтийским морем, которая несколькими столетиями ранее завладела этим островом. Из какой бы частины прибыли эти скифские авантюристы, будь то с Кимврийского полуострова, островов Балтийского моря или скандинавских берегов, можно заключить, что с этим регионом впоследствии поддерживались случайные сношения и образовывались те союзы и царские смешанные браки, о которых в наших древних традициях и записях все еще сохранились некоторые разрозненные воспоминания. Что касается тех полчищ морских разбойников, которые на протяжении всего темного и беспокойного периода, к которому мы сейчас приближаемся, продолжали свою долгую карьеру опустошения и крови, то, хотя они наиболее широко известны в английской истории под общим названием датчан, они лишь изредка, и только в поздний период, обозначаются таким образом в наших летописях. У Тигернаха, самого раннего из существующих летописцев, они неизменно называются галлами, или чужеземцами; в то время как в "Анналах Инисфаллена", "Ольстера" и "Четырех магистров" их безразлично именуют либо галлами, язычниками, обитателями озер, либо пиратами; но не более чем в двух или трех случаях они называются норманнами и так же редко датчанами.^[294]

Мы должны удовлетвориться общим выводом о том, что Ирландию норманны посетили так же быстро или почти так же быстро, как Шотландию и шотландские острова. Первый визит, о котором у нас есть какие-либо записи, состоялся в 795 году, в правление Айдана, монарха страны. Покинув Иону, монастырь которой они превратили в пепелище, морские короли направились к северо-западному побережью, высадились и разорили страну до Роскоммона. Вероятно, это была работа многих лет: здесь, как и везде, они создадут укрепления в устьях великих рек, берега которых на двадцать лиг в окружности они опустошат настолько, насколько смогут подняться лодки. Судя по всему, они провели в стране двенадцать лет, прежде чем было оказано какое-либо серьезное сопротивление. В 812 году они потерпели поражение; но поражение, пока море было открыто и сообщение с ним поддерживалось судоходными реками, было быстро исправлено. В 815 году норвежский вождь по имени Тургес, или Торгильтс, прибыл с более мощным вооружением и в течение тридцати лет был ужасным бедствием не только для северных, но и для восточных и южных районов острова. Их ярость была особенно направлена против святых мест, особенно монастыря Банчор и кафедрального собора Армы, которые они посещали и разрушали каждый раз, когда слышали об их восстановлении. Каждая келья, каждая часовня, каждое святое место, к которым прибегало суеверное благочестие того времени, естественно, привлекали их внимание. Но в зверствах, которые они совершали и которые увековечил единодушный голос каждого королевства, которое они посетили — от Греции до Ирландии, — ими, должно быть, двигали иные мотивы, чем надежда на выгоду. Если для мирян они были дикарями, то для духовенства — демоническими. Вероятно, их превосходящая свирепость в последнем случае может быть объяснена глубокой ненавистью, которую вызвали преследования Карла Великого (как мы уже указывали ранее, под термином *саксы* следует также понимать скандинавов и, возможно, некоторые племена великой славянской семьи). Но мы не склонны присоединяться к враждебности некоторых современных писателей по отношению к этому великому человеку. Люди, с которыми императору приходилось иметь дело, были лишены чести, какой бы то ни было добродетели, люди, которые считали самые торжественные клятвы пустым звуком, которые любили войну как за добычу, которую она приносила, так и за удовольствие от пролития крови. Но разве саксы и датчане не сражались за свои свободы? Верно, и величайшей из них была свобода грабить остальной мир, — попирали ногами все человечество, все моральные добродетели, — быть тиранами Европы. Карл Великий одержал над ними победу, и мы радуемся его успеху; и даже если бы он истребил весь народ, потомство не осудило бы его.^[295]

[с 820 по 848.]

Опустошение, которое в этот период больше, чем какой-либо другой, поразило Ирландию, можно было бы легко предотвратить, если бы существовало центральное правительство, достаточно сильное, чтобы объединить вокруг него сердца и руки народа. Но монарх был всего лишь титулованным и менее могущественным, чем его вассалы. Вместо гармонии существовали разногласия только между членами политического сообщества; и это зло усугублялось во сто крат пагубной практикой привлечения на помощь незнакомцев. Когда в 837 году с севера прибыло еще одно мощное подкрепление и начало свои грабежи на берегах Лиффи и Бойна, зло, которое с 795 года обрушилось на страну, увеличилось в тысячу раз. Не было, говорит красноречивый историк Ирландии, “ни одного известного места в церковной истории нашей страны, ни одного из тех многочисленных религиозных фондов, местопребывания и памятников раннего благочестия ее сыновей, которое в тот период не становилось бы ареной самых страшных и жестоких эксцессов”. Давайте не будем забывать,

что такая частота разрушений свидетельствует о рвении ирландцев восстанавливать свои святые места и о бесстрашии, с которым они возвращались к ним, даже когда их уверяли, что там их встретят воплощенные демоны и пошлют прославлять “благородную армию мучеников”. Как правило, высшие сановники были пощажены ради выкупа. Коварство заключалось в том, что главная резиденция Тургеса всегда служила местом сбора для побежденных северян и для тех новичков, которые прибывали на побережье. О том, как этот опытный вождь наконец встретил свою судьбу, романтически рассказывает Хиральдус де Барри. По словам этого забавного валлийца, он влюбился в дочь короля Мита и признался в своей любви отцу. Притворившись, что соглашается на его предложение, был назначен день, в который Туржес в сопровождении пятнадцати приверженцев должен был встретиться со своей невестой в сопровождении такого же количества девушек на маленьком острове Лох-Вар. Однако к месту встречи ирландскую леди сопровождали пятнадцать молодых людей в женской одежде, и они уничтожили тирана. Вероятно, сообщение местных летописцев о том, что он был утоплен в том озере королем Мита, является правдой. Как бы то ни было, его смерть стала смертельным ударом по скандинавской власти в Ирландии. С этого периода (844 г.) мы действительно читаем об их грабежах, об их грозных комбинациях, даже об их победах; но уже не было прежней надежды, прежней уверенности в их непобедимости.^[296]

[с 849 по 872.]

В 849 году с севера прибыло еще одно мощное вооружение. Их политика заключалась не просто в грабеже, но и в том, чтобы воспользоваться гражданскими войнами, опустошившими Ирландию, нанимая на свои услуги того, кто больше заплатит. В 850 году они были использованы монархом в его борьбе с местным королем, и этому примеру быстро последовали его королевские подданные. В этом году мы также видим, что Дублин находился во власти норманнов и был одним из их главных местопребывания: вероятно, так было на протяжении полувека, а то и дольше. Ирландцам повезло, что различные скандинавские народы, которые их таким образом преследовали, часто были врагами друг друга. Иногда они сражались под знаменами христианских князей; в других случаях они сражались в одиночку. Таким образом, в 850 году дабгалы, или черные незнакомцы, напали на фингалов, или белых незнакомцев, в Дублине. Кто они были? Были ли они шотландскими горцами? или первые были славянскими, а вторые скандинавскими пиратами? На этот вопрос мы никогда не сможем получить ответ, полностью удовлетворяющий нас; но нам нелегко поверить, что какой-либо вождь Горной Шотландии мог вооружиться таким мощным оружием, как то, которое использовалось при создании Дублина. Три года спустя Анлаф, Ивар и Ситрик, все братья и принцы из Скандинавии, прибыли с большим вооружением и разместились на трех больших станциях — в Дублине, Лимерике и Уотерфорде. Вероятно, город с последним названием был основан Ситриком. Два его брата значительно расширили свои границы. Кроме того, до сих пор они, по-видимому, действовали согласованно, чтобы заставить ирландских князей платить им ежегодную дань — что-то вроде данегельта, который был так притесняющ англичан. Анлаф, действительно, был замечательной личностью; но если хронология верна и относит его прибытие к 853 году, его не следует путать с принцем, которого в 924 году победил Ательстан. Его Дублинское королевство, которое охватывало графство и большую часть его окрестностей, он не только успешно укреплял, но и защищал. Не то чтобы у него иногда не было преимуществ. Однажды его преследовали до самой столицы, и его территория была опустошена до самых ворот. Но это в такой период, когда все зависело от внезапности, было самым обычным результатом; и в тот же месяц он, возможно, смог бы распространить свои опустошительные действия на центр

острова. Мы знаем, что он часто делал это — иногда один, иногда вместе со своими братьями, иногда как союзник местных князей. Но то, что они всегда были в стране, не представляется вероятным. Если этот Ивар был тем человеком, который также был королем Нортумберленда, то его территории в Англии, должно быть, часто требовали его присутствия. У Анлафа тоже было княжество по эту сторону ла-Манша, ибо его величают королем всех норманнов Ирландии и Британии. Но с ним, с его царственными братьями и их предполагаемым отцом, Рагнаром Лодбругом, связано так много хронологических трудностей, что мы никогда не сможем примирить их. Один из этих принцев, согласно "Анналам Ольстера", умер в 874 году; поскольку все они родились в середине века, никто не мог долго пережить этот период; даже тогда, если они были сыновьями Рагнара, который был убит в 794 году и который сразу после этого высадился на побережье Нортумбрии, они должны были достичь возраста, близкого к столетнему. То, что произошла печальная путаница имен — ибо все они были обычными в скандинавских летописях, — несомненно. Тогда путаница в орфографии собственных слов — например, "Анлаф" пишется как "Алаф", "Олаф", "Амлейн", "Амлайф" и т.д. — должна усугублять безнадежность задачи историка. Три короля с таким именем, все прославленные в первой половине девятого века, не могли быть принцами, которые под теми же именами приобрели такую известность в первой половине десятого века. Следовательно, либо хронология неверна, либо события навсегда перепутаны. В этом, как и в любом другом случае, историки приняли тот жеспо способ решения, что существовали два человека с таким именем, существовавшие в периоды, значительно удаленные друг от друга.^[297]

[с 872 по 1000.]

В течение многих лет после этого периода мы читаем, что норманны владели Дублином, Лимериком и Уотерфордом, вожди которых носили королевский титул. Действительно, в начале десятого века они были изгнаны из первого из этих городов жителями Лейнстера; но несчастье, должно быть, вскоре было исправлено, ибо несколько лет спустя мы видим, что Годфри, внук Ивара, правил там и взимал дань с большинства князей юга. Однако в 926 году пираты потерпели сокрушительное поражение в Ольстере, а восемьдесят их вождей были убиты. Моральный эффект этих побед не мог быть иным, кроме как вселить в местных жителей новую надежду и обеспечить им новые успехи. В 936 году скандинавы Дублина понесли еще большие потери. Пять лет спустя аналогичное преимущество было получено над ними; но либо у них, должно быть, были быстрые средства подкрепления, либо их потери, должно быть, были сильно преувеличены. И они не могли быть очень несчастливыми, если это правда, что после своего частичного обращения в христианство в 948 году они воздвигли великое аббатство Святой Марии в окрестностях Дублина. И все же иногда они были данниками Муркертах, одного из местных королей и самого прославленного героя своего времени; и Дублин часто оказывался в руках ирландцев; но так же часто его отвоевывали. Эти чередования успехов и катастроф характеризуют историю северян в Ирландии. Но после восшествия на престол Бриана по прозвищу Борн, или собирателя дани, упадок, который на протяжении более чем полувека был замечен в делах пиратов, стал заметно стремительным. Было много последовательных сражений, в которых этот героический вождь имел преимущество. В 969 году он захватил и разрушил Лимерик; в 972 году он вернул себе остров Инискати, к которому туземцы питали особого почтения; в 980 году великая конфедерация пиратов, проникшая в самое сердце страны, была разгромлена Малахией, монархом Ирландии. Эта последняя победа заслуживает большего, чем обычные воспоминания, поскольку она дала свободу нескольким тысячам ирландских пленников. В 989 году Дублин был в течение двадцати дней осажден ирландским

монархом; и, будучи вынужден капитулировать, он согласился, что каждый дом должен ежегодно выплачивать по одной унции золота местному герою. Вероятно, эта конвенция была плохо соблюдена, ибо в 994 году он снова предстал перед этим городом. Победа над общим врагом была бы более значимой, если бы Брайан и титульный монарх часто не воевали друг с другом. Но в 997 году они объединили свои силы и двинулись на Дублин. Три года спустя мы находим датчан вассалами в войсках Бриана.^[298]

[с 1000 по 1014.]

Но мы должны поспешить с описанием малоизвестных сражений того периода и сразу перейти к тому, что навсегда сломало датский скипетр в Ирландии. В 1014 году датчане, собрав подкрепления со всех концов Европы и сосредоточив свои силы на равнине Клонторф, сразились в битве, запомнившейся в ирландских анналах. К счастью для туземцев, та же необходимость объединения заставила их на мгновение отложить свои личные распри и выступить навстречу общему врагу. Великолепной была победа, ожидавшая Бриана; но он пал, будучи предательски убит в своей палатке в час успеха. С этого момента можно отсчитывать уничтожение гигантского врага. Он демонстрировал предсмертную борьбу, и такую борьбу, что превратился в гиганта; но удар был нанесен; и, как бы затянулась болезнь, конец наверняка был фатальным.^[299]

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.

КОРОЛЬ ОЛУФ СВЯТОЙ.

(*Foreign Quarterly Review*, № XI.)

1.

“Король Олуф и его брат смелый,

Насчет того, что Норроуэй ведет переговоры.

2.

“Тот из двоих, кто лучше всех умеет ходить под парусом,

Буду править холмами и долинами Норроуэя.

3.

“Кто первый из нас достигнет нашей родной земли,

Над всей областью будет коронован король".

4.

Тогда Харальд Хардроуд дал ответ:

Да будет сделано так, как ты сказал;

5.

“Но если мне сегодня придется плыть с тобой,

Клянусь, ты поменяешься со мной своим сосудом:

6.

“Ибо у тебя есть Дракон скорости,

С Быком у меня получится действительно плохая фигура.

7.

“Дракон быстр, как облака в погоне,

Бык, он движется ленивым шагом.

8.

“Послушай, Харальд, что я хочу тебе сказать:

То, что ты предложил, мне очень нравится.

9.

“Если мой корабль в чем-то лучше твоего,

Я с готовностью и радостью одолжу тебе свой.

10.

“Ты Дракона так бодро берешь,

А я с Быком совершу это путешествие.

11.

“Но сначала мы пройдем в церковь,

Прежде чем мы положим руку на парус или на весло.

12.

“И в церковь вошел святой Олуф,

Его прекрасные волосы сияют ярким золотом.

13.

Но вскоре, запыхавшись, подошел мужчина:—

- Твой брат уплывает так быстро, как только может.

14.

“Пусть плывут, друг мой, пусть выбирают, кому плыть,

Слово Господа нашего мы не потеряем;—

15.

“Месса - это слово нашего благословенного Господа.

Возьмите воды, парни, для нашего стола.

16.

- Мы сядем за стол и попробуем мясо,

Тогда спокойно поспеши на берег моря”.

17.

Теперь они все помчались к берегу океана,

Где лежал Бык, раскачиваясь на земле:

18.

“И быстро понесли они к океану

Якорь, и трос, и парус, и весло.

19.

“Святой Олуф стоял на носу, когда был на борту:

- Теперь вперед, Бык, во имя Господа.

20.

“Он схватил Быка за такой белый рог:

"Привет, как будто ты пошел клевер клевать”.

21.

“Тогда Вол понесся вперед,

Вслед за ним неистово вздымались волны.

22.

- Он крикнул парню, стоявшему во дворе так высоко:

- Приближается ли к нам Дракон Харальда?

23.

“Я больше не вижу мирской помпезности,
Чем самая верхняя вершина хорошего дуба.—

24.

“Я вижу недалеко от земли Норроуэй ским”
Яркие шелковые паруса с позолоченным ободком.—

25.

“Я вижу ” гордые горы Норроуэя,
Дракон, несущий парус в виде облака.—

26.

-Понятно, понятно, рядом с Норроуэем,
Дракон галантно шагнул вперед.

27.

“Он ударил Быка по ребрам:
- Теперь быстрее, теперь быстрее, над волной.

28.

Он с силой ударил Быка в глаз:
"К гавани ты должен идти гораздо быстрее".

29.

Затем Бык бросился вперед,
Ни один матрос на палубе не мог удержаться на ногах.

30.

Затем он взял веревки, и его моряки закрепили их
Он привязан к такелажу и мачте судна.

31.

— Вот тогда — вот тогда - рулевой крикнул:
- Но кто же теперь будет вести судно?

32.

“Свои маленькие перчатки Святой Олуф сбрасывает,

И стоять себе у руля ходит.

33.

“О! мы поплывем над утесами и высотами,
Ближайший путь, похожий на линию света.

34.

“Итак, над холмами и долами, по которым они пробираются,
Для них они стали как чистая вода.

35.

“И вот они плывут вдоль голубых гор,
Затем оттуда выбежала команда Эльфов.

36.

“Кто плывет за золотом, которым мы радуемся?
Наш древний отец, который смеет нас раздражать?

37.

“Эльф! обратись в камень, и камень останется
Пока я снова не вернусь этим путем”.

38.

“Итак, они плывут над высокими горами Сказни,
И все камни превратились в маленьких Эльфов.

39.

“Вышла песня со спиндлзом и роком:
‘ Святой Олуф! зачем ты отправляешься насмехаться над нами?

40.

“Святой Олуф, ты, у кого рыжая борода,
Сквозь стену моей комнаты прошел твой корабль”.

41.

С презрительным видом святой Олуф сказал:
"Стой там, как кремь, вечно, и да”.

42.

“Невредимые, невредимые, они храбро плывут дальше,
Перед ними предстали как инвентарь, так и камень.

43.

“Они все еще плывут вперед в таком доблестном обличье,
Чтобы ни один человек не мог задержать на них свой взгляд.

44.

“Святой Олуф преклонил колени в поклоне,
За парусом упала стрела, которую он послал.

45.

“С кормы "Святого Олуфа" сорвался с места барк,
Позади Быка упала стрела в море.

46.

“Святой Олуф верил только в Христа,
И, следовательно, он выиграл первый дом за три дня.

47.

И это вызвало у Харальда яростную бурю:
Он принял облик обычного дракона.

48.

“Но Святой был человеком полной преданности,
И Святой получил землю Норроуэя в управление.

49.

“В церковь вошел святой Олуф,
Он горячо благодарил Спасителя.

50.

“Святой Олуф ходил по церкви,
Его локоны сияли великолепием.

51.

“Тот, кому Бог помогает, смело прокладывает свой путь:
Его враги навлекают на себя одновременно стыд и смятение”.

Б.

СВЯТОЙ ОЛАУС Или ОЛАВ, КОРОЛЬ НОРВЕГИИ, М.

(Из "Житий святых" Альбана Батлера.)

Он был сыном Герольда Греншиуса, принца Вестфольда в Норвегии, и его жены Асты, дочери Гульбранда Куты, губернатора Долины Гульбранда. Он освободил свою страну от тирании, под властью которой шведы и датчане некоторое время удерживали ее, в то время как Норвегия была разделена между Свено, королем Дании, Олавом Шотландским конунгом, сыном короля Швеции Эрика, и Эриком, сыном Хакона, графом Норвегии. В 1013 году он отплыл в Англию и успешно помог королю Этельреду в борьбе с датчанами после смерти Суэно, или Свейна, их короля. Впоследствии он вел войну против Олауса Шотландского конунга, короля Швеции, пока, заключив выгодный мир, не взял в жены дочь этого короля. Эти два князя примерно в то же время ввели ромескот, небольшую ежегодную дань, выплачиваемую апостольскому престолу. Святой Олав привез из Англии нескольких благочестивых и образованных священников и монахов, один из которых, по имени Гримкеле, был избран епископом Дронтхайма, своей столицы. Святой король ничего не предпринимал без совета этого прелата и по его совету издал много полезных законов и отменил такие древние законы и обычаи, которые противоречили Евангелию; что он сделал не только в Норвегии, но также на Оркнейских островах и в Исландии; хотя все завоевание Оркнейских островов было оставлено за его сыном Магнусом, который также покорил остров Мэн, как сообщает Кембден из древней Хроники Мэна.

Наш религиозный король, установив мир в своих владениях, приступил к искоренению в них отвратительных суеверий идолопоклонства. Он лично путешествовал из города в город, призывая своих подданных открыть глаза их душ на яркий свет веры. Группа ревностных проповедников сопровождала его, и он разрушил во многих местах идолопоклоннические храмы. Язычники восстали и с помощью Канута Великого победили и изгнали его. Святой Олав бежал в Россию, откуда вскоре вернулся, и собрал армию, чтобы вернуть свое королевство, но был убит своими мятежными и неверными подданными в битве при Стихштадте, к северу от Дронтхайма, 29 июля 1030 года, после шестнадцати лет правления. Эти мятежники, по-видимому, действовали в интересах Канута Великого, который прибыл из Англии в Норвегию, завладел этим королевством и оставил своего племянника Хакина вице-королем; но поскольку он вскоре утонул в море, Канут сделал своего сына Свено вице-королем Норвегии. Тело святого Олава было с честью погребено в Дронтхайме, а на следующий год епископ Гримкеле повелел почитать его в этой церкви среди святых титулом мученика. Его сын Магнус был вызван домой из России в 1035 году и восстановлен на троне. Свено, который считал себя полностью покинутым, бежал в Швецию. Магнус чрезвычайно способствовал почитанию народом памяти своего отца, мученика, который был избран титулярным святым кафедрального собора Дронтхайма. Эта церковь была перестроена с таким великолепием, что стала славой и гордостью всего севера. Мюнстер дал нам подробное описание этого места после того, как было введено лютеранство; но вскоре после этого оно было сожжено молнией. Тело святого Олава было найдено нетленным в 1098 году; и снова, когда лютеране в 1541 году разграбили святыню, украшенную золотом и драгоценными камнями огромной ценности, на севере не было такого сокровища, как это. Корабль, на борту которого находилась большая часть этой кощунственной добычи, погиб в

море по пути в Данию; остальное было разграблено на суше, так что ничего из этого не попало в руки датского короля. Лютеране относились к телу святого с уважением и оставили его на том же месте, где стояла святыня, во внутреннем деревянном ящике, пока в 1568 году они благопристойно не похоронили его в том же соборе. Рубашка или внутренняя одежда Святого Олава выставлена в соборе Святого Виктора в Париже. Его святыня прославилась многими чудесами, и он был почитаем с необычайной преданностью во всех северных королевствах и был титулованным святым нескольких церквей в Англии и Шотландии. Наши предки называли его святым Олавом, а чаще Святым Тули; но в Норвежских хрониках Олаф Харальдсон и Олаф Хельге, или Святой.

СНОСКИ

1. Иоаннис Магни Гото, историческая справка, lib. i. и ii. стр. с 18 по 74. редактировать. Рим, fol. 1554.

Коренные короли Швеции, которые, по словам архиепископа Иоанна Магнуса, процветали до Рождества Христова.

Ной.

Иафет.

1. Магог.

2. Свено.

3. Готар, или Гог.

4. Уббо.

5. Сигго.

6. Эрик.

7. Уддо.

8. Ало.

9. Отен (Запрос к Одину).

10. Чарльз.

11. Биорно.

12. Готар.

13. Сигго.

14. Берико, в правление которого началась могущественная готская или скифская империя, независимая от северной.

15. Гумульф.

16. Скромный.

17. Готилас.

18. Сигтруг.

19. Скарин.

20. Свибдагер.

21. Асмунд.

22. Уф.

23. Охота.

24. Регнер.

25. Ходеброд.

26. Атилл.

27. Ходер.

28. Родер, или Родерик, или Рюрик, по прозвищу *Слингбонд*, или Пращник.

29. Атилл.

30. Ботвайлд.

31. Чарльз.

32. Мрачнее.

33. Тордо.

34. Готар.

35. Адольф.

36. Альгот.

37. Эрик.

38. Аларих.

39. Жест.

40. Эрик.

“В царствование этого государя, — говорит архиепископ, - который даже устанавливает год его правления, тридцать четвертый, родился наш Спаситель!” Шведские короли после рождения нашего Спасителя, *еще до введения христианства*, согласно тому же архиепископу.

41. Годрик.

42. Халдан.

43. Уилмер.

44. Нордиец.

45. Сивард.

46. Чарльз.

47. Эрик.

48. Халдан.

49. Евгений.

50. Рагналд.

51. Асмунд.

52. Нако.

53. Сивард.

54. Инго.

55. Недалеко.

56. Фроде.

57. Urbar.

58. Остин.

59. Флиолм.

60. Поворот.

61. Валандер.

62. Висбур.

63. Домальдер.

64. Домар.

65. Атилл.

66. Дигнер.

67. Дагер.
68. Аларих.
69. Ингмар.
70. Ингелл.
71. Гермунд.
72. Хаквин Ринго.
73. Эгилл.
74. Готар.
75. Быстро.
76. Гудмунд.
77. Адель.
78. Остан.
79. Ингермар.
80. Холстан.
81. Биорно.
82. Равальд.
83. Свартман.
84. Тордо.
85. Родольф.
86. Хатин.
87. Атилл.
88. Тордо.
89. Альгот.
90. Гостаг, или Остан.
91. Артус.
92. Хакин.
93. Чарльз.
94. Чарльз.
95. Биргер.

96. Эрик.
97. Торилл.
98. Биорн.
99. Аларих.
100. Биорн.
101. Братмунд.
102. Сивард.
103. Герой.
104. Чарльз.
105. Биорн.
106. Ингенал, или Ингель.
107. Олаф Третелла.
108. Инго.
109. Эрик.
110. Эрик.

В обоих списках многие из этих имен, как заметит читатель, идентичны датским королям, приведенным Саксоном Грамматиком. В том, что эти два списка были перепутаны, не может быть никаких сомнений. И столь же несомненно, что многие из этих королей излишне множатся — те, кому было позволено царствовать как до, так и после христианской эры. Возможно, однако, что ни один из этих принцев не правил до Одина; вероятно, все они появились еще позже; и поскольку многие были современниками друг друга, легко были составлены обширные списки.

Составители нашей Всеобщей истории начинают свой список со следующего:—

1. Эрик.
2. Гильфо.
3. Один.
4. Норд.
5. Фроде.
6. Sigtrug.
7. Свибдагер.
8. Асмунд.

9. Уф.

10. Поиск.

11. Регнер.

12. Холвард.

13. Атилл I.

14. Ходер.

15. Родерик, или Рюрик.

16. Атилл II.

17. Хогмор и Хогрин.

2. Смотрите работу, часть i.

3. История Норвегии, том i., стр. 111-150.

4. Уитон, "История северян". Mallet, Histoire de Dannemarc, tom. i.

5. Vetustissima Regum Septentrionis Series Langfedgatal dicta. Согласно этой "Серии", список датских королей до Одина выглядит следующим образом: Ной, Иафет, Захим, Кипрус, Целий, Сатурн Критский, Юпитер, Дарий, Эрихтон, Троес, Илус, Лаомедонт, Приам Троянский, Мемнон (зять Приама), Трор или Тор, Лорит, Эйррит, Вингетар, Вингенер, Мода, Магус, Сескеф, Бедойг, Атра, Итерман, Херемотр, Скалдна, Боф, Еат, Годульф, Финн, Фреалаф—Один.

Вот ценный список, и мы тщетно пытались бы выяснить, где он был первоначально приобретен. Одна вещь, однако, примечательна — большинство из непосредственных предшественников Одина совпадают с теми, что содержатся в Саксонской хронике, в генеалогии англосаксонских королей. Давайте теперь перепишем работу Саксона Грамматика, который процветал в двенадцатом веке и довольствуется тем, что называет Дана предком датчан примерно за тысячу лет до Рождества Христова.

Дан I., Хамбл, Лотер, Скъольд, Грам, Свибдагер, Гутрум, Хаддинг, Фроде I., Халдан, Роу и Хельго, Рольф или Ролло, Ходер, Рюрик, Виглет, Гитлах, Вермунд, Олаф I., Дан II., Хуглет, Фроде II., Дан III., Фридлейф, Фроде III. Согласно Саксо, именно во времена правления Хаддинга Один впервые появился на севере. В этом случае читатель может сказать, что Один, должно быть, процветал задолго до обычно обозначаемого периода, а именно 70 года н.э. Но большинство из этих князей, несомненно, правили *после* рождения Христа, несмотря на положительное утверждение Саксона (которое поддерживают некоторые другие хронисты), что Искупитель человечества принял нашу природу в правление Фроде III. Свен Агго более рационален, чем его современник Саксон; он отвергает всех правителей до Одина и начинает свой список со Скъольда, сына этого обожествленного героя. Несомненно, у Дании, как и у других государств, были свои короли и до этого периода; но они были простыми регулами, постоянно враждовавшими друг с другом в борьбе за господство; и мало следует полагаться на их предполагаемые действия или даже на их имена. Саксон, взяв за основу популярные песни своей страны, следовал худшему из всех руководств.

6. Список норвежских суверенов до Одина, согласно Landfedgatal, такой же, как и для Дании. Однако ни один из этих правителей не правил на севере; они считались азиатами: именно Один первым покинул страну своих предков и основал свою империю в Скандинавии. С этой точки зрения, нет никакого несоответствия между этой записью и Саксоном, который не перечисляет азиатских монархов, а ограничивается местными князьями, которые владели страной на протяжении веков до того, как был известен Один. У нас есть веские основания предполагать, что они были *не* готами, а финнами, или ютами, или лаппонийцами, или как там еще назывался народ, изначально владевший севером. Следовательно, Свен Аггесен, отвергая их, очевидно, ограничивается иностранной, или готской, династией — династией завоевателей.

7. Langebek, Scriptores, tom. i., passim.

8. Пинкертон, Диссертация о готах. Тернер, История англосаксов, том i.

9. Тацит, Германия, кап. 34.–40. Уитон, "История северян", глава первая.

10. Маллет, История Даннемарка, Том II. Пинкертон, Диссертация о готах, перевод.

11. Saxonis Grammatici Historia Danica; necnon, Heimskringla Snorronis, passim.

12. Apud Langebek, Scriptores Rerum Danicarum, tom. ii.

13. Уитон, История, стр. 119.

14. Деппинг, "История приморских экспедиций нормандии", Том II. Уитон, "История северян".

15. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib i.

16. Поэтические диалоги Гро с Бессом и Грамом — диалоги, в которых Саксон (lib. i., стр. 7 и др.) проявил все свое воображение и все свои познания в латинском стихосложении, — могут позабавить образованного читателя. У нас нет желания их переводить.

17. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. i.

18. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. i.

19. В скандинавских суевериях каждая руна была посвящена какому-либо божеству. Почти вся магия севера заключалась в рунах. Они могли вызывать или умирять бури; они могли изменять времена и могли объединять самые отдаленные объекты. Они могли создавать хорошие или плохие времена года; они могли воскрешать мертвых: короче говоря, они были всемогущи над всей природой — невидимым миром не меньше, чем видимым.

20. Саксонская грамматическая история. Дан. библиотека. i. стр. 10 и с., редактировать. Стефаний, Core, 1644.

21. Саксонская грамматическая история. Дан. библиотека. i. стр. 10 и с., редактировать. Стефаний, Core, 1644.

22. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. i.

23. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. i.

24. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. ii. p. 20, &c.

25. И Роу, и Хельге правили на несколько столетий позже времени, установленного Саксом, — совсем недавно, в пятом веке христианской эры.
26. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. ii.
27. Существовал ли какой-либо другой Рольф, кроме знаменитого Рольфа Крейка, который, как считается, правил в шестом веке после Рождества Христова, сомнительно. Лучшие северные писатели не признают ничего другого.
28. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. ii.
29. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. i. p. 12., edit. Стефании, Соре, 1644. Распространение этого суеверного представления является любопытным предметом спекуляций. В Венгрии, России, Валахии, Греции, на Крите и т.д. оно широко распространено и по сей день.
30. Сага об инглинге, глава i-v. (апуд Хеймскринглам, том i, стр. 1-10., изд. Гафн., 1777).
31. Сага об инглингах, главы V.–vii.
32. Лангебек, Scriptores Rerum Danicarum, том i, стр. 7, 8. Торфус, История Норвегии, том i, стр. 138 и др.
33. С. Рембертус, Вита С. Anscarii (apud Bollandistas, Acta S. S. die Feb. iii. Адамус Бременский, Церковная история, главал. 12. И с. Сага о конунге Олафе Трюгвасоне, апуд Снорроне Стурлонем Хеймскрингла, том ii.).
34. Ihre, Dissert. de Institutione Regum Suio-Gotborum, ed. Упсала, 1752.—Гейр, Свеа Райкс Хефдер, том i. стр. 432.
35. Suhm, Historie af Danmark, tom. i. p. 81. Critiske, Historie, tom. vii. p. 474.
36. Иллюстрации Джеймисона к северным древностям, стр. 444.
37. F. Magnussen, Edda Sæmundi, tom. iii. Ригис-Мал, Введение, стр. 147-159. Гейр, Свеа Райкс Хефдер, том i. стр. 486-495.
38. Смотрите "Эдду в прозе", опубликованную профессором Раском. Раск, Стокгольм, 1818, глава xxiii. Но Снорре в своей *Sage об инглингах*, глава ix, говорит, что впоследствии она вышла замуж за Одина и что у них было много общих детей.
39. С этим мнением мы не согласны. У нас нет доказательств существования двух Одинов.
40. Münter, Kirchengeschichte, &c., tom. i. pp. 68–95. Уитон, "История северян".
41. Уитон, "История северян", глава vi, "Сага об инглингах", перевод.
42. Saxonis Grammatici Historia Danorum, lib. iii. p. 39, &c.
43. Saxonis Grammatici Historia Danorum, lib. iii. p. 41–43.
44. Эдда Снорронис, Хист. 28. Stephani Notæ ad Saxonem, lib. iii.
45. Эдда Снорронис, 21-летняя фабульщица.

46. Edda Snorronis, Historia, 29. Saxonis Grammatici Hist. Dan. notæ in lib. iii.

47. Имена мифологические или, скорее, абстрактные: Вегтам, *Спойлер*; Валтам, *Слотер*.

48.

Hveriar ro maeyiar

Эр ат муни грата

Хорошо, химин Верпа

Халса Скаутвм?

Отрывок темный. Вероятно, он отсылает к обычаю северных женщин, которые обнажали головы в знак траура. Эти девицы не обнажались; они могли плакать от удовольствия, то есть они не страдали. Были ли они роковыми сестрами, от которых нельзя ожидать сочувствия к смертным? И была ли Вала их матерью?

49. Значение этих выражений прояснится, когда мы обратимся к скандинавской мифологии.

50. НИСХОЖДЕНИЕ ОДИНА.

Король людей быстро поднялся,

И оседлал своего угольно-черного скакуна;

Он скакал вниз по зияющему обрыву,

Это ведет в унылую обитель ХЕЛЫ.

За ним шпионил Пес Тьмы,

Он широко раскрыл свою мохнатую глотку,

В то время как из его пасти, наполненной кровавой бойней,

Дистиллированная пена и человеческая кровь:

Хриплый он лает с отвратительным шумом,

Глаза, которые светятся, и клыки, которые окаливаются;

И долго преследует, с бесплодным воплем,

Отец могущественного заклинания.

Он все еще идет своим путем,

(Стонущая земля под ним сотрясается)

До полного заполнения перед его бесстрашными глазами

Возникают девять врат ада.

Прямо против восточных ворот,

У поросшей мхом кучи он насытился;
Где в давние времена укладывались спать
Прах Девы-пророчицы.

Обращенный к северному климату,
Трижды он повторял руническую рифму;
Трижды произнесенный с ужасающим акцентом,
Волнующий стих, который будит мертвых;
Возделывать из пустоты землю
Медленно раздался угрюмый звук.

Пр.—Что называют неизвестным, какие чары предполагают
Нарушить гробовую тишину?
Кто так огорчает мою беспокойную фею,
И вытаскивает меня из царства ночи?
Долго на этих плесневелых косточках бились
Зимний снег, летняя жара,
Проливная роса и проливной дождь!
Дай мне, дай мне снова уснуть.

Кто он такой, с незапятнанным голосом,
Это поднимает меня с ложа упокоения?
О.—Путешественник, тебе неизвестный,
Тот, кто зовет, Сын Воина.
Ты познаешь деяния света;
Скажите мне, что делается ниже,
Для кого расстелена эта блестящая доска,
Для кого эта золотая кровать?

Пр.—Мантия в кубке см.
Чистый гнев пчелы;
Над ним висит золотой щит;
Это напиток Болдера смелого:

Болдеру дарована голова до смерти.

Боль может достичь Сынов Небес!

Не желая, я разжимаю губы:

Оставь меня, оставь меня отдыхать.

О.— Еще раз повинуйтесь моему зову!

Пророчица, встань и скажи:

Какие опасности подстерегают Дитя Одина,

Кто автор его судьбы.

Пр.—В руке Ходера судьба Героя:

Брат отправляет его в могилу.

Теперь я смыкаю свои усталые губы:

Оставь меня, оставь меня отдыхать.

О.—Пророчица, моим чарам повинуйся!

Еще раз встань и скажи:

Кто мститель за его вину,

Кем будет пролита кровь Ходера?

Пр.—В пещерах запада,

Яростными объятиями Одина сжимаю,

Ринда родит чудесного Мальчика,

Который никогда не расчесывал свои волосы цвета воронова крыла,

И не омыть его лицо в ручье,

И не вижу уходящего луча солнца;

Пока он на трупе Ходера не улыбнется,

Пылающий на погребальной куче.

Теперь я смыкаю свои усталые губы:

Оставь меня, оставь меня отдыхать.

О.— Пока моему зову повинуются!

Пророчица, проснись и скажи:

Что это за Девы, в безмолвном горе,

Которые склоняют к земле свое торжественное чело,
Что рвутся их льняные косы,
И снежные вуали, парящие в воздухе.
Скажи мне, откуда взялись их печали:
Тогда я оставляю тебя отдыхать.
Пр.-Ха! ты не Путешественник,
Царь Людей, теперь я знаю тебя,
Могущественнейший из могущественного рода...
О.—Ничего не предвещающая божественная дева скилла
Ты не Пророчица добра;
Но мать гигантского выводка!
Пр.—Иди отсюда и хвались дома,
К этому никогда не придет Вопрошающий
Снова нарушить мой железный сон;
Пока Лок не разорвет свою десятикратную цепь.
Никогда, до глубокой Ночи
Восстановила свое древнее право;
Пока не будет охвачен пламенем, брошен в руины,
Тонет ткань мира.

51. Вегтаамс Кида (апуд Эдда Саэmundара хиннса Фроды, том i, стр. 234 и др. изд. Гафния, 1787).

52. Смотрите ранее, стр. 29.

53. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. iii. p. 44–46.

54. Сага об инглингах, глава 10. (апуд Снорроне, Хеймскрингла, том i, стр. 14.)

55. Quod, inquit, mulierum turpissima, gravissime criminis dissimulationem falso lamenti genere expetis, quæ scorti more lasciviens nefariam ac dedestabilem tori conditionem secuta, viri tui interfectorem pleno incesti sinu amplecteris, et ei qui prolistuæ parentem extinxerat, obscenissimis blandamentorem illecebris adularis?

56. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. iii. p. 46–52.

57. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. iii. p. 52, et lib. iv. p. 54, &c.

58. Там же, стр. 56-59.

59. Этот список стоит того, чтобы его расшифровать.

	До н.э.
1. Дан	1038
2. Скромный	998
3. Другой	—
4. Скиолд	966
5. Грамм	888
6. Свибдагер	856
7. Гутрум	—
8. Хаддинг	816
9. Фроде И.	761
10. Halden	685
11. Роу и Хельге	—
12. Хельге <i>одна</i>	595
13. Рольф, или Ролло	566
14. Ходер	—
15. Рюрикова праща	483

Следовательно, Гамлет, должно быть, жил почти за четыре столетия до Рождества Христова. Какой благодарностью мы не обязаны Саксону за его важный отчет о Британии за столько лет до Цезаря! Но продолжим.

	До н.э.
16. Виглет	—
17. Гитлах	—
18. Вермунд	352
19. Олаф I.	292
20. Дан II.	—
21. Ханглет	—
22. Фроде II.	172
23. Дан III.	—
24. Фридлейф	—
25. Фроде III.	—

60. Скандинавия, древняя и современная (Эдинбургская библиотека), том i, глава ii.

61. Список королей после Христа, согласно Саксону: —Фроде III., Хиарн, Фридлейф, Фроде IV., Ингель, Олаф II., Фроде V., Харальд I., Хальфдан II., Харальд II., Унгвин, Сивальд I., Сигар, Сивальд II., Хальфдан III., Харальд III., Оло (или Улоф), Омунд, Сивард I., Батул, Джермерик,

Бродер, Сивальд III., Снийо, Бьорн, Гормо I., Годерик, Олаф III., Хемминг, Сивард IV., Ринго, Рагнар Лодбруг, Сивард II., Эрик I., Канут I., Фроде IV., Гормо II., Харальд IV., Гормо III., Харальд V., Свено.

Наша английская всеобщая история, подобно "Саннингу" и "Торфусу", использует эти названия, но включает в себя еще три.

Согласно Langfedgatal, который заимствован у норвежских властей, в то время как Saxo следует метрическим песням и традициям Дании:—

Один, Скульд, Фридлейв I., Фроде I., Хавар, Фроде II., Вермунд, Олаф, Дан, Фроде III., Фридлейв II., Фроде IV., Ингель (или Ингьяльд), Хальфдан I., Хельге и Роу, Рольф Крейк, Эрик I., Фроде V., Хальфдан II., Эрик II., Харальд, Сигурд I., Рагнар Лодбруг, Сигурд II., Харда Канут, Гормо Престарелый, Харальд II., Свейн.

Таким образом, примерно в двадцати различных списках, которые мы рассмотрели, есть только разнообразие или, скорее, путаница. Современные списки не являются более единообразными. Таким образом, Молоток:—

Скульд, Фридлейф I., Фроде I., Фридлейф II., Хавар, Фроде II., Вермунд, Олаф I., Дан, Фроде III., Хальфдан I., Фридлейф III., Олаф II., Фроде IV., Ингель, Хальфдан II., Фроде V., Роу и Хельге, Рольф, Ивар, Харальд I., Сигурд I., Рагнар Лодбруг, Сигурд II., Харда Канут, Харальд II.

Даты этих царствований в современной истории Дании — ибо древние не снисходили до таких мелочей — прекрасно перепутаны, иногда одному правлению отводится целое столетие.

62. Скульдунги, или потомки Одина:—

Имена.	Умер.
	Б. С.
Skiold	40
Fridleif I.	23
	А. Д.
Фруде I.	35
Fridleif второй.	47
Гавар	59
Фруде второй.	87
Wermund мудрец	140
Олаф мягкая	190
Дэн Mykillati	270
Фруде III С., прозванного Тихого	310
Хальвдан I.	324
Fridleif раздел III.	348
Фруде Ив.	407
Ingild (или Ингель)	436

Хальвдан второй.	447
Фруде В.	460
Хельге и икра	494
Фруде ви.	510
Рольф krake не	522
Фруде VII Устава.	548
Хальвдан раздел III.	580
Рюрик Slyngebände	588
Ивар Vidfadme	647
Харальд Hildetand	735
Сигурд кольцо	750
Рагнар Lodbrog	794
Сигурд Snogoje	803
харде Кнуд	850
Эрик И.	854
Эрик второй.	883
Горма Старого	941
Харальд Blaataand	991
Свейна	1014

Это список Зума, самого критичного из датских историков. И все же не может быть сомнений в том, что некоторые из королей Саксонии должны быть включены в него.

63. Посмотрите даты, присвоенные вышеупомянутым царям "Нашей всеобщей историей" и Маллетом. Разница между ними и датами, приведенными Самим, может позабавить читателя.

64. Saxonis Grammatici Historia Danorum, passim. Mallet, Histoire de Danemarc, tom. iii. Langebek, Scriptores Rerum Danicarum, tom. i. Adamus Bremensis, Historia Ecclesiastica, lib. i.

65. Saxonis Grammatici Hist., passim.

66. См. Введение, стр. 19.

67. История Германской империи (Cab. Сус.), том i.

68. Saxo Grammatici, Hist. Dan. lib. v. Suenonis Aggonis Historia Rerum Danicarum, cap. i. (apud Langebek, i. 44.). Petri Olai Roskildensis Chronica Regum Danorum, p. 15. (apud eundem, tom. i.).

69. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. v.

70. Согласно "Саге о Хервараре", это приключение с мечом произошло задолгодо прибытия Арнгрима, — фактически, до союза Свафурлама с Эйвором, которого он победил с помощью волшебного оружия. В разных рукописях этой Саги также есть много вариаций, так что обстоятельства сильно меняются.

71. Сага о Хервараре, глава i, ii. стр. 1-13., правка. Хафния, 1785. Тейлор, Исторический обзор немецкой поэзии, том i. Изложение в тексте значительно более развернуто, чем в оригинальной Саге. Это усиление - работа последующих скальдов, чей язык из-за его графического превосходства и того, что он более характерен для северных манер, мы часто предпочитали.

72. Сага о Хервараре, глава iii.– v. с. 13-42.

73.

Проснись, ангантюр! сир, проснись!

Твоя дочь, Эрвор, велит тебе сломаться

Сон твоей пустынной могилы!

О, дай мне из его зияющей утробы,

Волшебный меч — закаленный клинок,

Гномами для Свафурлами сделано!

Что, молчун? Тогда я обращаюсь к тебе,

Мой отец, мои родственники, все воины!

Повинуйся! пусть голос Хервора восторжествует!

Да, судя по шлему и кольчуге,

Острым мечом, копьем и щитом

Ты был одет на многих полях сражений,

Подчинись моим чарам! клянусь каждым из них,

Я призываю вас из ваших могил под корнями деревьев.

Что! могут ли сыны Арнгрима, прежде

В напряженной работе озорника первое,

В пыли и пепле разлагается гниль?

Вы что, все немые? Ради всего святого,

Ее Страж, Ее Страж, проснись!

Так можешь же ты, обещанный, лгать,

Пока не разложится коррупция ранга,

Если только ты не отдашь пояс и клинок

Гномами для Свафурлами сделан.

[Здесь открывается гробница, внутри которой все охвачено огнем, и звучит следующий диалог:—]

Ангантюр.

Дочь, владеющая могущественными заклинаниями,
Зачем ты вызываешь нас из нашего покоя?
Какое безумное честолюбие побуждает тебя проснуться
Сон мертвых?
Пыл, твое опрометчивое требование сломается
В руинах на твою голову!
Мне было отказано в погребальных обрядах,
Там не было ни отца, ни друга.
Ищи меч в воздухе;
Это украшает бок какого-нибудь живого воина.

Hervor.

Твои слова лживы! обманщик, нет!
Да одарит Один твою могилу
Такая безопасность, сир, какая у тебя есть
Волшебный меч, который я ищу, или нет!
Твое дитя, твое единственное дитя, требует
Это приданое в руках отца.

Ангантюр.

Послушай, дочь! Эрвор, услышь
Голос пророчества и страха!
Да не предаст отцовская рука
Дар, столь роковой для твоего рода.
Ибо, о чудо! Я вижу перед собой этот меч
Твое потомство погибнет, пока не восстановится
Сыну твоему, который тогда докажет
Символ любви своего народа.

Hervor.

Я не внимаю тебе, но по велению
О заклинаниях, которым духи должны повиноваться,
Я заклинаю тебя страшными чарами,
Мертвые родичи мои не узнают покоя
Пока я не получу пояс и клинок
Гномами для Свафурлами сделано!

Ангантюр.

Дева, обладающая силой большей, чем у воина,
Кто посещает могилы по ночам,
Полагающийся на пояс и копье
Обладающий магической силой, не броди здесь.

Hervor.

Я считал тебя храбрым, прежде чем пришел
Искать тебя в твоём доме пламени.
Почему я жду? Отдай мне клинок!
Пусть подарок больше не откладывается!

Ангантюр.

Меч лежит здесь, объятый огнем,
Которое когда—то годилось для твоего отца—
Ялмар слью: но слабый бренд
Если им владеет женская рука.

Hervor.

И все же я буду владеть, если смогу добиться
Опоясанный огнем меч, проклятие Ялмара.
Никакой призрачный огонь не может внушить Ей страха
Который праздно забавляется с мертвецами.

Ангантюр.

Тогда, гордый и дерзкий дух, знай,

Чтобы спасти тебя от огня внизу

Я отдаю меч! Твой иск выигран!

Hervor.

Отпрыски героев, мудро сделано!

О, этот подарок для меня еще дороже

Чем могла бы гордиться Норвегия!

Ангантюр.

О женщина! безумная и слепая к судьбе!

Радуетесь *сейчас*, но мудреешь слишком поздно,

Когда ты увидишь все свое потомство,

Пади под это смертоносное оружие.

Hervor.

Слишком долго я медлю с расставанием;

Мои герои зовут — я должен повиноваться.

Пусть мои сыновья ссорятся, как им заблагорассудится,

Подарок моего отца! Я все еще обнимаю тебя.

Духи, которых я разбудил, прощайте!

Я чувствую огонь, в котором ты обитаешь

Горит вокруг меня. Здесь я прекращаю.

Духи, удаляйтесь и покойтесь с миром!^[75]

74. За этот перевод мы в долгу у друга-литератора, который снабдил нас им много лет назад.

75. Сага о Хервараре, главы vii.–xviii. стр. 57-221.

76.

Не оскверняй себя, юноша — это не твое

Чтобы оценить дух нашей линии —

Божественная ярость смелых берсерков,

Благодаря чьему вдохновению совершаются подвиги

Мимо человеческих сил и человеческой мысли.

Когда вся полнота обрушится на его мрачную душу
Чемпион чувствует, как накатывает влияние,
Он переплывает озеро, он перепрыгивает стену,
Не обращай внимания на глубину и не обращай внимания на падение—
Неэкранированный, без почты, он идет дальше
В одиночку против множества врагов;
Их копья он держит, как увядший тростник,
Их кольчуги подобны шелковистым сорнякам дев:
Один выиграет из ста, будет ли он бороться,
Получить бесчисленное количество ран и все же выжить.
Как устремляются орлы на его крик
О бойне и победе;
И кровь он пьет, как чашу Одина,
Бездна пьет его меч, бездна пьет его душу,
И все , кто встретится ему в его гневе
Он предаёт разорению, разгрому и огню.
Затем, подобно объевшемуся льву, ищет какое-нибудь логово,
И лежит на диване, пока не станет мужчиной.

Гарольд Бесстрашный, Песнь III, ст. 8.

77. Saxonis Grammatici Hist. Dan., passim. Ihre, "Словарный запас Суйо-готики", sub voce *Берсерк*. Depping, Histoire des Expéditions Maritimes des Normands, tom. i. chap. 2.

78. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. v.

79. Сын знаменитого вождя с таким именем. Смотрите ранее, стр. 77.

80. Смотрите Введение, очерк жизни Одина.

81. Саксонская грамматическая история Даники, lib. vi.–viii. стр. 102-149. Сага об инглингах, глава xxix. (апут Снорронис Хеймскринглам, том i.). Сага об Эйрбиджии, перевод.

82. Согласно древним географам, плоская земля находилась в центре, а море, подобно кругу, окружало ее. Считалось, что это море таит в себе множество чудес.

83. Саксон, очевидно, имеет в виду ту часть побережья, которая расположена в Северном Ледовитом океане, недалеко от мыса Северный.

84. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. viii. c. 160-162.
85. Saxonis Grammatici Historia Danorum, lib. viii. c. 162-164.
86. Эти великаны известны в скандинавской мифологии. “От крыльев того, — говорится в “Сказании о Вафтруднису”, — чья обитель находится на краю небес и кто имеет форму орла, исходит весь ветер, который дует на человечество”. -*Эдда Семундара намекает на Фроду*, 1-21.
87. Нам эти пословицы кажутся не слишком ценными: они, однако, несколько туманны.
88. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. viii. стр. 164 и др.
89. Вопрос, имел ли Скотт в виду эту легенду, когда в своем *"Гарольде Бесстрашном"* он ведет даремскую ведьму к месту, где должен был быть вызван Зернабек?
90. Смотрите ранее, стр. 68.
91. Mallet, Histoire de Dannemarc, tom. iii. Saga об Олафе Трюгвесоне (апуд Снорроне, Хеймскрингла, том i.). Саксонская грамматическая история. Дан., lib. viii., ix.
92. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. ix. Mallet, Histoire, tom. iii.
93. Сигурд и Сивард часто беседуют.
94. Смотрите ранее, стр. 67.
95. С. Ремберти Вита С. Anscharil (apud Langebek, Scriptores Rerum Danicarum, tom. ii.). Suenonis Aggonis Historia Regum Danicæ (apud Langebek, tom. i. p. 48, &c.). Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. ix. Адамус Бременский, Церковная история, библиотека И. Маллета, История, том iii. liv. i.
96. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. x. Suenonis Aggonis Historia Regum Danorum, cap. 3, 4. (apud Langebek, Scriptores Rerum Danicarum, tom. i p. 48, &c.). Gulielmus Gemmeticensis, De Ducibus Normanniæ, lib. iv. Ordericus Vitalis, Historia Ecclesiastica, lib. viii. Sigebertus Gemblacensis, Chronicon, A. D. 949. Wace, Roman de Rem, tom. i. Mallet, Histoire de Dannemarc, tom. iii. liv. 1. Depping, Histoire des Expéditions Maritimes des Normands, tom. ii. chap. 10.
97. Illis temporibus Otto imperator Daciam sibi fecerat tributariam.
98. Церковная история, lib. ii. глава. 11.
99. Маллет, История, том iii, стр. 106 и др.
100. Маллет, История, том iii. жизнь. i.
101. Adamus Bremensis, Historia Ecclesiastica, lib. ii. cap. 19.
102. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. x. Suenonis Aggonis Historia Regum Daniæ, cap. 4.
103. Это еще одна иллюстрация истины, содержащейся в басне о “Трех черных воронах”. Маллет указал на абсурдность этого соотношения, однако современные историки продолжают его принимать.

104. Adamus Bremensis, Historia Ecclesiastica, cap. 72. Suenonis Aggonis Historia Regum Daniæ, cap. 4. Саксонская грамматическая история Дании, библиотека х.
105. “Моя борода не предатель!” —*Сэр Томас Мор*. Есть ли что-нибудь новое под солнцем?
106. Сага об Олафи Трюггва-Сини, главы 42-46. (апуд Хеймскринглам Снорронис, том i, стр. 234 и др.). Саксонская грамматическая история Даники, библиотека х.
107. Европа в средние века, том iv, стр. 22 и др.
108. Смотрите в третьей главе этой книги "Приключения Олафа".
109. Эти обстоятельства, касающиеся Олафа, не будут поняты читателем, если он не обратится к жизни этого монарха в главе, посвященной истории Норвегии.
110. О его правлении в истории Норвегии читайте в настоящем томе.
111. Саксонская хроника, *к югу от анниса*.
112. Саксонская хроника, *к югу от анниса*. Матфей Вестмонастерский, История, стр. 391. Wilhelmus Malmsburiensis, стр. 64.
113. Саксонская хроника, *к югу от анниса*. "Англосаксы Тернера", том ii. глава ix.
114. Осбернус, Вита С. Эльфаги (апуд Уортон, Священная Англия, том ii, стр. 123-141.). Chronica Saxonicum, *sub annis*.
115. Саксонская хроника, *к югу от анниса*. Англосаксы Тернера, том ii. стр. 321.
116. Саксонская хроника. Сага об Олафи Трюггва-Сини.
117. См. стр. 5.
118. Короли Швеции с первого века до рождения нашего Спасителя до введения христианства в Швеции; составлено по "Ландфедгталу" и "Хеймскрингле" Снорро Стурлесона: —

1. Династия Инглингов.

	А. С.
Одина	70
Niord	20
	А. Д.
Фрейер Ингве	10
Fiolner	14
Svegdir	34
Vanland или Valland	48
Visbur	98
Domald	130
Домар	162

Dyggve	190
Даг-Спака Мудрого	220
Агне	260
Alrek и Эрик	280
Ингве и Альф	300
Hugleik	302
Jorunder и Эрик	312
Аун Хинн Старая старая	448
Эгиль Tunnadolgi	456
Оттар Vendilkraka	460
угловой	505
Эйстейна	531
Yngvar	545
Браут-Onund	565
Ingiald Illrada	623
Олаф Tractelia сослан об	630

2. Династия Скьольдунгов.

	Ивар Видфадме, умер
647	г.Харальд Хильдетанд
735	Сигурд Ринг
750	Рагнар Лодброк
794	Бьорн Айронсайд
804	Эрик Бьорнсон
808	Эрик Рейфилсон
820	Эмунд и Бьорн
859	Эрик Эмундсон
873	Бьорн Эриксон
923	Эрик Эриксон
Победоносный	993
Эрик Арсаэль	1001

Следует отметить, что приведенные цифры в большинстве случаев являются чисто предположительными. Они были приняты после самого тщательного изучения местными критиками; и мы не будем настолько самонадеянны, чтобы отвергать их, особенно когда известно, что некоторые из них верны.

119. Ответ: Короли Швеции, согласно Всеобщей истории:—

1. Гильфо.

2. Один.
3. Норд.
4. Фроде.
5. Sigtrug.
6. Свибдагер.
7. Асмунд.
8. Уф.
9. Поиск.
10. Регнер.
11. Холвард.
12. Аттил I.
13. Ходер.
14. Родерн.
15. Аттил II.
16. Хогмор и Хогрин.
17. Аларих.
18. Эрик.
19. Halden.
20. Сивард.
21. Эрик II.
22. Halden II.
23. Унгвин.
24. Регнальд.
25. Асмунд II.
26. Хакин.
27. Готар.
28. Адель.
29. Остан.
30. Ingvar.

- 31. Асмунд II.
- 32. Сивард II.
- 33. Хирот.
- 34. Ингель.
- 35. Олаус Тразетельга И.
- 36. Чарльз.
- 37. Бери или Бьорн III.
- 38. Олаф Третельга.
- 39. Инго.
- 40. Эрик III по прозвищу Уодерхед.
- 41. Эрик IV, по прозвищу Сегерселл, или Победоносный.
- 42. Эрик V. по прозвищу Стенчил Мильде, или Счастливорожденный.

Авторы признают, что они опустили несколько имен, вероятно, из-за сомнений в том, правили ли когда-либо короли, о которых идет речь. Тем не менее, можно доказать, что некоторые имена в обоих списках совпадают. Насколько это верно? Несомненно, короли Готии иногда правили в Упсале, и наоборот. Действительно, у этой гипотезы есть доказательства.

- 120. Saxo Grammaticus. Всеобщая история. Сага об инглингах и др.
- 121. Сага об инглингах, глава 5.
- 122. Так же назывались молот Тора или молния.
- 123. О том же происшествии рассказывает Саксон о датском короле.
- 124. См. Введение, стр. 31.
- 125. Сага об инглингах, главы 11-15. (апуд Снорронис Хеймскринглам, том i.).
- 126. См. Введение, стр. 33.
- 127. Сага об инглингах, главы 15-22.
- 128. Смотрите ранее, стр. 86.
- 129. Сага об инглинге, главы 22-29, стр. 25-35. Saxonis Grammatici Historia Danica, p. 122.
- 130. Читатель, который, возможно, пожелает увидеть, как красиво Саксон перепутал эти простые события, может обратиться ко второй книге своей истории.
- 131. Сага об инглингах, главы 29-36, стр. 35-45.
- 132. Герой этой расы.

133. Сага об инглинге, глава 36-45. стр. 45-54.
134. Там же, главы 45, 46.
135. Сага об инглингах, продолжение.
136. Saxo—Snorro—Johannes Magnus—Torfæus, in multis locis.
137. Saxo—Snorro—Johannes Magnus—Torfæus, in multis locis.
138. Смотрите ранее, стр. 31.
139. Смотрите выдержку из книги Уитона "История северян", стр. 40.
140. Саксо—Снорро—Иоганн Магнус—Тацит.
141. Инициализация Готии.
142. Смотрите ранее, стр. 21.
143. Смотрите ранее, стр. 24.
144. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. i. Johannes Magnus, Historia Gothorum, page 14, &c. Loccenius, Historia Suevica, lib. i. Erics Olai Historia Suevorum Gothorumque, lib. i.
145. См. Введение, стр. 42.
146. страница 57.
147. Смотрите ранее, стр. 132.
148. страница 132.
149. Авторитетные источники: Саксон Грамматикус, глава vii. Снорро Стурлесон, главы 22-29. Joannes Magnus, lib. i. Loccenius, lib. i. Ericus Olaus, lib. i.
150. См. страницу 134.
151. См. страницу 135.
152. См. страницу 136.
153. Смотрите ранее, страница 137.
154. Saxonis Grammatici, passim. Снорро Стурлесон, Хеймскрингла, капитан 29-46. Локчениус, "История свевики", книги i и II. "История Эрики Олаи", книга i.
155. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. viii. и ix. Локкениус, История свевики, глава ii. История Эрики Олаи, глава i. Маллет, История Даннемарка, том iii. жизнь. i.
156. Авторитеты:—Саксон—Локкениус—Эрик Олаус—Йоаннес Магнус.
157. Смотрите [следующую главу](#).
158. Erics Olai Historia Suevorum, lib. i. p. 20, 21. Loccenii Historia Suecana, lib. ii. p. 49–51.

159. См. Введение, стр.8.

160. Торфус, "Повторная история Норвегии", том i. К этой работе мы отсылаем более любознательного читателя.

161. Сага об инглингах, глава. 47. (апуд Хеймскринглам Снорронис, том i., стр. 56.). Торфус, История Норвегии, том i.

Хронология, иллюстрирующая правление инглингов в Швеции и Норвегии,

автор: Шонинг, редактор журнала Снорро "Хеймскрингла".^[162]

А.С.

105. Рождение Одина.

90. --- Норд.

75. --- Скьольд.

65. --- Фрейр.

40. Прибытие Одина на север.

35. Рождение Семминга.

32. --- Фьолнер.

17. --- Фроде.

наша эра

1. Свэгдир.

34. Ванло.

45. Дрейфа.

67. Визбур.

100. Домальд.

127. Даур.

133. Домар.

146. Дыггве.

148. Дротта.

170. Дэн Микилллати.

191. Dag.

216. Агне.

220. Мороз.

235. Фроде II.

241. Алрек.

245. Скиалфа.

262. Гудлауг.

265. Ингве II.

267. Альфа.

290. Йорунд.

290. Хальфдан И.

292. Хуглейк.

295. Нако. Гилауг.

300. Хагбард.

300. Фридлейф III.

310. Старкатер II.

316. Эуне.

338. Эль.

370. Фроде IV. Фрекне.

386. Эгилл.

391. Аугвальд, король Рогаланда.

419. Оттар Вендилкрака.

438. Хельге.

446. Адильс.

460. Эль, Горец.

465. Божественнейший.

479. Хрольф Крейк.

485. Эйштейн.

510. Решите, из Ниардея.

518. Ингвар.

551. Брот-Аунунд.

554. Хафдан.

565. Гудро.

577. Хиордвард Илфинг.

580. Ингиалд.

587. Ивар Видфадме.

600. Asa.

613. Олаф Третеля.

620. Сольвейга или Сольва.

630. Эйстейн Хардрейд.

640. Ингиалд.

658. Хальфдан Хьютбейн.

663. Аса, дочь Эйстейна.

677. Эйрик, сын Агнара.

691. Гудро.

705. Эйштейн.

705. Король Скьольд.

710. Хильда, дочь Эйрика.

710. Даг, король Вестмора.

738. Хальфдан Миллде.

738. Король Альфарин.

743. Хлифа, дочь Дага.

770. Король Эйстейн.

771. Альфгейр.

771. Король Гудрейд Микиллати.

774. Альфхильда, дочь Альфарина.

804. Олаф, Альф из Гирстадена.

805. Король Гэндальф.

806. Король Гогне.

823. Хальфдан Черный.

824. Король Гудрейд умер.
832. Рагнхильда, мать Гарольда Харфагра, род.
833. Родился Рогнвальд.
841. Хальфдан Черный стал королем Агдера и Вестфолда.
847. Король Сигурд Олень умер.
851. Хальфдан стал королем Согне.
852. Берет в жены Рагнхильду, дочь Сигурда Оленя.
853. Родился Харальд Харфагр.
861. *Надодд* открывает *Исландию*.
863. Король Хальфдан умирает, и ему наследовал Харальд.
864. Гардар посещает Исландию.
865. Война Харальда с королем Гандольфом и другими.
866. Альвхейм покорен Харальдом.
867. Он предпринимает экспедицию в Дронтхайм.
867. *Флоке* отплывает в Исландию.
869. Харальд покоряет Наумдаль; женится на Асе.
870. Принуждает Вермеланда подчиниться.
870. *Ингуольф* посещает Исландию.
871. Харальд возглавляет экспедицию в западную Готландию и побеждает готов в битве.
872. Берет Снефриду в жены. Вторая экспедиция в Дронтхайм.
875. Ингульф впервые поселяется в Исландии.
880. Бракосочетание Харальда с *Гидой*.
881. Нордмор и Раумадаль покоряются его объятиям.
882. Завоевывает Саннмор.
883. Занимает район Фиорд.
885. Одерживает победу в битве при Харфур-Бей; становится хозяином всей Норвегии.
886. Посещает Галогаленд.
888. Предпринимает экспедицию к западному морю.
890. Стрижет волосы и получает фамилию Харфагр.

890. Торольф убит в Халогаланде.
891. *Квельдульф* и Скальгрим, убив двух сыновей герцога Гутрума, отправляются в Исландию.
893. Рогнвальд, ярл Мери, убит.
894. Король Харальд женится на Рагнхильде.
895. Экспедиция Харальда на Оркнейские острова.
895. Хрольфус, или Ролло, вынужден покинуть Норвегию.
896. Входит в Нейстрию или Нормандию.
898. Эрик позвонил Блодоксе.
903. Харальд делит свое королевство между сыновьями.
910. Эрик Кровавый Топор предпринимает пиратскую экспедицию.
918. Берет в жены Гунхильду. Убивает брата Бьорна.
923. Родился Хако, впоследствии крестник Ательстана.
931. Отправлен в Англию.
932. Третья экспедиция Харальда к западному морю.
933. Передает королевство своему сыну Эрику.
934. Харальд, впоследствии названный Графельдом, род.
935. Умирает Хальфдан Черный, король Дронтхейма.
936. Умирает Харальд Харфагр.
937. Король Эрик Блодоксе убивает своих братьев Гудреда и Олафа.
937. Хако, крестник Ательстана, принятый народом Дронтхейма как король.
938. Король Эрик Блодоксе, вынужденный покинуть свое королевство и Норвегию.
938. Родился Хако ярл, сын Сигурда.
939. Эрик стал королем Нортумберленда.
940. Король Хако публикует кодекс Гулатха.
941. Публикует кодекс Фросты.
941. Смерть Ательстана.
943. Джамтланд и часть Хельсинга, присоединенные королем Хако к своим владениям.
952. Король Эрик Блодоксе пал в битве.
953. Эрик, сын Харальда, и его братья наводняют Норвегию.

935. Экспедиция Хако в Данию.

956. В Норвегии пытались внедрить христианскую религию.

957. Часть Викии занята сыновьями Эрика. Король Хако побеждает их и датчан.

958. В другой битве, на острове *Фредей*, они снова терпят поражение. 958. Король *Харальд Гренский*, отец святого Олафа, род.

963. Король Хако умирает от полученных ран.

963. Сыновья Эрика стали королями Норвегии.

965. Ярл Сигурд убит.

968. Экспедиция императора Оттона I в Данию.

968. Родился Зигмунд, сын Бресте.

969. Сыновья Эрика убивают королей Трюгве и Гудреда.

969. Родился Олаф, сын Трюгве.

969. Родился *ярл Эрик*, сын Хако.

970. *Ярл Хако* бежит в Данию.

971. Возвращается в Дронхейм.

972. Олаф, сын Трюгве, приезжает в Эстонию.

974. *Клип* послан в Англию королем Сигурдом.

975. Умирает король Сигурд. Жестокий голод в Норвегии.

976. Ярл Хако отправляется в Данию.

976. Экспедиция императора Оттона II в Данию.

977. Умирает король Харальд Граафельд.

978. *Харальд*, сын Горма, принят в королевстве Норвегия. Хако стал ярлом Норвегии.

978. Олаф Трюгвесон приходит во дворец Вальдемара, короля Хольмгарда.

979. Король *Рагенфред* возвращает часть Норвегии.

980. Побежден в битве и вынужден покинуть Норвегию.

981. Эрик убивает *Скопте*.

982. Поход Харальда, сына Горма, в Норвегию.

986. Олаф Трюгвесон женится на Гире.

988. Экспедиция Оттона III в Данию.

989. *Гира*, жена Олафа Трюгвесона, умирает.

990. Смерть Харальда, сына Горма.

993. Крещение Олафа Трюгвесона.

993. Родился святой Олаф.

994. Война ярла Хако с йомсбергскими пиратами.

996. Ярл Хако убит; Олаф Трюгвесон провозглашен королем Норвегии.

998. Крещение святого Олафа.

1000. Битва, в которой король Олаф теряет свою жизнь и королевство.

Предыдущий список в некоторых отношениях отличается от списка Сухма. Мы приводим только королей от дровосека до Святого.

	Умер А. Д.
Олаф Trætelia	640
Хальвдан Whitben	700
Эйстейна	730
Хальвдан Millde	784
Gudred Mikillati	824
Олаф Geirstada	840
Хальвдан Сварт	863
Харальд Haarfager	934
Эрик Blodöxe	940
Хако хорошие	963
Харальд Graafeld	977
Хако Ярл	995
Олаф Trygveson	1000
Олаф Санкт -	1030

162. Здесь представлены датские и готские, а также шведские принцы и вожди, не имевшие королевского титула. Орфография Шонинга, которую мы не будем изменять, часто отличается от той, которую мы приняли в тексте.

163. Сага об инглинге, глава 48-52. стр. 57-60.

164. Сага об инглинге, глава 53-55. стр. 60-64.

165. Снорро Стурлесон, Сага Хальфданар Сварта, кап. 1-3. (апуд Хеймскринглам, том i., стр. 65 и др.).

166. Сага о Хальфданаре Сварте, главы 3, 4. стр. 67, 68.
167. Сага о Хальфданаре Сварте, главы 5-7. стр. 68-72. (апуд Хеймскринглам Снорронис, том i.).
168. Сага о Хальфданаре Сварте, главы 7-9.
169. Брат Рагнильды; см. стр. 165.
170. Сага Харальда о Харфагре, главы 1, 2. (апуд Хеймскринглам Снорронис, том i, стр. 75-77.).
171. Сага Харальда о Харфагре, глава 3-6. стр. 77-80.
172. Примечание переписчика: маркер сноски на странице 170 не содержит соответствующего текста сноски.
173. Сага Харальда о Харфагре, главы 6-13.
174. Отсутствует текст сноски внизу страницы.
175. Эти слова замечательны и подтверждают наблюдения, которые мы сделали в предыдущей главе.
176. Сага Харальда о Харфагре, главы 13-18. стр. 88-93.
177. Сага Харальда о Харфагре, главы 18, 19. стр. 93-95. Ниже приводится "ода Хорнклофта" в переводе почтенного У. Герберта и, в некоторых незначительных отношениях, улучшенная мистером Уитоном:

“Громко в гулкой бухте Хафура,
Слышали вы шум боевого рева,
Между Кьетве ричем и Харальдом смелым?
На восток плывут военные корабли;
Вдалеке поблескивают резные ковши,
А золотые головы драконов украшают носы кораблей.
“Сверкающие щиты чистейшего белого цвета,
И мечи, и кельтские мечи сверкают,
И западным вождям корабли приносят:
Громко ревет волчий разгром,
И сводящие с ума чемпионы дико кричат.
И долго и громко звенят витые кольчуги.
“Стойкие в бою, они гордо соперничают
С Тем, чья мощь заставит их взлететь,

Королей Востока - воинственная голова.

Он вывел вперед свой доблестный флот,

Как только появилась надежда на битву,

Но многие защитники тормозили, прежде чем Хакланг истекал кровью.

“Тогда сбежал от похотливого Кьетве

Перед Светловолосым королем Людей,

И приказал островам прикрыть его бегство.

Воины, раненные в бою,

Под препятствиями лежали все, задыхаясь,

Где, брошенные безрассудно, они оплакивают потерю света.

“Забитый множеством массивных камней

(Их золотые щиты позади них отброшены),

Скорбящие воины спешат домой;

Стремительные из бухты Хафура, они кричат:

Восточные альпинисты из Джардара летают,

И жажду бокалов искрящегося медовухи.

178. Сага Харальда о Харфагре, глава 19-25. стр. 95-103. Снэфрида, вероятно, была сверхъестественной девушкой — по крайней мере, с одной стороны. Так было с Гвендолен в "Тирмейнской свадьбе"; но британский король Артур разрушил чары, которые связывали его, за три месяца, в то время как Харальд был заколдован на столько же лет. Описание у Скотта изысканное.

179. Сага Харальда о Харфагре, глава 26.

180. Сага Харальда о Харфагре, продолжение. Fragmentum Islandicum de Regibus Dano-Norvegicis (apud Langebek, Scriptores Rerum Danicarum, tom. ii.).

181. Сага Харальда о Харфагре, продолжение. Fragmentum Islandicum de Regibus Dano-Norvegicis (apud Langebek, Scriptores Rerum Danicarum, tom. ii.).

182. Сага Харальда о Харфагре, глава 34.

183. Сага о Харальде в "Харфагре", глава 45.

184. Уоллингфорд, "Хроника", стр. 540. Теодорих, "Норвежская история", загл. 2. Снорпо, "Сага Харальда о Харфагре", главы 42, 43; "Сага о Некноне Хаконаре году", главы 1.

185. Matthæi Westmonasteriensis Historia, стр. 369. Simeonis Dunelmensis Hist. 204. Арембс де Майрос, стр. 148. Сага Хаконара Года, главы 3, 4. с. 127-129.

186. Сага Хаконара Года, главы 4-15., продолжение.
187. См. Введение, стр.33.
188. Сага Хаконар Года, стр. 139.
189. О конституции и законах древних скандинавов - в следующем томе этого сборника.
190. Сага Хаконара Года, глава 17.
191. Сага Хаконара Года, главы 17-19.
192. Сага Хаконара Года, главы 20-25.
193. Сага Хаконара Года, главы 25-32.
194. Эта песня Хако — Хаконар Мал — переведена на английские стихи уважаемым У. Гербертом.
195. Смотрите главу по этому вопросу в томе II настоящего сборника.
196. Сага Хаконара Года, глава 33.
197. Сага о Харальди графе, конунге Хакони Ярли Сигурдаре Сини, главы 1-10. (апуд Хеймскринглам Снорронис, том i., стр. 165-179.).
198. Сага о Харальде Графе Конунге и др., главы 11-13.
199. Сага об Олафи Трюггва-Сини, главы 1-16.
200. Сага об Олафи Конунге Трюггва-Сини, главы 16-37.
201. Сага об Олафи Конунге Трюггва-Сини, глава 38-49. стр. 229-245.
202. Тот же авторитет.
203. Сага о конунгах Олафи Трюггвии, глава. 1-3. с. 187 и с. История Олави Трюггвии-филии тома. i. глава. 44. стр. 86-90. Гафния, 1828.
- Последняя работа, за которую мы в долгу перед Исландским обществом Копенгагена, содержит много интересных деталей, опущенных Снорро. Она была составлена Гунлаугом, исландским монахом, в тринадцатом веке.
204. Сага о конунгах Олафи-Исини, глава. 4. История Олави Трюггвии-филии, том. i. глава. 45.
205. Ныне часть России, к востоку и югу от Финского залива.
206. Сага об Олафи Конунге Трюггва-Сини, главы 4-21. История Олави Трюггвии-филии, том i, глава 46 и с.
207. Смотрите ранее, страница 108.
208. Сага об Олафи Конунге Трюггва-Сини, глава 21-35. стр. 211-227. История Олави Региса, том i, глава 73-82. стр. 157-175.

209. Смотрите ранее, стр. [205](#).
210. Те же самые власти.
211. Снорро не упоминает об этих сообщниках, и мы думаем, что его авторитет предпочтительнее авторитета Гунлауга.
212. Сага об Олафи конунге Трюггва-Сини, главы 51, 52. с. 246-248. История Олави Трюггвии-филии, главы 93, 94, 98.
213. Этот символ в христианские времена был заменен *крестом*. Смотрите примечания к “Владычице озера” Скотта.
214. 2 Сага об Олафи Трюггвии-Сини, главы 52, 53. История Олави Трюггвии-филии, том i, главы 99-102.
215. Те же самые власти.
216. Сага об Олафи Трюггвии-Сини, главы 53-56. История Олави Трюггвии-филии, том i, главы 103, 104.
217. Те же самые власти.
218. Сага об Олафи Трюггвии-Сини, главы 57-65. История Олави Трюггвии-филии, том i, глава 106. et seq.
219. Сага об Олафи Трюггва-Сини, главы 66-71.
220. Сага об Олафи Трюггва-Сини, главы 72-74. История Олави, том ii, глава 165.
221. Смотрите ранее, стр. [214](#).
222. Сага об Олафи Трюггва-Сини, главы 72-74. История Олафи, том ii, глава 165.
223. Сага о Олафи Трюггва-Сини, главы 84-87. Historia Olavi, tom. ii.
224. История Олави, глава 172.
225. Сага об Олафи Трюггва-Сини, главы 66, 98-100. История Олави, том ii, глава 195.
226. Смотрите ранее, стр. [115](#).
227. Saga af Olafi Tryggva-Syni, cap. 100. ad finem. История Олави, том iii, глава 256 и с.
228. Смотрите ранее, стр. [122](#).
229. Сага об Олафи Хиннсе Хельге, глава 1 и далее. Региональная история Олави Санкти, Том i.
230. Смотрите ранее, страница [204](#).
231. Сага об Олафи конунге Хиннс Хельге, главы 1-4. Региональная история Олави Санкти, том i. глава 18-25. стр. 31-36.
232. Смотрите ранее, стр. [121](#).

233. Сага об Олафи Хиннсе Хельге, главы. 4-26. Региональная история Олави Санкти, том i. главы. 25-42.
234. Сага об Олафи Хиннсе Хельге, главы 26-32. Региональная история Олави Санкти, том i. стр. 69-78.
235. Сага об Олафи Хиннсе Хельге, главы 26-32. Региональная история Олави Санкти, том i. стр. 69-78.
236. Сага о Олафи Хиннсе Хельге, главы 36-42. *Historia Olavi Regis Sancti*, tom. i.
237. Сага о Олафи Хиннсе Хельге, главы 36-42. *Historia Olavi Regis Sancti*, tom. i.
238. Сага о Хельге Олафи Хиннсе (ad cap. 56.). Региональная история Олави Санкти, том i. (глава 60 н.э.).
239. Сага об Олафи Хиннсе Хельге (ad cap. 56.). Региональная история Олави Санкти, том i. (глава 60 н.э.).
240. Сага о Олафи Хиннсе Хельге, главы 60-81. *Historia Regis Olafi*, tom. i. (pluribus capitibus).
241. Этот намек будет объяснен ниже.
242. Сага о Олафи намекает на Хельгу. *Historia Regis Olavi Sancti*.
243. Те же самые власти.
244. Сага об Олафи хинсе Хельге, главы 72-74. стр. 89-95. История Олави Региса, том i, стр. 141 и др.
245. Те же самые власти.
246. Сага об Олафи хинсе Хельге, главы 110-116. Региональная история Олави Санкти, том i.
247. Намекая, как мы предполагаем, на его остроконечную митру.
248. Сага об Олафи хинсе Хельге, главы 117-120. Региональная история Олави Санкти, том i.
249. Те же самые власти.
250. Сага об Олафи хинсе Хельге, главы 154-159. *Saxonis Grammatici*, lib. x. стр. 194. Маллет, История Даннемарка, том iii. лив. ii. стр. 139 и др.
251. Саксонская грамматическая история Дании, lib. x. стр. 194. Снорронис Хеймскрингла, том ii. стр. 271.
252. Этому есть параллель с мусульманским губернатором Калькутты, которого никто не осмелился разбудить, когда англичане умирали в Черной дыре.
253. Сага о Олафи Хиноме Хельге, главы 166-180. *Saxonis Grammatici Hist. Dan.* lib. x.
254. Сага о Олафи Хиноме Хельге, глава 180-191. *Historia Regis Olavi Sancti* tom. ii.
255. Те же самые власти.

256. Сага об Олафи хиноме Хельге, глава 211, и с. История региона Олави Санкти, том iii. (pluribus capitibus).
257. Сага об Олафи, глава 131. История региона Олави, том. ii. глава 120.
258. См. [Приложение А](#).
259. См. [Приложение В](#).
260. Евтропий, Эпитома. Беда, Церковная история, lib. i. cap. 1. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. i. et ii.
261. Смотрите ранее, стр. [158](#).
262. Saxonis Grammatici Historia Danica, lib. viii. Depping, Histoire des Expéditions Maritimes des Normands, tom. i. chap. 1.
263. Евтропий, Эпитома, lib. ix. cap. 13. Tacitus, de Moribus Germanorum, cap. 44.
264. Saxonis Grammatici Hist. Dan., passim. Делпинг, История, том i. глава 3.
265. "Англосаксы Тернера", том i, стр. 147.
266. "Англосаксы Тернера", том i, стр. 152 и др.
267. Смотрите "Англию" сэра Джеймса Макинтоша, том i.; и "Европу в средние века", том iii.
268. Саксонская хроника (sub annis).
269. Saxonis Grammatici Hist. Dan. lib. v.
270. "Англосаксы Тернера", том i.
271. Смотрите ранее, страница [150](#).
272. Saxonis Grammatici Hist. Dan. Сага об Инлинге, глава 46.
273. См. страницу [120](#).
274. Англосаксы Тернера, том i. Европа в средние века, том iii.
275. Европа в средние века, том iii.
276. См. книгу Макинтоша "Англия", том i.; и "Европа в средние века", том iii.
277. "Англосаксы Тернера", том i.
278. Саксонская хроника, 937 год н.э. Джонстон, "Кельто-скандинавские древности", стр. 31. Смотрите Европу в средние века, т. iii. и iv.
279. См. страницу [187](#).
280. См. страницу [117](#).
281. Французские историки в коллекции Bouquet.

282. Смотрите о его правлении в главе о Дании, стр.102. Уэйс, Роман де Ру, том I. часть I.
283. Уэйс, Роман де Ру, том I. Понтоппидан, История и следы Данорума экстра Даниама, том I., стр. 225, и др. Деппинг, История приморских экспедиций Нормандии, том I., глава 4.
284. Pontoppidan, Gesta et Vestigia Danorum, tom. i. p. 117–119. Уэйс, Роман де Ру, Том I. часть I. О параллельном инциденте в истории Дании читайте ранее, на странице27.
285. Уэйс, Роман де Рон, Том. I. часть I. Benoit de St. Maur, Chronique des Ducs de Normandie, liv. I. Pontoppidan, Gesta et Vestigia Danorum, tom. i. p. 214.
286. Уэйс—Дудо де Сен—Кантен—Бенуа де Сен-Мор-Понтоппидан.
287. Уэйс, Роман де Ру, том I, часть II. Pontoppidan, Gesta et Vestigia, tom. i. (sub annis).
- 288.
- De la sainte *Kemise* ke la dame vesti,
Ки просто и яростно фу куант де ли декс наски,
Out Rou si grant pour et tant s'en, esbahi,
N'i osa arester; vers als nes tost s'enfui.
289. Abbonis Floriacensis Poema de Obsidione Parisiensi, lib. i. et ii. Pontoppidan, Gesta et Vestigia, tom. i. p. 244–264. Уэйс, Роман де Ру, часть II. Деппинг, История экспедиций, том II, глава 7.
290. Те же самые власти.
291. Власти: —Дудо из Сен-Кантена, Уэйса, Бенуа из Сен-Мора, Понтоппидана и Деппинга. Автор последнего имени вносит печальную путаницу в хронологию.
292. Те же самые власти.
293. Власти: —Дудо из Сен-Кантена, Уэйса, Понтоппидана, Деппинга.
294. История Ирландии Мура, том II.
295. Saxonis Grammatici, Hist. Dan. lib. i. tom. v. Waræus, De Antiquitatibus Hiberniæ, cap. 24. Понтоппидан, "События и вести", том II, стр. 299, и К. Мур, "История Ирландии", том II, главы xv и xvi.
296. Те же самые власти.
297. Авторитетные источники: Саксон Грамматик, Понтоппидан и Ирландские хроники, цитируемые Ашером и Муром.
298. Те же самые власти.
299. Деппинг, История, Том II. Мур, История, том II. Pontoppidan, Gesta et Vestigia, tom. ii.

Лондон:

Напечатано А. Споттисвудом,

Новаяулица-Площадь.

THE

КАБИНЕТ ИСТОРИИ.

ПРОВОДИТСЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ. ДИОНИСИЙ ЛАРДНЕР, доктор права F.R.S. L. & E.

M.R.I.A. F.R.A.S. F.L.S.F.Z.S. Достопочтенный F.C.P.S. &c. &c.

ПРИ СОДЕЙСТВИИ

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИТЕРАТОРЫ.

ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ.

АВТОР КНИГИ

“ИСТОРИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ”.

ТОМ I.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ

ЛОНГМАН, ОРМ, БРАУН, ГРИН И ЛОНГМАНЫ,

ПАТЕРНОСТЕР-РЯД;

И ДЖОН ТЕЙЛОР,

АППЕР-ГАУЭР-СТРИТ.

1839.

Лондон:

Напечатано А. Споттисвудом,

- Примечание переписчика:
 - Все сноски собраны вместе и размещены после [Приложения](#).
 - Номер сноски 173, прикрепленный к тексту “едва ли пригодный для проживания людей” на странице [170](#), не был прикреплен ни к одному тексту сноски.
 - Пропущенные или затемненные знаки препинания были исправлены автоматически.
 - Типографские ошибки были исправлены автоматически.
 - Непоследовательная орфография и расстановка переносов были приведены в соответствие только тогда, когда в этой книге была найдена преобладающая форма.